

**Н О В Ы Й
М И Р**

2

МОСКВА 1939

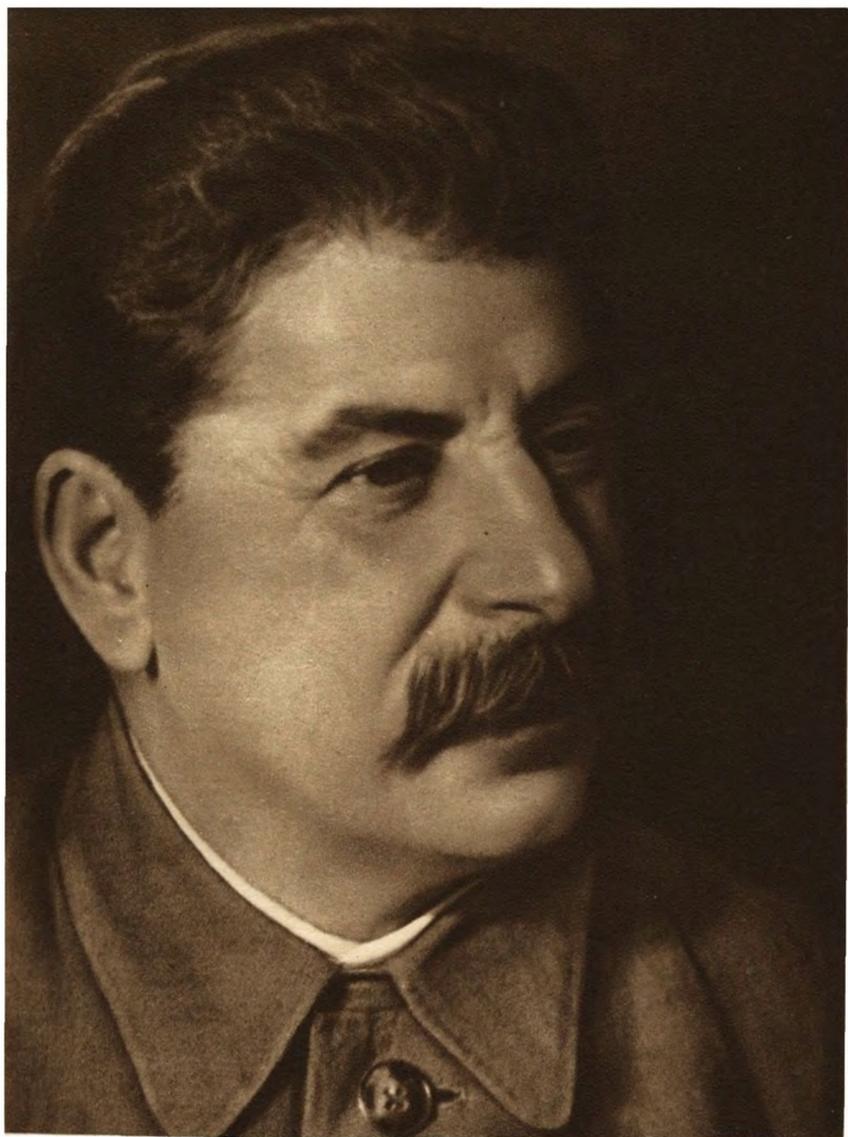
НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ФЕВРАЛЬ

МОСКВА
1939

Уполн. Главлита А—4929.
Сдано в набор 27/II-39 г. Подписано к печати 15/II-39 г.
18 печ. листов. Тираж 80.000. Зак. 408.
Технический редактор А. И. Гессен.
Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР».
Москва, Пушкинская площадь, 5.

И. В. СТАЛИН

К СВЕДЕНИЮ ВСЕХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВКП(б)

Решением Пленума ЦК ВКП(б) открытие очередного XVIII съезда ВКП(б) назначено на 10 марта 1939 года.

ПОРЯДОК ДНЯ XVIII СЪЕЗДА:

1. Отчетные доклады: ЦК ВКП(б) — докладчик *т. Сталин*, Центральной ревизионной комиссии — докладчик *т. Владимирский*, делегации ВКП(б) в ИККИ — докладчик *т. Мануильский*.
2. Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР — докладчик *т. Молотов*.
3. Изменения в уставе ВКП(б) — докладчик *т. Жданов*.
4. Выборы комиссии по изменению программы ВКП(б).
5. Выборы центральных органов партии.

НОРМА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА И ПОРЯДОК ВЫБОРОВ:

- 1) 1 делегат с решающим голосом на 1.000 членов партии;
- 2) 1 делегат с совещательным голосом на 2.000 кандидатов в члены партии.
- 3) Выборы производятся закрытым (тайным) голосованием на областных, краевых партийных конференциях и съездах нацкомпартий. В украинской, белорусской, казахстанской и узбекистанской парторганизациях выборы делегатов на съезд производятся на областных партийных конференциях.
- 4) Коммунисты, состоящие в партийных организациях Красной армии, Военно-Морского флота и частей НКВД, производят выборы делегатов на XVIII съезд вместе с остальными партийными организациями на областных, краевых партконференциях или съездах нацкомпартий.

Секретарь ЦК ВКП(б) И. СТАЛИН

ТРЕТИЙ ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР (1938—1942 г.г.)

Тезисы доклада тов. В. МОЛОТОВА на XVIII съезде ВКП(б), одобренные в основном Политбюро ЦК ВКП(б)

2-ой ПУНКТ ПОРЯДКА ДНЯ СЪЕЗДА

1. ИТОГИ ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ И ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ТРЕТЬЕГО ПЯТИЛЕТНЕГО ПЛАНА

1. В результате успешного выполнения второго пятилетнего плана (1933—1937 г.г.) в СССР разрешена *основная историческая задача* второй пятилетки — окончательно ликвидированы все эксплуататорские классы, полностью уничтожены причины, порождающие эксплуатацию человека человеком и разделение общества на эксплуататоров и эксплуатируемых. Решена труднейшая задача социалистической революции: завершена коллективизация сельского хозяйства, колхозный строй окончательно окреп. В нашей стране «осуществлена в основном первая фаза коммунизма — социализм» (Сталин). Победа социализма законодательно закреплена в новой Конституции СССР.

Социалистическая — государственная и кооперативно-колхозная — собственность на производственные фонды, на орудия производства и производственные постройки, к концу второй пятилетки составляла 98,7 процента всех производственных фондов в нашей стране. Социалистическая система производства стала безраздельно господствовать во всем народном хозяйстве СССР: по валовой продукции промышленности она составляла — 99,8 процента, по валовой продукции сельского хозяйства, вклю-

чая личное подсобное хозяйство колхозников, — 98,6 процента, по товарообороту — 100 процентов.

В соответствии с происшедшей социалистической перестройкой экономики страны, изменилась и классовая структура советского общества. Занятые в социалистическом хозяйстве СССР рабочие и служащие составляли в 1937 году в составе всего населения страны — 34,7 процента; колхозное крестьянство, вместе с кооперированными кустарями, — 55,5 процента, армия, учащиеся, пенсионеры и другие — 4,2 процента. Таким образом, уже тогда 94,4 процента населения страны было занято в социалистическом хозяйстве или тесно связано с ним. Остальная часть населения: крестьяне-единоличники, некооперированные кустари и ремесленники составляла только 5,6 процента населения. С тех пор эта часть населения еще более уменьшилась.

Социалистическое общество в СССР состоит теперь из двух дружественных друг другу классов — из рабочих и крестьян, грани между которыми, а также между этим классами и интеллигенцией, стираются, постепенно исчезают. Трудящиеся СССР в подавляющей массе являются активными и сознательными строителями бесклассового социалистического общества, коммунизма. Победа социализма в СССР обеспечила невиданное раньше нигде внутреннее мо-

ральное и политическое единство народа, морально-политическое единство трудящихся под знаменем и руководством коммунистической партии и Советской власти, способное не только покончить с остатками враждебных классов, с их чуждыми влияниями и дать отпор всяким враждебным покушениям извне, но и являющееся лучшей гарантией дальнейшего роста и расцвета нашей родины, гарантией победы коммунизма в нашей стране.

2. Главная и решающая хозяйственная задача второй пятилетки — завершение технической реконструкции народного хозяйства СССР — в основном выполнена.

Коренным образом обновился производственно-технический аппарат страны. Свыше 80 процентов всей продукции промышленности получено в 1937 году с новых предприятий, построенных или целиком реконструированных за первую и вторую пятилетки; около 90 процентов всех действующих в сельском хозяйстве тракторов и комбайнов произведены советской промышленностью во второй пятилетке. Задания второй пятилетки в области промышленности и транспорта выполнены досрочно. Вторая пятилетка выполнена промышленностью к 1-му апреля 1937 года, то-есть в 4 года и 3 месяца, причем и во второй пятилетке особенно быстро росла тяжелая промышленность. Вторая пятилетка по перевозкам железнодорожного транспорта с превышением выполнена в 4 года. Перевыполнены также важнейшие задания второй пятилетки по продукции сельского хозяйства: по зерну, по хлопку.

По сравнению с 1932 годом — с последним годом первой пятилетки — продукция промышленности в 1937 году выросла на 120 процентов при задании по второму пятилетнему плану в 114 процентов прироста. Среднегодовые темпы прироста продукции промышленности во второй пятилетке составляли 17,1 процента против намеченных по плану 16,5 процента.

Во всех отраслях народного хозяйства СССР выросли производственные

кадры, успешно овладевающие новой техникой. Крупнейшей победой второй пятилетки является создание значительных, нужных для всех отраслей социалистического строительства, кадров советской интеллигенции и широкое выдвижение новых руководящих работников из партийных и непартийных большевиков во всех отраслях народного хозяйства.

Успехи, достигнутые в области освоения новой техники, получили яркое выражение в стахановском движении. Развертывание социалистического соревнования и его высшей формы — стахановского движения — привело к мощному подъему производительности труда в промышленности и в других отраслях народного хозяйства. Производительность труда в крупной промышленности за вторую пятилетку увеличилась на 82 процента против 63 процентов по плану, а в области строительства производительность труда за этот период увеличилась на 83 процента против 75 процентов по плану второй пятилетки. Подъем стахановского движения и многочисленные замечательные примеры социалистически-сознательного труда стахановцев с их высокими показателями производительности труда создали предпосылки для коренного укрепления трудовой дисциплины во всех наших предприятиях и учреждениях, что является непременным условием высокой производительности труда всех трудящихся и залогом нового мощного роста коммунизма в СССР.

Чтобы обеспечить выполнение второго пятилетнего плана, необходимо было организовать борьбу с остатками враждебных классовых элементов, с враждебными классовыми влияниями в народном хозяйстве, в культурном строительстве, во всей политической жизни. Для этого необходимо было, прежде всего, организовать борьбу за охрану и укрепление социалистической, государственной и колхозной, собственности против воров и расхитителей государственного и колхозного добра, против всех и всяких пособников классового врага и, особенно, против предателей народа в лице троцкистско-бухаринских

и буржуазно-националистических шпионов, диверсантов и вредителей, сомкнувшихся с иностранными разведками, ставших агентами фашистских охранок. Их предательская работа нанесла серьезный ущерб в ряде отраслей народного хозяйства СССР. Разгром этих шпионско-вредительских банд расчистил путь для дальнейших и еще более мощных успехов социалистического хозяйства в нашей стране.

3. Поставленная вторым пятилетним планом задача *подъема материально-культурного уровня трудящихся*, с повышением уровня народного потребления в два раза и более, также выполнена.

Численность рабочих и служащих по всем отраслям народного хозяйства выросла за вторую пятилетку на 17,6 процента. Среднегодовая заработная плата рабочих и служащих по всему народному хозяйству выросла в 1937 году, по сравнению с 1932 годом, на 113,5 процента, то-есть более, чем в два раза. Фонд заработной платы рабочих и служащих, вместо установленного по плану второй пятилетки роста на 55 процентов, вырос на 150 процентов, то-есть увеличился в два с половиной раза. Государственные расходы на культурно-бытовое обслуживание рабочих и служащих (просвещение, здравоохранение и т. п.) увеличились за эти годы с 4,4 миллиарда рублей до 14 миллиардов рублей, то-есть более, чем в три раза. Значительно выросла за годы второй пятилетки зажиточность колхозников. Валовой доход колхозников увеличился за четыре года (1933—1937) более, чем в 2,7 раза, а денежные доходы, распределяемые среди колхозников по трудодням, увеличились за эти годы в 4,5 раза.

В 1937 году производство предметов широкого потребления, по сравнению с 1932 годом, выросло более, чем в два раза. По ряду важных продуктов и изделий широкого потребления достигнуто не только удвоение, но и утроение производства. Государственно-кооперативный товароборот за годы второй пятилетки увеличился более, чем втрое, а

вместе с колхозной торговлей он поднялся с 47,8 миллиарда рублей в 1932 году до 143,7 миллиарда рублей в 1937 году. Невыполнение заданий второй пятилетки по снижению розничных цен на товары широкого потребления перекрыто значительно большим, чем предусмотрено пятилеткой, повышением размеров заработной платы рабочих и служащих, а также происшедшим значительным увеличением денежных доходов колхозов и колхозников.

За годы второй пятилетки в СССР проведена настоящая культурная революция. Количество учащихся в начальной и средней школе выросло с 21,3 миллиона до 29,4 миллиона, причем количество учащихся в 5—7 классах удвоилось, а количество учащихся в 8—10 классах увеличилось в 15 раз. Количество учащихся в высших учебных заведениях поднялось до 550 тысяч. Развернулось культурное строительство и во всех других отраслях.

Во всех союзных республиках СССР достигнуты значительные успехи в деле индустриализации и *подъема материально-культурного уровня населения*, в создании национальных большевистских кадров, в *подъеме* всей национальной, социалистической по содержанию, культуры. Особенно велики были темпы материального и культурного *подъема* у народов советского Востока.

4. На основе победоносного выполнения второго пятилетнего плана и достигнутых успехов социализма, СССР вступил в третьем пятилетии в новую полосу развития, в полосу *завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму*, когда решающее значение приобретает дело коммунистического воспитания трудящихся, преодоление пережитков капитализма в сознании людей — строителей коммунизма.

Нельзя, однако, преуменьшать трудностей решения этой гигантской задачи, особенно в условиях враждебного капиталистического окружения. Тем

более, что несмотря на успешное выполнение первой и второй пятилетки, несмотря на рекордные темпы развития нашей промышленности, несмотря на то, что по технике производства промышленность СССР перегнала передовые капиталистические страны, — несмотря на все это, мы еще не достигли в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны.

СССР превратился в независимую экономическую страну, обеспечивающую свое хозяйство и нужды обороны всем необходимым техническим вооружением. По темпам своего развития промышленность СССР стоит на первом месте в мире. В то время как промышленность капиталистических стран после начавшегося в конце 1929 года тягчайшего экономического кризиса достигла в 1937 году едва 103,5 процента от уровня 1929 года, а со второй половины 1937 года, под ударами нового кризиса, снова скатилась вниз, — вся крупная и мелкая промышленность СССР в 1937 году достигла 371 процента от уровня 1929 года, а сама крупная промышленность СССР — 428 процентов от этого уровня, что в сравнении с довоенным временем означает увеличение продукции крупной промышленности более чем в 7 раз. В 1938 году продукция всей промышленности СССР увеличилась по отношению к предыдущему году еще на 11 процентов и достигла 412 процентов к уровню 1929 года, а по крупной промышленности даже 477 процентов к уровню 1929 года, — в то время как в странах капитализма в 1938 году промышленная продукция сократилась на 13,5 процента против предыдущего года и упала до 91 процента от уровня 1929 года.

В противоположность капитализму, где, при большой неравномерности развития по странам, за последнее десятилетие у промышленности в целом не было роста, а произошло заметное уменьшение промышленного производства, — в СССР мы имели неуклонный и быстрый подъем промышленности, высокие темпы роста промышленной продукции из года в год. Ввиду

того, однако, что в прошлом наша страна была крайне отсталой в экономическом отношении, *уровень развития промышленности СССР* в смысле размеров производства на душу населения и теперь еще значительно ниже наиболее развитых в технико-экономическом отношении капиталистических стран Европы и США. Известно, что на душу населения в нашей стране приходится значительно меньше промышленной продукции, чем в таких странах, как Соединенные Штаты Америки, Англия, Германия, Франция. Так, например, к концу второй пятилетки *на душу населения* в СССР приходилось: *электроэнергии* в два с лишним раза меньше, чем во Франции, почти в три раза меньше, чем в Англии, в три с половиной раза меньше, чем в Германии, в пять с половиной раз меньше, чем в США; *чугуна* в два с лишним раза меньше, чем в Англии и Франции, в два с половиной раза меньше, чем в Германии, в три раза меньше, чем в США; *стали* приходилось почти в два раза меньше, чем во Франции, почти в три раза меньше, чем в Англии и Германии, почти в четыре раза меньше, чем в США; *каменного угля* на душу населения в СССР приходилось немного меньше, чем во Франции, и значительно меньше, чем в США, Англии и Германии.

СССР все еще отстает по размерам производства на душу населения также таких промышленных товаров, как ткани, бумага, мыло и некоторые другие.

Эта недостаточность размеров промышленного производства СССР, по сравнению с наиболее развитыми в технико-экономическом отношении капиталистическими странами, должна быть полностью ликвидирована, чтобы обеспечить окончательный успех коммунизма в его историческом соревновании с капитализмом.

5. Теперь, когда СССР сложился как социалистическое государство, закончил в основном техническую реконструкцию народного хозяйства и по уровню техники производства в промышленности и

сельском хозяйстве стоит впереди любой капиталистической страны Европы, — теперь мы можем и должны во весь рост практически поставить и осуществить решение основной экономической задачи СССР: *догнать и перегнать также в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны Европы и Соединенные Штаты Америки*, окончательно решить эту задачу в течение ближайшего периода времени.

Для этого необходим дальнейший значительный рост технического вооружения всех отраслей народного хозяйства и, следовательно, всемерное развитие машиностроения и всей тяжелой промышленности, решительное улучшение всей организации и технологии производства с широким внедрением новейших достижений науки и изобретений, количественный и, особенно, качественный рост производственных кадров и высокое освоение техники в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве. В соответствии с указанием Ленина о том, что «производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя», мы должны обеспечить всемерное развертывание социалистического соревнования и стахановского движения, неуклонное укрепление трудовой дисциплины во всех предприятиях и учреждениях, во всех колхозах, мы должны обеспечить достойную социалистического общества высокую производительность труда рабочих, крестьян, интеллигенции.

Вместе с тем необходимо обеспечить такой рост народного дохода и развитие товарооборота, чтобы за годы третьей пятилетки *поднять народное потребление в полтора — два раза*. Для этого, наряду с усиленным подъемом тяжелой и оборонной индустрии, необходимо развернуть работу по поднятию производства товаров широкого потребления и пищевых продуктов, а также обеспечить возможность соответствующего роста реальной заработной платы рабочих и служащих, роста доходов колхозников.

В соответствии с этими основными задачами третьей пятилетки, необходимо обеспечить значительный подъем культурного уровня всей массы трудящихся города и деревни, осуществить крупный шаг вперед в историческом деле *поднятия культурно-технического уровня рабочего класса, передовой и руководящей силы социалистического общества, до уровня работников инженерно-технического труда*.

Гигантский рост промышленности и всего народного хозяйства в третьей пятилетке и необходимость обеспечения его дальнейшего бесперебойного подъема в соответствии с общегосударственным планом, особенно в условиях нарастания агрессивных сил империализма во внешнем окружении СССР, требуют *создания крупных государственных резервов*, прежде всего, по топливу, электроэнергии и некоторым оборонным производствам, а также по развитию транспорта, с правильным размещением по соответствующим районам страны, устранением непроизводительных и дальних перевозок и обеспечением основных экономических очагов страны максимальным количеством ресурсов на месте.

XVIII съезд ВКП(б) утверждает следующие задания третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, представленной Государственной Плановой Комиссией СССР и принятого Центральным Комитетом ВКП(б) и Советом Народных Комиссаров СССР.

II. ПЛАН РОСТА ПРОИЗВОДСТВА ПО ТРЕТЬЕЙ ПЯТИЛЕТКЕ

1. Установить *объем продукции* по всей промышленности СССР в 1942 году, на последний год по третьей пятилетке, в 180 миллиардов рублей (в ценах 1926 — 1927 г.г.) против 95,5 миллиарда рублей в 1937 году, то-есть рост промышленной продукции за третью пятилетку на 88 процентов.

Среднегодовой темп роста промышленной продукции СССР в третьей пятилетке установить в 13,5 процента, причем среднегодовой прирост по про-

изводству средств производства установить — 15,2 процента, а по производству предметов потребления — 11 процентов.

2. Определить следующий размер продукции по важнейшим отраслям промышленности на конец третьей пятилетки, то-есть в 1942 году:

	1942 г.	к 1937 г.	г. в %
Вся промышленность (в ценах 1926/27 г.) в млрд. руб.	180		188
В т. ч.: производство средств производства	112		203
производство предметов потребления	68		169
Машиностроение и металлообработка (в ценах 1926/27 г.) млрд. руб.	62		225
Паровозы магистральные (в переводе на условные «Э» и «СУ») шт.	2.090		132
Вагоны товарные в 2-осном исчислении	тыс. шт.	90	153
Автомобили	тыс. шт.	400	200
Электроэнергия	млрд. квтч.	75	206
Каменный уголь	млн. тонн	230	181
Нефть сырая с газом	»	54	177
Торф	»	49	206
Чугун	»	22	152
Сталь	»	27,5	156
Прокат	»	21	162
В т. ч. качественный	»	5	199
Химическая промышленность (в ценах 1926/27 г.)	млрд. руб.	13,4	227
Цемент	млн. тонн	10	183
Вывозка деловой древесины	млн. м ³	200	180
Пиломатериалы	»	45	156
Бумага	тыс. тонн	1.300	156
Хлопчатобумажные ткани	млн. мет.	4.900	142
Шерстяные ткани	»	175	167
Обувь кожаная	млн. пар	235	143
Сахар-песок	тыс. тн.	3.500	144
Консервы	млн. банок	1.800	206

3. Всемерным развитием машиностроения, которому принадлежит ведущая роль в техническом вооружении народного хозяйства, обеспечить внедрение передовой техники во все отрасли народного хозяйства и для всех видов обороны СССР, в соответствии с современными требованиями государства. Увеличить продукцию машиностроения к концу третьей пятилетки в 2,25 раза, т.-е. значительно выше общего роста промышленности. Обеспечить производство всех видов станков,

решительно повысив удельный вес высокопроизводительных и специальных станков, особенно автоматов и полуавтоматов. Увеличить выпуск металлорежущих станков до 70 тыс. штук в 1942 году против 36 тысяч штук в 1937 году, доведя ассортимент станков до 800 типоразмеров.

Преодолеть относительное отставание энергетического машиностроения от все растущих потребностей народного хозяйства СССР. Увеличить выпуск паровых турбин за пятилетие в 4,8 раза,

паровых котлов — в 4,6 раза. Всемерно расширить и увеличить удельный вес в производстве средних и мелких турбин мощностью в 12 тысяч киловатт и ниже. Освоить производство мощных гидротурбин для Куйбышевского гидроузла.

Особое внимание уделить развитию производства локомотивов, стационарных и судовых дизелей, в первую очередь быстроходных, а также двигателей, работающих на газе. Перевести на газогенераторы все машины на лесозаготовках, а также значительную часть тракторного парка сельского хозяйства и автомобильного парка.

Преодолеть отставание в производстве строительных машин и механизмов, а также в выпуске строительного инструмента.

Форсировать производство сложной аппаратуры и оборудования для химической промышленности и полностью обеспечить ее мощный рост. Освоить производство новых типов машин для хлопчатобумажных и шерстяных фабрик, ликвидировать отставание производства прядильного оборудования, увеличив выпуск ватеров к концу пятилетки в шесть раз. Обеспечить морской и океанский транспорт всеми видами современных судов и создать производственные мощности для судостроения, достаточные для обеспечения отечественным производством растущих потребностей морского и речного транспорта СССР. Расширить производство аппаратуры автоматического и телемеханического управления.

4. Всемерно развить угольную и нефтяную отрасли промышленности, являющиеся топливной базой всего народного хозяйства страны. Развить добычу угля до уровня, обеспечивающего не только покрытие текущих потребностей страны, но и создание хозяйственных запасов и государственных резервов. Обеспечить наиболее высокие темпы добычи угля в угольных районах Урала, Подмосковном бассейне, на Дальнем Востоке и Средней Азии и увеличить в них добычу угля за третью пятилетку: по Уралу — в 2,8 раза, по

Подмосковному бассейну — в 2,4 раза, по Дальнему Востоку — в 2,5 раза и по Средней Азии — в 4,4 раза. Увеличить добычу бурых углей за период третьего пятилетнего плана в 2,6 раза. Создать новые базы добычи местных углей во всех районах страны, где имеются хотя бы небольшие месторождения и по мере их развития переводить предприятия местной промышленности, коммунальные предприятия, школы, больницы и учреждения с дальнепривозного на местное топливо. Завершить комплексную механизацию добычи угля во всех угольных районах страны и организовать добычу угля на основе внедрения во всех угольных районах страны графика циклической работы — основы стахановской производительности труда шахтеров.

Создать в районе между Волгой и Уралом новую нефтяную базу — «Второе Баку». Программу нефтедобычи и нефтепереработки обеспечить быстрым развитием геолого-разведочных работ, внедрением высокой техники добычи и переработки нефти: вращательный способ бурения, бурение под давлением, компрессорная и глубинно-насосная добыча, закрытый метод эксплуатации с улавливанием и извлечением бензина из газа. Построить сеть нефтепроводов и нефтебаз, особенно в восточных районах СССР.

Развернуть торфяную промышленность, особенно в таких областях, как Ивановская, в целях сокращения перевозок угля на дальнее расстояние, а также всемерно усилить использование сланцев.

Широко развернуть газификацию всех видов топлива и подземную газификацию углей, превратив в третьей пятилетке подземную газификацию углей в самостоятельную отрасль промышленности. Увеличить добычу газа из нефтяных и чисто-газовых месторождений за третью пятилетку в 3,5 раза. Построить и ввести в эксплуатацию ряд промышленных станций подземной газификации в Донбассе, в Подмосковном бассейне и на Востоке СССР, с использованием получаемого газа для энергетики химической промышленности и

коммунального хозяйства. Развить использование коксовых и доменных газов путем строительства сети магистральных газопроводов, в первую очередь в Донбассе.

Создать промышленность искусственного жидкого топлива на основе гидрирования твердого топлива, в первую очередь, на Востоке, а также синтеза жидкого топлива из газа.

5. В области *электрохозяйства* ликвидировать имеющуюся частичную диспропорцию между большим ростом промышленности и недостаточным увеличением мощностей электростанций с тем, чтобы рост электростанций опережал не только рост промышленности, но и обеспечивал создание значительных резервов электрических мощностей. В соответствии с этим увеличить общую мощность электростанций за пятилетие в 2,1 раза. В строительстве тепловых электростанций перейти к небольшим и средним электростанциям в 25 тысяч киловатт и ниже. Осудить, как неправильное и вредное для народного хозяйства, увлечение крупными электростанциями в ущерб небольшим и средним. Мощность районных тепловых электростанций утверждать Правительству в каждом отдельном случае. Широко внедрить новейшую энергетическую технику, высокое давление и перегрев пара, применение новейших теплофикационных турбин и автоматизацию основных производственных процессов электростанций и сетевого хозяйства.

6. Превратить *химическую промышленность* в одну из ведущих отраслей промышленности, полностью удовлетворяющих потребности народного хозяйства и обороны страны. Третья пятилетка — пятилетка химии. Съезд постановляет увеличить продукцию химической промышленности в 2,3 раза, то есть значительно выше роста промышленности в целом. Значительно увеличить производство серно-азотной кислоты, синтетического аммиака, искусственного волокна и пластических масс. Создать новые отрасли органического синтеза (синтетический спирт, уксусная

кислота и др.) на основе использования побочных продуктов нефтепереработки, производства каучука, кокса и природных газов. Обеспечить во всех отраслях химической промышленности твердый технологический режим и неуклонное внедрение новейших достижений: интенсификация химического производства, переход с периодического процесса на непрерывный, использование высоких давлений, развитие электрохимических методов. Механизировать трудоемкие работы в химической промышленности, развить автоматизацию производства.

7. В области *черной металлургии*, развитие которой во многом определяет рост всей промышленности и народного хозяйства и потому требует особой постоянной заботы об увеличении производственных мощностей, добиться неуклонного и серьезного подъема производства. Третья пятилетка — пятилетка специальных сталей. Съезд постановляет увеличить выпуск качественного проката в два раза и обеспечить резкое увеличение выпуска специальных сталей: твердых сплавов, нержавеющей, кислото- и жароупорных, инструментальных, прецизионных, трансформаторных, а также ферросплавов. Широко развернуть выплавку древесно-угольных чугунов из чистых от серы и фосфора руд. Ликвидировать вредительскую специализацию прокатных станов, приводящую к встречным и дальним перевозкам металла, и обеспечить на основных металлургических базах страны прокат всех наиболее ходовых сортов металла. Создать на Дальнем Востоке новую металлургическую базу с полным металлургическим циклом для обеспечения всех потребностей машиностроения на месте. Увеличить за пятилетие удельный вес восточных районов Союза в выплавке чугуна с 28 до 35 процентов от общей выплавки в стране.

8. Увеличить производство *цветных металлов* до размеров, обеспечивающих удовлетворение быстрорастущих потребностей народного хозяйства и обороны страны. В 1942 году выплавку черной меди увеличить в 2,8 раза, выплавку

алюминия (включая силумин) — в 3,3 раза по сравнению с 1937 годом. Обеспечить высокие темпы производства свинца, цинка, никкеля, олова, магния, вольфрама, молибдена. Широко внедрить заменители цветных металлов во всех отраслях машиностроения.

9. Покончить с отставанием *лесной промышленности*. Осуществить широкую комплексную механизацию всех производственных процессов лесозаготовок на базе газогенераторов и паровых двигателей. Максимально использовать сезонные преимущества зимних лесозаготовок, одновременно обеспечивая круглогодичные заготовки древесины. Создать на лесных биржах крупные запасы леса естественной сушки. Всемерно развить бумажную и лесохимическую промышленность, особенно гидролиз древесины.

10. Съезд постановляет увеличить производство предметов широкого потребления в третьей пятилетке в 1,7 раза.

В *легкой промышленности* полностью использовать возросшие ресурсы сырья для увеличения производства, расширения ассортимента и повышения качества продукции, с одновременным созданием необходимых запасов сырья. Ликвидировать диспропорцию между приготавливаемыми и прядильными цехами, а также между ткачеством и отставшим прядением. Технически усовершенствовать оборудование хлопчатобумажной промышленности: внедрить высокоскоростные и однопроцессные машины, приборы высоких вытяжек, автоматические ткацкие станки.

В *пищевой промышленности* значительно расширить ассортимент продукции, особенно высших и первых сортов, улучшить качество выпускаемых продуктов, создать массовое производство кулинарии и полуфабрикатов. Решительно преодолеть отставание рыбной промышленности.

11. Всемерно развивать *местную промышленность и промкооперацию*, являющиеся крупным источником удовлет-

ворения растущих потребностей трудящихся. Считая недостаточным теперешний темп их роста, добиться в течение пятилетия увеличения выпуска продукции местной промышленности и промкооперации не менее, чем в два раза. Наряду с увеличением выработки предметов широкого потребления, что является основной задачей местной промышленности и промкооперации, необходимо всемерно развивать добычу местных видов топлива и производство стройматериалов.

12. Установленный план роста промышленной продукции и дальнейшие задачи освоения новой техники требуют значительного роста производительности труда и серьезного снижения себестоимости продукции. Съезд определяет на третью пятилетку:

а) Рост *производительности труда* в промышленности за третью пятилетку на 65 процентов, что должно обеспечить в 1942 году против 1937 года прирост промышленной продукции только за счет увеличения производительности труда на 62 миллиарда рублей.

б) *Снижение себестоимости* промышленной продукции за пятилетие (в ценах 1937 г.) на 11 процентов, что должно обеспечить государству в 1942 году экономии по сравнению с 1937 годом в размере 21 миллиарда рублей.

Необходимо всемерно повышать качество продукции во всех отраслях промышленности, организовать борьбу с потерями в производстве, снизить нормы расходования сырья, материалов, топлива и электроэнергии.

13. XVIII съезд ВКП(б) определяет рост продукции во всем *сельском хозяйстве* с 19,8 миллиарда рублей в 1937 году (в ценах 1926—1927 г.г.) до 30,2 миллиарда рублей в 1942 году, то-есть на 53 процента. По важнейшим отраслям сельского хозяйства съезд определяет следующие задания:

а) По *зерну* обеспечить, против среднегодового сбора зерновых во второй пятилетке в размере 5,5 миллиарда пудов, среднегодовой сбор зерна в тре-

твей пятилетке в размере 7 миллиардов пудов, то-есть рост на 27 процентов.

б) По *техническим культурам* для 1942 года: сахарная свекла — сбор в 300 миллионов центнеров при урожайности в 250 центнеров с гектара; хлопок-сырец — 32,9 миллиона центнеров при урожайности поливного хлопка в 19 центнеров с гектара; льно-волоконно—8,5 миллиона центнеров при урожайности в 4,6 центнера с гектара.

в) Прирост *поголовья скота* и рост товарной продукции животноводства в размерах, полностью обеспечивающих разрешение проблемы животноводства в СССР. Поголовье лошадей увеличить на 35%, крупного рогатого скота на 40%, свиней на 100%, овец и коз на 110%. Повысить продуктивность животноводства путем улучшения породности скота и коренного улучшения племенного дела, правильного районирования пород, укрепления кормовой базы, улучшения ухода за скотом.

г) Создать вокруг Москвы, Ленинграда, Баку, Харькова, промышленных центров Донбасса, Кузбасса, Горького и всех других крупных городов *картофельно-овощные и животноводческие базы*, обеспечивающие полностью снабжение этих центров овощами, картофелем и, в значительной степени, молоком и мясом.

д) Обеспечить посевы зерновых и других культур исключительно высокопродуктивными и улучшенными *отборными семенами* как селекционных, так и местных сортов. Внедрить в колхозах и совхозах правильные севообороты с применением травосеяния и черных паров, обеспечивающие значительное увеличение плодородия почвы, рост урожайности и создание прочной кормовой базы для растущего животноводства.

е) Завершить в третьей пятилетке *комплексную механизацию* сельскохозяйственных работ. Широко внедрить передовую агротехнику с научным использованием большого практического опыта передовиков сельского хозяйства.

ж) На основе дальнейшей механизации сельскохозяйственного производства и роста производительности труда, на

деле превратить *совхозы* в высокопроизводительные, высокорентабельные хозяйства, служащие примером организации сельскохозяйственного производства, примером высокой его урожайности и продуктивности.

14. Съезд устанавливает рост *грузооборота* железнодорожного транспорта с 355 миллиардов тонно-километров в 1937 году до 510 миллиардов тонно-километров в 1942 году; речного транспорта — с 33 миллиардов до 58 миллиардов тонно-километров; морского транспорта — с 37 миллиардов тонно-километров до 51 миллиарда тонно-километров. Важнейшей задачей транспорта является упорядочение планирования грузооборота с целью всемерного сокращения дальних железнодорожных перевозок, ликвидации встречных и нерациональных перевозок и дальнейшего повышения удельного веса водного и автотранспорта в грузообороте страны.

В соответствии с этим съезд устанавливает следующие задания по транспорту на третью пятилетку:

а) Увеличить *парк локомотивов* на 7.370 единиц, в том числе: серии «ФД» на 1.870 паровозов, конденсационных паровозов на 3.200, пассажирских паровозов серии «ИС» на 1.500. Конденсационные паровозы в ближайшие годы должны занять ведущее место в грузовом парке паровозов.

б) Увеличить *вагонный парк* грузовых вагонов на 178 тысяч четырехосных, парк пассажирских вагонов — на 12 тыс. Оборудовать автосцепкой 300 тысяч вагонов действующего товарного парка и 4 тысячи пассажирских вагонов. Оборудовать автотормозами 200 тысяч вагонов действующего товарного парка. Расширить ремонтную базу паровозов и вагонов, особенно на дорогах Урала, Средней Азии, Сибири, Дальнего Востока.

в) Для обеспечения дальнейшей реконструкции железнодорожного транспорта и особенно железнодорожного пути построить в третьей пятилетке *новых железных дорог* и сдать в эксплуатацию 11 тысяч километров. Произве-

сти укладку вторых путей на протяжении 8 тысяч километров.

г) *Электрифицировать* 1.840 километров железных дорог, в первую очередь горных дорог, линий, имеющих напряженные размеры грузооборота, а также крупнейшие узлы с интенсивным пригородным движением.

д) Развить *железнодорожные станции* и узлы, в первую очередь на направлениях, связывающих Донбасс с Кривым Рогом, Ленинградом и Москвой, восточные районы Урала, Северный край, Мурманскую область с центральной частью СССР, Западную Сибирь со Средней Азией, на дорогах Юго-Западных, Западных и Восточных.

е) Ликвидировать отставание *водного транспорта*, повысить его роль в обслуживании народного хозяйства, особенно в перевозках массовых грузов: лес, хлеб, уголь, нефть. Улучшить техническое состояние морского и речного флота, пополнить его более совершенными типами судов, широко внедрить газогенераторные установки на речных судах. Расширить строительство судоремонтной базы и морских портов.

Провести широкие мероприятия по реконструкции и приведению в порядок существующих водных путей, реконструировать путь Астрахань—Горький — Рыбинск — Москва с тем, чтобы в конце третьей пятилетки создать глубоководный транзитный путь от Астрахани до Москвы с обеспечением глубины на всех перекатах не меньше 2,6 метра. Развернуть реконструкцию Волго-Балтийского водного пути. Общее протяжение внутренних судоходных водных путей увеличить за пятилетие со 101 тысячи километров до 115 тысяч километров.

Превратить к концу третьей пятилетки *Северный Морской Путь* в нормально действующую водную магистраль, обеспечивающую планомерную связь с Дальним Востоком.

ж) Организовать регулярное движение *автомобильного транспорта* на автомагистралях, трактах и грузонапряженных подъездах к городам, железнодорожным станциям и водным путям.

Увеличить автоперевозки за пятилетие в 4,6 раза. Построить и реконструировать 210 тысяч километров дорог, решительно увеличив по сравнению со второй пятилеткой удельный вес строительства усовершенствованных гудронированных, асфальто-бетонных и бетонных дорог.

з) По *авиатранспорту* — увеличить протяжение воздушных путей, оборудовать трассы воздушных магистралей, расширить и улучшить наземные сооружения для авиатранспорта.

и) Повысить *производительность труда* в третьей пятилетке на 32 процента на железнодорожном транспорте и на 38 процентов на водном транспорте, механизировать погрузочно-разгрузочные работы на железнодорожном, водном и автомобильном транспортах.

15. Съезд подчеркивает необходимость большего развития всех видов *связи*, особенно международной.

Завершить установление прямой телефонной связи между Москвой и всеми республиканскими, краевыми и областными центрами, а также дополнить радиальную систему узловых систем связи между крупнейшими центрами СССР. Полностью завершить телефонизацию районных центров, сельсоветов, МТС и совхозов. Увеличить в 2,3 раза количество приемных радиотрансляционных точек. Построить в ряде крупных городов телевизионные центры.

16. Важнейшим условием выполнения заданий программы роста производства в третьей пятилетке является подготовка квалифицированных *рабочих кадров, техников и инженеров*, а также широкое развертывание работ по внедрению новейшей техники и научной организации производства. Съезд считает необходимым предусмотреть в третьем пятилетнем плане:

а) Развертывание широкой сети школ и курсов по подготовке и переподготовке квалифицированных рабочих и мастеров социалистического труда.

б) Выпуск 1,4 миллиона техников разных специальностей и 600 тысяч специалистов с высшим образованием.

III. ПЛАН НОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ЕГО РАЗМЕЩЕНИЯ ПО ТРЕТЬЕЙ ПЯТИЛЕТКЕ

1. В соответствии с планом роста производства, XVIII съезд ВКП(б) устанавливает объем капитальных работ по народному хозяйству по третьей пятилетке в размере 180 миллиардов рублей (в действующих сметных ценах) против 115 миллиардов рублей за вторую пятилетку, из них:

а) В *промышленность* — 103,3 миллиарда рублей против 58,6 миллиарда рублей во второй пятилетке, в том числе: по промышленности, производящей средства производства — 86,8 миллиарда рублей против 49,8 миллиарда рублей за вторую пятилетку, или рост на 74 процента; по промышленности, производящей средства широкого потребления — 16,5 миллиарда рублей против 8,8 миллиарда рублей во второй пятилетке, или рост на 88 процентов.

б) В *транспорт* — 35,8 миллиарда рублей против 20,7 миллиарда рублей во второй пятилетке, или рост на 73 процента.

в) В *сельское хозяйство* — 10,6 миллиарда рублей, в том числе: в МТС — 5,2 миллиарда рублей, на ирригацию и мелиорацию — 1,2 миллиарда рублей.

2. Съезд утверждает *ввод в действие* новых и реконструированных предприятий в третьей пятилетке стоимостью 179 миллиардов рублей (в действующих сметных ценах) против 103 миллиардов рублей во второй пятилетке.

Съезд отмечает, что установленный объем капитальных работ и программа ввода в действие новых и реконструированных предприятий обеспечивают дальнейший большой рост производственно-технической базы СССР и образование необходимых резервов мощностей в важнейших отраслях народного хозяйства. В третьей пятилетке вырастают:

а) *Производственные мощности* — по электростанциям с 8,1 миллиона киловатт на конец второй пятилетки до

17,2 миллиона киловатт в третьей пятилетке; по угольной промышленности — в 1,7 раза с доведением к концу третьей пятилетки мощности шахт до 285 миллионов тонн угля; по черной металлургии (чугун) — до 24 миллионов тонн; по цветной металлургии (медь) — в 2,4 раза; по алюминию — в 3,8 раза; по автомобильной промышленности — 2,4 раза; по хлопчатобумажной промышленности (веретена) — в 1,5 раза.

б) *Основные фонды* по всему народному хозяйству — с 189,3 миллиарда рублей до 347,0 миллиардов рублей, или на 83,6 процента, в том числе: по промышленности — с 68,2 миллиарда рублей до 142,4 миллиарда рублей; по сельскому хозяйству — с 23,2 миллиарда рублей до 31 миллиарда рублей; по транспорту — с 38,7 миллиарда рублей до 69,1 миллиарда рублей.

3. Съезд считает, что в *размещении нового строительства* в третьей пятилетке по районам СССР необходимо исходить из приближения промышленности к источникам сырья и районам потребления в целях ликвидации нерациональных и чрезмерно дальних перевозок, а также — дальнейшего подъема в прошлом экономически отсталых районов СССР. В соответствии с этим в третьем пятилетнем плане необходимо:

а) в *основных экономических районах* Союза обеспечить комплексное развитие хозяйства и организовать добычу топлива и производство таких видов продуктов, как цемент, алебастр, химические удобрения, стекло, массовые изделия легкой и пищевой промышленности в размерах, обеспечивающих потребность этих районов. Особое значение имеет обеспечение на месте топливом и некоторыми трудными к перевозке продуктами тех крупных промышленных районов, зависимость которых от дальнего привоза большого количества грузов увеличилась в связи с их промышленным ростом и быстрым увеличением городского населения.

Такие продукты питания, потребляемые всюду в массовом количестве, как

картофель, овощи, молочные и мясные продукты, мука, кондитерские изделия, пиво, а также ряд промышленных изделий массового потребления — галантерея, изделия швейной промышленности, мебель, кирпич, известь и т. д., должны в достаточном количестве производиться в каждой республике, крае и области.

Обеспечить должный контроль за выполнением решений ЦК ВКП(б) и СНК СССР о запрещении строительства новых предприятий в Москве и Ленинграде, а также распространить это постановление на Киев, Харьков, Ростов на Дону, Горький, Свердловск, в которых впредь запретить строительство новых предприятий.

б) В таких экономических очагах страны, как восточные районы, Урал и Поволжье, в третьей пятилетке создать предприятия-дублеры по ряду отраслей машиностроения, нефтепереработки и химии, чтобы устранить случайности в снабжении некоторыми промышленными продуктами с предприятий-уников.

в) Предусмотреть более быстрый рост объема капитальных работ и строительство новых предприятий в восточных и дальневосточных районах Союза ССР. Продолжать всемерно развитие металлургической базы в этих районах, для чего из общего количества доменных печей три четверти их построить в третьей пятилетке в восточных районах страны.

Создать новую крупную производственную базу текстильной промышленности на востоке СССР с переработкой среднеазиатского хлопка. На Дальнем Востоке предусмотреть быстрые темпы развития добычи угля, а также цемента в размерах, обеспечивающих полностью его потребности.

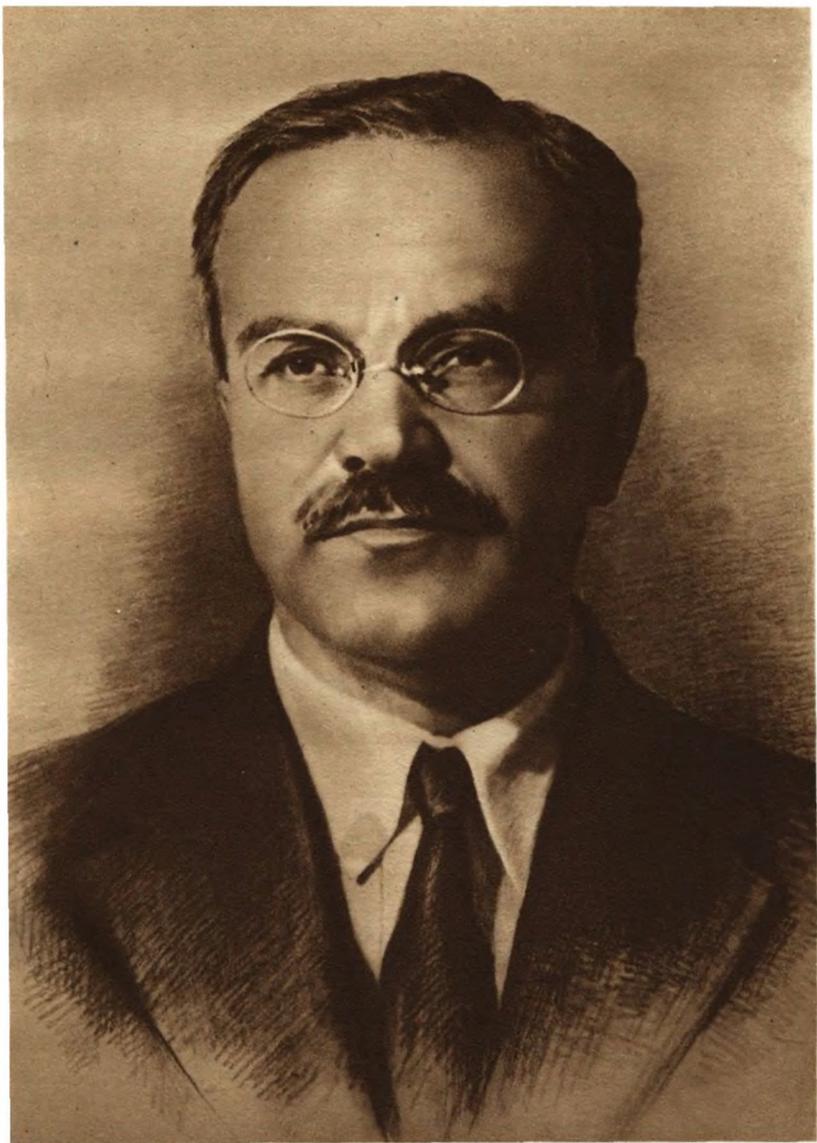
г) Обеспечить дальнейший хозяйственный и культурный подъем национальных республик и областей, в соответствии с основными задачами размещения производительных сил в третьей пятилетке.

4. С'езд считает необходимым в третьей пятилетке сосредоточить вни-

мание на следующих важнейших стройках:

а) В машиностроении, в соответствии с установленной на третью пятилетку программой производства, значительно превышающей общий темп подъема промышленности, широко развернуть строительство и ускорить ввод в действие новых заводов, в особенности станкостроительных и энергетического оборудования. Закончить строительство трех заводов тяжелого станкостроения, завода фрезерных станков в Горьком, станков автоматов в Киеве и развернуть строительство ряда новых станкостроительных заводов средней мощности по производству шлифовальных, зуборезных, продольно-строгальных станков, карусельных, расточных и станков-автоматов, а также заводов кузнечно-прессового оборудования. Построить в течение третьей пятилетки и ввести в действие пять заводов турбостроения, в том числе заводы турбин в районах Свердловска, Орска, Новосибирска, Новочеркаска, Калуги и соответствующие им заводы котлостроения и вспомогательного энергетического оборудования. Закончить строительство Горьковского и Московского автозаводов. Построить завод малолитражных автомобилей, ряд новых автосборочных заводов и развернуть строительство новых заводов грузовых автомашин в Сибири и на Дальнем Востоке, а также ряда смежных предприятий автопромышленности. Построить завод прядильных машин в Курске и ткацких станков в Западной Сибири. Закончить строительство Саратовского шарикоподшипникового завода и развернуть строительство двух новых шарико- и роликоподшипниковых заводов. Построить один-два завода тяжелого и среднего химического машиностроения.

б) В области электрификации важнейшей частью строительной программы с'езд считает прирост мощностей за счет строительства новых небольших и средних электростанций, а также усиление строительства гидроэлектростанций. Развернуть строительство величайшего в мире сооружения — двух Куйбышевских гидроэлектростанций общей мощно-

В. М. МОЛОТОВ

стью в 3,4 миллиона киловатт, одновременно разрешающего проблему орошения засушливых земель для достижения устойчивых урожаев в Заволжье и дело судоходства по Волге и Каме. Начать также строительство Калужской гидроэлектростанции на р. Оке. Закончить строительство и ввести в действие следующие гидростанции: Угличскую, Рыбинскую, Чирчикскую, Канакирскую, Свирь-2, Нива-2, Сухумскую и другие; приступить к строительству новых гидростанций: Верхне-Камской, Мингичаурской и Усть-Каме-ногорской, а также широко развернуть строительство небольших местных гидростанций. Предусмотреть строительство 91 районных тепловых электростанций с вводом в действие: Кураховской, Невсетаевской, Кировской в Ленинграде, Фрунзенской в Москве, Челябинской ТЭЦ, Сумгаитской, Комсомольской, Киевской, Николаевской, Кирово-Чепетской, Сызранской, Орской, Карагандинской, Красноярской, Хабаровской, Кувайской и других. Построить в районе Иваново новую тепловую электростанцию на торфу для текстильной промышленности.

Общий прирост мощностей по электростроительству за третью пятилетку определить в 9 миллионов киловатт, обеспечив создание в промышленных районах постоянного энергетического резерва мощностью в 10—15 процентов.

в) В угольной промышленности развернуть строительство шахт как по добыче каменного угля, так и по добыче бурого угля. Освоить новые районы добычи угля, особенно на Урале, в Башкирии, Средней Азии, Восточной Сибири, Забайкалье, Хабаровском и Приморском краях, на Украине, в Киргизской и Таджикской ССР. Сооружать, главным образом, шахты средней и небольшой мощности, всемерно сокращая и ускоряя сроки строительства. Всего за пятилетие заложить новых каменно-угольных шахт на общую мощность 150 миллионов тонн, с вводом в действие 130 миллионов тонн.

В нефтяной промышленности обеспечить ввод в действие новых мощностей

нефтеперерабатывающих заводов на 15 миллионов тонн и, кроме того, крекинг-установок на 4,5 миллиона тонн. Решающей задачей в третьей пятилетке считать создание еще одной мощной нефтяной базы в районе между Волгой и Уралом, построив в нем нефтеперерабатывающие заводы на мощность 6 миллионов тонн. Обеспечить развертывание геолого-поисковых и разведочных работ в новых районах добычи нефти: между Волгой и Уралом, в Сибири, в Дальневосточном крае, на Украине и в Средней Азии.

По торфяной и сланцевой промышленности обеспечить необходимый рост капитальных работ. Предусмотреть строительство заводов искусственного обезвоживания торфа, кладущее основу для ликвидации сезонности торфодобычи. Осуществить строительство двух-трех коксовых заводов, предусмотрев выработку на них также химических продуктов.

г) В черной металлургии закончить строительство Магнитогорского комбината, Ново-Тагильского и Петровско-Забайкальского заводов, Амурстальстроя, Запорожстали, Азовстали, Жестестроя, Уральского и Никопольского (по сокращенному проекту) трубных заводов. Начать строительство новых металлургических заводов на Южном Урале (на халиловских и бакальских рудах) и в Восточной Сибири, завода сварных труб на Урале, одного трубопрокатного завода в Сибири и труболитейного завода в центре. На базе использования лома и металлоотходов развернуть строительство небольших передельных заводов для местных потребностей в районах Средней Азии и Закавказья. Всего за третью пятилетку построить 20 новых доменных печей и восстановить три древесно-угольных доменных печи на Урале.

д) В цветной металлургии закончить строительство Прибалхашского медеплавильного комбината, Средне-Уральского и Блявинского комбинатов. Развернуть строительство Джекказганского и Алмалыкского медеплавильных комбинатов, а также свинцовых и цинковых заводов на Алтае. Ввести в дей-

стве Уральский алюминиевый комбинат, а также Кандалакшский и Рыбинский алюминиевые заводы, Тихвинский глиноземный завод, Южно-Уральский и Северный никкелевые комбинаты. Начать строительство ряда новых предприятий по производству свинца, цинка, олова, вольфрама и молибдена. Построить заводы цветного проката и биметалла, а также по переработке алюминиевых и магниевых сплавов.

е) В химической промышленности развернуть строительство новых туковых комбинатов, содовых, серно-кислотных заводов, главным образом, на базе местного колчедана и на газах металлургических заводов и электростанций, заводов синтетического каучука и шинных заводов, с вводом в действие 13 заводов синтетического каучука, 7 кордных и 14 шинных заводов, рассредоточенных по стране. Построить 2 завода искусственного жидкого топлива, 4 — 6 заводов по переработке натурального каучука и несколько заводов по переработке отходов синтетического каучука и пищевой промышленности.

ж) Прекратить завоз цемента из Европейской части СССР в восточные районы и республики Средней Азии, для чего построить новые цементные заводы средней и небольшой мощности всего на 4,4 миллиона тонн, в том числе в районах Дальнего Востока, Сибири, Казахской ССР, республик Средней Азии и на Урале.

з) В лесной промышленности ввести в действие Соликамский, Сясьский, Марийский, Красноярский, Камский и Кондопожский целлюлозные и целлюлозно-бумажные комбинаты. Развернуть строительство новых целлюлозных, бумажных, фанерных, лесохимических предприятий и заводов гидролиза древесины. Предусмотреть быстрое развитие лесной промышленности в северных и северо-западных районах Европейской части СССР и на Урале, соответственно изменив размещение лесопильных заводов и прекратив завоз леса из Сибири в Европейскую часть СССР.

и) В легкой промышленности ввести

в действие новые хлопчатобумажные фабрики в Барнауле, Новосибирске и в Кузбассе, а также осуществить строительство небольших прядильных фабрик в старых текстильных районах для ликвидации диспропорции между прядением и ткачеством, ввести в действие вторую очередь Ташкентского хлопчатобумажного комбината, Ленинанканскую прядильную фабрику, Киевский и Семипалатинский суконные комбинаты, заводы резиновой подошвы в Калинин и искусственной кожи в Казани. Развернуть строительство новых текстильных фабрик в Западной Сибири и Казахской ССР, а также строительство ряда новых трикотажных и чулочных фабрик, небольших льняных комбинатов, кожевенных заводов, обувных и шелковых фабрик.

к) В пищевой промышленности полностью закончить строительство и ввод в действие мясокомбинатов в Орске, Энгельсе, Улан-Удэ, Иркутске, Хабаровске, Свердловске, Иваново, Нальчике, Куйбышеве, Днепропетровске, Ворошиловграде, Ашхабаде, Сталинабаде; сахарных заводов в Елань-Колено, Жердевке, Советском (Курская область), Алма-Ате, Ново-Троицке. Построить ряд новых спиртозаводов, маслозаводов, заводов сгущенного и сухого молока, кондитерских и чайных фабрик. Развернуть строительство новых мясокомбинатов средней мощности, сахарозаводов, хлебозаводов и холодильников.

В рыбной промышленности увеличить морской рыболовный флот и закончить строительство рыбных комбинатов в Комсомольске, Хабаровске, Москве и в Муйнаке; холодильников — в Балхаше, Мангистау, Ахтарах, Совгавани, Петропавловске-на-Камчатке и 20 мелких холодильников в ДВК; судоверфей — в Мурманске, Николаевске-на-Амуре и Петропавловске-на-Камчатке.

л) В местной промышленности и промкооперации развернуть строительство мелких предприятий на базе местного сырья и местного топлива.

м) В городском строительстве обеспечить развертывание работ по жилищному строительству и по благоустройству городов и промышленных центров.

Построить новые водопроводы в 50 городах, канализацию в 45 городах, трамвай в 8 городах. Развить газификацию городского хозяйства.

Обеспечить дальнейшее развитие и реконструкцию Москвы и Ленинграда в соответствии с принятыми планами. Закончить строительство третьей очереди метро в Москве.

Закончить к концу третьей пятилетки основные строительные работы по сооружению Дворца Советов.

н) В области *сельского хозяйства* осуществить строительство 1.500 МТС как за счет новых, так и за счет разукрупнения старых МТС. Обеспечить необходимую ремонтную базу для тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин. Развернуть в совхозах строительство животноводческих построек в размерах полного обеспечения содержания скота.

По ирригации и мелиорации закончить все начатые работы по крупному ирригационному и осушительному строительству: Вахш, Колхида, Невинномысский канал, Мургабский оазис. Приступить к строительству оросительной системы в Заволжье. Укрепить производственно-техническую базу в сельском хозяйстве районов засухи.

о) Построить сеть новых зерновых элеваторов и складов на общую мощность свыше 10 миллионов тонн продуктов, обеспечив полную ликвидацию уже в первой половине третьей пятилетки хранения хлеба в бунтах.

5. В целях ускорения сроков строительства и ввода в действие производственных мощностей, а также рассредоточения новых предприятий по основным экономическим районам страны, XVIII съезд ВКП(б) требует решительной борьбы с *гигантоманией* в строительстве и широкого перехода к постройке средних и небольших предприятий во всех отраслях народного хозяйства Союза ССР.

Съезд обращает внимание на необходимость решительного внедрения в практику *скоростных методов строительства*, для чего требуется развитие строительной индустрии, превращение ее

из отстающей в передовую отрасль народного хозяйства, с широким развитием комплексной механизации и применением стандартных строительных деталей и конструкций, построив необходимые для этого предприятия.

Для выполнения намеченной программы строительных работ определить на третью пятилетку рост *производительности труда* в строительстве на 75 процентов и снижение стоимости строительных работ к концу третьей пятилетки на 12 процентов против уровня конца второй пятилетки.

IV. ПЛАН ДАЛЬНЕЙШЕГО ПОВЫШЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ ТРУДЯЩИХСЯ ПО ТРЕТЬЕЙ ПЯТИЛЕТКЕ

Выполнение первой и второй пятилетки означало не только громадный подъем и социалистическое преобразование народного хозяйства вместе с укреплением обороноспособности Советского Союза, но и большой подъем материально-культурного уровня народов СССР.

Третья пятилетка должна обеспечить еще более высокое удовлетворение нужд и запросов трудящихся в необходимых товарах, продуктах, жилищах, в бытовом и культурном обслуживании населения. Выполнение третьей пятилетки обеспечивает, кроме того, новый крупнейший шаг вперед в создании мощной материальной базы для последующего развития производительных сил, благосостояния и культуры социалистического общества в СССР. Теперь дело идет не об уничтожении безработицы и ликвидации нищеты в деревне, — с этим мы уже справились полностью и навсегда. Теперь задача заключается в создании такого благосостояния и повышения культурности трудящихся, которые отвечают возросшим запросам советского народа, которые недостижимы для самых богатых стран капитализма и означают начало настоящего расцвета сил социализма, расцвета новой, социалистической культуры.

XVIII съезд ВКП(б) устанавливает на третью пятилетку следующие зада-

ния в области повышения материально-го и культурного уровня рабочих и трудящихся деревни.

1. а) Увеличение *потребления трудящихся СССР* более, чем в полтора раза, в соответствии с ростом доходов рабочих, крестьян и служащих.

б) Увеличение *численности рабочих и служащих* к концу третьей пятилетки по всем отраслям народного хозяйства на 17 процентов по сравнению с 1937 годом, средней заработной платы на 35 процентов и фонда заработной платы на 62 процента.

в) Повышение государственных расходов на *культурно-бытовое обслуживание* трудящихся города и деревни, т. е. расходов по социальному страхованию и затратам государства на просвещение, здравоохранение, пособия многодетным матерям и на культурно-бытовое обслуживание рабочих и служащих — до 53 миллиардов рублей против 30,8 миллиарда рублей в 1937 году, — рост больше, чем в 1,7 раза.

г) Значительное увеличение *доходов колхозников* в результате роста производительности труда в колхозах, подема урожайности всех сельскохозяйственных культур и увеличения продуктивности животноводства.

д) Проведение широкого мероприятия для серьезного продвижения вперед в осуществлении исторической задачи — поднятия *культурно-технического уровня рабочего класса СССР* до уровня работников инженерно-технического труда.

е) Осуществление всеобщего *среднего обучения* в городе и завершение в деревне и во всех национальных республиках всеобщего семилетнего среднего обучения с расширением охвата детей десятилетним обучением с тем, чтобы увеличить количество учащихся в начальных и средних школах в городах и рабочих поселках с 8,6 до 12,4 миллиона, а в сельских местностях с 20,8 до 27, 7 миллиона.

ж) Контингент учащихся в *ВУЗ'ах и ВТУЗ'ах* поднять до 650 тысяч человек с тем, чтобы главное внимание в бли-

жайшие годы было обращено на повышение качества высшего образования.

з) Увеличение *сети кино-театров, клубов, библиотек, домов культуры* и читален с широкой организацией и увеличением в шесть раз стационарных и других звуковых киноустановок.

и) Значительное усиление работы по *здравоохранению* трудящихся, по улучшению больничной помощи, по расширению санитарно-профилактических мероприятий, по оказанию родильной помощи роженицам и расширению детских больниц, по поднятию охраны труда и организации рабочего отдыха и физкультуры, с увеличением государственных затрат на здравоохранение с 10,3 миллиарда рублей в 1937 году до 16,5 миллиардов рублей в 1942 году. Число мест в постоянных яслях и детских садах увеличить в 1942 году до 4,2 миллиона против 1,8 миллиона в 1937 году.

к) Усиление *жилищного строительства* в городах и рабочих поселках с вводом в действие за третью пятилетку 35 миллионов квадратных метров новой жилой площади.

2. В целях повышения материального уровня жизни трудящихся обеспечить в третьей пятилетке всемерное развитие культурной советской торговли и в соответствии с этим установить:

а) Увеличение объема государственно-кооперативного *товарооборота* в 1942 году до 206 миллиардов рублей против 126 миллиардов рублей в 1937 году, с увеличением оборота столовых, ресторанов, кафе и буфетов в два раза.

б) Рост розничной государственно-кооперативной *торговой сети* на 26 процентов с улучшением всего торгового дела (холодильное хозяйство, строительство торговых баз и складов, доставка и завоз товаров), с особым развитием в быстро растущих сельскохозяйственных районах сети лавок и магазинов с товарами, обслуживающими назревшие бытовые, ремонтные и строительные нужды крестьян.

3. Съезд определяет рост *народного дохода* за третью пятилетку в 1,8 раза

и устанавливает в связи с этим полную возможность обеспечить растущими доходами населения и государства как нужды народного потребления, так и государственные нужды в развитии народного хозяйства, укреплении обороноспособности и создании необходимых государственных резервов.

Съезд подтверждает необходимость улучшения бюджетной и кредитной работы и укрепления советского рубля на основе роста социалистического производства, усиленного развития товарооборота и общего подъема материально-уровня жизни народа.

★

В целях безусловного выполнения поставленных третьим пятилетним планом задач XVIII съезд ВКП(б) требует от всех партийных, советских, хозяйственных и профсоюзных организаций:

а) живой оперативности и деловитости хозяйственного руководства, сосредоточения работы руководителей на правильной подборе кадров, на повседневной фактической проверке исполнения установленных партий и правительством заданий;

б) правильной организации заработной платы рабочих, мастеров и инженерно-технических работников, с должным материальным поощрением роста производительности труда;

в) развертывания социалистического соревнования и стахановского движения с обеспечением в предприятиях, учреждениях и в колхозах крепкой трудовой дисциплины и высокой производительности труда всех трудящихся.

Для осуществления задач третьей пятилетки необходимо полностью ликвидировать последствия контр-революционного вредительства шпионо-троцкистско-бухаринских агентов фашизма и иностранного капитала, поднять большевистскую бдительность во всей работе по строительству коммунизма и всегда помнить указание партии о том, что пока существует внешнее капиталистическое окружение, разведки иностранных государств будут засылать к нам

вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, чтобы портить, пакостить и ослаблять нашу страну, чтобы мешать росту коммунизма в СССР.

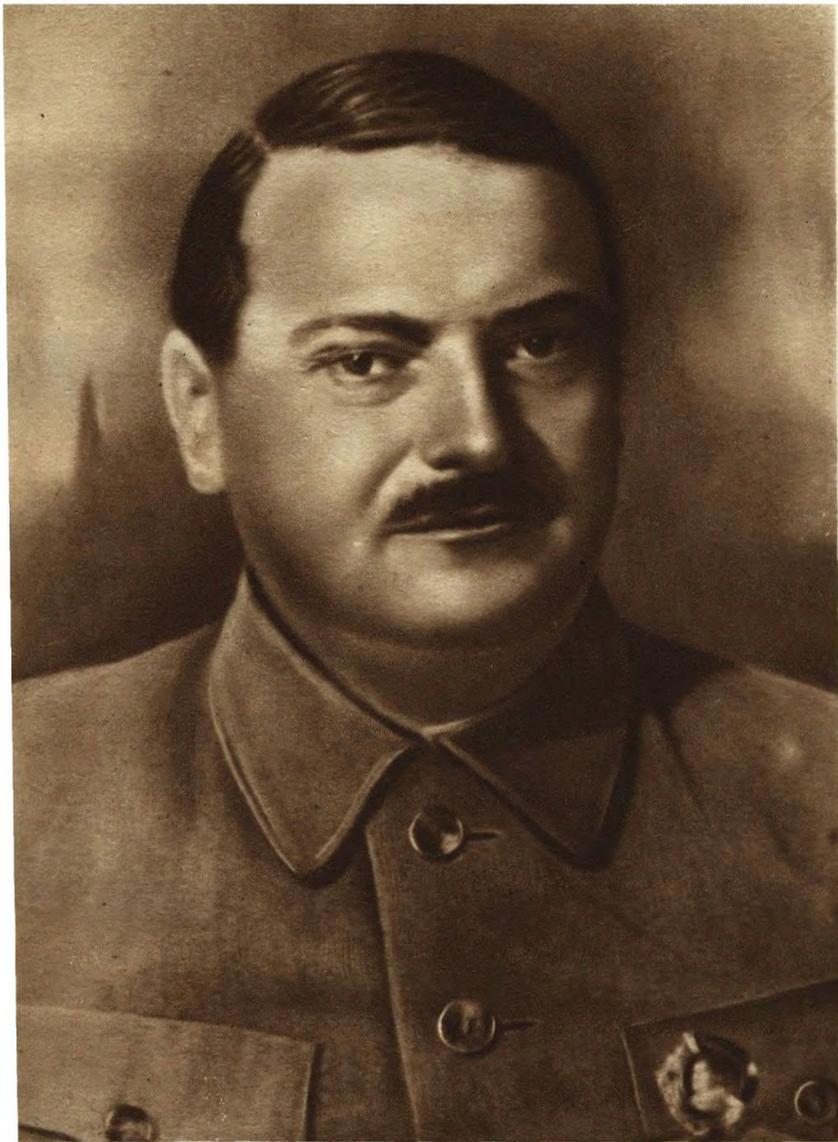
Осуществление великих задач третьего пятилетнего плана настолько тесно связано с кровными интересами рабочих, крестьян и советской интеллигенции, что обеспечение его выполнения зависит, прежде всего, от нас — коммунистов и непартийных большевистских руководителей, и особенно от нашего умения организовать труд и поднять коммунистическое воспитание трудящихся. От всех нас, от руководителей и рядовых рабочих, служащих и колхозников требуется, в первую голову, сознательное отношение к своим обязанностям, честный труд и помощь отстающим для того, чтобы третий пятилетний план победил, чтобы Советский Союз сделал новый гигантский шаг по пути к полному торжеству коммунизма. В нынешних условиях, когда в СССР безраздельно господствуют социалистические формы хозяйства, социалистическая собственность, социалистическая организация труда, когда решающее значение для успеха нашего дела приобретает коммунистическая сознательность в работе на пользу нашего государства, народа и всех трудящихся, — гигантски поднимается роль советской интеллигенции, умеющей по-большевистски работать, по-большевистски бороться за подъем культуры и коммунистической сознательности трудящихся. Теперь, после окончательного укрепления политических и экономических позиций социалистического общества в СССР, решают дело кадры, освоившие технику производства, решают дело советские культурные силы, возглавляющие массы трудящихся в их великой борьбе за полную победу коммунизма.

В капиталистических странах общество все глубже раздается новым мировым экономическим кризисом, выбрасывающим на улицу новые миллионы безработных, усиливающим нищету и отчаяние среди подневольной капиталу массы трудящихся. В стане капитализма тон задают фашистские страны с их

внутренним кровавым террором и внешней империалистической агрессией, приведшей уже к второй империалистической войне, с участием ряда стран Европы и Азии и грозящей разлиться дальше. Все это бесспорные признаки усиления общего, неизлечимого кризиса капитализма, паразитического гниения капитализма, приближения его краха. Тем ответственнее наши обязанности, обязанности строителей первого социалистического общества, успевшего уже политически и экономически окончательно встать на свои собственные ноги, полного сил и уверенности в своей

победе, рождающего бодрость и веру в свое близкое освобождение у трудящихся всех стран. Выполнение третьего пятилетнего плана будет лучшим свидетельством всепобеждающей силы коммунизма в его историческом соревновании с капитализмом.

XVIII съезд ВКП(б) требует от всех большевиков и от всех преданных делу строителей коммунизма сделать все для того, чтобы еще больше сплотить под великим знаменем партии Ленина — Сталина рабочих, колхозников, интеллигенцию для борьбы за победу третьего пятилетнего плана.

А. А. ЖДАНОВ

ИЗМЕНЕНИЯ В УСТАВЕ ВКП(б)

Тезисы доклада тов. А. ЖДАНОВА на XVIII съезде ВКП(б), одобренные в основном Политбюро ЦК ВКП(б)

3-й ПУНКТ ПОРЯДКА ДНЯ СЪЕЗДА

1. Победа социализма в СССР обеспечила господство социалистической экономики. Сообразно с коренными изменениями в области экономики СССР изменился классовый состав населения СССР. За годы социалистического строительства были ликвидированы все эксплуататорские элементы — капиталисты, купцы, кулаки, спекулянты. Трудящиеся СССР — рабочие, крестьяне, интеллигенция — глубоко изменились за годы социалистического строительства.

Коренным образом изменился рабочий класс, превратившийся в совершенно новый класс, освобожденный от эксплуатации, уничтоживший капиталистическую систему хозяйства и установивший социалистическую собственность на средства производства.

Коренным образом изменилось крестьянство, превратившееся в совершенно новое крестьянство, освобожденное от всякой эксплуатации, являющееся в своем подавляющем большинстве колхозным крестьянством, базирующим свою работу и свое достояние не на частном хозяйстве, единоличном труде и отсталой технике, а на коллективной собственности, на коллективном труде и современной технике.

Изменилась интеллигенция, ставшая в своей массе совершенно новой интеллигенцией, связанной всеми своими корнями с рабочим классом и крестьянством. Советская интеллигенция — это вчерашние рабочие и крестьяне и сыновья рабочих и крестьян, выдвинув-

шиеся на командные посты. Советская интеллигенция служит не капитализму, как старая интеллигенция, а социализму и является равноправным членом социалистического общества.

Таким образом классовые грани между трудящимися СССР стираются, падают и стираются экономические и политические противоречия между рабочими, крестьянами и интеллигенцией. Создалась основа морально-политического единства советского общества. Это морально-политическое единство советского народа получило свое блестящее подтверждение в создании блока коммунистов и беспартийных на выборах в Верховный Совет СССР и в Верховные Советы союзных республик и в полной победе этого блока. Вокруг партии выросли многочисленные кадры непартийных большевиков, передовых рабочих, крестьян и интеллигентов, активных и сознательных борцов за дело партии, проводников ее линии в массах.

В этой новой обстановке назрела необходимость изменения предусмотренных уставом условий приема в партийных членов. Ныне действующий, согласно уставу партии, порядок приема в партию по четырем разным категориям, в зависимости от социального положения принимаемого в партию, явно не соответствует изменившейся в результате победы социализма в СССР классовой структуре советского общества. Нужда в установлении разных категорий при приеме в партию и разно-

кандидатского стажа отпадает. В связи с этим для всех принимаемых в партию должны быть установлены единые условия приема и одинаковый кандидатский стаж, независимо от их принадлежности к рабочему классу, крестьянству или интеллигенции.

2. Необходимо дополнить уставное положение о членах партии и их обязанностях положением о правах членов партии, считающихся само собой разумеющимися, но не отмеченных в уставе. Такое дополнение устава партии отвечает росту активности членов партии и имеет исключительное значение для повышения их ответственности за дело партии, для ограждения членов партии от проявлений бюрократизма. Параграф 57-й устава партии гласит, что: «Свободное и деловое обсуждение вопросов партийной политики в отдельных организациях или в партии в целом является неотъемлемым правом каждого члена партии, вытекающим из внутрипартийной демократии».

Кроме этого права в уставе должны быть оговорены следующие права члена партии:

а) право членов партии критиковать на партийных собраниях любого работника партии;

б) право членов партии избирать и быть избранными в партийные органы;

в) право членов партии требовать личного участия во всех случаях, когда выносится решение о их деятельности или поведении;

г) право членов партии обращаться с любым вопросом и заявлением в любую партийную инстанцию вплоть до ЦК ВКП(б).

3. Уставом ВКП(б) предусмотрены проводимые периодическими решениями ЦК ВКП(б) чистки партии. Опыт показал, что впредь необходимо отказаться от массовых чисток партии по следующим мотивам:

а) метод массовых чисток, введенный в начале НЭП'а в период оживления капиталистических элементов, чтобы оградить партию от проникновения в ее ряды людей, разлагавшихся в связи с НЭП'ом, потерял почву для нынешней обстановки, когда капиталистические

элементы ликвидированы. Кроме того, на практике, как показал опыт, метод массовых чисток исключает возможность единственно правильного индивидуального подхода к членам партии, подменяя его огульным стандартным подходом к членам партии «по одной мерке». В связи с этим при массовых чистках имели место многочисленные необоснованные исключения из партии, а враждебные элементы, пробравшиеся в партию, использовали чистки для травли и избиения честных работников;

б) метод массовых чисток не дает возможности в полной мере осуществлять партийную установку о внимательном отношении к членам партии, к работникам и на практике зачастую ведет к ущемлению прав членов партии;

в) по отношению к враждебным элементам, пробравшимся в партию, маскирующим свое вражеское лицо средствами двурушничества и обмана партии, метод массовых чисток оказался мало действительным и не достигающим цели;

г) метод массовых чисток оказался обращенным своим острием, главным образом, против так называемых пассивных членов партии и приводил к исключению из партии честных и добросовестных ее членов по мотивам их, якобы, пассивности.

В связи с этим периодические массовые чистки партии необходимо отменить, установив, что партия может в обычном порядке очищать свои ряды от лиц, нарушающих программу, устав, дисциплину партии.

4. Партия на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 года и январском пленуме ЦК 1938 года осудила практику формального и бездушно-бюрократического отношения к вопросу о судьбе членов партии, об исключении из партии членов партии и о восстановлении исключенных членов партии. Эта практика, как известно, была широко использована проникшими в партию карьеристскими элементами, старавшимися отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, равно как замаскированными врагами внутри партии, старавшимися путем широкого

проведения мер репрессии перебить честных членов партии и посеять излишнюю подозрительность в партийных рядах.

Январский пленум ЦК 1938 года принял ряд мер, обеспечивающих ликвидацию практики огульных исключений из партии, установление на деле дифференцированного подхода при решении вопросов об исключении из партии или о восстановлении исключенных членов в партии.

В соответствии с этим необходимо дополнить устав рядом положений, которые должны:

а) обеспечить внимательный подход и тщательный разбор обоснованности обвинений, предъявленных члену партии;

б) оградить права членов партии от всякого произвола;

в) изъять из практики применение исключения из партии, являющегося высшей мерой партийного наказания, по отношению к членам партии, совершившим маловажные проступки.

5. Необходимо отменить уставное требование к кандидатам, вступающим в партию, согласно которому условием их приема ставится, помимо признания программы и устава партии и прохождения уставного кандидатского стажа, также усвоение программы.

Тов. Сталин в докладе на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 года указывал:

«Чтобы усвоить программу партии, надо быть настоящим марксистом, проверенным и теоретически подготовленным марксистом. Я не знаю, много ли найдется у нас членов партии, которые уже усвоили нашу программу, стали настоящими марксистами, теоретически подготовленными и проверенными. Если идти дальше по этому пути, то нам пришлось бы оставить в партии только интеллигентов и вообще людей ученых. Кому нужна такая партия? У нас имеется проверенная и выдержавшая все испытания ленинская формула о членстве в партии. По этой формуле членом партии считается тот, кто признает программу партии, пла-

тит членские взносы и работает в одной из ее организаций. Обратите внимание: в ленинской формуле говорится не об усвоении программы, а о признании программы. Это две совершенно различные вещи. Нечего и доказывать, что прав здесь Ленин, а не наши партийные товарищи, всеоблавающие об усвоении программы. Оно и понятно. Если бы партия исходила из того, что членами партии могут быть только такие товарищи, которые уже усвоили программу и стали теоретически подготовленными марксистами, то она не создавала бы в партии тысячи партийных кружков, сотни партийных школ, где членов партии обучают марксизму и помогают им усвоить нашу программу. Совершенно ясно, что если партия организует такие школы и кружки среди членов партии, то это потому, что она знает, что члены партии не успели еще усвоить партийную программу, не успели еще стать теоретически подготовленными марксистами. По этим мотивам необходимо отменить указанное уставное требование.

6. Новые задачи партии, возникшие в связи с поворотом в политической жизни страны, с принятием новой Конституции Союза ССР, потребовали от партии соответствующей перестройки практики партийной работы на основе безусловного и полного проведения в жизнь начал внутрипартийного демократизма, предписываемого уставом партии. В этих целях партия ликвидировала имевшее место в практике партийной работы нарушение основ демократического централизма и восстановила, в соответствии с уставом партии, выборность руководящих органов партийных организаций.

Партия провела также ряд дополнительных мер, обеспечивающих проведение последовательной демократической практики, а именно: отмена практики кооптации, воспрещение при выборах партийных органов голосования списком, переход к голосованию по отдельным кандидатурам, обеспечение за всеми членами партии неограниченного права отвода кандидатов и критики

последних, установление при выборах партийных органов закрытого (тайного) голосования кандидатов, установление обязательности периодического созыва городских партийных активов, а в больших городах — также и районных активов.

Устав должен отразить эти новые мероприятия партии, проверенные практикой, обеспечившие дальнейшее развитие критики и самокритики, подъем ответственности партийных органов перед партийной массой, рост активности партийной массы, и тем самым способствовавшие вооружению партии для успешного разрешения новых задач политического руководства.

7. Согласно уставу партии для практической работы по осуществлению партийных решений и постановлений (и проверки их исполнения советско-хозяйственными органами и низшими партийными организациями) в обкомах, крайкомах, ЦК нацкомпартий и ЦК ВКП(б) должны существовать целостные производственно-отраслевые отделы, причем «в каждом производственно-отраслевом отделе сосредотачивается вся работа в целом по данной отрасли: оргпарторганизация, распределение и подготовка кадров, агитмассовая работа, производственная пропаганда, наблюдение за выполнением партийных решений соответствующими советско-хозяйственными органами и партийными организациями».

Практика показала, однако, что такая организация партийного аппарата оказалась недостаточной.

Центральной организационной задачей партии за истекший период и в настоящее время была и остается задача правильного подбора людей и проверки исполнения. Этому вопросу придавал исключительное значение Ленин, указывая на XI-м Съезде партии:

«Мы пришли к тому, что гвоздь положения — в людях, в подборе людей... Подбирайте нужных людей и проверяйте практическое исполнение, — и это народ оценит».

В своем докладе на XVII-м Съезде партии тов. Сталин со всей силой подчеркнул значение правильного подбора

людей и проверки исполнения, говоря:

«Победа никогда не приходит сама, — ее обычно притаскивают. Хорошие резолюции и декларации за генеральную линию партии — это только начало дела, ибо они означают лишь желание победить, но не самую победу. После того, как дана правильная линия, после того, как дано правильное решение вопроса, успех дела зависит от организационной работы, от организации борьбы за проведение в жизнь линии партии, от правильного подбора людей, от проверки исполнения решений руководящих органов. Без этого правильная линия партии и правильные решения рискуют потерпеть серьезный ущерб. Более того: после того, как дана правильная политическая линия, организационная работа решает все, в том числе и судьбу самой политической линии, — ее выполнение, или ее провал».

Опыт показал, что слабости нашей организационной работы по подбору людей и проверке исполнения до сих пор не преодолены. Распыление дела подбора кадров между производственно-отраслевыми отделами привело к снижению размаха организационной работы, затруднило необходимое передвижение работников из одной отрасли в другую, выдвигание людей, целесообразное использование их на тех участках, которые в данный момент представляют особую важность для партии. Распыление дела подбора кадров по различным производственно-отраслевым отделам партийного аппарата стало прямым тормозом успешного разрешения задачи подбора и распределения кадров. Эта задача требует направления всей работы по кадрам из единого центра путем концентрации этой работы в едином аппарате, где должны быть сосредоточены опыт по подбору кадров, дело изучения кадров, опыт по их расстановке.

ЦК ВКП(б), учитывая такое положение, принял ряд мер, сосредоточив дело подбора кадров в Отделе руководящих парторганов (ОРПО ЦК).

Принимая, однако, во внимание перво-степенную важность дела подготовки и подбора кадров и большой объем этой работы, следовало бы реорганизовать ОРПО, выделив работу по кадрам всех отраслей работы в самостоятельное Управление кадров, а вопросы партийно-организационного руководства — в специальный Организационно-инструкторский отдел.

8. Недостаточной оказалась также практика распыления проверки исполнения партийных директив между различными производственно-отраслевыми отделами. Эту работу необходимо также концентрировать в одном месте, изменив, в соответствии с этим, характер деятельности КПК. Центральной задачей КПК должна стать задача усиления контроля за выполнением решений ЦК ВКП(б) и организации систематической проверки работы местных организаций. Необходимо установить, что КПК работает при ЦК ВКП(б). В связи с этим отпадает необходимость выборов КПК непосредственно на Съезде партии. Комиссия партийного контроля должна избираться пленумом Центрального Комитета ВКП(б) и работать под руководством и по директивам ЦК ВКП(б).

9. Задача ликвидации теоретической и политической отсталости партийных кадров, задача вооружения членов партии марксистско-ленинской теорией и овладения большевизмом требует поднятия на надлежащий уровень дела партийной пропаганды и агитации, в соответствии с решением ЦК «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)».

ЦК ВКП(б) должен иметь мощный аппарат пропаганды и агитации в виде Управления пропаганды и агитации, сосредотачивающий всю работу по печатной и устной пропаганде и агитации.

10. Производственно-отраслевые отделы ЦК ВКП(б) должны быть ликвидированы, за исключением Сельскохозяйственного отдела, ввиду особой важности задачи контроля и наблюдения за деятельностью советских и партийных организаций в области сельского хозяйства, и Отдела школ, который должен

контролировать постановку дела народного образования во всех республиках.

В обкомах, крайкомах и ЦК нацкомпартий должны быть созданы отделы: кадров, пропаганды и агитации, организационно-инструкторский и сельскохозяйственный и упразднены все остальные производственно-отраслевые отделы.

В райкомах и горкомах необходимо иметь отделы: кадров, пропаганды и агитации и организационно-инструкторский.

Руководство отделами пропаганды и агитации и отделами кадров в обкомах, крайкомах и ЦК нацкомпартий должно быть возложено на особых секретарей.

11. В условиях быстрого под'ема социалистического хозяйства, быстрого политического и культурного роста рабочих, крестьян и интеллигенции резко повысился темп партийной и государственной жизни. Для того, чтобы осуществлять руководство государственными и партийными делами, быстро реагировать на запросы, выдвигаемые жизнью, и своевременно разрешать назревшие вопросы, необходимо дополнить существующую схему центральных организаций партии — Съезд партии, ЦК ВКП(б) — новым органом, — Всесоюзной партийной конференцией. Это тем более необходимо, что большой промежуток времени между съездами партии ограничивает возможность выдвижения на руководящую работу, и в особенности в ЦК ВКП(б), выросших кадров работников партии, а конференция могла бы дать партии такую возможность. В связи с этим назрела необходимость дополнить схему центральных организаций партии — Съезд партии, ЦК ВКП(б) — Всесоюзной конференцией партии, созываемой не реже одного раза в год из представителей местных организаций, с тем, чтобы главной задачей Всесоюзной конференции партии считать обсуждение назревших вопросов политики партии.

Всесоюзной конференции партии нужно предоставить право замены части членов ЦК, то-есть право вывода из состава

ЦК отдельных членов ЦК, не обеспечивающих выполнения ими своих обязанностей, как членов ЦК, и замены их другими, но в количестве не более одной пятой состава ЦК, избранного Съездом партии. Конференция пополняет состав членов ЦК из числа кандидатов, избранных Съездом партии, и взамен их избирает соответствующее количество новых кандидатов в члены ЦК.

Решения конференции, за исключением решения о замене членов ЦК и избрании новых кандидатов в члены ЦК, не нуждающегося в утверждении ЦК ВКП(б), подлежат утверждению ЦК ВКП(б). Решения конференции, утвержденные ЦК ВКП(б), являются обязательными для всех партийных организаций. Делегаты конференции избираются на пленумах обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий. Члены ЦК, если они не являются делегатами по уполномочию от местных организаций, участвуют в работах конференции с правом совещательного голоса.

12. За истекший период на основе лозунга «партийно-политической и партийно-организационной работы укрепились первичные парторганизации, улучшилась их связь с массами, повысилась авангардная роль коммунистов, поднялся уровень партийной жизни. Партийные организации ближе подошли к практическим вопросам хозяйственного и культурного строительства.

Опыт показал, что успешная работа партийных организаций была обеспечена там, где первичная партийная организация сумела сочетать партийно-политическую работу с борьбой за успешное выполнение производственных планов, за улучшение работы государственного аппарата, за освоение новой техники, за укрепление трудовой дисциплины с развертыванием стахановского движения, с выдвижением на партийно-хозяйственную работу новых кадров. И наоборот, там, где партийные организации отошли в сторону от хозяйства, ограничив свои задачи агитацией, или там, где партийные организации приняли на себя не свойственные им функции руководства хозяйством, подменяя обезличивая хозяйственные органы,

там работа неизбежно попадала в тупик.

В настоящее время назрела необходимость более точно определить задачи различного типа первичных партийных организаций и в частности таких различных типов первичных партийных организаций, как партийная организация на производстве (фабрика, завод, совхоз, колхоз) и партийная организация наркомата. Партийной организации производственного типа (фабрично-заводской, совхоза, колхоза) должно быть предоставлено право контроля за состоянием дел предприятия, совхоза или колхоза. Это должно привести к усилению роли и ответственности первичных партийных организаций на производстве. Что касается партийных организаций наркоматов, то они, не имея, в силу специфических условий, функций контроля, должны усилить свою роль в деле улучшения работы государственного аппарата. Наркоматские партийные организации обязаны сигнализировать о недочетах работы того или иного наркомата, отмечать недостатки отдельных работников и сообщать о них в ЦК и руководителям наркомата.

Все члены партии, работающие в том или ином наркомате, должны объединяться общенаркоматской партийной организацией. Секретарь первичной организации наркомата должен утверждаться ЦК ВКП(б).

XVIII Съезд ВКП(б) постановляет внести в устав ВКП(б) следующие основные изменения и дополнения:

I. О ЧЛЕНАХ ПАРТИИ И ИХ ПРАВАХ И ОБЯЗАННОСТЯХ

1. Отменить существующие категории при приеме из кандидатов в члены партии и установить единый порядок приема из кандидатов в члены партии для рабочих, крестьян и интеллигенции. Все вступающие в партию обязаны представить рекомендации трех членов партии с трехлетним партийным стажем, знающих их по совместной работе не менее одного года. Для выходцев из других партий сохранить ныне действующие уставные правила. Решение

первичной партийной организации о приеме в партию вступает в силу по утверждению его райкомом или горкомом.

2. Дополнить раздел о членах партии и их обязанностях пунктом о правах членов партии, включив:

а) право членов партии критиковать на партийных собраниях любого работника партии;

б) право членов партии избирать и быть избранными в партийные органы;

в) право членов партии требовать личного участия во всех случаях, когда выносится решение о их деятельности или поведении;

г) право членов партии обращаться с любым вопросом и заявлением в любую партийную инстанцию вплоть до ЦК ВКП(б).

3. Отменить периодические массовые чистки партии, установив, что партия может в обычном порядке очищать свои ряды от лиц, нарушающих программу партии, устав партии, дисциплину партии.

4. Установить, что при решении вопросов об исключении из партии или восстановлении исключенных в правах членов партии должен быть обеспечен максимум осторожности и товарищеской заботы и тщательный разбор обоснованности обвинений, предъявленных члену партии, и что за мелкие проступки (неявка на собрание, неуплата в срок членских взносов) должны применяться предусмотренные уставом меры партийного воспитания и воздействия, а не исключение из партии, являющееся высшей мерой партийного наказания.

5. Решение первичной партийной организации об исключении из партии, а также о восстановлении исключенных в правах членов партии приобретает силу лишь в том случае, если оно утверждается обкомом (крайком) партии.

6. Апелляции исключенных из партии должны рассматриваться соответствующими партийными органами не позднее, чем в двухнедельный срок.

7. Отменить уставное требование к кандидатам, в силу которого товарищи, прошедшие кандидатский стаж, признающие программу партии и подчиняющиеся ее уставу и дисциплине, все же не могут считаться членами партии, пока они не усвоят программу партии, т. е. пока они не станут марксистски образованными партийцами.

II. О КАНДИДАТАХ В ЧЛЕНЫ ПАРТИИ

8. Привести раздел о кандидатах в члены партии в соответствие с разделом о членах партии (отмена категорий по приему).

9. Установить общий для рабочих, крестьян и интеллигенции кандидатский стаж сроком в один год.

10. Для выходцев из других партий сохранить ныне действующие уставные правила.

III. ОБ ОРГАНИЗАЦИОННОМ СТРОЕНИИ ПАРТИИ

11. Включить в устав следующие дополнительные положения, вытекающие из задач проведения в партии последовательной демократической практики и осуществления до конца основ демократического централизма:

а) воспретить при выборах партийных органов голосование списком. Голосование производить по отдельным кандидатурам, обеспечивая при этом за всеми членами партии неограниченное право отвода кандидатов и критики последних;

б) установить при выборах партийных органов закрытое (тайное) голосование кандидатов.

12. Учитывая особое политическое значение партийного актива в жизни партии, дополнить устав следующим пунктом об активах городских организаций:

Считать необходимым, чтобы во всех без исключения республиканских, краевых и областных центрах, а также во всех, более или менее значительных промышленных центрах обязательно созывались активы городских партийных организаций для обсуждения важ-

нейших решений партии и правительства, чтобы активы созывались не для парада и формально-торжественного одобрения этих решений, а для действительного их обсуждения, чтобы в больших центрах созывались не только городские, но и районные партийные активы.

13. Ликвидировать в ЦК ВКП(б) производственно-отраслевые отделы, за исключением Сельскохозяйственного отдела и Отдела школ.

Иметь в ЦК ВКП(б) следующие управления и отделы:

- а) Управление кадров;
- б) Управление пропаганды и агитации;
- в) Организационно-инструкторский отдел;
- г) Сельскохозяйственный отдел;
- д) Отдел школ.

В обкомах, крайкомах и ЦК нацкомпартий создаются:

- а) Отдел кадров;
- б) Отдел пропаганды и агитации;
- в) Организационно-инструкторский отдел;
- г) Сельскохозяйственный отдел.

В горкомах и райкомах создаются:

- а) Отдел кадров;
- б) Отдел пропаганды и агитации;
- в) Отдел организационно-инструкторский.

14. Во изменение существующего уставного порядка установить, что Комиссия партийного контроля избирается пленумом ЦК и работает под руководством ЦК ВКП(б).

Комиссия партийного контроля:

- а) контролирует исполнение директив ЦК ВКП(б) советско-хозяйственными органами и партийными организациями;
- б) проверяет работу местных партийных организаций;
- в) привлекает к ответственности виновных в нарушении программы и устава ВКП(б) и партийной дисциплины.

15. Руководство отделами пропаганды и агитации и отделами кадров в обкомах, крайкомах и ЦК нацкомпартий должно быть возложено на особых секретарей.

IV. О ЦЕНТРАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ПАРТИИ

16. Дополнить устав ВКП(б) следующими положениями о Всесоюзной партийной конференции:

а) Всесоюзная конференция созывается из представителей местных организаций для обсуждения назревших вопросов политики партии;

б) Всесоюзная конференция созывается не реже одного раза в год;

в) Делегаты Всесоюзной конференции избираются на пленумах обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий;

г) Порядок выборов и нормы представительства на Всесоюзную конференцию устанавливаются ЦК ВКП(б);

д) Всесоюзной конференции предоставляется право заменять часть членов ЦК, т. е. право выводить из состава ЦК отдельных членов ЦК, не обеспечивающих выполнения ими своих обязанностей, как членов ЦК, и заменять их другими, но в количестве не более одной пятой состава ЦК, избранного Съездом партии. Всесоюзная конференция пополняет состав членов ЦК из числа кандидатов, избранных Съездом партии, и взамен их избирает соответствующее количество новых кандидатов в члены ЦК;

е) решения Всесоюзной конференции, за исключением решения о замене членов ЦК и избрании новых кандидатов в члены ЦК, не нуждающегося в утверждении ЦК ВКП(б), подлежат утверждению ЦК ВКП(б). Решения Всесоюзной конференции, утвержденные ЦК ВКП(б), являются обязательными для всех партийных организаций;

ж) члены ЦК, если они не являются делегатами по уполномочию от местных организаций, участвуют в работах Всесоюзной конференции с правом совещательного голоса.

V. О ПАРТИЙНОМ СТАЖЕ ДЛЯ СЕКРЕТАРЕЙ ОБКОМОВ, ГОРКОМОВ, РАЙКОМОВ И НАЧАЛЬНИКОВ ПОЛИТОТДЕЛОВ КРАСНОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

17. В целях создания необходимых условий для выдвижения на руководя-

щую партийную работу новых кадров партийных работников, во изменение соответствующих параграфов устава, установить партийный стаж для секретарей обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий вместо 12-ти лет не менее 5 лет, для секретарей горкомов вместо 10 лет не менее 3 лет, для секретарей райкомов вместо 7 лет не менее 3 лет и для секретарей первичных партийных организаций и цехпарторгов вместо стажа в первом случае не менее 3 лет, а во втором не менее 2 лет, установить партийный стаж не менее одного года.

Для начальников политуправлений округов, флотов и армий считать обязательным вместо 10-летнего — 5-летний партийный стаж и для начальников политотделов дивизий и бригад вместо 6-летнего — 3-летний партийный стаж.

VI. О КРАЕВЫХ — ОБЛАСТНЫХ — РЕСПУБЛИКАНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ПАРТИИ

18. Установить, что в обкомах, крайкомах и ЦК нацкомпартий должно быть 4—5 секретарей, в том числе первый секретарь, второй секретарь, секретарь по кадрам и секретарь по пропаганде.

VII. ОБ ОКРУЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ПАРТИИ

19. Предоставить окружным партийным организациям уставные права, дополнив устав ВКП(б) соответствующим положением.

VIII. О ПАРТОРГАНИЗАЦИЯХ В КРАСНОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОМ ФЛОТЕ

20. В связи с созданием Наркомата Военно-Морского Флота распространить уставное положение о партийных организациях в Красной Армии также на парторганизации Военно-Морского Флота, установив, что Политическое Управ-

ление Военно-Морского Флота работает на правах Военно-Морского Отдела ЦК ВКП(б).

IX. О ПЕРВИЧНЫХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

21. Для повышения роли первичных партийных организаций производственных предприятий, в том числе совхозов и колхозов, и их ответственности за состояние работы предприятий, предоставить этим организациям право контроля работы администрации предприятия.

Наркоматские партийные организации, которые, в силу особых условий работы советских учреждений, функциями контроля пользоваться не могут, обязаны сигнализировать о недочетах в работе учреждения, отмечать недостатки в работе наркомата и его отдельных работников и направлять свои материалы и соображения в ЦК ВКП(б) и руководителям наркомата.

Секретари наркоматских партийных организаций утверждают ЦК ВКП(б).

Все коммунисты — работники центрального аппарата наркомата входят в одну общенаркоматскую партийную организацию.

22. Во изменение существующего положения именовать впредь выборные органы первичных партийных организаций не комитетами, а бюро (бюро такой-то партийной организации).

23. Бюро первичных парторганизаций создаются в парторганизациях, насчитывающих не менее 15 членов партии.

24. В целях быстрого выращивания и воспитания членов партии в духе коллективного руководства предоставить право цеховым партийным организациям, насчитывающим не менее 15, но не более 100 членов партии, избирать бюро цеховой партийной организации в составе от 3 до 5 человек, а насчитывающим свыше 100 членов партии — от 5 до 7 человек.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О НАГРАЖДЕНИИ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

★

За выдающиеся успехи и достижения
в развитии советской художественной
литературы наградить:

ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

1. Асеева Николая Николаевича.
2. Бажана Николая Платоновича.
3. Вирту Николая Евгеньевича.
4. Гладкова Федора Васильевича.
5. Дадиани Шалву Николаевича.
6. Демирчяна Дереника Карапетовича.
7. Катаева Валентина Петровича.
8. Коласа Якуба.
9. Корнейчука Александра Евдокимовича.
10. Купалу Янко.
11. Маркиша Переца Давыдовича.
12. Маршака Самуила Яковлевича.
13. Михалкова Сергея Владимировича.
14. Павленко Петра Андреевича.
15. Петрова Евгения Петровича.
16. Погодина Николая Федоровича.
17. Твардовского Александра Трифоновича.
18. Тихонова Николая Семеновича.
19. Тычину Павла Григорьевича.
20. Фадеева Александра Александровича.
21. Шолохова Михаила Александровича.

ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

1. Ата Салиха.
2. Барышникову Анну Куприяновну.
3. Бахметьева Владимира Матзевича.
4. Беззубову Феклу Ивановну.
5. Ильина М.
6. Бядулю Самуила Ефимовича.
7. Вересаева Викентия Викентьевича.
8. Гафура Гуляма.
9. Гамзата Цадасса.
10. Германа Юрия Павловича.
11. Зощенко Михаила Михайловича.
12. Иванова Всеволода Вячеславовича.
13. Исаковского Михаила Васильевича.
14. Киачели Лео.
15. Кирсанова Семена Исааковича.
16. Квитко Льва Моисеевича.
17. Крымова Юрия Соломоновича.
18. Крюкову Марфу Семеновну.
19. Лавренева Бориса Андреевича.
20. Леонидзе Георгия Николаевича.
21. Леонова Леонида Максимовича.
22. Лордкипанидзе Константина Александровича.
23. Лынькова Михаила Тихоновича.
24. Макаренко Антона Семеновича.
25. Магеррам-Оглы Дадаш Заде Ариффа.

26. Манн ура Шейхи.
27. Мосашвили Илью Онисимовича.
28. Новикова-Прибой Алексея Силевича.
29. Панферова Федора Ивановича.
30. Паустовского Константина Георгиевича.
31. Рыльского Максима Тадеевича.
32. Самуйленка Эдуарда Людвиговича.
33. Сарьяна Гегама.
34. Сейфуллину Лидию Николаевну.
35. Сельвинского Илью Львовича.
36. Тынянова Юрия Николаевича.
37. Токмагамбетова Аскара.
38. Турсун-Заде.
39. Умурзакова Ису.
40. Усенбаева Улымкула.
41. Федина Константина Александровича.
42. Форш Ольгу Дмитриевну.
43. Цуга Теучежа.
44. Чиковани Симона Ивановича.
45. Чуковского Корнея Ивановича.
46. Шагинян Мариэтту Сергеевну.
47. Шенгелая Демну Константиновича.
48. Шкловского Виктора Борисовича.
49. Яновского Юрия Ивановича.
16. Благинину Елену Александровну.
17. Боряна Гургена Михайловича.
18. Вишневского Всеволода Витальевича (ранее награжденного орденом Ленина).
19. Вургунa Самеда (ранее награжденного орденом Ленина).
20. Галкина Самуила Залмоновича.
21. Галсанова Цыденжанба Гасановича.
22. Глебку Петра Федоровича.
23. Финка Виктора Григорьевича.
24. Герасимову Валерию Анатольевну.
25. Гусева Виктора Михайловича.
26. Гайдара Аркадия Петровича.
27. Грифцова Бориса Александровича.
28. Гаприндашвили Валерьяна Ивановича.
29. Головки Андрея Васильевича.
30. Гофштейна Давида Наумовича.
31. Джамбула Джабаева (ранее награжденного орденом Ленина).
32. Дурды Клыча.
33. Долматовского Евгения Ароновича.
34. Дехоти Пир Мухамед Заде Абдусалама.
35. Джура Султана.
36. Диковского, Сергея Владимировича.
37. Жарокова Таира.
38. Жарова Александра Алексеевича.
39. Зарьяна Наири (ранее награжденного орденом Ленина).
40. Зоряна Степана Египаевича (ранее награжденного орденом Трудового Красного Знамени).
41. Инбер Веру Михайловну.
42. Караваеву-Анну Александровну.
43. Клдашвили Серго Давидовича.
44. Кожарова Идриса.
45. Коцюева Арсена.
46. Ковалева Ивана Федоровича.
47. Конашкова Федора Андреевича.
48. Коргуева Матвея Михайловича.
49. Кахара Абдулу.
50. Кассиля Льва Абрамовича.
51. Керембекова Саядильма.

ОРДЕНОМ «ЗНАК ПОЧЕТА»

1. Абдуллаева Сабира.
2. Абашидзе Ираклия Виссарионовича.
3. Азимова Сулеймана.
4. Адалис Аделину Ефимовну.
5. Антокольского Павла Григорьевича.
6. Абишева Альджапара.
7. Акиева Калька.
8. Анзорову Болкан.
9. Аббасова Амильджана.
10. Алымова Сергея Яковлевича.
11. Арази Мовесса Меликовича.
12. Бровку Петру Юстиновича.
13. Барто Агнию Львовну.
14. Билль-Белоцерковского Владимира Наумовича.
15. Бикбаева Баязита.

52. К а ш к и н а Ивана Александровича.
53. К о ч и н а Николая Ивановича.
54. К а м е н с к о г о Василия Васильевича.
55. Л а п и н а Бориса Матвеевича.
56. Л е б е д е в а - К у м а ч а Василия Ивановича (ранее награжденного орденом Трудового Красного Знамени).
57. Л о з и н с к о г о Михаила Леонидовича.
58. Л у г о в с к о г о Владимира Александровича.
59. Л я ш к о Николая Николаевича.
60. Л е в и н а Бориса Михайловича.
61. Л е б е д е в а Михаила Николаевича.
62. М а ш а ш в и л и Алио Андреевича (ранее награжденного орденом Трудового Красного Знамени).
63. М и р в а р и Дильбази.
64. М и т р о ф а н о в а Александра Георгиевича.
65. Н и к у л и н а Льва Вениаминовича.
66. Н о в и к о в а Ивана Алексеевича.
67. О л и г е р Маргариту Иосифовну.
68. О с м о н о в а Алымкула.
69. П л и е в а Гриш.
70. П р о к о ф ъ е в а Александра Андреевича.
71. П е р в е н ц е в а Аркадия Алексеича.
72. П а н ч а Петра Иосифовича.
73. П е н ь к о в с к о г о Льва Минаньевича.
74. П р и ш в и н а Михаила Михайловича.
75. Р я б и н и н а - А н д р е е в а Петра Ивановича.
76. Р а х и м и Мухамеджана.
77. Р о м а ш о в а Бориса Сергеевича.
78. С и ж а ж е в а Кильчука.
79. С е р а ф и м о в и ч а Александра Серафимовича (ранее награжденного орденом Ленина).
80. С е р г е е в а - Ц е н с к о г о Сергея Николаевича.
81. С т а в с к о г о Владимира Петровича.
82. С о б о л е в а Леонида Сергеевича.
83. С л а в и н а Льва Исаевича.
84. С л о н и м с к о г о Михаила Леонидовича.
85. С и м о н о в а Кирилла Михайловича.
86. С у р к о в а Алексея Александровича.
87. С а я н о в а Виссариона Михайловича.
88. Г о л с т о г о Алексея Николаевича (ранее награжденного орденом Ленина).
89. Т р е н е в а Константина Андреевича (ранее награжденного орденом Трудового Красного Знамени).
90. Т у р у с б е к о в а Юсупа.
91. Т а д ж и б а е в а Абгильда.
92. Т а з и Гиззата.
93. У л а н а ш е в а Николая.
94. Ф а й к о Алексея Михайловича.
95. Ф а р р а х а.
96. Ф е ф е р а Исаака Соломоновича.
97. Ш а н ш и а ш в и л и Сандро Ильича (ранее награжденного орденом Трудового Красного Знамени).
98. Ш е л е б и Николая Ивановича.
99. Ш и р а з а Оганеза Татевосовича.
100. Ш и ш к о в а Вячеслава Яковлевича.
101. Ш к в а р к и н а Василия Васильевича.
102. Ш а д а е в а Аполлона Иннокентьевича.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР *М. КАЛИНИН*,
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР *А. ГОРКИН*

Москва, Кремль. 31 января 1939 г.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ С'ЕЗД ВКП(б)

10 марта 1939 года становится исторической датой для нашей партии и советского народа, для всего международного революционного движения. В этот день, по решению Пленума Центрального Комитета Всесоюзной коммунистической партии, откроется XVIII с'езд ВКП(б). Лучшие сыны партии соберутся в Кремле, чтобы подвести итоги гигантской созидательной работы, осуществленной в СССР за последние пять лет, прошедшие со дня XVII с'езда, и наметить дальнейшие задачи победоносно продвигая вперед по пути полного торжества коммунизма.

В печати уже опубликованы одобренные в основном Политбюро ЦК ВКП(б) тезисы доклада товарища В. Молотова о третьем пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1938—1942 гг.) и тезисы доклада тов. А. Жданова об изменениях в Уставе ВКП(б). В партийных организациях и в печати развернулось обсуждение предс'ездовских документов. Поднимая широкую дискуссию вокруг вопросов повестки дня с'езда, ЦК ВКП(б) вовлекает в обсуждение не только всю массу членов партии, но и беспартийных трудящихся. Это позволит выявить ряд ценных предложений, которые помогут с'езду в его работе. Предс'ездовские документы, как и сообщение Пленума ЦК о созыве с'езда, вызывают в сердце каждого трудящегося чувство гордости и радости за свою страну, за партию, новый прилив бодрости и уверенности в окончательной победе дела Ленина—Сталина. Поднимается новая мощная волна трудового энтузиазма. Передовые предпри-

тия страны — московский станкозавод «Красный пролетарий», Магнитогорский металлургический, фабрика «Трехгорная мануфактура», стахановцы медной промышленности Свердловской области, Ленинградский судостроительный завод им. Орджоникидзе, рабочие и инженеры комбината Ростовуголь, Академия Наук СССР, колхозники сельхозартели № 1 им. Калинина Краснодарского края, коллектив совхоза «Гигант» и многие другие обратились с призывом ко всем трудящимся СССР организовать социалистическое соревнование им. XVIII с'езда ВКП(б). На призыв передовых заводов, фабрик, шахт, колхозов, совхозов ответили сотни и тысячи наших предприятий. Не осталось буквально ни одного уголка в СССР, где бы не готовились достойно отметить с'езд. Победами на фронте труда и науки, производственными подарками встречает советский народ знаменательное событие в жизни всей страны.

Со дня последнего — XVII — партс'езда прошло пять лет. XVII с'езд собрался в те дни, когда социализм одержал в нашей стране решающие победы во всех отраслях хозяйства и культуры; «генеральная линия партии победила по всей линии. XVII с'езд партии вошел в историю как «с'езд победителей» («История ВКП(б)»). На этом с'езде был намечен план второй пятилетки — пятилетки построения бесклассового социалистического общества. Ныне, подходя к своему XVIII с'езду, партия рапортует, что ленинско-сталинский план построения социализма в СССР выполнен. Вторая пятилетка по промышленности и

транспорту завершена досрочно. Пере-
выполнены также задания второй пяти-
летки по продукции сельского хозяйства.
По сравнению с 1932 г. — последним
годом первой сталинской пятилетки —
продукция промышленности в 1937 г.
выросла на 120 проц., при задании в
114 проц. Производительность труда в
крупной промышленности за вторую пя-
тилетку увеличилась на 82 проц., против
63 проц. по плану.

В результате выполнения второй пя-
тилетки в СССР разрешена историче-
ская задача — окончательно лик-
видированы все эксплуататорские клас-
сы и причины, порождавшие разделение
общества на эксплуатируемых и эксплу-
ататоров. Социалистическая обществен-
ная собственность на средства производ-
ства во всех отраслях народного хозяй-
ства является незыблемой основой ново-
го социалистического строя. Завершена
коллективизация сельского хозяйства,
колхозный строй окончательно окреп.
Тем самым решена труднейшая задача
социалистической революции.

В нашей стране «осуществлена в ос-
новном первая фаза коммунизма — со-
циализм» (Сталин). Это завоевание все-
мирно-исторического значения законода-
тельно закреплено в Сталинской Кон-
ституции СССР — конституции победы
социализма и рабоче-крестьянской демо-
кратии.

Социалистическая перестройка эконо-
мики вызвала коренные изменения в
классовой структуре советского общест-
ва. Свыше 95 проц. населения страны
занято в социалистическом хозяйстве
или тесно связано с ним. Наше общест-
во состоит теперь из двух дружествен-
ных классов — из рабочих и крестьян,
границы между которыми стираются, по-
степенно исчезают. Стираются также
границы между этими классами и интелли-
генцией. Сами трудящиеся СССР глу-
боко изменились за годы строительства
социализма. Наши рабочие, крестьяне,
интеллигенция свободны от эксплуата-
ции, безработицы, нищеты, голода —
всех этих ужасов капиталистического об-
щества, — они владеют средствами про-
изводства, они равноправные, активные
и сознательные труженики социалисти-

ческого общества. Социализм обеспечил
невиданное раньше нигде внутреннее мо-
ральное и политическое единство народа.
Яркое выражение это единство получило
на выборах в Верховный Совет СССР и
в Верховные Советы союзных и автоном-
ных республик. Сталинский блок комму-
нистов и беспартийных, невиданный и
невозможный в практике буржуазных
стран, но вполне естественный для на-
шей страны, где нет больше враждебных
классов, собрал на выборах под знаме-
нами партии Ленина—Сталина 98—99
процентов всего народа!

Период после XVII съезда замечателен
новыми победами ленинско-сталинской
национальной политики. Дружба наро-
дов СССР, их взаимное доверие и лю-
бовь крепко спаяли национальности на-
шей страны в единую могучую семью.
«В результате мы имеем теперь вполне
сложившееся и выдержавшее все испы-
тания многонациональное социалистиче-
ское государство, прочности которого
могло бы позавидовать любое нацио-
нальное государство в любой части све-
та» (Сталин).

Выполнена в основном также главная
и решающая хозяйственная зада-
ча второй пятилетки — завершена тех-
ническая реконструкция народного хо-
зяйства страны. Наши заводы, фабрики,
колхозы, совхозы вооружены перво-
классной техникой. Выросли новые кад-
ры, успешно овладевающие новой техни-
кой, что получило свое яркое выражение
в народном, стахановском движении.

Партия выдвинула задачу во втором
пятилетии — поднять материально-куль-
турный уровень трудящихся и повысить
уровень народного потребления в два и
более раза. Эта задача также выпол-
нена.

«На основе победоносного выполнения
второго пятилетнего плана и достигну-
тых успехов социализма, СССР вступил
в третьем пятилетии в новую полосу
развития, в полосу завершения строи-
тельства бесклассового социалистическо-
го общества и постепенного перехода от
социализма к коммунизму, когда решаю-
щее значение приобретает дело комму-
нистического воспитания трудящихся,
преодоление пережитков капитализма в

сознании людей — строителей коммунизма». (Тезисы доклада тов. В. Молотова).

Новая полоса в развитии СССР характерна колоссальным культурным и политическим под'емом. Этот под'ем проступает всюду, он виден в мощном размахе социалистического соревнования, в неудержимом росте стахановского движения, которое подготавливает условия для перехода к коммунистическому обществу. Для строителей социалистического общества труд стал жизненной потребностью, делом чести, доблести и геройства. Этот под'ем виден в росте народных талантов, в расцвете искусства, науки и культуры, в бурном росте героизма.

События у озера Хасан показали и силу морально-политического единства нашего народа, и непобедимую мощь советского оружия. Благодаря неустанным заботам большевистской партии Красная Армия оснащена первоклассными боевыми средствами, которые будут беспощадно обрушены на головы фашистских поджигателей войны, если они осмелятся посягнуть на священные рубежи СССР.

Успехи СССР еще ярче сияют на фоне упадка капитализма. У нас — расцвет, бурный под'ем, у них — экономический кризис, падение производства, вторая империалистическая война, в орбиту которой втянуто уже полмиллиарда населения земного шара. В 1938 г. промышленная продукция стран капитализма сократилась на 13,5 проц. против 1937 г., а по отношению к уровню 1929, предкризисного, года вся мировая продукция капиталистических стран составила 91 проц.

В то же самое время социалистическая индустрия неуклонно шла и продолжает идти в гору. По темпам промышленного развития СССР стоит на первом месте в мире. В 1938 г. продукция всей промышленности СССР увеличилась на 11 проц. по отношению к 1937 г.; к уровню 1929 г. промышленная продукция в СССР составила 412 проц., а по крупной промышленности — 477 проц.

Годы между XVII и XVIII с'ездами — годы триумфа марксистско-ленин-

ского учения, торжества партии Ленина Сталина — партии мудрой, прозорливой, смелой, в совершенстве владеющей передовой революционной теорией, тесно связанной с миллионами трудящихся.

Партия последовательно и решительно проводила и проводит свою генеральную линию. «Наша сила — полная ясность и трезвость учета всех наличных классовых величин, и русских и международных, а затем проистекающие отсюда железная энергия, твердость, решительность и беззаветность борьбы» (Ленин, т. XXVI, стр. 347). Твердо стоя на позициях творческого марксизма, партия никогда не боялась поднять руку на старое, отжившее и никогда не останавливалась перед тем, чтобы отдельные положения и выводы заменять новыми положениями и выводами, соответствующими новым историческим условиям.

ВКП(б) подходит к XVIII с'езду единой, монолитной, идейно выросшей, необычайно закаленной в боях за построение социализма. Как никогда, двухмиллионная большевистская партия сильна и тесно сплочена вокруг сталинского ЦК, вокруг вождя и учителя партии — товарища Сталина.

Все эти годы партия непримиримо боролась и продолжает борьбу со всеми врагами социализма; она нанесла сокрушительный удар двурушникам всех мастей, троцкистско-бухаринским и буржуазно-националистическим кровавым агентам фашизма. Разгромив основные вражеские гнезда, партия и с нею весь народ вышли из этой борьбы еще более крепкими, стойкими, могущественными.

Одной из крупнейших побед нашей партии на идеологическом фронте является выход в свет «Краткого курса истории ВКП(б)». Эта научная история большевизма идейно вооружает наши кадры в борьбе за полную победу коммунизма и способствует поднятию дела пропаганды марксизма-ленинизма на надлежащую теоретическую высоту.

Верная организационным принципам большевизма, партия приближается к с'езду, еще более заострив свое организационное оружие. Условия первой фазы коммунизма требуют дальнейшей

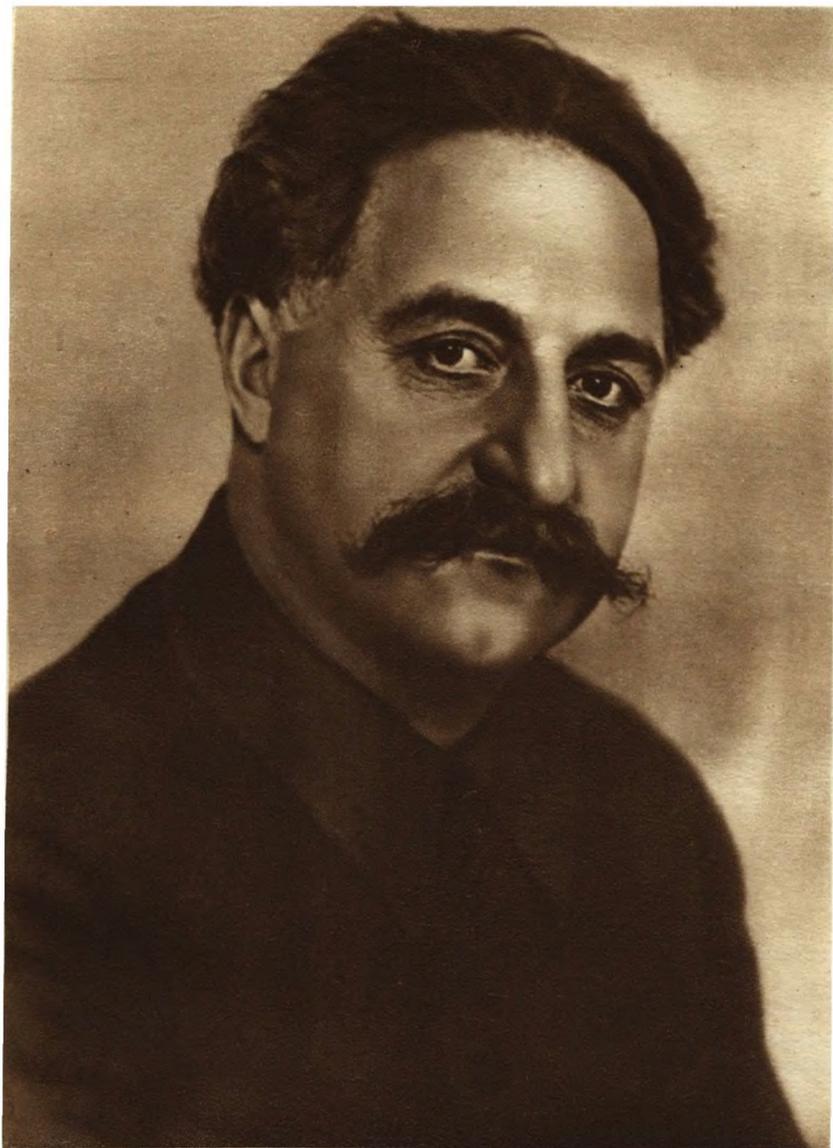
организационной перестройки. Основные линии ее изложены в тезисах доклада тов. Жданова об изменениях в Уставе ВКП(б). Эти изменения вытекают из глубоких сдвигов в классовой структуре, из условий первой фазы коммунизма.

Велики и грандиозны задачи третьего пятилетнего плана, который будет утвержден XVIII с'ездом партии. Тезисы доклада тов. Молотова рисуют нам волнующую картину строительства коммунизма в третьей пятилетке. Основная экономическая задача — догнать и перегнать также в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны Европы и Соединенные Штаты Америки. Третья пятилетка должна обеспечить такой рост народного дохода и развитие товарооборота, чтобы поднять народное потребление в полтора-два раза. В прошлом наша страна была крайне отсталой в экономическом отношении. Вот почему при всех наших огромных победах уровень развития промышленности СССР в смысле размеров производства на душу населения и теперь еще значительно ниже наиболее развитых в технико-экономическом отношении капиталистических стран. В частности мы отстаем еще по размерам производства на душу населения по таким промышленным товарам, как ткани, бумага, мыло, и некоторым другим. Ныне ставится задача это отставание решительно и полностью преодолеть. В третьей пятилетке мы должны сделать новый крупный шаг вперед в историческом деле поднятия культурно-технического уровня рабочего класса, передовой и руководящей силы социалистического общества, до уровня работников инженерно-технического труда. Наконец, третья пятилетка должна

обеспечить нам создание крупных государственных резервов.

Для победы плана третьей сталинской пятилетки требуется дальнейшее еще большее сплочение вокруг большевистской партии, вокруг нашего вождя и учителя товарища Сталина всех рабочих, колхозников, интеллигенции. В нынешних условиях «решающее значение для успеха нашего дела приобретает коммунистическая сознательность в работе на пользу нашего государства, народа и всех трудящихся». При этом гигантски поднимается роль советской интеллигенции, которая является наиболее сознательной, передовой частью советского народа, и от нее в значительной мере зависит успех коммунистического воспитания миллионов. Талантливая интеллигенция советского народа радостно и плодотворно трудится на пользу социализма. Недавние указы Президиума Верховного Совета о награждении орденами лучших советских писателей и работников кинематографии лишней раз подчеркивают, что на фронте науки, труда, искусства наша интеллигенция доказала свою преданность партии, народу, показала, что умеет работать, большевистски бороться за под'ем культуры и коммунистической сознательности трудящихся. Третья пятилетка зовет нашу интеллигенцию к новым славным делам и подвигам и властно напоминает, что сейчас «решают дело советские, культурные силы, возглавляющие массы трудящихся в их великой борьбе за полную победу коммунизма». (Тезисы доклада тов. Молотова).

Большевистская партия идет к XVIII с'езду под боевым знаменем Ленина—Сталина. С этим знаменем партия победила в борьбе за построение социалистического общества. С этим знаменем партия победит в грядущих боях за окончательное торжество коммунистического строя.

Серго ОРДЖОНИКИДЗЕ

Командир-большевик

★

Неутомимый, пламенный агитатор, борец за великое дело Ленина — Сталина, Серго Орджоникидзе с молодых лет посвятил всего себя, свою жизнь на борьбу за светлое будущее всего человечества, за счастливую жизнь трудового народа.

Деятельный юноша Серго Орджоникидзе — член Сухумского окружного комитета партии большевиков и руководителя гудаутской партийной организации.

1905 год. Серго с брошюрой своего учителя товарища Сталина «Вскользь о партийных разногласиях», как с путевой звездой, громит меньшевиков в Западной Грузии, организует митинги-дискуссии, готовит оружие для революционного восстания.

Но жизненный путь большевика при царизме — это путь тюрем и ссылок, революционная борьба и схватки с жандармерией и опять аресты и тюрьмы.

«Арестовали в Гудаутах 24 декабря 1905 года, освободили в апреле 1906 года. Уехал в Германию в конце августа 1906 года и вернулся в начале 1907 года. Был 1 мая в Баку, выпущен 26 мая, вновь был арестован там же в 1907 году, не то 1 октября, не то 1 ноября, и осужден в 1908 году на ссылку на поселение. В 1909 году был освобожден в Приангарском крае Енисейской губернии в июне в селе Потоскуй. Бежал из ссылки в том же году в августе и прибыл в Баку. В связи с провалом уехал в Персию. Принимал участие в экспеди-

ции Сардар-Мухи на Ардабил против контрреволюции. В конце 1910 года эмигрировал во Францию.

В 1912 году был арестован в Петербурге и просидел (в Петербурге, Шлиссельбурге, Иркутске, Александровске) до конца 1916 года. В 1916 году был освобожден в Якутске, в 1917 году вернулся в Питер».

Вот краткая запись в блокноте товарища Серго Орджоникидзе о его «жизнь-быть» в тюрьмах, ссылках и казематах.

Великая Октябрьская социалистическая революция потребовала еще большего напряжения всех сил для борьбы с контрреволюцией, с внутренними белогвардейцами и иностранными интервентами. Лучшие силы партии, ее выдающиеся деятели пошли на фронт, и в числе этих деятелей, рука об руку с товарищем Сталиным и под его руководством, на различных фронтах гражданской войны боролся товарищ Серго Орджоникидзе.

1918 год. Немецкие захватчики оккупировали Украину. Они грабили достояние трудящихся масс. Решением Центрального Комитета партии и Совнаркома Серго Орджоникидзе назначается временным чрезвычайным комиссаром района Украины. С января до весны, находясь в Харькове, Серго Орджоникидзе вел борьбу с немцами и гайдамаками, укрепляя советскую власть.

11 апреля 1918 года Совнарком РСФСР за подписями Ленина и Сталина издал декрет об образовании Чрезвы-

чайного Комиссариата на юге России. Руководителем Комиссариата был назначен Серго Орджоникидзе.

Так же, как и в Харькове, тов. Орджоникидзе в Ростове вел борьбу с буржуазной контрреволюцией, наводил порядок, громил левых эсеров и меньшевиков.

После захвата Ростова германо-гайдамацкими и белоказачьими частями Серго отступил со своими эшелонами в Царицын. Вскоре в Царицын приехал товарищ Сталин. Некоторое время товарищ Орджоникидзе оставался в Царицыне, а затем товарищ Сталин послал его на Кубань, куда также двигались немецкие войска, а белогвардейские генералы Корнилов, Алексеев и Деникин формировали там так называемую «добровольческую армию».

Борьба с контрреволюцией на Северном Кавказе происходила в тяжелых условиях. Красная Армия и партизанские отряды, отрезанные от Советской России, не имели патронов и снарядов, приходилось покупать их по пяти рублей за штуку. Революционная воля и энергия Серго Орджоникидзе воодушевляли красноармейцев, рабочих, ингушей, осетин-керженцев. Долгое время белым не удавалось захватить Владикавказ. Сам Серго все время проводил на позициях и руководил боями. Но трудно было сопротивляться хорошо вооруженным силам белых, не имея снарядов. Красные части отступили: часть — по Военно-Грузинской дороге на Тифлис, а другая часть во главе с товарищем Орджоникидзе отошла в горы Ингушетии. Переход через горы, через Хевсурский перевал в Центральную Грузию небольшого отряда красных частей под руководством товарища Орджоникидзе является одним из ярких примеров мужества и героизма, какие проявляли части Красной Армии в годы гражданской войны.

В начале июля 1919 года Серго Орджоникидзе в Москве, а в середине июля он уже на Западном фронте в качестве члена Реввоенсовета 16-й армии. Здесь под руководством товарища Сталина — члена Реввоенсовета Западного фронта — Серго вел борьбу с

белополяками, укреплял политико-моральное состояние войск, формировал новые части.

Осенью 1919 года возросла опасность на Южном фронте. Деникин занял Воронеж, Орел. Передовые части его армии подходили к Туле. Спастись положение на Южном фронте ЦК партии послал товарища Сталина, а в его распоряжение был назначен товарищ Орджоникидзе.

В качестве члена Реввоенсовета 14-й армии товарищ Орджоникидзе возглавил ударную группу фронта, которая должна была по гениальному плану товарища Сталина нанести сокрушительный удар отборным частям деникинской армии.

Вскоре лучший 1-й армейский корпус добровольческой армии ударной группой Серго Орджоникидзе был разбит. Белые начали отступать.

8 января 1920 года Первой Конной армией был занят Ростов. Белые бежали к Новороссийску. Нужно было ликвидировать остатки белых на Северном Кавказе. 23 января создается новый — Кавказский фронт, товарищ Орджоникидзе назначается членом Реввоенсовета этого фронта.

Остатки белых армий собрались в Крыму. Там их возглавил белогвардейский барон Врангель. Одновременно с наступлением в Северную Таврию Врангель высадил десант на Кубани. Ликвидацию этого десанта Ленин поручил Серго Орджоникидзе.

В сентябре 1920 года товарищ Орджоникидзе доносил Ленину, что десант в районе Ахтырки загнан в болота и камыши на берегу моря, десант на Таманском полуострове уничтожен, банды генерала Фостикова будут ликвидированы в ближайшие три-четыре дня. Так были ликвидированы остатки белогвардейцев на Кавказе.

Таков путь командира-большевика. Его светлый образ пламенного большевика-революционера, верного соратника Ленина и Сталина будет вечно жить в памяти народов Советского Союза. Его мужество, храбрость и героизм будут служить ярким примером для нашей молодежи в будущих боях за нашу социалистическую родину.

Доля поэта

ТРАГЕДИЯ

САВВА ГОЛОВАНОВСКИЙ

Перевел с украинского Н. Браун.

★

ПЕРВЫЙ АКТ

Большая комната в квартире Костомарова. Трое дверей — в боковую комнату, в коридор и в кабинет ученого.

В комнате мать Костомарова, Татьяна Петровна. Она с удивлением смотрит на запертые изнутри двери сыновнего кабинета. Оттуда слышен звон посуды, котрую, очевидно, разбивают.

★

Татьяна Петровна.

Да прекрати ты, наконец, разгром!
Ты слышишь, Николай? Что за
несчастье!

Костомаров (*из-за дверей*).
Вы не мешайте...

Татьяна Петровна.

Я не посмотрю
на то, что ты профессор Костомаров.
Вот я велю Фоме, чтоб подал кнут,
и выпорю тебя, как на конюшне.
Подумать только — превратить весь
дом

в такой кабак!

(Помолчав).

Вот выйди ты оттуда...

Костомаров (*равнодушно*).

Так, так, мамаша, очень хорошо.
Сегодня мне ваш выговор на пользу.
(Слышен звон посуды).

Татьяна Петровна.

О, господи! Да он с ума сошел...
(В коридоре звонят).

Пришел там кто-то... Слышишь? Не
к тебе ли?

Костомаров (*из дверей*).

Профессор занят. Гнать.

Татьяна Петровна.

Ну, вот. А он
с рассвета бьет фамильную посуду...

Вот и втолкуй, пойди, ему, втолкуй.
(Выходит, чтобы открыть дверь, внезапно
вбегает Алина, за ней возвращается Татьяна
Петровна).

Алина.

Ну, как здоровье? Добрый вечер,
мама!

Что нового? Приехала я к вам
похвастаться своим венчальным
платьем.

Татьяна Петровна.

Взгляни — жених-то твой с ума
сошел!

Алина (*улыбаясь*).

Что с ним опять?

Татьяна Петровна.

С посудой воюет.
Фарфоровый фамильный наш сервиз
профессор твой, как видно, добывает.
(Выходит).

Алина (*стучит в кабинет*).

Открой мне, Николай... ведь это я...

Костомаров.

Что там еще за «я»?

Алина.

Невеста ваша.

Костомаров.

Нельзя сюда, Алиночка, ты
слышишь?

Здесь мужиками комната полна,
Сам говорит тут с ними Стенька
Разин...

Алина (смеется).

Ну, извини...

(Татьяна Петровна возвращается, Алина
отходит от дверей).

Приехала я к вам
похвастаться своим венчальным
платьем.

(Раскрывает картонку).

Взгляните... Уверю вас, что вы
в таком перед венчаньем не стояли.

(Вынимает платье, примеряет его).

Что, хороша? Еще здесь будет
шлейф

и поясок — его дошьют сегодня...

Он будет туго облегать меня
и на спине завязан будет бантом.

Такой фасон — портниха говорит —
придуман для принцесс и для
красавиц.

Татьяна Петровна.

Ах, красота! Какой прекрасный шелк!

Алина.

У вас ведь, правда, не было такого?

Татьяна Петровна.

Ой, доченька... Когда я шла к венцу,
я о венчальном платье не мечтала...

Отец мой был всего лишь крепост-
ной,

и безнадежно пана я любила.

(Вытирает слезу).

Алина.

Ах, мама, мама... Он же вас любил.

Татьяна Петровна.

Любил. Да разве были мы счастли-
вей

от той любви? Ты знаешь, ведь, —
отцы,

ты понимаешь, как они восстали
против несчастной той любви...

Тайком

с Ивасиком я ночью повенчалась...

И на венчаньи не было отца,
и мать крестом нас не благословила.

← (Вытирает лицо).

Когда ж портниха платье-то дошьет?
Ведь времени так мало.

Алина (складывает платье).

Что вы! Хватит...

Сначала будет свадьба Кулиша...

Татьяна Петровна
(таинственно)

А там еще, как будто, будет
свадьба...

Алина.

Да что вы? Чья?

Татьяна Петровна.

Нет, дочка, не скажу.

Одной лишь мне открыта эта тайна.
Никто о ней не знает.

Алина.

Но ведь мне
Вы можете сказать. Да вы
не бойтесь!

Чья свадьба?

Татьяна Петровна.

Ну, уж так и быть, скажу, —
Шевченкова.

Алина (обрадовалась).

Да быть того не может.
Кто ж молодая? Кто она?

Татьяна Петровна.

О том,
Алиночка, сказать тебе не смею.

Алина.

Да вы ведь, мама, начали уже...
Клянусь, никто об этом не узнает!
И не скажу я никому.

Татьяна Петровна

Тарас,
Наверно, скоро сам о том об'явит.
И ты тогда услышишь.

Алина (становится на колени).

Ну, прошу,
Ну, умоляю вас — скажите, мама...
Клянусь я вам — коли судил господь
от Николая в чем-нибудь таиться,
я никогда не выболтаю тайны,
узнав невесты имя.

Татьяна Петровна
(прижимая к себе Алину).

Ах, плутовка!

Ах ты, злодейка! Ну, пускай меж
вас
То будет тайной первой и последней.
(Решившись).

В прислугах у Твардовского она.
Алина (вскочив, с удивлением).
Да это ж Ольга! Боже мой!..

Татьяна Петровна.
Девуца

она хорошая...

Алина (ничего не помня).
Но ведь она...
ведь крепост...
(Спыхватывается).

Ах ты господи, простите...
Простите же...

Татьяна Петровна.
Немало есть людей
из крепостных — хороших
и достойных,
Да вот Тарас — он был ведь
крепостным,
а среди всех, кто крови
благородной,
отыщешь ли ты равного ему?

Алина.
Да у меня ведь не было и в мыслях
обидеть вас! Простите же...
(Слышен звон посуды).

Татьяна Петровна.
Ну, вот...
Опять с ума он сходит... И накажет
господь таким несчастьем!..
(В коридоре звонят).

Посмотрю,
кто там пришел... О, боже милосерд-
ный!..
(Выходит в коридор; слышно, как она
открывает дверь, кто-то входит).

Ну, господа, ну смилуйтесь хоть вы.
Взбесился ваш профессор Костомаров.

Голос Кулиша.
Ах, боже мой! А что там с ним
опять?
Ну мы спасем профессора немедля.
(Входят Кулиш и Гулак).

Гулак.
Мое почтение!
Кулиш (целует алинину руку).
Ах, какие, ах!
Мадмуазель, вы необыкновенны
сегодня!

Алина.
Только?
Кулиш.
Что вы! И вчера...
Да и всегда.

Алина.
Ну, вот, другое дело...
Гулак.

Где ж господин профессор?
Алина (окликает).

Николай.
К тебе друзья пришли. Открой!..
Быть может,
тебя утихомячат хоть они.

Кулиш.
Так где ж он? Николай, да
отзовись ты!

Костомаров.
Да уж идите, что ж...
(Открывает дверь, Кулиш переступает порог
кабинета).

Кулиш (всплескивает ладонями).

Святой господь!
Крещеный люд! Вы только
посмотрите!
Что делаешь ты, Николай?

Костомаров (входит, за ним —
Кулиш).

Да вот
сичу над интереснейшей главою:
как Стенька Разин с боем по Руси
с вооруженной братией проходит.

Кулиш.
При чем же безоружный тут сервиз?

Костомаров.
А я, мой друг, держусь такого мнения,
что, о любом предмете говоря,
писатель должен стать самим
предметом.
К примеру, я про Разина пишу:

стать Разиным я должен хоть
 Хотя б на шаг войти в тот ^{немного...} буйный
 мир,
 что окружает моего героя.

Гулак.

Законы вдохновенья!

Костомаров.

А сервиз —
 то первое, что под руку попало.

Кулиш (смеется).

Что ж, в этом смысл глубокий!

Алина.

А скажи...
 Теперь ты вышел из... из этой роли?

Костомаров.

О, не пугайтесь, друг мой!

(Целует ей руку).

Ну, а где
 все остальные?

Гулак.

Скоро будут.

Кулиш (настороженно).

Разве
 ты пригласил еще кого-то в гости?

Костомаров.

Прости, я не предупредил тебя, —
 боялся — не придешь, когда узнаешь.
 Сегодня братья соберутся здесь
 Кирилла и Мефодия.

Кулиш (несколько раздраженно).

Зачем же

вы силой вовлекаете меня?
 Вы знаете, что я умом и сердцем
 всегда и всюду с вами. Только я —
 я не хочу участвовать в ненужных
 и тайных этих сборищах...

Гулак.

Постой...

Но ты же ведь на-днях покинешь
 Киев...

Вот Савич за границу собрался.
 И все друзья раз'едутся на лето...

Костомаров.

Ты разве не согласен среди нас
 разлуку обозначить?

Кулиш (с нотой раздражения).

Ну, конечно...

Уж если так...

Костомаров.

Да, только, только так!

Лишь дружеская встреча.

(Кричит у двери).

Слушай, мама,
 а есть у нас еще один сервиз?..

Татьяна Петровна (в дверях).

О, господи!

Костомаров.

Да ты не бойся! Скоро
 сойдутся гости... приготовь нам чай.

Алина.

А вот я помогу вам...

Костомаров.

О, прекрасно!

(Алина уходит вслед за Татьяной Петров-
 ной. Сразу же Костомаров таинственно
 начинает).

Ну, милые друзья, я приберег
 для вас сюрприз такой сенсационный,
 что, полагаю, будете вы все
 довольны.

Кулиш.

О, надеемся, конечно!

Костомаров (таинственно).

Тарас наш тоже женится.

Кулиш (театрально всплескивая
 руками).

Майн гот!

На ком же? Боже милостивый!

Гулак.

Сам он
 сказал?

Костомаров (смеется).

«Под звон тарелок и ножей
 Вдруг долетело до моих ушей...»
 Я даже знаю, кто его мадонна.

Кулиш.

Сенсация!

Гулак.

Но кто же... кто она?

Кулиш.

Хорошего бы только состоянья
да знатного семейства.

Костомаров.

Подожди.

Вы все ее увидите сегодня.
Не забывайте только: для других
все это тайна страшная покуда.

Кулиш.

О, даже так! Чудесно!..

Костомаров.

Я пошлю
за нею Фомку, чтоб ее позвал он.

Гулак.

Постой... удобно ли? А вдруг Тарас
обидится?.. Он будет здесь...

Костомаров.

Об этом
я думал... Он не скоро будет здесь.
Вернуться должен он еще с этюдов,
наверно, запоздает. Ну а мы
обсудим выбор до его прихода

(Зовет).

А ну-ка, Фомка... Фомка! Где же ты?

(С отчаянием).

Заснул, проклятый хлопец! Погодите,
растормощу-ка я его...

(Выходит. Пауза).

Кулиш

Слышал?
Кобзарь-то заиграл на новых струнах.

(Пауза).

Скажи, Гулак... Ты думал ли о том,
какую роль ужасную могла бы
она сыграть в судьбе Тараса?

Гулак.

Кто?

Кулиш.

Супруга. Женщина. Хороший,
простодушный
теленек бесхарактерный она,
иль человек гармонии и света,
всесильная высокая душа?
Какой талант ему послало небо!
Чего только не дал ему господь!..
Когда бы мне такой могучий гений,
я умер бы наверно... Я читал

стихи, написанные им недавно...

О, господи, да это ведь скала!

Все это страшно и прекрасно вместе,
стихи его чудесны и страшны...

(Пауза).

Мне непонятен эгоист Сальери —
как Моцарту завидовать он мог?
Поверь, я не завидую Тарасу.
Я знаю, что не равны мы... Но все ж
какую-то ответственность несу я
за русло то, каким он потечет...

Гулак.

Ты думаешь, что русло...

Кулиш (*предостерегающе*).

Нет. Не знаю.

Я чувствую, что вот пришел пророк,
но он, как все вожди и все пророки,
на свет явился рано... Что сейчас
его пророчества и эти плачи?
Народ наш спит, и сон его тяжел,
глубокий сон... Не скоро пробудишься
от сна такого.

(Нервно ходит по комнате).

И не бунт, не бунт,
а всеблагую истину христову
в душе народной сеять нам пора!
Пора бы просветить нам эту душу,
а не смущать, как делает Тарас, —
еще не время думать о свободе.

Гулак.

Вокруг Тараса есть друзья.

Кулиш (*безнадёжно вздыхая*).

Да есть...

Гулак.

Ты думаешь, как будто, что не могут
другие на него влиять?

Кулиш.

Да нет,

я думаю, что могут... Только жалко,
что ими все-таки не будем мы.

А я б хотел, чтоб мы его растили
и чтобы славой музы мужика
мы нацию свою могли прославить.

(Возвращается Костомаров).

Костомаров.

Ну вот, Фома пошел.

Кулиш (*не слушая, продолжает*).

Вообразим,

что этот мозг, покуда непокорный,
мы сообща обтешем. Но душе,
его душе хороший нужен цензор.
Такой, чтоб тонким чувствам научил
крамольную и площадную душу.

Г у л а к.

С Тарасом это трудно... Я б сказал,
что это с ним и вовсе невозможно...

К у л и ш.

Скажу тебе я, друг мой: для людей,
что только зло и рабство испытали
и ничего другого, как Тарас, —
для них уж ничего не остается,
как только биться, биться в стену
лбом,

ища воображаемой свободы.

А дай им каплю нежного тепла
и лишь на миг сердечного комфорта,
тогда не крик из сердца у него,
а соловьиная польется песня.

К о с т о м а р о в (*который все время
молча слушал*).

Ты знаешь, вот сейчас я пожалел,
что все это затеял... Да.., как будто
я смысл твоих суждений угадал.

К у л и ш.

Ты пожалел? Ах, вот как! Так выходит,
что надо нам заботиться о том,
чтоб как-нибудь еще спасти Тараса?

К о с т о м а р о в (*уклоняется от испы-
тующего взгляда Кулиша*).

Не думаю...

Г у л а к.

Так, так... А кто ж она?

К у л и ш.

Не думаешь! Ты, видно, не уверен?

(Внезапно).

Так кто ж она? — скажи нам,
Николай!

К о с т о м а р о в.

Ты, значит, вправду думаешь вмешаться
В свободный выбор, в душу кобзаря?

К у л и ш.

Я думаю: вмешаться в этот выбор —
Святой наш долг. Наш долг святой!

К о с т о м а р о в.

Панько,

Скажи мне, если бы Тарас однажды
тебе сказать надумал: не люби,
пожалуйста, ты Ганны Белозерской
и не веди ее ты к алтарю,
иль мне сказал бы то же про Алину,—
да я бы... я...

К у л и ш (*поучительно*).

Ты — господин себе,
я тоже господин себе; Шевченко ж —
он не себе принадлежит, а нам.

Г у л а к.

На счастье ведь имеет право каждый.

К у л и ш.

Что ж, может быть. Но только не
пророк.

Пророк обязан от себя отречься, —
когда ж отречься он не может сам —
мы сделать так должны. Тогда он
будет

не Пугачев, не Разин, не мужик,
а соловей. Тогда по всей Европе,
по всей вселенной пышно расцветет
нам дорогое слово «Украина».

(Пауза).

Г у л а к.

Да, да... возможно.

К у л и ш.

Именно... Она —
ведь только шаг. Лишь первый шаг,
быть может.

(В коридоре слышен звонок. Кулиш замолкает
и, не выдавая того, что спешит, садится в
углу. Пауза. Слышно, как открывают дверь.
Через минуту входят Савич, Петров).

С а в и ч.

Привет вам, господа... А где Тарас
Григорьевич, — он тут?

К о с т о м а р о в.

Он скоро будет.

Садитесь, размещайтесь...

С а в и ч (*садясь рядом с Петровым*).

Господа,

а я сегодня посмеялся крепко.

Нет, вы поймите только, я иду
Крещатиком, — домой я возвращался,—
вдруг в щеголе одном я узнаю
поручика Грановского... «Куда вы?
Откуда?» — спрашиваю... — «А бегу
от Кулиша, — волнуется

Грановский, —
Шевченко вот и добрый человек,
святой души, а денег в долг мне

не дал.
А вот Кулиш — негодник, все же дал». (Все громко смеются).

Кулиш.

Неблагодарный!

Савич (смеясь).

Чур, не выдавать!

Петров.

А кто такой Грановский?

Савич.

Брат родной

другого, Николая, декабриста.

Нам надо бы иметь в виду его.

Не только потому, что дело чести на площади Сенатской делал брат, но у него знакомства в гарнизоне и с офицерством связи у него...

Кулиш.

Позвольте, как? знакомства в гарнизоне и в крепости — сказали вы?... При чем знакомства эти?

Савич.

Мне вот так казалось, что нам знакомства эти...

Костомаров (немного насмешливо).

О, Панько...

Наш Савич, видишь, ветерком охвачен, что дует с запада.

Савич.

А почему нельзя нам ветра свежего отведасть, что дует, скажем, с запада? Зачем так избегать решительно должны мы огня, что бьет в глаза нам, если нас он может озарить могучим светом?

Кулиш.

Не ослепить ли?

Петров (подчеркнуто Савичу).

Господин Кулиш, наверно, нарочито забывает, что поговорка есть одна — «Свети,

Кулиш (смеясь).

Да не сжигай»?

Петров.

Другая есть. «Есть солнце — Да зорких нет орлов».

Кулиш (несколько обиженно).

Да чем богат,

тем я и рад...

Гулак.

Но вы не забывайте того, что мы не Запад, что народ наш темен и неграмотен настолько, что...

Кулиш (заканчивает).

... только нож крещеному подай — и всю Россию, все, что в ней живого, в крови утопит и в огне...

Савич.

Так мы,

по-вашему, не призваны ли сдаться и ожидать возможного?

Кулиш.

Зачем?

Мы сеем слово истины в народе, пусть до конца он слово то поймет. Тогда оно сожжет ярмо неволи навеки.

Савич (торжествующе смеясь).

А по мне, так не слова сожгут ярмо навеки, а пожары.

Петров.

Брависсимо! Брависсимо!

Савич.

Народ

впряжен в ярмо воистину! А власти да император нынешний — они не китаизм, не варварство, не темень стремятся насадить среди низов, между ремесленников черных и холопов, меж крепостных? Неграмотность и кнут помещичий и голод, и неволя — все это знаки явные того, что царский скипетр...

Костомаров (недовольно оглядываясь).

Я бы... вас просил бы...

Савич.

...что царский скипетр уж в руке дрожит и, верно, скоро выпадет.

Петров.
Прошу вас,
прошу вас, продолжайте же!

Савич.
Тогда,
тогда, пожалуй, господин Грановский
и с офицерством связи, может быть,
весьма нам пригодятся.

Костомаров (насмешливо).
Так выходит,
что Савич подымает на царя
не только меч суровых обвинений,
но даже обвинение мечом?!
(Звонок в коридоре. Мгновенно все бросаются
навстречу пришедшему).

Голоса
Тарас!
Тарас Григорьевич!
(Когда все выходят, Гулак отводит в сторону
Костомарова).

Гулак (беспокойно).
Пошли
Фому к ней поскорей... Предупредите,
пожалуйста, невесту... Чтоб не шла!
Сказал же я!

Костомаров (окликает).
Фома!.. Заснул, проклятый.
Вот я его!.. Скандал какой...

(Выбегает).
(Входит Тарас, держа в руке белое пальто,
он целует руку Татьяне Петровне, которая
выходит ему навстречу, — она целует его в
лоб).

Кулиш (входя, смеется).
Послушай,
Тарас, а ты ведь во-время пришел:
здесь, видишь ли, вот Савич все
решает,
что сделать с нашей властью и с
царем
придется нам?

Тарас (держая пальто).
Повесить бы...
Кулиш.
О, боже!

Что это ты?!
Савич (хохочет).
Я понял так, что вы
свое пальто хотели бы повесить?
Не правда ль?

Тарас.
И царя.
(Отдает пальто Татьяне Петровне).

Кулиш (в отчаянии).
Святой господь!
В каком ты только обществе бываешь,
что рассуждаешь прямо, как чумаков?

Тарас.
Нет, нынче я рыбачил с рыбаками.
А чумаков давненько не встречал...
Вот так сижу все в городе тихонько,
как будто сыч в листе... Да разве
здесь
где встретишь человека? Бурлака ли
иль чумака захожего... Здесь все
учены да муштрованы, а глянешь —
ушасты и не кованы...

Савич.
А вы
о них читали? Господин-то Гоголь
как отхлестал их крепко!

Тарас (восторженно).
Вот земляк!
Вот нехристей ударил, так ударил.

Вы знаете, сегодня я сижу
у губернатора... и разговоры
как-раз о нем ведутся... то да се...
Все Гоголь на устах у нас да повесть
его недавняя. Вдруг кто-то в дверь
с разгона как ворвется. Я как глянул—
а два жандарма позади меня
трясут несчастного. Ворвался, видно,
он сгоряча, с испугу и дрожит
от неожиданности. «Что такое? —
кричит тут губернатор. — Здесь кабак,
что так стучать дозволено холопам!!». «Поймали, ваша светлость, — говорят
ему жандармы, — он читал, мерзавец,
на пристани, перед большой толпой,
писания вот эти...». Губернатор
берет тогда из рук его тетрадь,
читает и показывает. «Вот вам,
смотрите-ка, Тарас Григорьич, что
против царя и веры сочинили!».
А я смотрю... И вдруг — святой
господь!—
да мой же «Сон» в тетради-то!

Савич (восторженно).
Да что вы!

Т а р а с.

Ай-ай — и сколько ж, говорю, пошло
неблагодарных неучей пиитов!
А сам вскипаю со смеху. А сам
ну вот в лицо хочу расхохотаться.
И как я только выдержал?

К у л и ш.

вот он узнает.

Смотри,

Т а р а с.

Коли ты не скажешь,
то как бы он дознался? Ну, да ты,
не обижайся, я шучу...

К о с т о м а р о в.

И чем же
пассаж весь этот кончился?

Т а р а с.

Так вот

я говорю: «Все неучи какие.
Народ под царским скипетром живет,
молчит в довольстве, так что не

услышишь

ни звука от него, как будто вдруг
язык отнялся с жиру, как со страху.

На всех языцах тишина... Они ж
и этим недовольны... и клеветают
на их величество. Ай, говорю,
карать их, супостатов!» — «Правда,
правда» —
качает лбом их светлость. — «Ну, а в

чем,

в чем этот-то повинен? — говорю
я,—
пустили б, ваша светлость!». Не

хотел.

Я уговаривал. И наконец-то.

С а в и ч.

Пустил?

Т а р а с.

Да, все-таки пустил.

(Савич и Петров громко смеются).

К у л и ш.

Скажу

тебе открыто: слабенькой поэмой
не хвастайся. Была бы хороша,
а то ни форм, ни меры, ни искусства,
а то ведь только гордость, только
злость.

К чему ее распространять в народе?

Держал бы ты подальше этот «Сон»,
чтоб не мучил ты понапрасну черни.

С а в и ч.

Ну, это слишком!

П е т р о в (*возмущенно*).

Так судить нельзя!!

(Пауза).

Т а р а с (*берет из кисета махорку,
крутит цыгарку*).

Гм... Судия ты впрямь неумолимый...
«Ни формы, ни искусства»... Может
быть.

Возможно, у меня и нет искусства, —
лишь правда только, истина была б.
А если будет правда, значит, будет
и ненависть, и гордость, даже злость,
ей нет во мне, да и не будет, меры.

А где я эту меру мог бы взять?
В повитых паутиной фолиантах?
Из книг в мушиных точках и в пыли?

(Помолчал).

Скажи мне, розгами тебя в конюшне
когда-нибудь пороли? Ты, Панько,
скажи, да не стыдись... А так бывало,
чтоб твой отец, чтоб мать, чтобы

сестра,

чтоб сам ты по неделям ел мякину
с водой? Ты, так сказать, знаток души
народной. Ты из тех, что в свитке

рваной

на плечи торбу вскинет и пойдет
учить народ... Да в торбу не забудет
запрягать сала доброго кусок!

А как посмотрит ясными глазами
на бедный, на измученный народ,
на кривду, и на слезы, и на горе, —
гримасу грусти скорчит на лице
и — наутек. Все потому, что мало
искусства, видишь ли, что меры нет,
что в жизни нет любимой тонкой

формы

пиитики, любезной сердцу!.. Нет
красы в чужом несчастье. Ты попробуй,
попробуй сам народом стать своим
измученным, его частицей малой,
отведай с детства жесткого кнута
и голода, и кривды, и неволи, —
тогда твоим искусством станет крик,
а не искание сиюнявой веры;
тогда твоим искусством будет вопль,
а не кривая истина Христова!

И вот тогда ты закричишь, как зверь,
ты закричишь, чтоб все тебя слышали,
хотя бы в горло тощее твое
сам царь вцепился бешеной собакой,
хотя б тебя терзали на куски
и как угодно мучили в застенках...

(Пауза. Тарас закуривает. Все словно онемели).

Вот так устроен мир.. Конец один.
А форма... Э, что форма!..

(Безнадежно машет рукой. Все сидят молча, растерянные и ошеломленные словами Тараса. Вдруг в дверях появляется Фома и шепчет Костомарову — его шопот отчетливо слышен в напряженной тишине).

Ф о м к а (шепчет)

Не поспел...

Я, барин, только выбежал и вижу —
она уже к крыльцу подходит...

К о с т о м а р о в (словно припоминая).
Что?

Ф о м к а.

Да Ольга... Там...

К о с т о м а р о в (раздраженно).

Ну, что ко мне пристал ты?

Т а т ь я н а П е т р о в н а (появляясь из
другой комнаты).

Что там такое? Фомка, говори!

Ф о м к а.

Да Ольга тут... Они меня послали...

Т а т ь я н а П е т р о в н а (возле дверей
Костомарову).

Зачем ты, Николай, его послал?

Зачем тебе понадобилась Ольга?

К о с т о м а р о в (оглядываясь, чтобы
не услышали).

Бог с вами, я не знаю, кто она.

Т а т ь я н а П е т р о в н а (строго).

Фома!

Ф о м к а (умоляюще смотрит на Кос-
томарова).

Так вы ж послали...

К о с т о м а р о в (качает головой).

Ай, негодник!

Еще и врет в глаза.

Ф о м к а (умоляет).

Но вы меня...

К о с т о м а р о в.

Молчи!!

Т а т ь я н а П е т р о в н а (сразу все
поняв).

Стыдился бы!.. «Профессор»...

(С презрением отходит к дверям и нарочно громко окликает).

Оля!.. Оля!..

Войди, красавица!..

(Ольга входит, но, увидев присутствующих, от неожиданности вскрикивает и останавливается).

О л ь г а.

Простите!.. Я...

Вы посылали...

Т а т ь я н а П е т р о в н а.

Да, я послала,
там всякие дела... Сейчас скажу...

(Ко всем).

Вот, господа, прошу вас,

познакомьтесь —
приятельница наша... Я прошу,
чтоб все ее, как дочь мою, любили.
Алина, будьте с ней друзьями.

А л и н а (подходит, протягивая Ольге
руку).

Мне

приятно познакомиться...

Т а р а с (смотрит в глаза Татьяне
Петровне).

Мамаша,

и ты, выходит, Брут?

Т а т ь я н а П е т р о в н а (растерянно).

Знакомься... Ну.

Иль вы знакомы?

(Ко всем).

А теперь прошу вас,
пожалуйста, к столу. (Алине).

Веди гостей.

(Гости, которые сдержанно молчали во время всей этой сцены, выходят в другую комнату в напряженной и неловкой тишине. Татьяна Петровна на минуту задерживается на сцене, смотрит на Тараса, который, как только все вышли, подошел к Ольге, и тоже выходит).

О л ь г а.

Кто звал меня?.. Почто я здесь?

Т а р а с.

Да что ты,
голубка, растерялась так?

О л ь г а.

А вы
не растерялись разве? Как-то страшно
сидеть мне среди этих вот господ...
О чем я с ними говорить сумею?
Чужие мне, чужие мне они!
А только гляну среди них на вас я—
и горько мне и страшно...

Т а р а с (*подходит к ней несколько
встревоженно*).

Что с тобой?

Что, Оленька?

О л ь г а (*вздыхая*).

Не ровня мы... не ровня...

Т а р а с.

Не ровня! Мы! Откуда ты взяла?!
Да разве не одной судьбы мы дети
с тобой? И разве не из крепостных
с прапрадедов мы оба? Или, может,
все мои братья, сестры все мои,
как и твои, в неволе не страдают?
Ой, Оленька, одна у нас душа,
одна печаль сердца нам отравляет
одна нам дума злая сушит мозг, —
и я и ты — сироты мы с тобою..
Друзья же... Эх!

О л ь г а (*слезы у нее на глазах*).

Простите... ваша правда...

Простите...

Т а р а с (*улыбаясь*).

Ну, уж так и быть, прощу!

(Из соседней комнаты входит Кулиш).

К у л и ш.

Тарас... Ах, извините...

Т а р а с.

Не могу же
всех извинять подряд я. Ну, садись!

К у л и ш (*укоряет*).

Из-за тебя, Тарас, все медлят с чаем.

Т а р а с.

А разве без меня не сладок чай?

К у л и ш.

Неловко просто!

Т а р а с.

Ну, когда неловко...

К у л и ш.

Проси у барышни... прощенья... Там
все ждут тебя.

Т а р а с.

Ага... (*Ольге*). Прошу прощенья,
пойдем скорей, а то остынет чай.

О л ь г а.

Да что вы!.. Я должна...

Т а р а с.

Там ждут. Неловко.
Вот господин Кулиш сказал.

Пойдем!

К у л и ш.

Тарасик, не забыл ли ты случайно,
что встреча братьев тайная у нас.
Присутствия особы посторонней
никто не ждал.

Т а р а с.

Выходит, что и ты
участник тайных сборищ?

К у л и ш.

Что ты! Что ты!

Т а р а с.

Панько, ведь если с нами будешь ты,
то я могу, пожалуй, быть спокойным.
Я эту панну провожу, а там
вернусь, возможно...

*(Быстро выходит вслед за Ольгой).*К у л и ш (*окликает*).

Nicolàs!

К о с т о м а р о в (*входит*).

А где же

Тарас?

К у л и ш (*очень взволнованно*).

Послушай, Николай, теперь...
Насколько хватит сил... Я постараюсь
все сделать.

К о с т о м а р о в.

Что произошло?

К у л и ш.

Тарас...

Не ты — так я, спасти его я должен...
А ты... Вы все... Какие вы слепцы!

ВТОРОЙ АКТ

Небольшая комната в помещицьем доме Белозерских. Сквозь раскрытые двери виден большой длинный стол, убранный и заставленный всякими блюдами. Видно, как то-и-дело к нему подходит любопытствующий обжора из числа гостей, которые постепенно собираются и группами ходят по комнатам и после пристального взгляда на закуски и наливки отходят в сторону, ту же стягивая пояс.

На сцене Василий Белозерский. Из других дверей вбегает слуга. Со двора доносится лай собак.

★

Белозерский (*слуге*).
Кто там?
Слуга.
Прибыть изволил пан
Твардовский.
Белозерский.
С кем прибыл он?
Слуга.
Изволила прибыть
при них собачья свора...
Белозерский.
Да в уме ты?!
Кто из его семьи приехал с ним?
Слуга.
Две барышни.
Белозерский.
Беги. Да поскорее!
Здесь скоро будет господин Кулиш
с супругою — чтоб все было готово!
(Со двора входит Твардовский с двумя молоденькими барышнями, за ними несколько борзых. Слуга выходит).
А! Пан Твардовский! Милости
прошу!
Я очень рад вас видеть
в нашем доме!
Твардовский (*собакам*).
Ату, Полкан! Полкан... Ату, Полкан!
Здоровайся с хозяином!
(Собака встает на задние лапы).
Белозерский.
Прекрасно...
Твардовский (*довольный*).
Ну, что, хорош? Ей богу же, хорош!
А, сукин сын! Зато уж так разумен, —
министр! Министр — и только!
Белозерский.
И красив!

(Из соседней комнаты выходит дряхленький генеральчик).

Генеральчик (*входя*).
Ай, ай, красив!..
Твардовский (*пожимая генеральчику ручку*).
Не дешево, признаться,
зато и обошелся он... Мари!
Матильда!
Мари, Матильда (*обе*).
Что, папà?
Твардовский.
Закройте уши.
(Девушки затыкают уши).
Была девчонка у меня... свежа —
огурчик просто! Хи-хи-хи! Ну,
крошка —
огурчик прямо! Отдал я ее
да кругленькими тысячу... Ну,
разум —
министр!
Белозерский (*несколько недовольно*).
Прошу садиться. Господа,
Кулиш с супругой через полчаса
сюда придут...
Генеральчик (*бодро вскидывая плечи*).
Вон как!
Белозерский.
Да, не позже!
Матильда.
Уже, папà?
Твардовский.
Уже... ах, мой огурчик!
(Девушки затыкают уши).
Белозерский.
Кроме того, могу вам сообщить,
что я вас всех порадую сегодня
почтенным гостем: скоро будет здесь
у нас Тарас Григорьевич Шевченко.

Мари (*воскликает*).

Ах, граф!

Матильда (*радостно*).

Ах, князь!

Твардовский (*с нотой упрёка*).

Да нет, душа моя,

пиит, пиит, душа моя!

Матильда.

Так, значит,

пиит нас будет потешать? Мари,

пиит нас будет потешать!

Белозерский.

Да что вы!

Шевченко... он... великий наш поэт,
он равен Пушкину!

Генеральчик (*заинтересованно*).

Так, что ж, — и Пушкин...

поэт! Ай-ай! Ай, сукин кот!

Вот почему он стал так неисправен!

Он — мой полковник.

Дама из гостей (*живо*).

Значит, он ваш друг?

Генеральчик.

А как же! Пушкин...

Белозерский.

Нет, мой генерал,
я вас разочарую... Пушкин тот,
десяток лет тому назад, как помер.

Генеральчик.

Подумайте, как время-то бежит!

Ах, бедный Костя!

Белозерский.

И поэта звали
не Костей — Александром.

Генеральчик.

Вспомнил, да!

Фамилия полковника не Пушкин,
а Душкин!

Белозерский (*сдерживая смех*).

О, возможно!..

Генеральчик (*сам удивляясь*).

Я ж смотрю:

как мог, мой Костя сделаться пиитом!

Белозерский.

Что ж, господа, хотите, я вам дам

Шеченко томик... Вы тут почитайте
все вместе...

Матильда.

Интересно!

Вторая дама.

Наш пиит

имеет даже книги?

Генеральчик (*только сейчас
поняв*).

Извините —

но мир пиитики мне очень чужд...

Вот апокалипсис — другое дело...

И почитать приятно!

Твардовский

Срам какой!

Ах, генерал, и срам! Вы не читали

Тараса! Кобзаря!

Генеральчик (*оправдываясь*).

Представьте, все —

заботы, суета...

Твардовский.

Ай, стыдно, стыдно!

(Собаке).

Ату, Полкан!

(Хозяину).

А дайте-ко вы мне,
прошу, вот эту книжечку.

Белозерский (*достает книгу,
подает*).

Извольте,

читайте вслух, а я сейчас...

(Выходит).

Твардовский.

Так вот,

друзья мои... Читаем...

(Перелистывает книгу).

«Перебендя»...

«Послание»...

(Замолкает, внимательно читая).

Гости.

Пожалуйста, погромче!

Месье Твардовский, просим же!

Читайте!

Твардовский (*растерянно*).

Мари! Матильда! Ну-ка, почитай...
Отсюда...

Матильда (*читает указанное*).

«Вы вернитесь, посмотрите, —

Жита наклонились,

где паслися ваши кони,

Где трава шумела,
Где кровь ляха, татарина
Морем пламенела...
Вернитесь!».

Твардовский (*нетерпеливо*).
Ну, дальше, дальше!

Матильда (*растерянно*).
Дальше точки здесь...

Твардовский.

Ах, жаль, нашлась для цензора
работа...

Все интереснейшее вычеркнул.

Генеральчик.

Скажу —

я... человек военный, я не знаю,
тут пахнет ли поэзией, но все ж,
что порохом тут пахнет—подтверждаю!
А повторите-ка еще разок...

Мари (*беря книгу*).

«Вы вернитесь, посмотрите, —
Жита наклонились,
Где паслися ваши кони,
Где трава шумела,
Где кровь ляха, татарина
Морем пламенела...
Вернитесь!».

(В это время Тарас, который незаметно вошел
в комнату и стал в дверях, прислушиваясь к
чтению, продолжает).

Тарас.

«...Не вернутся! —
Взыграли, сказали
Волны моря... — Не вернутся,
Навеки пропали!».
Правда, правда, сине-море,
Такая их доля —
Не вернуться долгожданным,
Не вернется воля!».

(Пауза, все удивленно смотрят на Тараса).

А дальше... дальше этих точек нет,
крамолы больше нет...

Гости.

Ах, интересно!

Он, верно, хиромант!

Матильда.

Мари! Папа!

Не он ли тот поэт!

Твардовский (*вставая*),

Месье Шевченко?

Тарас.

Я, я, как бог свят.

Твардовский.

Да не может быть!

Тарас.

Не может? Интересно... Ну, давайте
мы спросим у Петрова... Эй, Петров!

(Входит Петров).

Вы подтверждаете, что я есть я?

Петров.

Ручаюсь!

А вы проверьте — в книге есть портрет.
(Все припадают к портрету в книге).

Генеральчик.

Мы просим, чтобы господин Шевченко
нам новенькое что-нибудь прочел...

Тарас.

Да что вы, генерал!

Дама.

Ах, почитайте!

Твардовский

Месье Шевченко — очень вас прошу...
Позвольте познакомиться...

Твардовский...

Тарас (*заинтересованно*)

Гм... пан Твардовский... что бы мне
прочсть...

Поверите, я очень плохо помню
свои стихи...

Твардовский.

Я очень вас прошу!

Тарас.

Ну, что ж, для вас я что-нибудь при-
помню!

(Пауза).

Во глубине сибирских руд
Храните долгое терпенье.
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье!
Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземельи,
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:
Любовь и дружество до нас
Войдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы

Доходит мой свободный глас.
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут, и свобода
Вас примет радостно у входа
И братья меч вам отдадут!

(Пауза).

(Во время чтения гости тревожно поглядывают один на другого, а кое-кто просто покидает комнату. Тарас кончает читать, и все молчат, словно в рот воды набрали. Тарас еле заметно усмехается, но Петров словно пробует выручить его).

Петров.

Ай, ай, Тарас... Так неужели вправду никто здесь не заметил?! Должен я разоблачить тогда обман поэта! Мы, господа, прослушали сейчас произведение музы не Тараса, а Пушкина!

Генеральчик.

(Твардовскому, многозначительно).

Он правду говорит:
писал стихи не мой полковник Душкин!

Тарас (смеется).

Ага! Вполне, вполне возможно!

Генеральчик (тоже смеется).

Он
хоть неисправный, все же честный
войн:
мой Душкин бы того не написал!

Тарас.

Согласен, что ж!..

Генеральчик.

Останемся в надежде,
что сочиненье вашего пера
приличнее!

Петров.

Вот если мне позволят,
уважу скромность авторскую я
и сам его стихи вам прочитаю.

Твардовский (облегченно).

Вот и прекрасно.

Гости.

Просим... Тишина!

Петров (читает).

«За горами горы тучами повиты,
Засеяны горем, кровию политы;
Спокон века Прометея

Там орел карает,
Каждый день долбит он ребра,
Сердце разбивает.
Разбивает, да не выпьет
Животворной крови,
Оно снова оживает
И смеется снова.

(Гости настороженно слушают.
Тарас стоит в стороне).

По закону апостола
Вы любите брата,
Суесловы, лицемеры,
Господом прокляты!
Вы не душу в нем любили,
Шкуру драли даром.
И дерете по закону
Жене на подарок...

(Среди гостей нарастает возмущение, многие из них демонстративно покидают комнату. Последним выходит генеральчик. Наконец, неловко оглядываясь то на гостей, то на чтеца, то на Тараса, на сцене остается один Твардовский с дочерьми. Но и они перед окончанием чтения неловко выходят).

Обнимите ж, братья мои,
Брата вы меньшого,
Чтобы мать повеселела,
Улыбнулась снова.
Вы детей благословите
Крепкими руками
И омытых поцелуйте
Вольными устами.

(Читает Петров уже почти влогонку сконфуженному Твардовскому и его растерянным барышням).

Тарас (хохочет, он подходит к краю стола в другой комнате и, наливая себе рюмку, выпивает ее и закусывает бутербродом).

Ого! Влияет муза на француза!
Как мыши, разбежались!

Дама (входя, индифферентно).

Господин,
чем этикет наш нарушать, могли бы
подумать вы о том, чтоб не писать
подобных непристойностей!

Тарас (от души смеясь).

Спасибо
за комплимент, мадам.

Вторая дама
(высокомерно отворачиваясь).

Пусти за стол,
а он — на стол!

Генеральчик (*возмущенно*).

Скажите мне, любезный, какая разница, вы думаете, есть между свиньей, пардон, и человеком.

Тарас.

Меж человеком разница...

Генеральчик
(*победно поглядывая на гостей*).

Вот, вот,
и меж свиньей, — пардон, месье...

Тарас.

Большая...

Генеральчик (*сияя*).

Какая ж, уважаемый?

Тарас.

Свинья —

та ест, когда дадут ей, человек же — тот ест, когда захочется ему.

Генеральчик (*растерянно*).

Кхи-хи...

(Гости во главе с генеральчиком, скандализованные, выходят под торжествующий смех Тараса. Как только исчезает последний гость, Тарас вдруг становится серьезней, он порывисто подходит к Петрову).

Тарас.

Скажите мне, откуда вам известно мое стихотворенье?

Петров

(*несколько растерянно*).

Вы... его...

читали как-то мне... Сейчас припомню...

Тарас.

Неправда, я его вам не читал!

Петров.

Тарас, ну как же?! Вспомните-ка, что вы!

Тарас.

А вспомните-ка вы — когда и где?

Петров.

Когда и где? В Борисполе читали...

Тому, выходит, год...

Тарас.

Да никогда
я там и не встречался с вами!

Петров (*пытаясь выпутаться*).

Что ты,

Тарасик? Ну, припомни-ка, тогда еще клико вдвоем с тобой мы пили в Борисполе... Клико... еще в таких больших бутылках с рыжей этикеткой!

Тарас.

Клико в бутылках маленьких всегда и с белой этикеткой.

Петров (*беспомощно*).

Ах, возможно...

И верно... да...

Тарас.

То, что читали вы, я написал вчера... И не могли вы нигде того услышать...

(Петров молчит)

Не терплю,
тех, кто тайком стихи мои читают,
как полицейских!

(Петров хочет что-то сказать).

Больше говорить
нам с вами не о чем.

Петров (*вдогонку Тарасу*).

Да что вы, что вы...

Да я... да мы... Позвольте, я скажу...

(Тарас быстро идет к двери на улицу, но вдруг отступает назад: в комнату входит Кулиш с молодой женой. Тарас смотрит на красавицу, она подходит к нему и низко кланяется).

Жена Кулиша.

Я низко кланяюсь вам. Вы явились и осветили мне мой лучший день присутствием у нас.

Тарас.

Кто ты — царевна,
иль королева?

Кулиш (*шутя*).

Ты не развай
глаза на каравай! Свой добывай!

Тарас.

Что ж, помоги...

Жена Кулиша.

У каждого на свете
своя судьба... Вот даст и вам господь,
звезду свою найдете вы! Пойдемте
к столу.

Кулиш (целуя руку жены).

Ты, дорогая, мне позволь
остаться здесь с Тарасом на минуту...
Уж извини меня.

Жена Кулиша.

Но поскорей!
Вы ждать меня не заставляйте долго.
(Тарас целует ей руку, она выходит).

Кулиш.

Ну, друг мой милый, понял я теперь,
что называют люди полным счастьем!
Вот, наконец, я и женат... Поздравь!

Тарас.

Что ж, от души добра тебе желаю.
Судьба тебя от века берегла, —
пускай она хранит тебя до века!

Кулиш.

Спасибо, друг. Благодарю тебя.

(Пауза).

Ты знаешь, о себе вчера я думал —
чего от жизни мне еще желать?
Есть у меня и дом свой, слава богу,
своя судьба, свой собственный талант,
мне мысли благородные доступны,
мечты и дерзновенья... А теперь
я сблизился с чистейшею душою,
с прекраснейшей из всех, кого я знал,
и без кого я ни одной минуты
не мог бы жить на свете! Я сидел
вчера у Ганны, вечером, мы оба
о нашем счастье думали... «Чего
душе моей недостает» — спросил я
и сам себе сказал тогда в ответ:
«Тараса, нет ему на свете счастья!».

Тарас (растроганно).

Спасибо, брат... Благодарю тебя...

Кулиш.

Потом опять я о тебе подумал:
вот — слава богу — и женился я,
теперь с женой я еду за границу,
чтоб с нею вместе посмотреть на мир;
вот в Петербург поедет Костомаров,
уехал Савич, Пыльчиков, Гулак...
И в Киеве один ты остаешься!

Ты будешь ли цвести, как с нами цвел?
И разовьется ль дух твой одинокий?
И не завянет ли высокий дар,
как цвет прекрасный в зарослях
бурьяна?

Один ты будешь в Киеве, один!

Тарас.

Воистину не мимо бьешь, а по лбу.

Кулиш.

Тебе бы, друг мой, двинуться в Париж,
иль к Неаполитанскому заливу,
или поехать вдохновляться в Лувр,
иль рисовать бы в Риме с Рафаэля!
Ну, что тебе наш темный, черный мир,
тот страшный мир, что просветить ты
должен.

ведь он тебе не в силах дать того,
что для души твоей необходимо.
А у тебя ведь недостатков тьма, —
ты, верно, сам, Тарас, об этом знаешь!
Большой и сильный у тебя талант,
но только нет гармонии в таланте...
Не только благородная душа
переносить твоих не может песен,
но даже тело черного раба,
привыкшее уже к любимым ударам!..

(Спохвотившись, замолкает).

Сейчас возможность есть на год, на два
тебя, Тарас, отправить за границу.

Тарас.

Эх, курице бы просо!

Кулиш.

У тебя

друзья ведь есть.

Тарас.

Да что ты, правда!?

Кулиш.

Только
кто те друзья — не спрашивай меня.
Тебе, Тарас, об этом знать не надо.
Ты аккуратно будешь получать
все, что тебе для жизни нужно будет.
Согласен?

Тарас.

Что мне спрашивать тебя?

Я верю, что не краденое.

Кулиш.

Значит,

ты ехать соглашаешься?

Тарас.

Ну кто б
свой замысел исполнить отказался!
Как по ночам об этом я мечтал
и сколько снов не раз я сладких
видел!..

Сам Карл Брюллов меня ведь представлял когда-то в Академии... Директор отправить крепостного отказал.

Кулиш.

Ну, а теперь, Тарас, ведь ты свободен!

Тарас.

Я думаю теперь лишь об одном: а вправд ли я с своей страной несчастной расстаться, бросить вдруг ее? Панько, народ в ярме, как вол!

Кулиш.

Да, да! Ты вправд, ты должен, ты обязан! Полный сил оттуда на Украину ты вернешься и сделаешь все то, чего теперь еще не в силах сделать для народа! Так что ж, Тарас, готов ты?

Тарас.

Да, готов! Когда бы Карл Брюллов сейчас слышал слова мои! Его это завет. Да, я согласен! Но одно условие. Твое, Панько, условие принял я.

Кулиш.

Какое же, скажи, твое условие?

Тарас.

Я должен обручиться, прежде чем уеду за границу.

Кулиш.

О! прекрасно! Наверно ты уж знаешь даже с кем?

Тарас.

А как же, знаю!

Кулиш.

Что ж, благословляю! Надеюсь, у нее хорошая семья, хорошего достатка.

Тарас.

Крепостная моя невеста так же, как и я.

Кулиш

(словно впервые услышал).

Да что ты говоришь! Побойся бога!

Тарасик! Ну, к лицу ли жить тебе с неграмотной и крепостной женою?! Какой совет подаст она тебе? Свою судьбу с душою благородной соединить ты должен.

Тарас.

Ой, Панько...

Душа простая... верный друг мне нужен.

(Долгая пауза. Входит Петров).

Петров.

Простите, господа... там госпожа Пантелеймона Александровича просит. (Кулиш берет Тараса за локоть, но он остается неподвижным и продолжает молча смотреть в окно).

Кулиш.

Тарас...

(Он не отзывается. Кулиш медленно выходит).

Петров.

Хочу я вам сказать... Вы мне стихотворенья... правда... не читали... Сегодня утром я нашел листок, но вам... не смел признаться... Вы простите, тогда же... сразу я о нем забыл...

Тарас.

Сейчас... не до того мне, друг мой милый... Оставьте, если можете, меня...

(Петров тихо уходит. Еще некоторое время Тарас на сцене стоит один, углубленный в свои мысли. Из соседней комнаты слышны веселые возгласы гостей, которые, как видно, давно обедают. Тихо входит Кулиш, он останавливается позади Тараса, некоторое время молчит).

Кулиш.

Ты не сердись... не одному себе Принадлежишь ты... Будущее тоже твое не только лишь твое, Тарас... Я друг тебе, и я имею право, мне кажется, заботиться о нем.

(Пауза).

Как хочешь, друг... но я, по крайней мере, себя я вовсе видит не хочу среди слепых рабов твоих талантов.

О! что им, равнодушным, жизнь твоя!
А я — я друг тебе...

(Пауза).

А там, — как знаешь...
Как сам решишь, — я помогу тебе...

Т а р а с

(растроганный почти до слез).

Спасибо, друг, единственный... Спасибо.
(Широко раскрывая двери, входит Твардовский. Он, повидимому, несколько пьян, говорит громко и много смеется).

Т в а р д о в с к и й (в дверях).

Сюда, Мари! Матильда! Господин пиит все прячется от нас... Но только чтоб от меня... ни-ни...

Т а р а с.

Наоборот!

Мы никуда не прятались.

К у л и ш.

Я только хотел итти искать вас. У меня к вам дело важное.

Т в а р д о в с к и й.

О, как горжусь я!

Я рад вам услужить.

(Входят Мари и Матильда. Тарасу).

А дочь моя —

она один заказ вам хочет сделать, Тарас Григорьевич... А ну, Мари! Скажи!

М а р и (стыдливо).

Папà...

Т а р а с (галантно).

Чем вам могу служить я?

Пожалуйста...

М а р и.

Мечта моя — портрет!

(Кулиш отводит в сторону Твардовского. Они тихо разговаривают между собой).

Т а р а с.

Да вас писал бы даже Карл великий! Сам Карл! А у него хороший вкус...

М а р и.

Ах, Карл! Король норвежский...

М а т и л ь д а.

Что ты, шведский!

Вы Карлу друг?

М а р и.

На дружеской ноге вы и с царем, наверно?

Т а р а с.

Ну, конечно!

Бывало, царь частенько наступал мне на ногу; а то царю, бывало, сам на мозоль я наступал.

М а т и л ь д а (фыркая).

Мари,

что господин пиит сказал! Ты

слышишь?

Есть у его величества мозоль!!

(Обе прыскают со смеха. Тарас только теперь замечает, что мешает беседе Кулиша с Твардовским).

Т а р а с.

Ну так идемте в залу... О портрете условимся сегодня ж.

М а р и.

Ах, папà,

Тарас Григорьевич нас просит в залу. (Твардовский машет им рукой, они уходят).

Т в а р д о в с к и й (ржет).

Ор-р-ригинал!

К у л и ш.

От вас зависит все — теперь вы сами видите... Шевченко — он человек, конечно, не простой. Не для него невеста — крепостная. Свет ждет другого.

Т в а р д о в с к и й.

Ну, орр-ригинал!

К у л и ш.

К тому же вы, как истинный хозяин, как господин, вы можете не дать согласия своего на эту свадьбу...

Т в а р д о в с к и й.

Да что вы, что вы! Я почту за честь... Ор-ригинал!

К у л и ш (продолжает намекать).

Да, да... но я уверен, что и сама откажется она, не правда ли?

Т в а р д о в с к и й.

Откажется?! Да что вы! Да я, как сучку, выпорю ее!!

Кулиш *(обиженно)*.

Ну что вы... господин Шевченко — друг мой...

(Выходит).

Твардовский.

Эй, Пантелеймон... Чорт возьми!
(Кричит).

Мари!

Матильда!

Мари, Матильда
(вбегая с Тарасом).
Что, папа?

Твардовский.

Тарас! Дружище!

Мари, Матильда, — уши!

(Девушки затыкают уши).

Выбор ваш

Вполне я одобряю! Эх, девчонка!

Девчонка, я сказал бы... хи-хи-хи...

Ну, как огурчик... да не обижайтесь!

Я понимаю, что вас привело

к такому выбору... О, вечный демос!

Поверите, я тоже демократ.

Мои холопы знают о науке

и об искусстве даже.

Тарас.

Ну, так вы,
выходит, филантроп!

Твардовский.

И даже больше.

Хотите — своего я покажу

сейчас вам крепостного музыканта?

Тарас.

Что ж, очень интересно...

Твардовский.

Эй, Мари,

Покличь сюда приказчика!

(Девушка выходит).

Тарас.

На скрипке
играет он или еще на чем?

Твардовский.

А вот увидите! Талант! На свете
помещики и те различны. Что ж,
я понимаю ваши идеалы,

Я демократ; я людям не тиран,

я им отец родной.

(Входит приказчик с нагайкой).

Приказчик *(равнодушно)*.

Вы звали, барин?

Твардовский.

Давай-ка Кучеренко... Пусть несет
сюда бандуру... Поиграет...

Приказчик.

Я же

сказал, что Кучеренко... не того...

Твардовский.

Слышал, слышал... Давай!

Приказчик *(хлеща кнутом)*.

Ну как хотите.

(Выходит)

Твардовский.

Матильда, позови сюда гостей
и господина Кулиша...

(Девушка выходит).

Нет, мало

таких, как я, помещиков! А жаль...

Я понимаю вас, согласен с вами:

тиран-помещик — к чорту! А отец
помещик, брат —

Тарас.

... и дух святой...

Твардовский *(с жаром)*.

Прекрасно!

Как сказано прекрасно! Дух святой,

и вдохновитель для людей — такой нам
и нужен господин.

*(Входит крепостной Кучеренко с бандурой. По-
зади него — приказчик. Кучеренко бледен, он
идет, еле передвигая ноги)*.

А! Заходи!

(Кладет руку на плечо Кучеренко).

Ну, Кучеренко, как живешь?

*(Кучеренко падает перед ним ниц, но Твар-
довский великодушно восклицает)*.

Не надо,

не надо, Кучеренко! Ну, вставай...

Тарас.

(прикладывает руку ко лбу Кучеренко).
Эге!.. Да вы, мой бандурист любезный,
больны как будто?

Приказчик *(Кучеренко)*.

Он гонял волов
на луг... и простудился...

Кучеренко (в сторону приказчика).

Воля ваша...

(Входят Кулиш и гости).

Кулиш.

Ну, господин Твардовский, я не знал, что вы любитель муз!

Твардовский.

О, как же, как же!

Что ж, Кучеренко, послужи гостям, сыграй-ка им.

Тарас.

Он болен... отложить бы всю эту музыку...

Твардовский (пытаясь быть добродушным).

Ну, что с тобой?

Ты нездоров?

Приказчик.

Да справится... сыграет... чего там...

Кучеренко.

Воля ваша...

Кулиш.

Бандурист

не хуже нас свое здоровье знает.

Он хочет сам сыграть.

Твардовский (Кучеренко).

Сыграй, сыграй,

не бойся...

(Тихо приказчику).

Гришка! Убери ты кнут свой!

(Громко, ко всем)

Прошу гостей потише...

(Кучеренко).

Начинай.

(Кучеренко играет музыкальное вступление. Он стоит, опираясь бандурой на стул. Гости благодушно слушают мелодичную музыку. Потом он начинает тихо напевать).

Кучеренко.

«Вьют пороги, всходит месяц,

Как всегда он всходит...

Сечи нет! И тот не встанет,

Кто всем верховодил...

В той степи курганы всюду

Стоят и тоскуют,

Пытают у буйного:

«Где наши воюют?»

Где воюют, где ночуют?

Где вы загостились?

Вы вернитесь! Посмотрите!

Жита наклонились,

Где паслися ваши кони,

Где трава шумела,

Где кровь ляха, татарина

Морем пламенела.

Вернитесь!..».

Генеральчик (тихо Тарасу, со злорадством).

Творенья ваши, видимо, имеют успех среди холопов!

Тарас.

Видно, так.

(Генеральчик берет раскрытый «Кобзарь», который лежит на столе, и следит за песней).

Кучеренко (продолжает петь).

«Не вернутся!» —

взыграло, сказало
сине море.

Генеральчик (Тарасу, почти испуганно, тыкает в книгу).

Позвольте... Это ж вычеркнуто

в книге!

(Тарас многозначительно улыбается).

Кучеренко (продолжает).

«Не вернутся,

Навеки пропали!»

Правда, море, правда, сине,

Такая их доля, —

Не вернуться долгожданным,

Не вернется воля!

(Кучеренко замолкает. Пошатнувшись, он падает без сознания. Гости вскакивают с мест, с отвращением отворачиваются и выбегают из комнаты. «Фи!», «Скандал!», «Ах, какой пассаж!» — выкрикивает кое-кто на бегу).

Тарас.

Воды! Воды!

(Тарас смотрит вслед разбегающимся гостям. Лакеи, не слушая его крика, ведут под руки барышень. Он выбегает. Твардовский, который все время стоял ошеломленный неожиданным скандалом, почти шепчет).

Твардовский.

Гри... Гришка... Бил?

Приказчик.

Ну, бил...

Твардовский (*в гневе, не владея собою*).

Перепорю...

Ты что же это — бить-то не умеешь?
Скандал!

Приказчик.

Да что вы, барин... оживет...

Твардовский.

Так этот... этот видел же... Шевченко!
На весь же свет он прокричит!

(На приказчика).

Убью...

Перепорю... (*Выбегает*)

Приказчик (*во двор*).

Иван!

(Входит кучер Иван. Приказчик сразбега бьет Кучеренко сапогом).

Веди в конюшню.

Перепорю напополам.

(Иван поднимает Кучеренко. Приказчик замахивается кулаком на него, но сзади хватает его за руку возвратившийся Тарас. От неожиданности приказчик медленно оглядывается на Тараса, в это время Иван сразбега сбивает приказчика с ног страшным ударом. Приказчик отлетает в сторону).

Приказчик (*шипит, не поднимаясь*).

Кто... кто...

ударил?

Тарас.

Я.

Кучеренко (*тихо рыдает*).

Спасибо вам, спасибо...

(Тарас быстро выходит).

ТРЕТИЙ АКТ

Хата бандуриста Кучеренко. Видно, что обычная для этой светлички бедность старательно прикрыта. Возле окна — Кучеренко. На лежанке его жена-старуха. Среди хаты — Ольга, дочь Кучеренко.

★

Старуха.

Недоброе мне предвещает сердце...
Все ждешь как будто радости — оно же дрожит, дрожит, как будто накануне беды какой... Пускай господь простит все тяжкие грехи, проступки наши...
Ой, дочка, дочка, страх меня берет!

Ольга.

Да что вы, мама! Если бы вы знали, с какой святой душою мой Тарас, как любит он меня!.. тогда, быть может, вас и не брал бы этот страх... Когда б вы знали, что за человек он, что за святое сердце у него!

(Пауза).

Старуха.

Когда бы так, как у людей ведется — чтоб хоть в глаза увидеть жениха, чтобы хоть знать, кто дочь твою посватал,
а то придет, куда-то уведет и запродаст, и закует в неволю!
Ой горе, горе! Страх меня берет!!

Ольга.

Да он меня ведь выкупит сначала!

Кучеренко.

Освободит на день, закрепостит навек...
Эх, дочка, дочка...

Ольга (*смушенно*).

Батюшка! Мамаша!

Хоть вы-то не грустите. В хате все так молчаливо, сумрачно, как будто не замуж собираете меня, а словно в гроб, в могилу... Подождите, пускай только войдет сюда Тарас, увидите, как теплыми словами он озарит сердца вам, и как всех согреет он вокруг; как обладежит он всех нас... Подождите, он придет, и вы тогда увидите...

Старуха (*тяжело вздыхая*).

О, боже,
благослови, помилуй нас!

Кучеренко (*припав к окну*).

А что
такое там под'ехало...

Старуха (*быстро слезает с лежанки*).

Взгляните-ка,

не сваты ли?

(Ольге).

Ты прячься, да скорей!

Ольга.

Ой, боже... рушники-то мои в скрыне...

Старуха.

Иди скорей, иди — я позову.

(Ольга выходит).

А ты чего стоишь, молчун ты старый?!
Беги ж, беги скорей, да поклонись,
да встреть с поклоном сватов! Не

холопы

твои-то сваты... Что ты, онемел?

Кучеренко (*неохотно*).

Иду, иду... Ты видишь...

(Входит Кулиш).

Кулиш (*несколько преувеличенно весело*).

А! Привет вам!

Привет! Ну, как... Ну, как живете вы?

Старуха.

Господь хранит...

Кулиш.

Ну и хвала святому.

Поехал я сейчас за женихом,
да против вас и подломило бричку...

Там колесо, иль спица... Ну, зайду
я, думаю, проведаю... Выходит,
что сватами нас выбрали не зря!

Старуха.

Спасибо, барин...

Кулиш (*по-панибратски*).

Сесть-то попросите!

Старуха (*торопливо*).

Ой, господи... Садитесь же...

(Смахивает фартуком место на лавке).

Кулиш.

Оно,

сказать по правде, времени-то хватит!

Пора не ранняя, да сам жених теперь,
пожалуй, спит и в сладких снах

витает...

(Таинственно).

Он, видите ли, выпить не дурак...

А если человек уж выпить любит, —
то лучше, если он невинно спит,

чем стекла бьет или свою супругу
таскает за косы.

(Садится).

Хотя сейчас

еще покуда он и неженатый...

а женится... Ну, там уже... оно,
конечно, мне как свату и негоже
всю правду говорить в глаза... но все ж
негоже и замалчивать!.. Не правда ль?

Кучеренко.

Да, правда... воля ваша...

Кулиш.

Но ведь вы

вы никогда не думали, конечно,
что выйдет дочь за ангела... Мы все
грешны под небом... И свои пороки
от бога прячем! Вот хотя б Тарас...
что пьет, — порок, конечно... Ну, побьет
там,

обидит там... Супруга все снесет!..
супруга стерпит... А когда ребяток,
ребяток нарожает, а его,
глядишь, в солдаты взяли и забрали!..

Кучеренко (*вскрикивает*).

За что б это?!

Кулиш (*словно не слышал, подни-
мается*).

Ну, а невеста где ж?

Жива, здорова?

Старуха.

Господи помилуй...

Да как же так?..

Кулиш.

Я говорю — жива,
здорова?.. Ну, пожалуй, я поеду...

Кучеренко.

Так брчка ж...

Кулиш.

Бричка... Ах, она давно
починена, наверно...

Кучеренко.

Я узнаю...

Кулиш (*тревожно*).

Нет, не ходи! Простите вы меня,
что я открыл вам правду... Ну, да что
там —
за мною долг нигде не пропадет...

Коль человек догадлив, отплачу я сторицей... за услугу... Ну, так вот, прощайте!

Кучеренко.

С богом...

(Кулиш выходит, старики смотрят ему вслед совсем ошеломленные).

(Пауза).

Старуха (крестится).

Господи помилуй!

За что ты так караешь нас!?

(Беспомощно стоит среди хаты. Входит Ольга. Она растерянно смотрит то на отца, то на мать. Пауза).

Ольга.

Ушел?..

Куда же он... так быстро? И о чем же вы, мама, плачете?

(Пауза).

Ответьте мне!

Что он сказал? Иль, может, от Тараса какая весть... Чего ж молчите вы! Скажите, мама! Батюшка!

Старуха (заливаясь слезами).

Что делать,

родная... дочка...

Кучеренко.

Не судил господь, выходит!..

Ольга.

Что же... что же он сказал вам?!

Кучеренко.

Недоброе, недоброе сказал он о Тарасе нам!..

Ольга.

Да от кого же вы ждете правды?! Господин Кулиш ее вам скажет? Как не так! С чего бы вдруг стал он другом вам? А вы ему, выходит, и поверили!

(Пытается улыбнуться).

Да хватит

грустить вам!

Старуха.

Что же, зря он заезжал?..

Ольга.

У всех господ лишь о себе забота, а наши слезы — что им! Приезжал

затем, что он со мной добра Тарасу не хочет — вот что! — хочет, чтоб, Тарас посватал барышню, — чтоб крепостную себе не взял бы в жену друг его! Вот этого он хочет.

Кучеренко.

Как он хочет,

так будет.

Ольга (решительно).

Нет, не будет!

Старуха.

Молода

да горяча ты, дочка... Что ж поделаться? Все ходим мы под паном! Все, как есть, в его руках нечистых... Как захочет, всё так и будет...

Ольга (взволнованная, решительно).

Нет, не будет!.. Я

все расскажу Тарасу...

(Быстро накинув платок).

Подождите,

я скоро...

(Выбегает).

Старуха.

Да постой!.. Куда ж она?!

ой, будет горе, будет...

(Вдруг возвращается Ольга. Входя, она оглядывается на двери, бледная и беспомощная. Еле слышно выговаривает она слова).

Ольга.

Не поспела...

приехали там... сваты...

Старуха (вдруг заметавшись).

Беги,

беги туда, скорей.

Ольга (словно не слыша).

Ну, расскажу я Тарасу... обо всем...

(Шатаясь, выходит).

Старуха (после паузы).

Прости, господь,

твоя над нами воля...

(Широко раскрыв двери, входит Кулиш. Он держит в руке большой дорожный посох и выглядит настоящим свадебным сватом. Через минуту входит Твардовский).

Кулиш.

А не здесь ли живет сладкоискусный музыкант?

Старуха.

Да, заходите, милостивый барин...
(В дверях появляется Твардовский. Кучеренко и старуха падают перед ним на колени).

Кулиш (недовольно).

Ну что вы! Мы сейчас не господа, вы не холопы...

(Раздраженно).

Ну, да поднимитесь!

Ну, что вы...

(Твардовскому).

Да скажите им хоть вы!

Твардовский.

Да, да, вставай да потчуй...

Кулиш (продолжает, пытаясь успокоиться).

Ну, так вот же,

идем мы это по лесу вдвоем...

Замерзли... заблудились... Вдруг из леса

кукушка вылетает к нам... «Кого в бору вы это ищете? — скажите». — «А свиста соловьиного...» — «Ага! вы свиста соловьиного искали...»

Твардовский (хохочет).

«А свист — тогда кукушка говорит — У Кучеренко есть!.. Чего другого, а свиста хватит».

(Кулишу)

Ну, уж и мастак вы, господин Кулиш, как посмотрю я, на всякое вранье!

Кулиш.

«Идите вот сюда, дордой, вправо... А до перекрестка когда дойдете — влево... А потом большой курган увидите — сверните правой, а там прямехонько тропой двенадцать дней и двадцать восемь

ночек,

пока свернет дорога на восток. Там, за дворцом царя Тимур-Нога... там, — говорит кукушка, — на углу живет раб божий Сидор Кучеренко, с дороги заверните вы к нему, дочь у него — красивой всех красавиц, она как свистнет — чисто соловей!»

Твардовский (все время восторженно смотрит на Кулиша, безудержно хохочет).

Ор-р-ригинал! Или вы все, поэты, вот так же складно врите?!

Кулиш (продолжает).

Ну, так вот, двенадцать дней и двадцать восемь

ночек

все шли, не отдыхая, мы... Да так измучились в дороге, что ни ноги уж нипочем не подчинялись нам, ни руки нас не слушались... Лишь

жажда

и голод нас замучили... Но вот дворец Тимур-Нога показался, а рядом, как и надо было ждать, жилище Кучеренко... Так пустите в свой дом, крещеные... Да нас согреть, чем бог послал, не откажите, просим...

Старуха.

Садитесь, гости добрые...

Твардовский (пораженный).

Ну-ну!

Оригинал вы все-таки!

(Кучеренко).

Давай же

по чарке, Кучеренко! Барин сам к тебе прибыть изволил в хату,

видишь?

Ну, потчуй, не скупись, брат!..

(Приближается к столу).

О, да здесь мужицкая, простая... Вот поставлю я аглицкой... чтоб Кучеренко знал, какой у него барин.

(Вынимает несколько бутылок из карманов, ставит их на стол. Все садятся к столу. Кулиш наливает большую чарку Твардовскому).

Кучеренко.

Дай вам боже...

Кулиш.

Ну, выпьем на здоровье!

Твардовский (выпивая залпом).

Пей, старик,

пей, пей, не бойся!

(Кучеренко не решается).

Что ж ты?

Кучеренко.

Ваша воля...

да сохранит вас бог.

(Пьет. Кулиш наливает по другой).

Кулиш.

Так, значит, та,
о ком в лесу кукушка куковала,
здесь та краса-девица, что свистит,
как соловей?

(Твардовский выпивает).

Твардовский (*понемногу хмелея*).

Да что там! Есть краса-девица!

(Кучеренко).

Лей господам, холоп! Да не жалей!

Старуха (*услужливо наливает*).

Ну что вы, барин милостивый! Пейте,
благослови вас боже...

Кулиш (*пьет со старухой и
Твардовским*).

Видно, нам
кукушка-то в лесу накуковала
святую правду чистую... Так пьем
за праведное слово мудрой птицы.

(Наливает)

Твардовский (*пьет*).

Гост пиитический!

Кулиш.

Ну, что ж, теперь
порадовать вы можете прохожих.
Так выпьем же за ваш богатый клад,
который мы стремились так увидеть!

Твардовский (*вдруг*).

А где же дочка? Спрятал?

Кучеренко (*тревожно посмотрев на
старуху*).

Что вы...

Твардовский (*поднимаясь*).

Где?

Ты спрятал?

Кулиш (*сердито Твардовскому*).

Погодите вы...

(Ко всем).

Так что же,
пьем за нее!

Твардовский (*с чаркой,
Кучеренко*).

Ну, пей!

Кучеренко (*нерешительно*),

Да я...

Твардовский.

Ага...

Ты, значит, выпить с барином не
хочешь!

Кулиш.

Вы что — забыли все? Не барин вы,
они вам, не холопы!

Твардовский.

Как? Что значит —
я... я не барин?

Кулиш (*Кучеренко*).

Выпейте...

Старуха.

Да он...
он еле на ногах стоит... больной он...

Твардовский (*не успокаиваясь*).

Как это так тебе не барин я?

Кучеренко.

Да что вы... Барин вы...

Твардовский.

Ты не артачься!
Нет, ты ответь: как это я тебе
не барин!

Кучеренко (*умоляюще смотрит на
Кулиша*).

Так ведь я же...

Кулиш (*возмущенный отходит от
стола*).

Что за свинство!
Есть, наконец, какой-нибудь обряд
иль совесть христианская...

Твардовский.

А ну-ка...
скажи-ка... почему мне бить челом
сегодня молодая не явилась?
Тебя я спрашиваю — почему?!
Ну, отвечай же!..

Кулиш.

Свинство...

Твардовский.

Вы молчите,
Пиит! Вранье вы кончили...

Теперь
я господин! Я властелин...

(Старикам).

Не я ли
ваш царь и бог? Не я? Ну, что, не я?

Старики (умоляя).
Простите, барин... вы наш барин...

Твардовский.

Что же
со мной он пить не хочет? Почему?
Ну, почему?

Старуха (падает на колени)

Больной ведь он... побили
Вчера его приказчик... На ногах
Стоит он еле...

Твардовский (вдруг ласково).

Ай-ай-ай... Побили...

Лозиночкой цюк-цюк! Вот так:

цюк-цюк...

Сто двадцать да по мякушкам...

Кулиш (возле окна, не выдержав).

Кончайте

вы пытку, наконец. Или для вас
и вправду ничего не остается
священного на свете?

Твардовский (исступленно бьет
кулаком о стол).

Я здесь бог!

Рука моя — приказчик! Захочу я —
перепорю!

(Входит Тарас, Твардовский на минуту
словно трезвеет. Пауза).

Тарасик... Заходи...

Отведай аглицкой, Тарасик...

(Поспешно наливает две рюмки, одну выпивает, а другую подносит Тарасу. Тарас медленно отводит протянутую руку, водка выливается на пол. Он подходит к Кучеренко, молча поднимает его с колен. Кучеренко поворачивает к нему лицо и, словно узнав, растерянно шепчет).

Кучеренко.

Сын мой,

спаситель ты мой...

(Кричит).

Олю!

(Старухе).

Позови,

пусть рушники несет... Сейчас я, сын
мой...

(Выходит, за ним старуха).

Кулиш (растерянно).

Ты что ж, Тарас, обычай-то забыл?
Садись же в красный угол!

Нареченный...
обязан в красный угол...

(Под пристальным взглядом Тараса
замолкает).

Тарас (после паузы).

Не забыл...

Ах, память, память! Нынче оживает
она во мне... Но как я только смел
перед ее правдивыми словами,
передо всем, что вот в моей душе
она рождает... Собственному сердцу,
себе как мог я изменить? Нигде
не торговал я совестью. Ни разу
уступок не подписывал с собой.
И в жизни никогда не отступал я,
встречая взгляд предательский того,
чья, как я знал, душа со мной не может
в согласьи жить и чей лукавый ум
не только что хитрит со мной

по-вражьи,

но даже просто честно не идет
с умом моим, с моим страданьем рядом!
Зерна неправды отроду не знал
я за собой... Но, видимо, на свете
душа людская создана не так,
чтоб искреннею быть и справедливой
с собою даже! В жизни только раз,
я признаюсь, солгал себе...

Сегодня

случилось это... Я сказал: он друг,
но знал, что слово часто означает
не то, что людям кажется... Слова!
Как мало их! И сколько в них обмана!
Меня всегда слепило слово «друг».
Я твердо знал, что пропасть между
нами,

ой, как я знал! Но это слово «друг»,
оно во мне на миг убило память
своим неверным блеском. Только раз
попробовал забыть я то, что надо,
казалось, было помнить навсегда...
И вот...

(Разводит руками).

наука... Разве человека
научишь жить? Пожалуй, жизни всей
не хватит!

(Пауза).

Кулиш (осторожно).

Ты о чем же... так мудрено?..

Тарас.

О том, что я, ой, нет, не женихом
хотел бы стать сейчас я, а медведем!

Твардовский.

Ор-р-ригинал!..

Тарас.

Тогда бы у меня
хватило бы и сил и оправдания,
чтоб господин Твардовский... чтобы
все...

(Сжав кулаки, замолкает).

Твардовский (*поднимается*).

Чтоб... господин Твардовский?

Ну, кончай же!

А! Что?

(Входят Кучеренко, старуха и Ольга. У нее спокойный облик человека, принявшего твердое решение. Увидев ее, Кулиш обрадованно восклицает, пытаясь разрядить напряжение).

Кулиш.

Прекрасно! Все же, значит, вы...

(Смотрит пристально на Кучеренко)

вы все-таки согласны?..

Твардовский.

Не согласен!

(Кулиш усаживает Твардовского на лавку).

Твардовский.

Что, что Твардовский?

Кулиш.

Подождите вы,
ну, пошутил Тарас... Ну, что вы
вправду...

Обряд же...

(Твардовский дремлет. Кучеренко и старуха падают на колени перед Твардовским).

Воля ваша...

Ольга.

Что просить?!

Не надо... мама, батя... Отступись же,
Тарасик, от меня... Ведь не хотят
тебе со мною счастья... На дороге
стеною встали против... Пощади
меня, опомнись... Как же я присила,
молила как я, боже мой!.. Прости,
Тарасик мой, ты господу святого —
моей молитвы не услышал он.
Будь счастлив ты... а я итти не
в силах
против стены... мой милый...

(Рыдает).

Кулиш (*обиженно встает из-за
стола*).

Так чего же
вы раньше не сказали?! Угощали

горилкою... А сами... Как же так,
простите... Но порядочные люди
не поступают так...

Тарас (*очень тихо, не слыша слов
Кулиша*).

Не плачь... Я вижу сам...
Я понимаю, Оля... Не с тобою,
с народом разлучить меня хотят...
Что ж, поживут, еще поймут, что доля
моя с народом связана была
в нерасторжимый узел.

(Надевает шапку).

Ну...

(У двери).

С горою
гора нигде не сходится... Душа ж
с душою — нет нигде для них запрета.
Верь, Оля, в это так, как верю я, —
и, может, легче станет жить...

(Пауза)

Прощайте...

Не поминайте лихом...

(Очень взволнованный, уходит).

Кулиш (*вдогонку ему*).

Подожди!..

Уладили бы, может быть?

Твардовский (*пробудившись*).

Куда ты?

Стой, говорю... Куда он?

(Открывает двери).

Стой, вернись!!

Вернись, Тарас!!

Кулиш.

Но это ж в самом деле
не сватанье, а свинство...

(В дверь).

Подожди,

и я иду...

(Быстро выходит).

Твардовский (*шагаясь в дверях*).

Не хочешь? Ну, держись же!
Я, сам Твардовский, оженю тебя!
Хам. Раб. Мужик. Ты вот еще
поплачешь!

(Громко окликает).

Иван!

Иван (*входя*).

Что, барин?

Твардовский.

Молодую взять

в подводу.

Иван.

Что вы, барин?

Твардовский

Пусть придет он.

Пусть просит на коленях!

Старуха (*на коленях*).

Боже мой!

Помилуйте... Святой господь!

Твардовский.

Ты слышишь?

В подводу девуку!

(Шатаясь, выходит).

Кучеренко.

Заступись, Иван!

Не дай погибнуть ей, сердешной...

Старуха (*рыдает*).

Дочка

Несчастливая моя... (*Пауза*.)

Иван.

Да где ж ты есть на небе, боже правый? Иль оглох ты, иль онемел ты? Или нет совсем тебя на небе?..

Твардовский.

Эй, скорей! В подводу!

ЧЕТВЕРТЫЙ АКТ

Ночь в корчме при почтовой станции. При поднятии занавеса слышен хор чумаков, которые сидят возле столов в глубине. Проворно сует вокруг них розоволицая шинкарка, нарезая ломти хлеба и подставляя стаканы.

★

Хор чумаков.

Горше нет на свете ясном,

Как батрак живет несчастный, —

Гей, гей, как батрак живет несчастный!

Он работает — страдает,

А пот очи заливает, —

Гей, гей, а пот очи заливает.

(Входят чумаки. На одну минуту песня как будто затихает).

Первый чумаков.

Здорова будь, шинкарочка!

Шинкарка.

Что ж, будь здоров и ты, чумаков!

Первый чумаков.

Волов нельзя ли мне напоить?

Шинкарка.

Сначала — чумаков, потом — волов!

Первый чумаков (*чешет затылок*).

А ежели, шинкарка, да нет грошей...

Шинкарка (*высокомерно отворачивается*).

Пхи! Коли нет грошей, —

Ярма не пожалей...

Другой чумаков.

Оно не жалко б

ярма-то, деревяжки, да себя, шинкарочка, признаться, как-то жалко! Когда бы даром грех-то мне прошел!

Шинкарка (*сердито*).

Ишь «даром». А по-твоему, горилку или там, скажем, воду бог дает задаром?

Чумаки (*вынужденно*).

Так-то так... Ну, дай, девица, сперва волам напитокся!

Шинкарка (*выходит, хлопнув дверью*).

Напою...

(Пауза).

Третий чумаков.

Садись-ка с нами! Чарка да цыбуля — вся радость чумака. А как в село

к себе придешь,— чего тебе нехватит.
досыпают батогами — не тоскуй...

Пер в ы й ч у м а к.

Да что! Словами лучше не расскажешь,
как в песне нашей сложено...

(Садится к столу).

Тяни!

(Начинает петь).

А хозяин все ругает,
А хозяйка попрекает, —

Гей, гей, а хозяйка попрекает:
«Где ты, батрак, волочился,
Загрязнился, не умылся?».

Гей, гей, загрязнился, не умылся.

(Входит Тарас. Видно, что он сильно утомлен. Его господская одежда, в которой он был одет в первом акте, заставляет чумаков настроиться. Песня затихает и течет едва слышно. Тарас тяжело садится в углу, снимает с плеч дорожный мешок. Утомленно прислушивается он к песне. Входит и приближается к нему шинкарка).

Т а р а с.

Ты б чарочку поставила... Да как бы
чего поесть...

Ш и н к а р к а (суетливо).

Устали!.. Я сейчас...

Т а р а с.

А нет ли лошади? Уже не в силах
пешком тащить я...

Ш и н к а р к а.

Сейчас!

Т а р а с.

Пускай

хоть плохонькая — довезла бы только
батрацкий скарб мой.

(Вдогонку шинкарке.)

Чарки не забудь!

(Пауза. Тарас утомленно слушает чумацкую песню. Она еле-еле звучит, и Тарас прислушивается к ней как будто несколько напряженно).

Яром, яром за товаром,

А лугами за волами, —

Гей, гей, а лугами за волами.

Он домой приходит: дай-ка

Мне поужинать, хозяйка, —

Гей, гей, дай поужинать, хозяйка!

(Вдруг в песню вступает Тарас. Высоко звенит его мягкий грудной голос. Чумаки от неожиданности почти совсем затихают. Одну минуту

Тарас поет один).

Я ж сегодня не топила,

Не топила, не варила, —

Гей, гей, не топила, не варила.

Ты попей, батрак, водицы,

Не поешь, и так поспишься, —

Гей, гей, не поешь, и так поспишься.

(Потом, сначала нерешительно, а затем все смелей, начинают вступать чумаки).

Ой, батрак не протянулся,

А хозяин уж проснулся, —

Гей, гей, а хозяин уж проснулся.

Хватит спать, батрак, задаром,

Время ехать за товаром, —

Гей, гей, время ехать за товаром.

Да встал батрак, зашатался,

Нет сапог — не обувался, —

Гей, гей, нет сапог — не обувался.

(Все дружей тянется песня, все смелей ведут за Тарасом чумаки).

Свиты нет — не одевался,

За товаром собирался, —

Гей, гей, за товаром собирался.

Все лугами за волами,

Горе, горе жить с врагами, —

Гей, гей, что за горе жить с врагами!

(Песня замолкает. Длинная пауза. Тарас подходит к столу, возле которого сидят чумаки).

Т а р а с.

А дальние вы будете?

Пер в ы й ч у м а к.

Да всяких

немало среди нас... Одни под богом,
а больше, кто под паном... Ну, беда,
сказать вам, одинакова.

Т а р а с.

Так, значит,
вы горе пропиваете, иль как?

В т о р о й ч у м а к.

Его пропешь!

Т р е т ь и й ч у м а к.

Не мы его, а горе
нас пропивает, добрый человек!
К примеру: лысых напоить захочешь,
ты должен кварту взять. А за нее
плати шинкарке деньги, или соли
треть воза отсыпай ей. А отсыпь,
то как в село свое вернешься к пану,
так он тебе досыпет батогов —
за месяц не очухаться!

Четвертый чумаки.

Да хлеба

за труд не даст...

Первый чумаки.

Оно выходит так:

что велика земля, а смерть повсюду одна: в корчме ли с голоду она, под розгами ли смолоду! Уж лучше пускай волю напоены стоят!

Третий чумаки (пьет).

Пей, коли пьется, — отвечать придется!

Тарас.

Выходит, люди хорошие, что пан у вас не очень милостивый!

Первый чумаки

Боже!

Ох, Каин же!

Тарас.

А почему б его вам не рвануть крючком под реберце, как бечевой ведрце?

Четвертый чумаки.

Да, рванешь...

(Входит шинкарка. Она приносит чарку и закуску и ставит перед Тарасом на чумацком столе).

Шинкарка.

Ну вот, поешь да выпей... А лошади, сказали, — нет. Там барин ждет, а он куда важнее тебя: с своей супругой он едет за границу. Вот и он упряжки ожидает.

Тарас (на минуту задумавшись).

За границу?

Ну что ж, пускай...

(К чумакам, пытаясь забыть о «важном барине»).

Так я вам говорю:

Крючком под реберце, как ведрце, и все, и квиты!.. Больше нас, чем их.

Четвертый чумаки.

Что больше — да...

Тарас.

А больше нас — под кем же нам спину гнуть на свете? Перед кем тогда должны покорно мы склоняться?

Нас море, чумаки! И нет такой на свете силы, чтобы это море могла осилить... Вот я покажу... взгляните только...

(Вынимает из кармана пшеницу, кладет одно зерно на стол перед чумаками).

Вот зерно... Вот это пусть будет царь... А эти, в стороне, вблизи от трона — будут генералы...

(Пауза. Он старательно раскладывает генералов, чумаки внимательно слушают).

А это, скажем... Это господа, помещики, вся шляхта... Между ними и ваши есть... А это — мы, народ!

(Целую пригоршню высыпает на стол).

Ну, где теперь — цари и генералы, и господа — они, как стая крыс, погибли в половодье... Потому что нет меры и числа нам... А они — ну, сколько их живым и мертвым

правит?

Десяток? Сотня? Тысяча? А нас — нас море, чумаки, и в целом свете нам нет конца, как счета нет волнам!

Первый чумаки.

Вот правда, добрый человек!

Второй чумаки.

Да, правда, как бог свят, — правда.

Тарас.

Правда? Почему ж вы до сих пор еще не подпустили, в господскую усадьбу петуха?

Или стогов в ночи не подпалили, чтоб их глаза полезли из орбит, смотря на это зарево?!

(Позади Тараса, внезапно открыв дверь, в корчму врывается Иван. Он останавливается у двери, бледный и нерешительный, едва-едва способный выдать себя слово).

Иван.

Тарас!..

Тарас (подходит).

Иван... Да что с тобой?

(Пауза)

Что ты молчишь?

Ты бледен...

(Пауза).

Ты... про Ольгу!

Иван (решившись).

Да... Про Ольгу...

Пан обесчестил... Нет ее в живых...
Повесилась.

(Пауза. Тарас стоит, словно остолбенев,
потом медленно наклоняется к притолоке).

Теперь, Тарас, остались
одни вы... как былинка... Ни души
теперь у вас на свете...

(Внезапно, словно оживая).

Не печальтесь!

Я отомщу за вас и за нее...
да заодно и за себя.. Вы дайте,
Тарас, огнива только мне...

(Берет из рук Тараса кремнь, который тот
держал).

О вас
вовек, вовек Твардовский не забудет...
до самой смерти будет помнить вас...

(Выбегает Длинная пауза. Стоит Тарас, как
стена, опираясь на притолоку).

Первый чумака.

Что, добрый человек, беда случилась...
Беда с тобою сталася...

Тарас (еле слышно, и потому еще
сильнее).

Беда.

Несчастье.

Первый чумака.

Что ж такое?

Тарас (так же).

Обесчестил.

Убил пан человека.

Четвертый чумака (в напряженной
тишине).

Покарай

его господь!..

Тарас (так же тихо).

В колокола ударьте,
В колокола. Чтобы глухой господь
услышал... Чтобы вздрогнул он... Чтоб
мертвой
душою содрогнулся он...

(Теряет власть над своим голосом.)

Кричите

на целый свет, кричите громче, люди!!
Чтоб мертвый бог услышал правый
воплъ!..

Кричите громче, люди...

(Пауза. Из-за сцены слышен голос Кулиша.
Он звучит неожиданно и непринужденно).

Голос Кулиша

Где же кони?

Шинкарочка, не кажется ли вам,
что я их ждать намерен до рассвета?

(Появляется в дверях).

Тарасик!!

(Подбегает).

Я ж тебя вчера искал,
весь день искал! Гонялся за тобою...
а ты исчез.

(Кричит в дверь).

Ганнуся!.. Вот он где,
пропащий наш.. Взгляни!..

(Входит жена Кулиша).

Жена Кулиша (пристально
смотрит на Тараса).

Что это с вами?

Ой-ой, как побледнели вы!

Кулиш.

Эге!

Я и не вижу! Кто там, эй!

(Вбегает шинкарка).

Нельзя ли
людей просить отсюда!

(Чумакам).

Господин

Шевченко, видите ли, очень болен!

Чумаки (удивленно, шопотом).

Тарас...

Кулиш.

А ну-ка, люди, вон туда
пойдите... да и сядьте там. Больные...
вы видите, больные здесь...

Кулиш (шинкарке).

И вы
оставьте нас, прошу вас... Только чаю
подайте нам — и можете идти.

Шинкарка.

А вот я мигом, мигом...

(Шинкарка выбегает. Жена Кулиша садится
у стола. Длинная пауза).

Жена Кулиша.

Не горюйте,
не убивайтесь же... На свете есть
других немало... Лучше и нежнее

и, может быть, достойней, чем она...
Она же вас наверно и не стоит,
когда сама вам отказать могла
в ответ на вашу искренность

и нежность!

Поверьте вы, не стоит ваших мук
ее высокомерье.

Кулиш (*искоса глянув на Тараса*).

Ну, да хватит
об этом, друг мой! Был я, видно, прав,
сказав, что не оценит, не сумеет
вас оценить она... Да ну ее...

Тарас (*неистово, сжав кулаки*).

Не смей!

Жена Кулиша (*вздрыгнув*).
Да что вы... Бедный... успокойтесь!
О, боже мой!..

(Пауза. Тарас бессильно садится на лавку).

Кулиш (*обиженно отходит*).

Не знаю я, за что
ты на меня так сердисься... Не знаю,
чем виноват по доброте своей...

(Входит шинкарка с чаем).

Жена Кулиша (*облегченно*).
Дозвольте — вам налью я... чай на
нервы
влияет хорошо...

Кулиш.

Ведь я хотел
с тобой поговорить... да попрощаться...
В далекий путь уеду нынче я...
Надолго разлучимся мы... А дело
одно у нас с тобой... Ведь не один
с тобою день мечтали мы, бывало,
о лучших днях славящины; о днях,
когда сойдутся дружно все славяне
в одну семью...

Жена Кулиша (*пододвигает стакан
к Тарасу*).

Вот, пейте, пейте чай.
Остынет ведь...

Кулиш (*вынимает тетрадь*).

Я думаю, что ныне
настало время: из твоих поэм
я кое-что издать бы мог... Конечно,
ты согласился б выправить места,
которые цензура не пропустит...
Ну, резкости там...

(Перелистывает тетрадь).

Мы б нашли наверно
с тобой места такие... За стихи,
конечно, получил бы ты свое...
Я много заплатить тебе не мог бы,
но четвертак за слово б заплатил.

Тарас (*берет тетрадь из рук Кулиша,
молча перелистывает*).

За слово... значит, если б написал
я только... маленькое слово «правда»,
ты четвертак бы дал мне за него...
Так, так...

Жена Кулиша (*сострадательно
смотрит на Кулиша*).

Вы сердитесь, Тарас, напрасно.
Он по добру вам говорит... а вы
напрасно здесь... (*Замолкает*).

Кулиш.

Я думал, что большая
идея наша будет жить в сердцах,
я думал, что не будет между нами
для ссоры места... Миссия славян
ведь это наша миссия!

(Пауза.)

Тарас.

Ходил я...
бродил, смотрел и... видел...

(Поднимается).

Боже мой,
Чего не видел я на белом свете!
Сам под господским некогда кнутом
о рае я мечтал... Я был уверен —
есть уголок счастливый на земле,
где плача и стонаний не услышишь...
где не свистят кровавые кнуты
и люди не свиваются от боли...
Напрасно! Нет их... выбили кнутом
мечтанья сладостные... Украина,
как после злых пожаров, чуть жива,
стоит, испепеленная... А люди?
Как их терзали только палачи!
Не сосчитать ни покрыток, ни сирот,
ни крови их, ни стонов... Господа ж
ей только хлещут по лицу кнутами
и нежно приговаривают: «Как
она приятно стонет!».

(Неистово бьет кулаком по столу).

Не могу я!
У... нехристи...

Ж е н а К у л и ш а (*вздвинув на стук*).

Да что вы...

Т а р а с.

До сих пор
они еще не поняли, как видно, —
не нужен людям просто хлеб, —
их нужен хлеб! И что обыкновенной
не нужно людям крови, только их,
их кровь нужна народу!

К у л и ш (*возмущенно*).

Что с тобою...

Ты раздражен... ты, просто, говоришь,
как будто сумасшедший!..

Ж е н а К у л и ш а.

Тише, тише!

Садитесь, успокойтесь же...

Т а р а с.

И что

Что мне, скажи, теперь твой рай
славянский?

Не раз ты убеждал меня, что в нем
до Петербурга дальше, чем до Вильно
и до Варшавы даже. Нет, Панько,
не для меня тот светлый рай! О нем
поет лишь тот, кто хочет честным

людям

забить угаром голову; кто хочет
сердца народа ядом отравить!
Дрожите же! Вас время покарает
за ложь, за слово каждое, за стих,
направленный против путей народных!
Лишь время — наивысший судия.

(Пауза).

Что ж, я иду.

Ж е н а К у л и ш а (*суетливо*).

Да что вы! Подождите...
ведь мы вас можем подвезти... Панько,
поторопи!

К у л и ш (*кричит в дверь*).

А кто там, эй!

Ш и н к а р к а (*входя*).

Подвода

давно запряжена и ждет.

К у л и ш (*берет небольшой
чемоданчик*).

Пойдем.

Т а р а с.

Нет, нет... Я с чумаками. По дороге
как-раз мне с ними. С ними я дойду.

Прощайте!

(Тарас выходит. Длинная пауза).

К у л и ш.

Ганна...

Ж е н а К у л и ш а.

Ну идем.

(Шинкарке).

Несите

в карету чемоданы.

Ш и н к а р к а (*выбегая*).

Я несу...

(Пауза).

К у л и ш.

Ну что ж... идем, идем скорей, Ганнуся!

(Выходят. Некоторое время на сцене нет ни-
кого. Потом появляется шинкарка с тяжелыми
чемоданами. Навстречу ей снаружи вбегает
Петров).

П е т р о в.

Послушай... С чумаками тут в корчме
быть должен господин один... Шевченко
его зовут.

Ш и н к а р к а.

Шевченко? А какой
собою он?

П е т р о в.

Да, верно, с чумаками
он разговаривал...

Ш и н к а р к а.

Вы подождите тут,
я позову его...

П е т р о в (*вдогонку ей*).

Да поскорей ты!

(Петров на сцене один. Он поспешно огляды-
вает комнату, потом что-то ищет в кармане.
Входит Тарас).

Т а р а с.

Кто звал меня?.. Петров!!

П е т р о в (*очень торопливо*).

Скорей, Тарас
Григорьевич... Сегодня неприятность
вас ждет... Я прибежал сюда, чтоб вас
предупредить заранее...

Т а р а с.

Какая
еще беда соскучилась по мне?!

Петров.

Ну, если что-то есть у вас такое...
рисунки нецензурные, стихи...
давайте все... Я хорошо припрячу...

Тарас.

Стихи мои в тетради.

Петров.

Так скорей
давайте вашу мне тетрадь.

Тарас (*вынимает тетрадь*).

Я знаю
на память все стихи... И не беда,
коли придется в печку...

Петров (*воскликая*).

Что вы! Дайте
скорей, ведь каждый миг...

Тарас (*удивленный*).

Но ведь и вам
беду накликаешь на себя недолго!
Я их на память знаю.

(Хочет идти, но Петров почти вырывает тетрадь из рук Тараса).

Петров.

Ни за что!

Все это я припрячу... все! Прощайте...

(Выбегает, спрятав тетрадь. В тот момент, когда он открывает дверь, в корчму врывается вдруг зарево пожара. Вслед за этим раздаётся крик шинкарки).

Шинкарка (*вбегая*).

Горит! Спасите!!

Первый чумака (*вбегая*).

Панское горит!

(За ним появляются чумаки).

Второй чумака.

Спасите, чумаченьки!

(Все порываются к открытой двери.)

Тарас.

Подождите!

(Чумаки останавливаются).

Куда же вы? Иль барское болит
вам тоже, люди добрые? Ведь это
от вашего оторванное рта,
ведь краденое там горит!

Первый чумака.

Да что мы,

гасить, что ль, собрались огонь? Да мы
хотим раздуть покрепче!

(Смех среди чумаков).

Четвертый чумака.

Раздувайте,

ведь краденое!

Тарас.

Это наша месть,
месть маленькая наша. Посмотрите,
как осветило нам поля огнем!
Как ясно!

Чумаки.

Прошлогодняя солома!
Стога горят!

Тарас (*любясь на пожар*).

Смотрите, как светло!
Не молния ли с неба озарила
единый путь невидящим?

(Поворачивается ко всем).

Тарас.

Вы все,
смотрите все на тот огонь! Любите
огонь, крещеные. Испепелит
огонь вот этот троны и короны,
царя, царят развеет по земле...
Пляши, беда, вокруг огня! Да душу
согрей свою холодную.

(Из дверей на фоне пожара появляются пристав и полицейские стражники. Чумаки от неожиданности отступают назад, пропуская их в помещение. Пауза).

Пристав.

Кто здесь,
скажите, крепостной Шевченко,
Тарас Григорыч?

(Тарас выходит вперед).

Именем его
величества царя и самодержца...

Тарас

Ну что?

Пристав.

Вы арестованы.

Тарас

За что?

Пристав.

Вы сеяли крамолу.

Тарас (*доставая горсть пшеницы*).

Нет, пшеницу.

Пристав.

Вы что-нибудь имели при себе,
кроме тетрадошки?

(Вынимает тетрадь Тараса).

Тарас (*невольнo восклицает*).

Петров!!

Пристав (*у дверей солдатам*).

За мною!

На караул!

(Входят несколько полицейских и становятся рядом с Тарасом. Чумаки стоят растерянные. В это время в дверях появляется Иван. Одну минуту стоит он пораженный).

Иван (*вдруг почти истерически*).

Не дайте, чумаки!

Убьют его!

Тарас (*растроганно*).

Иван!

Первый чумаки.

Гей, заступитесь,

не дайте, люди добрые...

(Чумаки порываются вперед, на них кидаются полицейские, прижимают их к стене ружьями).

Полицейские

Назад!

Тарас (*протягивает руку Ивану,
который все время стоит в дверях*).

Спасибо, друг...

(Иван хочет поцеловать руку).

Иван, Иван!.. Да что ты!

Собака лижет руку... А тебе,
тебе, Иван, ведь стыдно! Человек ты,
ты человек!

Иван (*слезы у него на глазах*).

Спасибо вам... вовек

я буду помнить этот день...

Пристав (*кричит в дверь*).

Карету!

(Выходит. Длинная пауза).

Первый чумаки.

Ну вот... зашлют теперь тебя... Зашлют
в Сибирь далекую... Ты жизнь погубишь
за горе за чумацкое... Прощай,
кобзарь ты наш...

(Пауза).

Иван

Быть может, в Украине
тебе уж больше не придется петь...

(Рыдая).

Прощай...

(Пауза).

Тарас

Не все ль равно мне — то ли буду

Я жить в Украине, то ли нет,

Меня припомнят, иль забудут

В снегах, в далекой стороне,

Не все ль равно, поймите, мне.

В неволе вырос меж чужими,

И, неоплаканный своими,

В неволе, плача, я умру,

И все с собою заберу, —

Уйду — и даже след мой сгинет

На нашей славной Украине.

На нашей не своей земле.

Не вспомнит, не скажет сыну

Отец: «Молись, мой сын, о нем,

Молись, мой сын, — за Украину

Он был замучен палачом».

Не все ль равно мне, то ли будет

Тот сын молиться, то ли нет...

Не все равно, однако, мне,

Когда Украину злые люди

Заставят спать и вдруг, в огне

Обворовав ее, разбудят...

Не все равно, поймите, мне!

Третий чумаки (*плача*).

Прощай, кобзарь наш...

Пристав (*еходя*).

На караул!

(Стражники обнажают сабли).

Чумаки (*голоса их дрожат*).

Прощай ты, наш кобзарь!

Не забывай нас, человек хороший...

Тарас (*выходя*).

Не плачьте, люди! О моей судьбе

Не очень убивайтесь! Вы поймите,

Что, как и я, живете вы в тюрьме:

Я — в маленькой, а вы — вы все — в

огромной!

(Выходит в сопровождении полицейской стражи, озаренный большим пожаром, который все больше и больше охватывает горизонт. Поникиши и пораженные, стоят чумаки. Невольные слезы катятся у них по щекам. Громко и страшно рыдает, склонившись к притолке,

Иван).

Стихотворения

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

Переводы с украинского

★

★ ★ ★

Нельзя заснуть, а ночь, как море...

(Не осень давит сердце мне —
Неволя злая). Ведь стене

Ты не расскажешь ни о горе,

Ни о беспечном детском сне.

Ворочаюсь и жду рассвета,

А часовые у дверей

Толкуют о судьбе своей,

Припоминая то да это.

Первый:

«Такая видная собой,

И меньше белой¹ не дарила.

А барин бедненький такой!

Меня-то, слышь ты, и накрыли,

Свезли в Калугу и забрили...

Так вот-те случай-то какой.

Второй:

А я... со страхом вспоминаю!

Ведь я в солдаты сам пошел.

Я девушку в селе нашел.

Что за девчина! Сердце гает,

Нас мать-вдова благословляет,

Но пан заклятый не дает:

Мала она, мол, — пусть дождусь я.

Я ж зачастил к своей Ганнусе.

Год миновал, а пан свое.

Мы с матерью пошли с поклоном,

А он — все просьбы ни к чему,

Не верит ни слезам, ни стонам,

Пятсот рублей давай ему.

Да где же взять их? Занимать?

Никто не даст, хотя б и были...

Трудом пошел их добывать.

Где только ноги не носили.

Пока я деньги раздобыл,

Пожалуй, года два ходил

По Черноморью и по Дону.

Подарков разных накопил

Своей Ганнусе. Возвращаюсь

В село к возлюбленной в ночи,

Но лишь старуха на печи,—

И та, бедняга, умирает,

Хатенка жалкая гниет.

Зажег огонь и к ней со страхом,—

А от нее уж пахнет прахом,

Я за попом, бужу соседа.

Привел попа, да опоздал—

Уж ни дыхания, ни бреда.

Мертва старуха. И узнал

Я у соседа про Ганнусю.

«Ты разве до сих пор не слышал?

В Сибирь несчастная ушла,

Она ведь к барчуку ходила,

Потом ребенка принесла

И здесь в колодце утопила».

Мне словно жажда грудь прожгла...

Шатаюсь, вышел я из хаты...

С ножом в господские палаты

Я шел, не чувствуя земли...

Но барчука уж отвезли

Учиться в Киев... Вот как, друже.

Отец и мать по сыну тужат,

А я сюда пошел служить.

И все со страхом вспоминаю:

¹ Старые бумажные деньги белого цвета (50 рублей)

Хотел палаты подпалить,
Его или себя убить,
Но бог помиловал... — А знаешь,
Его перевели сюда
Из армии, видать?
Первы й:
 Так что же?
Ты с ним покончишь без труда,

Второй:
Пускай себе! Господь поможет.
И позабудется беда.

Они все время говорили,
Я на рассвете стал дремать:
И тут мне барчуки приснились
И не дали, гадюки, спать.

Перевел Л. ДЛИГАЧ.

ПЕТРУ СКОРОПАДСКОМУ

Не зло обидно: возле злого
Молва настороже стоит.
А речь про доброго такого,
Что и молву-го одурит.
Доселе тошно, как припомню
Готический с часами дом,
Село убогое кругом;
Завидя флаг, мужик снимает
Скорей шапчонку: значит пан
С своею челядью гуляет.
Такой откормленный кабан —
Распутный знатный этот пан,
Он гетмана-глупца потомок,
Завзятый ярый патриот,
Христианин, — чуть не с пеленок
Он в Киев ездит каждый год;
В сермяге ходит меж панами,

В шинке пьет водку с мужиками
И вольнодумствует порой...
Вот тут он весь перед тобой!
Да на селе своем дивчаток
Перебирает, да спроста
Пригульной ребятни с десяток
Окрестит за год... Срамота!
Он подлецом и был и будет.
Зачем же он иным слывет?
Зачем никто не наплюет
Ему в глаза?.. О, люди, люди!
Готовы вы родную мать
За ломтик колбасы продать.
Нет, не на доброго такого,
На пьяного Петра кривого, —
Моя обида на людей,
На тех юродивых детей.

Перевела В. ЗВЯГИНЦЕВА.

★ ★ ★

Ой, наточу «товарища»,
В голенище спрячу,
Да пойду искать по свету
Правды и удачи.

Ой, пойду я не лугами
И не берегами,
Побреду я не дорогой, —
Придорожным логом;

Допрошу-ка шинкаря я,
Богатого пана

Кос-Арала. 1848 г

Да шляхтича поганого
В поганом жупане,

И монаха, коль встретится, —
Пускай не гуляет,
А святых отцов читает,
Людей поучает:

Чтоб друг друга не резали,
Брат не грабил брата,
Да чтоб вдовьего сыночка
Не гнали в солдаты.

Перевела В. ЗВЯГИНЦЕВА.

★

Утро

Продолжение ¹

АЛЕКСАНДР ДРОЗДОВ

★

ХІХ

Через две недели после отъезда Натальи Броков получил от нее письмо. Письмо принес в шапке знакомый мужик, ходивший в город по судебному делу. Наталья не писала ни о себе, ни о Варварке, не посылала ни поцелуя, ни поклона, а требовала еще денег.

Уезжая в город, она взяла с собой шестьдесят рублей. Броков обеспокоился. Он решил, что святители обманно тянут с Натальи деньги. Надо было сходить в Ловцы, потом на край села к мужику, в кровь избившему молодую сноху, — и весь день Броков мучился тем, что нивесть на что уходят деньги. Но к ночи он признался себе, что вся соль не в деньгах. Вся соль в том, что столько времени подле него нет Натальи, суеты ее тела, ее певучего «ой-я?».

Дом был покинут, грязен, скотина плохо кормлена. Пропали две квочки. Постель Натальи не стелена. Гришка не брил морды.

Перетерпев двое суток, полные огромной тоски, Броков устроил так, что становой пристав послал его в город к полицмейстеру — отвезти поросенка. Он пристроил мешок между холкой коня и своим животом. Поросенок бился и визжал всю дорогу. По пути, в шинке, Броков купил мерзавчик и влил водку в горло поросенка. Тот заснул, опьянев.

Броков ехал на быстрой рыси, меринок был ходкий.

Чем дальше ехал Броков, тем больше испытывал счастья. Вот проехал село Белоомут, подумал: до города, до Натальи осталось тридцать три версты. Солнце было еще высоко. Среди луга, возле дороги, на развилке проселков, должны встретиться две липки. От них до города, до Натальи, останется двадцать восемь верст.

Липки Броков увидел издали. Одна почти усохла, ветер шуршит в ее ржавых листьях, как в старом железе. Ствол ее изогнут дугой, здесь и там кольцами с нее содрана кора, к ее черным ранам цепочками тянутся муравьи. Другая стоит, как подвечная, веселые листики, будто стекляшки, блестят на солнце. Раскинула по ветру тонкие ветки. Если соскочить с седла, послушать: услышишь, как они стучат на ветру.

Броков все больше становился счастливым, и в голове его шевельнулась мысль, будто веселая липка — это Наталья, а он, усохший любовью-болезнью, тянется к ней, льнет к ней, прельщает, помирает возле нее. Он гнал меринка. Пьяный поросенок болтался в мешке и грел его живот.

В городе Броков не повидал полицмейстера, оставил поросенка на кухне. Конюх отвел меринка в денник. В деннике Броков выпил с кучером по стаканчику и почувствовал, что счастье переполняет его до краев.

¹ См. «Новый мир», кн. 1 с. г.

Он легко нашел в слободе дом Лизаветы. Наталья сообщила в письме, что хозяева не любят полиции. Это она писала для острастки, чтобы он не вздумал приехать. Несмотря на то, что это марало его субординацию, он сдержал в себе раздражение, не решился портить того счастья, каким был полон до краев.

Походил у окон дома, стараясь казаться красивым, как на фотографии. Но скоро это стало неприличным: кое-где из окон стали поглядывать на него, а потом он заметил, что куча ребятишек стаей ходит за ним — он до угла, и они до угла, он назад, и они назад. У дряхлой, скошенной калитки, соседней с домом Лизаветы, стоял старик в парусиновых штанах, в дырявой рубахе, перевязанной святым пояском от Сергиевской лавры.

Авессаломовы волосы, но уже тронутые сединой, сидели на его голове копыти соломы.

— Ты чей? — спросил Броков.

Старик ответил:

— Я свой.

— А звать как?

— Звать Мишаил.

— Занятие? — спрашивал Броков строго, сам не зная, зачем.

— Посуду расписываю. А еще, — сказал Мишаил по-детски, — голубками балуюсь.

Брокову счастливо пришло в голову, что он может заночевать у Мишаила вблизи от Натальи. Старик с отсутствующим видом согласился, провел его заросшим лопухами двориком в строение: то ли беседка, то ли брошенная банька.

Окошки были низкие, но на лето старик разбирает часть крыши и при свете неба расписывал посуду. Берлога у него была чистая, выметена венчиком. На стенах прилепленные хлебным мякишем, раскрашенные лакированные картинки, с которых Мишаил брал сюжеты для тарелок. Краски он хранил в старом футляре из-под скрипки: купил на толчке за бесценок. Кисточки обернуты папиросной бумагой.

— Угощать тебя, вроде, нечем. Угости ты меня, — сказал Мишаил.

Броков вынул деньги, и Мишаил побежал в лавку. Ходил он долго. Пока он ходил, Броков выглянул в окошко. От двора Лизаветы этот двор отделялся низким забором из старых досок. Меж досками были большие щели и видно крыльцо, а на крыльце сидит девчонка с жидкой косицей.

«Пст, пст», — сделал Броков.

Варварка обернулась, осторожно, на цыпочках подошла к забору. Она обхватила доску и, взглядевшись в Брокосва, заревела с испугу, раскрыв рот до ушей. Он жестом велел ей перелезть через забор. С ревом она закинула ногу, юбочка задралась, показывая на ноге белое тело сверху загорелого.

Она мешком свалилась в лопухи и, встав, как-то боком, заноса ногу за ногу, подкатилась к отцу. Он погладил ее жесткие, пропыленные, давно не мытые волосы. Он непривычно и неловко ласкал ее, думая, что его ласку непременно слышит Наталья.

— А меня лихорадка трясла! — похвасталась Варварка.

— Иди, ступай, сейчас же зови мать, — выговорил Броков, с трудом переводя дыхание.

— Мать у отрока.

— Живет там?

— Она приближенная, — сказала Варварка, затихнув под его лаской, почесывая живот.

— Это как?

— Там четверо приближенных у него. Одна купчиха, один господский дяденька, еще один дяденька, а четвертая мама. Там и живут, а мне не велено ходить. Никому я не нужная, — сказала Варварка жалобно, но не заплакала.

— Чего ж ты здесь делаешь?

— У Лизаветы живу.

— Не сладко, видно, живешь: вся в грязи, как свинья.

— Она мне мыться велит, да я не даюся, — строптиво сказала Варварка.

— Бастуешь, стало быть, — сказал Броков, думая о Наталье и о том, как ему пойти к ней.

Вернулся Мишаил, принес студию с хреном, баранок и кулек сахару. Он сказал Брокосу, как давнишнему знакомому, что к отроку и соваться не

стоит: не допустят, а надо смириться, куда Наталья лечится богом, ждать и посылать деньги. Варварка поставила на две кирпичины чайник и развела под ним огонь.

Броков вдруг рассердился, что все его путают, и стал страдать, что пойдет к полицмейстеру: тот силком приведет Наталью к мужу.

— Держи карман, приведет! — деловито сказала Варварка, — Отрока сам губернатор любит.

Они пили чай из блюдца, расписанных Мишаилом так пестро, что слепли глаза. На иных блюдах пламенели розы, на иных синели васильки, с иных улыбались румяные девушки — все это исполнено ослепительными, пылающими красками. Мишаил, прежде чем нести товар заказчику, «омывал» его, то-есть пил из него чай, ибо верил, что без омытия краски не окрепнут и не прижигутся к блюдам.

Варварка здесь была, как дома: любила смотреть, как пишет Мишаил, смазывая кисти слюной, и губы у него начинают играть радугой. А больше всего она любила глядеть, как он пишет санки, чтобы их можно было класть на кюветы. Он был колдун, этот дед. Домовой запечный. Брал яичко, прокалывал его иголкой с двух концов, выпускал клейкую белую жидкость прямо Варварке в рот. Она смеялась, глотала: вкусно! Потом он тер скорлупу пемзой, и вот яйцо становилось нежно-розовым, как тело или как вечернее небо, и на нем Мишаил, надевая очки в оловянной оправе, писал картинку: Христос на этой картинке воскресал из мертвых, и одежда на нем была такой яркости, что хотелось лизнуть ее языком.

Броков, глотая чай, насупил. Ощущение близкого счастья пропало, и теперь камень тяжелый лежал на сердце. Была семья — и разлезлась. Жена у отрока. Девчонка в чужих людях, как в своей семье, — ластится к полоумному деду. Все порушено.

Так нет же! Он вдруг почувствовал прилив энергии. Был дурак — распустил бабу, надо подтянуть вожжи-то! Он велел Варварке принести от Лизаветы вещи и натальины вещи, какие остались.

— Спроси, не задолжала ли мать, — крикнул он Варварке вслед, — а спасибо не говори. Все они дрянь голодная, им только содрать с людей, я им еще покажу закон!

Мишаилу он велел принести водки, чувствовал, что иначе не может: нагупит или побьет стекла.

Варварка притащила через забор дорожную сумку и вытряхнула ее перед отцом. Вывалилось постиранное варваркино платье, ее праздничные чулочки и совсем новенькие полуботинки на пуговках. Потом выпал гребень Натальи под черепаху, с серебряными звездочками. Этот гребень Броков подарил Наталье всего месяц назад.

Других вещей Натальи не оказалось. Он отшвырнул гребень ногой. Завалившись в угол, гребень долго качался, стреляя лучиками света.

— Убери! — заорал Броков на Варварку, — глядеть ни на чего не желаю, провались вы с матерью хоть сквозь всю планету! Видеть вас не желаю!

Варварка, вздохнув, ушла в сенцы и там легла на кошму, смеясь чему-то своему, как женщина, имеющая опыт внутренней жизни. Водку пили вместе с Мишаилом, сидя у раскрытого окошка. Солнечные пятна красными жирными блинами лежали на лопухах. По улице, нет-нет, тарахтела телега, над забором появлялся движущийся столб пыли, и в нем, как ястребки, парили обрывки газет.

Мишаил опрокинул стаканчик, расписанный ландышами, поглядел в глаза уряднику и закричал визгливо:

— Увсех надо с земли вырезать, дочиста, пусть остаются одни правильные люди. Я правильный, а ты нет. Ты, мил друг, казенный человек. Игде казна, там казнокрады. Увсех казенных людей надо вырезать дочиста, не обижайся на меня. Я смолоду в казне служил, так, слава богу, одумался. Я в казне швейцаром был: тот дает, этот подкупает, третий попугивает. Стал я жиреть — шут вас в бездну, думаю, чорт вас на плаху, уйду! Ушел. Сыновья от меня отреклись, дочери плакали, жена в могилу легла. Остался я один на свете свой-рассвой, свой-пересвой. Ты это

вспомни, скоро народ казенных людей будет резать.

— Ты, Мишаил, легче, — сказал Бровок, — ты нигилист.

— Во-во, — сказал Мишаил.

— Ты анархист, смотри!

— Во-во, он самый, — обрадованно сказал Мишаил.

Казал Бровок уже не мог вытерпеть и, ближе подсев к Мишаилу, стал рассказывать ему, как сохнет за Натальей. Одурманенный водкой, он, как тетерев на току, пел о красотах Натальи, о ее женской славности и как она принимает его ночью. Он всегда дивился ей, как много она в себе носит утолений, и то, чем другие женщины стыдны и зазорны, в ней, как солнечный дар.

— В постель к ней, как в церковь, идешь, как в церковь! — восклицал он, заливаясь пьяной слезой, — как это так? откуда в ней такой дар?

Он хотел рассказать Мишаилу, что жизнь его неудачна, что образование его — два класса городского училища и что все женщины ему противны, была бы только Наталья. Но рассказывать он в пьяном виде не умел. Они выпили бутылку до самого доньшка.

Солнце еще не садилось, Мишаил тоже захотел восторга и потащил Бровка на голубятню. Варварка увязалась с ними. В голубятне на стрешках сидели голуби многих пород. Скользя на досках, покрытых пестрым пометом, Мишаил засюсюкал, заиграл губами. Голуби подняли гвалт, ожидая гонки. Здесь были разные: козырной в нарядном чепчике, с мохнами на ногах, огнистый с манжетами на груди и египетский, хохочущий, как плохой актер.

Они вспорхнули со стрешек, обсели Мишаила: один на плечо, другой на локоть, третий плюмажный, ероша воротник, сел на голову. А Варварка взяла голенастого турмана в ладони, поцеловала его в клюв.

На крышу Бровок постеснялся лезть. Глядел, как Мишаил, открыв беззубый рот, замахал мочалюю, и голуби с шумом пошли в небо. От их летящей стаи на облаках, казалось, оставался легкий дымный след. Мишаил присел на корточки, волосы его разлетелись.

Варварка, сдавив руками горло, восхищенно глядела в небо.

— Раз! — кричал Мишаил, считая круги голубей, — два! третий пошел! четвертый пошел! держи, пятый пошел! шестой пошел, шут тебя на плаху!

Он выпрямился во весь рост, стоя на покатою крыше, как на душегубке среди волн, качаемый хмелем и восторгом. Отсюда, из голубятни, видны были скаты слободских крыш, то деревянные, то крытые железом или соломой, или глиняной черепицей. Из-под крыш выкидывались макушки берез и яблонь, скворешни тянули на долгих жердинах свои уютные домики. Весь город лежал перед Бровковым, как на блюде, а ему страшно было угадать, под которой из крыш живет Наталья.

Он насупился, вынул из кармана большой кошелек с железной застежкой и, вынув две монеты, толкнул Варварку в плечо:

— Слтай за водкой. Эй, цвей, дрей!

XX

Отец жил здесь вторые сутки, пьянствовал, иногда уходил подстергать Наталью у ворот отрока. Возвращался туча-тучей. Мишаил тоже пропадал все дни: толкался среди людей, слушая, как народ собирается резать казенных людей.

Все дни Варварка валялась на кошке, почесываясь от блох, поджидая Лизавету. Но Лизавета забегала редко: стирала белье по купцам.

Делов никаких; никогда не стряпали: на обед Мишаил приносил из трактира печеные яйца, студню с хреном, воблу. Самовара не вздували. Гостей не вадать. Валяйся себе, царевна-королевна, думай, чего хочешь. А и думать-то нечего — все передумано за день-денской. Скучно. Мамка — вот счастливая, ничего для себя не пожалела, лечится богом.

В решете, под шерстяным платком, попиликивают новорожденные цыплята. Чужая кошка шарит по пустым ведрам. Не подобралась бы к цыплятам, подлая!

Варварка то полежит на животе, то опрокинется на спину. То запоет тоненько, волосиным голоском:

Прощайте, товарищи, с богом, ура,
Наверх якоря поднимают,
А судно охвачено морем огня,
Прощанья пора наступает.

Песню эту певали везде; девки, возвращаясь цветной гурьбой с поля, деревенские пропойцы в трактире, парни в рабочей слободе — все пели о корабле «Варяг», потонувшем в морской пучине, на дальней японской стороне.

Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пошады никто не желает...

— Варвара! — закричал отец за дверью, — чего ты воешь, чего ты мне душу мутишь?

— Пою.

— Поешь! Не велю тебе петь.

— А тебе — забота?

— Не тебе ль регент камертоном шишку набил? Ну-ка?

— А ты меня не трагой. Царскую тебе принесла — и пей. Разговорчивый!

— Г-га! — шумел отец за дверью. — В-вух! Эк-ка-а!..

Видать, осушил стопку. Теперь не до песен.

Огрузившим, омрачившим голосом отец закричал:

— Поди-ка сюда. Живо! Эй, цвей, дрей!

Сметнулась с кошмы. Побежала, стуча пятками. От двери волком поглядела на отца. Он, бросив на стол тяжелые руки в веснушках, угрюмо уставился в окошко. Лицо желтое, усы мокрые, одна подтяжка спущена. По всему видать — выпивши, но не чересчур.

Не оборачиваясь, сказал сердито:

— Найди перо, чернила, бери бумагу самую лучшую — я там видел у него, на шкафчике, под салфеткой.

— А что делать-то? — подозрительно спросила Варварка.

— Что делают с бумагой? Жрать ее будем, чернилом запивать. А пером в зубах ковырять.

Пошугил — или так, со злости? Варварка послушно пошла к шкафчику, стоявшему в простенке. Шкафчик базарной

поделки, покрыт желтым лаком, по дверке и по бокам наведены павлиньи глаза с черными зрачками. Сдернула салфетку, из стопки взяла лист дорогой матовой бумаги: на ней Мишаил кисточкой любил набрасывать свои собственные мотивы для посуды.

Бумага толстая и шерстила пальцы. Варварка взяла и второй лист, — чего не бывает: капнешь чернилом, втешется ошибка. Лист положила на стол перед отцом, пошла шарить по комнате — искать чернила. Ей все попадались пузырьки с красками, расставленные в хорошем порядке на табуретках и на полочках. Наконец, на печке она нашла пузырек чернил и вставочку.

Отец, не шевелясь, трудными глазами смотрел в окно; там шел ясный день. В небе таяла розовая, кружевная тучка.

— Что писать-то будешь? — спросила Варварка, робея перед отцом.

— Не я, а ты писать будешь. Чего велю. Даром, что ли, трачусь на школу, на разные там карты-глобусы? Даром тебя учу? Только гляди: внятно пиши и кругло.

Он повернул к ней большую нечесаную голову с торчащими ушами. На Варварку дохнуло спиртным. Варварка села на табуретку, зажала юбку между колен, повела локтями, распаяя себя на писание. Чуть косыми, как у отца, глазами поглядела на него из-подо лба.

Успокоилась. Бить не станет — не настолько пьян.

Обмакнула перо в чернила.

— Пиши: его высокородию, господину полицмейстеру, Александру Алексеевичу господину Озерницкому. Теперь ниже пиши.

— Урядника села Елатьма Ивана Евстигнеева Брокера. Теперь здесь...

Опять указал пальцем.

— Крупно: про-ше-ни-е.

Задумался, подперев щеку большой плотной ладонью. С тыльной стороны чуть золотились на его руке волосики. От многих веснушек рука казалась красной.

Он вздохнул и — в один дух:

— Жена моя Наталья Ефимова, пиши, по отцу Семенова, сожительствуя со мной десять лет в добром согласии, не-

известно по какой причине 20-го сего месяца тысяча девятьсот пятого года из родительского моего дома ушла, оставив меня непричем с дочерью моей Варварой девяти лет.

Он передохнул, потом пересел на другую табуретку, чтобы сидеть с Варваркой рядом и видеть написанное.

— И в настоящее время, — продолжал он судорожно сжатым и несчастным голосом, — проживает в городе в доме акцизного чиновника Тельнова у чудотворца из народа, отрока Никифора. Какой он чудотворец, неизвестно, но она живет, по слухам, на любовном положении и бессовестно ведет себя по отношению к моей нравственной гордости, чем елико возможно марает мою субординацию как человека, состоящего на службе. При этом присовокупляю, что жил я с нею не как какой-нибудь зверь, и никаких тиранствий с моей стороны ей не приносил, что могут доказать свидетели крестьяне. И всегда обходился с оной моей женой в хороших качествах.

— Бил ты ее боем, — пискнула Варварка, пригнув голову.

— Это когда ж я ее бил? — искренно удивился отец.

— В последний раз на Николу вешнего бил.

— Эка, не я бил, а она царапалась, кошка подлая. После Николы кто дома трое суток сидел? Я сидел, отец твой! Эка! Это битье за битье не считается. Это не битье, а драка. А ты что — с отцом в перекоры вступаешь? Вот двину, юлой завертись! Пиши...

Варварка обмакнула перо, изготовилась.

— Пиши: также я просил его благородия становой приставы, но оный становой пристав...

— Это чего ж: оный? — Варварка перестала писать и простоудушно задумалась, глядя, как на перышке перламутром играет капля чернил.

— Есть речь простая, какой все говорят, а есть особая речь для писем и прошений. Всему свое время и место. Да ты что, ты долго будешь грубить отцу? Вот оттреплю за косицу-то, заплачешь!

— За косицу, — сказала Варварка, — за косицу! Небось, одна я у тебя осталась, у пьяницы.

— Знай пиши: но оный становой пристав по неспособности отказался что-либо сделать и мне помочь. А потому и ввиду того, что я еще молодой человек, имею только тридцать два года от роду (прилагаю для видимости метрическое свидетельство за № 91) и что вследствие функций моей природы должен по закону природы исполнять супружеские прелегации, то и прошу вернуть мою жену в дом.

Он громко усмехнулся, поник головой. Лицо его раскисло, щеки вдавились. Слова, которые только-что легли на бумагу, оскорбляли расшатанный мир его души. Он велел писать Варварке слова о тиранстве. Как ни был он пьян, душа его не могла принять таких сумасшедших преувеличений. И он вдруг понял, что ему не вылезти из паутины сложных людских и служебных отношений. И Наталья не вернется к нему.

Кулаком ударил по крышке стола, стал диктовать истово:

— А посему я имею честь, ваше высочородие, войти в мое положение, вызвать мою жену административным порядком и велеть давать мне удовлетворение хотя временно, но не менее двух раз в неделю по медицинскому закону, на каковой предмет выдать мне исполнительный лист.

Если всего счастья не сохранить, то хоть частичку, немножечко, хоть из милости! Он испугался того, как дрожат его руки. «Вот до чего довела, колдунья!».

Боясь упустить жалкий, мучительный протест, родившийся в нем, продолжал диктовать сжатым голосом:

— А также присудить с народного чудотворца Никифора, фамилии не знаю, понесенные мною издержки за незаконное якобы пользование моей женой. Урядник села Елатьма Иван Евстигнеев Брокков.

Он выдернул из пальцев дочери плотный лист, подул на чернила, выпучил глаза, стал читать. Лицо у него было зверское.

Варварка тихонько сползла с табуретки и пошла в сенцы от греха.

От напряжения, с каким она писала, ей захотелось спать. В кошме полно блох. Варварка мучилась, суча ногами, царапая ногтями живот и плечи. Ей представилось, как городской ведет Наталью по улице, народ толпой валит за ней, а Броков идет возле Натальи и хлещет ее по щекам. «Да не посмеет, гусь мокрый!».

Даже в этом унижении мать казалась ей прекрасной, побеждающей людскую низость.

И ей стало грустно, и опять захотелось песни, какой-нибудь жалобной, и она запела ту, что слышала от Лизаветы, старинную песню — и тоже про войну:

Здорово, друг, уведомляю,
Что кончен мой кровавый бой.
Тебя с здоровьем поздравляю,
Себя с оторванной ногой.

Попела и стихла.

Проснулась оттого, что отец присел на корточки у кошмы и толкнул ее в плечо. Было близко к ночи, в лопухах ворочался ветер. В приоткрытой двери пламенела большая и круглая луна. От отца шел дурной запах пота и водки. Варварка перепугалась до смерти.

— Ничего, Варвара, — нежно сказал отец, — будет теперь она наша. Будет! Дом мы с тобой выскребем дочиста, окна, подоконники вымоем, вишневой наливочки купим, встретим ее, как принцессу. Вот я каков, Иван Стигнейч Броков!

— Да ну, проспись поди, — пискнула Варварка, — Бро-ков!

Но он сунул ей в руки конверт и трезвым голосом велел бежать к полицмейстеру — передать немедленно в собственные руки через кухарку или горничную.

— Настя ее зовут. Или Таня. Может, даже Маруся. Конверт не сомни, не измарай. Ну, живо. Эйн, цвей, дрей.

Он вышел во дворик и там сел прямо на землю, пальцем стал расшвыривать щепочки. Варвара прижала конверт к животу, скромными шажками вышла за калитку.

XXI

Жизнь Натальи у отрока Никифора была похожа на больничную. Наталья или сидела у себя в чуланчике (вымыла полы и стены, углы убрала венчиками польни), или изредка выходила на крыльцо погреться на солнышке.

Ее наполнял покой, отрешение от всего, что прежде опаляло ее. Будто захотела в неведомую даль, а по дороге забыла и родню, и сверстников, и родной порог.

Она словно вернулась назад, в свое детство: тело ее было чисто, мысли легки и наивны, душа свежа, открыта только опрятному. Будто давно прочитанную книжку, она вспоминала Елатьму, утонувшую в садах, свои бедовые, заманчивые платья, сложенные в сундуках, дурака Брокова, косоглазую Варварку. Она вспоминала о них, как о вычитанном из книжки. Когда писала Брокову о деньгах, то перед глазами стоял не он живой, а его фотографическая карточка на комод: усы зачинчены штопором, сапоги и щеки блещут, за спиной дымная пальма.

На молитву к отроку Никифору она ходила дважды в день: утром ровно в девять и вечером ровно в восемь. Уже ничего таинственного она не видела и не искала в этом человеке с глазами отрока и мудрой речью старца.

В религии она никогда не была страстна, отрок тоже не вызвал в ней религиозной страсти. Но всю тяжелую неутомленность тела и души он убил в ней. Когда она думала о том, как будет жить дальше, то знала только одно: будет жить просто, ничем не мучиться, ничего не хотеть, сидеть на солнышке и греть свои белые нестранные плечи.

Отрок не задавал ей больше вопросов. Загадки, данные в первый день, раскрылись легко: в них говорилось о правде. Безногий за правдой с ковшом бежит, слепой ее видит, глухой ее слышит. А правда — в боге, а бог — это покой, отсутствие страстей, а отсутствие страстей — это отсутствие мучений.

Приходя на молитву в комнату, уешанную циатами, она вставала на колени, опустив полные руки, в которых те-

перь не чувствовала тяжести. Солнце играло в мохнатом половичке. Ползали желтые пятна света. Качались в них тени листьев.

Отрок вставал за спиной Натальи, тихо читая по книге:

— Повторяй за мной, Наталья. «Неправо умствующие говорили сами в себе: коротка и прискорбна наша жизнь, и нет человеку спасения от смерти. Случайно мы рождены, и после будем, как небывшие: дыхание в ноздрях наших — дым, и слово — искра в движении нашего сердца. Будем же наслаждаться настоящими благами и спешить пользоваться миром, как юностью. Преисполнимся дорогим вином и благовониями, и да не пройдет мимо нас весенний цвет жизни. Увенчаемся цветами роз прежде, нежели они увяли».

Наталья вслед за отроком повторяла концы этих фраз. Они казались ей томяще красивыми. Она не вникала в их смысл, а только в музыку. Коврик мягко лежал под коленями. За окном взад и вперед бегала собака, колечко бегало по проволоке, скрежеща.

Наталья скашивала на окно глаза.

Вон кошка крадется по крыше, держа в зубах полумертвого стрижа. Вон полощется на веревках белье: женские панталоны, простыни, мужские егерские фуфайки. Вон акцизный чиновник, с бородкой клинушкой, с зализами на висках, с тростью в желтых усохших руках, поверяет, хорошо ли на веревке укреплены держалки.

Отрок продолжал читать, ясно выговаривая слова:

— «Так они умствовали и ошиблись; ибо злота их ослепила их. Бог создал человека для нетления и соделал его образом вечного бытия своего. Но завистью диавола вошла в мир смерть, и испытывают ее принадлежащие к уделу его».

Потом Наталья кланялась земно, прижимала лоб к половичку, горячему от солнца. Шел короткий опрос.

Отрок спрашивал:

— Всё ли усвоила из чтения?

— Всё усвоила.

— Кто есть умствующие, кои ошиблись? Кто тянется к грубым наслажде-

ниям жизни, завидует богатым, противится властям? Кто сладким ядом ненависти питает души слабых? Не знаешь ли таких?

— Никого таких не знаю.

— Не встречаешь ли таких на квартире, в деревне или в городе? Не судачила ли с бабами о таких? Не говорил ли муж о таких, пожалев их малодушной жалостью? Помни: если удержишь в памяти злое слово, сказанное посторонними, — чем это лучше, если носишь в себе свое собственное злое слово? Пойди с миром, Наталья, отдохни. Бог тебя не неволит.

Она возвращалась к себе в чулан, где пахло польнью. Теперь она носила одно только платье, темное. Раздеваясь, не томилась. Видела детские сны: котенок, повязанный бантом, умывается полосатой лапкой; высокий дядька идет по полю, рука его вытягивается, растет, растет; он огромным выпуклым ногтем протыкает облако, и на землю, как из подушки, летит лебяжий пух.

Засыпала скоро, просыпалась легко, будто между сном и действительностью не было границы.

Болезнь ни разу не потревожила ее.

При отроке трое-четверо молельщиков, как и Наталья, жили постоянно. Называли их особо приближенными.

В пустом каретнике, на соломе, ютились две женщины, а в коридорчике, неподалеку от чулана Натальи, угрюмый, высокий и крепкий старик, штабс-капитан в отставке. Он страдал бредами, которые посещали его ночью: видел кровавую голову его величества; она подмигивала ему, говоря: «Что ж ты, штабс-капитан, армейская крыса, что ж ты меня, подлец, не защищал от врагов?».

Из женщин старшая страдала кишечником, а молодая теряла зрение: слепота, что ни день, все ближе подступала к ней.

При встрече с ними Наталья ласково здоровалась, слушала, как они рассказывают о своих болезнях, и любила их легкой любовью, как всё, что попадалось ей на глаза.

Соскучась в чулане, выходила на крыльцо в те часы, когда отрок допу-

скал к себе вновь прибывших. Были здесь калеки, которых вели под руку, и старики, и дети с метой смерти на обреченных лицах, и пугливые молодые женщины, не могшие зачать. Эти последние — как странницы в песках: жажда сжигает тело, и нет воды. Все они сидели на траву, ожидая очереди.

Однажды она вышла из чулана поздно — двор давно опустел. Акцизный чиновник, присев на корточки, кормил из деревянной чашки дворового пса. И вдруг будто ветерок прошел внутри Натальи, — где-то около самого сердца. Плечи ее озябли.

Мимо нее, из коридора, прошел человек в новой вельветовой куртке и высоких сапогах. Широкие полы шляпы подрагивали при каждом его шаге.

Наталья только вскользь увидела его профиль с мягким, неопределенного рисунка носом и пухлыми губами.

— Ой-я! — вскрикнула Наталья, задохнувшись.

Человек шел к калитке энергичными шагами. И вдруг Наталья увидела, что рядом с ним, едва поспевая, идет худенькая девушка; черная лента соломенной шляпки бьется на ее плече. Густые тени, отброшенные ими, ныряли в траве, вскочили на собачью будку, свалились с нее и, чудовищно изогнувшись, вскинулись на стенку дома.

Пес залаял, положив лохматые лапы на плечи акцизного чиновника, который выронил чашку.

Сильным движением Наталья выпрямилась. Ее всю будто облило солнцем. Она побежала за этими двумя, чувствуя, как играют мускулы на ее икрах и ляжках. Мужчина взялся за скобу калитки, камень, подвешенный на веревке, пополз вверх.

Маленькая девушка вышла на улицу первой. Мужчина поспешил за ней, калитка захлопнулась.

Задохнувшись, Наталья прижалась к забору. Когда силы снова вернулись к ней, рванула калитку, выбежала на улицу. Посреди пыльной дороги увидела лакированную коляску. Мужчина, придерживая девушку за локоть, помогал ей подняться на сиденье. Вуалька скрывала ее лицо.

«Вот ты какая» — подумала Наталья, а в сердце — игла; мурашки по спине. Успела разглядеть: девушка легкая, грациозна, изнеженна.

В коляске ждала высохшая женщина, лицо чопорное, глаза погасшие. Она обвила талию девушки худой желтой рукой. Наталья подметила, как за спиной девушки ладонь женщины раскрылась, мужчина что-то сунул в нее.

Зонтиком чопорная женщина тронула спину кучера. Девушка наклонила голову. Мужчина снял шляпу. Коляска покатила, уличные ребятишки увязались за ней, норovia — в клубах пыли — уцепиться за рессоры.

Наталья подошла к мужчине.

Он был русый и курчавый. Его голубые глаза нехотя остановились на Наталье.

Она сказала певучим голосом, тронув его за обшлаг:

— Вот где встретились, Илья Сергеевич!

Он сдвинул густые брови, крикнул грубо:

— Ошиблись, милая!

Оттолкнул ее руку. Рука Натальи, как мертвая, упала вдоль тела. «Зачем вуальку носишь? Видно, страшна, если под вуальку прячется». Но было некогда о ней думать, — Наталья думала о нем одном: «Бороду отрастил... поленький стал... шляпу надел...».

Она спросила, бессознательно играя голосом:

— Или не узнали, Илья Сергеевич? А я сразу признала вас. Мне это такая радость!

— Вы обознались, сударыня, — с холодной вежливостью сказал человек в шляпе и быстро пошел вдоль улицы.

Наталья вернулась к забору, машинально дернула калитку, остановила камень, прыгающий на веревке. Она не поняла, что сказал Илья Сергеевич. Будто все эти дни сидела в неволе, и вот — вырвалась, ушла, стянула сладкий сон.

Э, что там думать, о нас разве думали! «Вон ты какой стал, князек, поленький, бородатый!» — сказала она.

Рванула калитку, выбежала на улицу.

XXII

Вдали мелькнула его шляпа. Он свернул в переулок. Наталья побежала вдоль домиков, боясь потерять его след. Стала распустехой за эти недели, лифа не носила, груди болтались. «Срамота: люди видят; платье смятое... простоволосая». Дети, играющие в цари, расступились перед ней. Босой ногой она наступила на стекляшку, которую дети гоняли из квадрата в квадрат. Поранила пятку. «Люди видят... не успела обуться».

Она добежала до угла и оперлась о стену дома, чтобы передохнуть. За углом началась мощеная улица, ведущая к вокзалу. По раскаленным булыжникам с грохотом тащились ломовые телеги, полуголые грузчики шли позади них, шутками задевая одиноких баб. Улицу пересекала длинная шеренга епархиалок, выстроенных попарно: сначала шли девушки в красных платьях, потом потянулись в зеленых. Кто-то из окна дома пускал солнечного зайчика, щекоча розовые щечки девушек. Епархиалки, краснея, щурились глаза, жеманно и невинно смеялись.

Надзирательница, подняв руку, погрозила в окно большим зеленым зонтиком.

Шляпа Ильи Сергеевича мелькнула впереди. Наталье пришлось ждать, пока красно-зеленая шеренга не переползет через дорогу. «Идите, идите скорей, овцы!». Многие из девушек косились на ее разгоряченное, нетерпеливое и жадное лицо.

Когда прошла последняя пара, она увидела, как Илья Сергеевич поворачивает в садик перед одноэтажным домом с голубыми ставнями. Солнечный зайчик в эту минуту упал на глаза Натальи, она ослепла. В глазах ее стало золотисто, потом черно. Она остановилась, как от удара.

Теперь зайчик озорно играл на ее плече. Она не успела заметить, вошел ли Илья Сергеевич в дом, или остался в садике. Осторожно, стараясь не ступать на раскаленные булыжины, она перешла мостовую, пошла к садику. Здесь, за ссохшимися акациями, пестре-

ли клумбы. По зеленой скамейке ветер гонял черные стручки. Наталья толкнула дранковую калиточку, вошла в сад.

Ой, что она делала? На окнах висели прозрачные тюлевые занавески, ее могли увидеть. Она смахнула стручки со скамейки, села. Спрятала босые ноги под юбку. Каждую минуту она принимала решения, все решения были бесповоротны. Она строила догадки. Илья Сергеевич поссорился с отцом, он в бедности? Кто теперь помешает Наталье любить его?

Она хотела подойти к окну, постучать в голубой ставень. Затем она собралась сидеть здесь до ночи и всю ночь.

Кому какое дело? Она была полна решимости. Все выйдет так, как хочется ей. Все удастся ей. Все подчинится ей.

Вдруг она поняла, что ей трудно встать со скамейки. Силы покинули ее. Она так устала!

Занавеска на окне шелохнулась. Сухая рука открыла створку, высунулась голова бабушки, в саржевом, блестящем, как шелк, черном платке, завязанном под белым подбородком.

— Ты что это, милая моя, — спросила бабушка, — в чужой садок забрамши?

Наталья ответила просто:

— Я к Илье Сергеичу.

— Не живет, не живет у меня такой.

— Ну, как не живет! — сказала

Наталья, глядя на бабушку веселыми глазами, — я-то, небось, видела, как он вошел. Шляпа на нем, как у художника, и куртка, и борода, и все. Я его с детства знаю, ты уж не говори. Ты ему пойдн скажи: Наталья Броквова повидать хочет. Он выйдет.

— В шляпе-то если, — сказала бабушка, разглядывая Наталью любознательными, еще живыми глазками, — этого Василием звать, Соколов фамилия. Только он сейчас в город вышел, милая моя.

Наталья улыбнулась, разгадав ее хитрость.

— Да он не вышел, я всё время тут сижу.

— Задней калиткой вышел, с огорода. Там калитка прямо на Астраханскую улицу. А ты чья? Я тебя что-то раньше не видела.

— Я из деревни.

— Телом ты очень хороша, — одобрила бабушка, разглядывая Наталью, — пышная, громоздкая. Спелая.

Наталье стало приятно, что так говорят о ней. Застыдилась. Она ощущала свое тело, как сокровище. Кажется, она опьянела от своей решимости.

Она сказала доверчиво:

— Я не слишком здоровая. Такая я только по виду. Я припадочная. То ничего, ничего, а то как сумасшедшая: мыслями не владею.

— От Никифора, что ли, спасения ждешь? Он поможет, милая моя, поможет! За ним большие чудеса, мой постоялец тоже к нему — издаля, с Москвы, чиновник. Он телом ничего, здоровый, а страдает от запоя. Что ни месяц, то у него запой. Московские доктора отказались лечить, угодники не помогают. По три дня запой, по пять ден, по десяти ден. У мужчины запой хуже воровства, господи помилуй!

Ревнивое чувство шелохнулось в Наталье. Нет, в запой Ильи Сергееча она не поверила! Глядя на сухие губы старухи, на единственный ее белый и здоровый зуб, она вдруг побледнела. «Под вуалькой, — подумала она, — от людей прячется, гадкая».

Она спросила, стиснув зубы:

— Чья это бабенка ездит к нему?

— Сестра. Тайком из Москвы приехала — по жалости. Семья отреклась от него, а сестра приехала по жалости.

Краска залила щеки Натальи. Она встала, оправила юбку. Велела бабушке сказать постояльцу, что приходила Наталья из Елатьмы и опять придет, и его ждет в доме отрока. Не говорила — приказывала.

Бабушка закрыла створку окна, но долго еще следила за Натальей, приподняв сухой ручкой край занавески.

«Как же, сестра! — думала Наталья, идя через дорогу, — Нет у него сестер. Злодейка — гадкая, черные кудри!

Шляпка с лентой. Злодейка. И, видать, из этих — фамилию из-за нее переменял.

Больше она ни о чем не могла думать. Фамилию переменял из-за бабенки: людей стыдно. Ей страшно было догадываться, что Илья Сергееч остается в одной комнате с черной девушкой, снимает с нее соломенную шляпку, называет злодейку по имени, беспокоится о ее здоровья. Она думала о нем так, будто он всю жизнь только и рвался к Наталье и ждал, и жаждал ее. Она думала о нем, как о снова найденном или как о никогда не терявшемся, а о девушке: модюка черная, присосалась, пьет его молодость. Ничего, она видела и не таких!

Наталья решила бороться за Илью Сергееча.

На этом она успокоилась, камень свалился с души. Счастье опять затопило ее. Она легла в чулане на матрас. Всё было по-новому. И чулан — как другой. Закат упал на стенку. Она смотрела на золото заката, радуясь самой себе и князю Илье Сергеечу. Она не пошла к вечерней молитве, сказавшись больной. Никто ее не тревожил.

Ночью штабс-капитан, вскакивая с сундука, кричал скрипучим голосом:

— Приказывайте, ваше императорское величество!

И вдруг, впервые за эти сонные недели, ее охватил веселый, играющий смех, похожий на солнечную рябь в воде. Весело было слышать, как штабс-капитан рапортует своему бредовому видению. Вот звонко, малиновым колокольчиком прозвенел молодой петушок. Шумно завозилась собака, вытрясая блох. Потянуло холодком: заря покидает ночное ложе.

Край неба зазеленел; труба на соседней крыше торчит, как пень.

Новый день — новые надежды. Жить покрепче, да покраще жить!

Наталья не устала от бессонной ночи, только опьянела. Вытянула ноги, поглаживала колени. Об отроке думала со смешком. Смирненник с юных лет. Дурак. Выгащил из книг мертвую, сухую правду: «неправо умствующие говорят»... Лакомья своим настроением,

Наталья думала: «правду говорят неправдо умствующие».

Свежая, ничем не утомленная память воскрешала в ней много раз слышанные от отрока тексты.

Вот где она, человеческая правда:

... будем же наслаждаться настоящими благами и спешить пользоваться миром, как юностию. Преисполнимся дорогим вином и благовониями, и да не пройдет мимо нас весенний цвет жизни. Увенчаемся цветами роз прежде, нежели они увяли.

Вот она какая, правда человеческая:

... всему свое время, и время всякой вещи под небом. Время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное. Время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать. Время разбрасывать камни, и время собирать камни. Время любить, и время ненавидеть.

Ни утром, ни днем князь Илья Сергеевич не пришел к отроку. Ожидание тоже не утомило Наталью. Она шла к своей цели, не огорчаясь ничем.

Она открыла сундучок и перебрала тряпки, пропахшие медовым листком. Юбку выбрала зеленую — ту, в которой последний раз ходила в церковь, кофточку белую, с мережкой на плечах. Натянула тонкие чулки, обулась в туфли. У нее не было зеркала, волосы она зачесала на память.

Брат Сергей, стоявший на крыльце, тяжело поглядел на нее, посторонился. Бельмо в глазу, как матовое стеклышко.

На этот раз она не стала заходить в садочек, а с большой решимостью открыла калитку во двор. По всему двору тянулись гряды картофеля. На покосившейся палке сидело чучело в шляпе, похожей на шляпу Ильи Сергеевича.

Наталье стало смешно.

Она подошла к окошку, загороженному газетой, подняла руку, чтобы постучать, и услышала голос Ильи Сергеевича.

— Ты плачешь? Это несносно, — говорил он, срываясь с голоса, явно волнуясь или сердясь. Наталья представила себе, как на его розовых щеках от движения губ то появляются, то пропадают ямочки. — А мне сейчас, как никогда, нужно твое самообладание.

— Хорошо, хорошо, — торопливо ответил женский голос, — где ты будешь ждать?

— Тысячу раз я говорил тебе.

— Повтори, повтори, Илья. У меня в голове все перемешалось.

— Извозчик будет стоять за углом, в Губернаторском переулке. Я жду у аптеки. Если Никифор беретса за дело — все будет в порядке. Отрок... — Илья Сергеевич усмехнулся.

После молчания женский голос сказал нанвно:

— Поклянись мне.

Илья Сергеевич ответил насмешливо и с досадой:

— «Вы клятву дали? Эта клятва лишь перелетным ветрам жатва».

— Откуда, откуда эти стихи, Илья? — воскликнула девушка с живостью. (Наталья подумала: — «а, да она дурочка!»). — Красивые стихи, повтори мне.

Илья Сергеевич повторил:

— «Вы клятву дали? Эта клятва — лишь перелетным ветрам жатва».

Прозвучали шаги Ильи Сергеевича. Шагал по комнате.

Вдруг в окне, над газетой, показалась его голова и быстро спряталась.

Наталья обеспокоилась: успел ли он увидеть, что она нарядная сегодня, что на ней шелковая юбка.

Опустив руки, она стояла перед окном, читая заголовки на пожелтевшем газетном листе. Звякнула щеколда на двери, вышел Илья Сергеевич, немного бледный.

Косоворотка расстегнута, и под русой бородкой видны ключицы, оплывшие жиром.

— Что вам, наконец, угодно от меня? — резко спросил он, глядя на лоб Наталью, на то место, откуда начинают расти волосы. — Я уже сказал вам, что

вас не знаю. Впрочем, если вам нужны деньги... вот вам деньги, только никогда не приходите сюда.

Он сунул руку в карман и вынул синенькую; Наталья улыбнулась тому, что карманы у него набиты синенькими. Выронит, не заметит!

Она сказала:

— Нет, денег мне, Илья Сергееч, от вас не надо. Я догадалась, какую бабенку вы опутали. Теперь я все угадала про вас.

Он взял кредитку двумя пальцами и, почему-то подняв ее над головой, закричал во весь голос:

— А если так, то я позову полицию! Слышите? Я позову полицию! Я сумею оградить себя от всяких... от сыщиков!

Наталья покосилась на окно, за которым сидела и слушала их разговор гадкая злодейка. Она хотела сказать Илье Сергеечу, что придет в другой раз, когда не будет злодейки, но не успела. Хлопнув дверью, Илья Сергееч ушел. На двери долго качалось железное кольцо, сточенное с внутренней стороны.

Наталья повернулась и пошла назад, обдумывая, как бы узнать, когда Илья Сергееч бывает один. Ничего придумать она не смогла и вечером, сказавшись брату Сергею, что идет навестить Варварку, снова пошла к дому с голубыми ставнями.

Бабушка большой метлой, вдвое длиннее, чем она сама, подметала дорожки, на которых там и здесь торчали кучки земли, нарытые червями.

Наталья окликнула ее.

Были уже густые сумерки, лицо бабушки трудно разглядеть. Она ничего не ответила, продолжая мести. Наталья окликнула еще раз.

Бабушка наступила на метлу ногой в полусупожке с ушками, вытянула торчащий из метлы прутик и сказала сурово:

— Нынче с'ехал, милая моя.

— Куда с'ехал? — спросила Наталья, чувствуя несчастье.

— А этого не сказал. И нечего тебе сюда ходить, милая моя.

— А я же к нему хожу, к Илье Сергеечу, — сказала Наталья, прислонясь

грудью к дранковой ограде сада. Старуха бросила метлу посреди дорожки и пошла к дому, не желая разговаривать.

«С'ехал, с'ехал, — сказала Наталья себе, — от меня спрятался».

Она пошла от садика, пошатываясь, толкая прохожих. Шелковая юбка на ней, полоща колени, поскрипывала. Несчастье опустило Наталье плечи.

В этом состоянии оглушенности она перешла дорогу; мальчишка в отрепьях побежал за ней, скуля о милостыне, она дала ему пяточок, не заметила ни грязной руки побирушки, ни своего движения. Медленными шагами свернула в переулок.

Но она не могла жить в такой страшной, саднящей пустоте, и тогда мстительная сила разгорелась в ней. Шаги Натальи окрепли, она, не заметив, прошла мимо калитки акцизного чиновника. Илья Сергееч любит злодейку — отсюда все ее несчастье, ее позор. Мстительное чувство будто разлепило ей глаза, и все, о чем она раньше не задумывалась, все странности, окружавшие Илью Сергееча, ясно представились ей.

Вон как, Соколов, бедный человек из Москвы, а карман полон синенькими!

Страдает запоем, а к отроку не является. Она думала все дальше, будто одну за другой сдергивала занавески, скрывавшие от нее горькую правду. Чем грубей и хуже становилась правда, тем Наталье делалось легче, тем свободней ее мстительному чувству.

Ей даже жарко стало при мысли, что она отгадала намерения Ильи Сергееча.

Она обрадовалась своей власти над ним и тому, что ее оглушение прошло и что мстительное чувство в ней так сильно.

Повернувшись, она почти побежала к дому акцизника. У калитки стоял Брокков в дико истерзанном виде, плевал на тумбу, покачивался. В темноте белела его гимнастерка, а лица не видно. Он отделился от забора и повалился Наталье в ноги. Она коленом отпихнула его, его ладони просвистели по шелку ее юбки и, как жабы, жирно шлепнули о пыль.

Ну, нет, к этому возврата не будет!
Она бежала через двор, боясь растерять свою мстительную решимость.

И, как хозяйка, она вошла в комнату, где большие часы в футляре красного дерева, пересекла ее и толкнула дверь в комнату, где иконы и лампы. Брат Сергей примостился у стола, щелкал костяшками маленьких, почти игрушечных счетов. Брат Никифор выводил в тетрадке длинную колонку цифр.

Оба подняли на нее глаза. В горле брата Сергея возникло ворчание и вдруг оборвалось. Брат Никифор с испугом глядел на Наталью, на то, как, обойдя стол, она рывком взяла стул, подвезла его за спинку поближе к отроку и тяжело опустилась на соломенное сиденье.

— Ну, отрок, — сказала она, — полно дурака валять. Пограбил меня, потешил: так уж и быть — записывай мою глупость в приход.

Отрок помутнел лицом. Стало видно, что ему не пятнадцать и не семнадцать лет, а все тридцать, если не больше.

— Что говоришь, Наталья? — спросил он с легкой хрипотцой и положил женственную руку на тетрадку.

— С нас берешь, и с охранного берешь? К старости очень сыт будешь. Этот-то, из Москвы, Соколов — он вовсе не Соколов. Я знаю его. Ты меня с толку не сбивай, я своими ушами слышала, как он бабенку при твоей помощи увозить будет.

Она выпрямилась, потянулась всем телом, глаза ее посветлели. Она упала под стол, на губах выступила пена.

XXIII

С раннего утра рабочие казармы были оцеплены полицией: заводчик Паровышников приказал выселять семьи бастующих. По городу говорили: произошло столкновение; много покалеченных; ребенок попал под копыта лошади и раздавлен. Вечером обыватели ходили на Благовещенскую гору — смотреть, как далеко за казармами, в поле, дымятся костры бездомных. Вечер был ветреный, небо в облаках; в сгустившейся темноте хорошо видно, как на

кострах треплются и бьются красные языки огня.

Сюда, на Благовещенскую гору, ни один звук не долетал из табора, но в толпе говорили, что в таборе шум, кричат женщины, и какая-то собака, ощеренная, с вздыбленной шерстью, всё бегаёт вокруг бездомников и воет, будто чует близкую кровь. И что собаку эту нельзя отогнать.

Обыватели стояли на горе кучками, поеживаясь от ветра и от страха, который вселяли беспокойные костры в поле, голоса газетчиков, кричавших о зверствах японцев на Сахалине, и рассказы о собаке.

В темноте какой-то человек, по голосу солидный и рассудительный, басил неторопливо:

— Теперь, пожалуй, рабочих ничем не удержишь. Обнищали, из своих конур выкинуты. Чай пьют без сахару, на обед — мурцовка. Можно сказать, щепки сосут. Ребятишки у них, как отравленные мухи.

— А все ж таки бунтовать незачем, — возразил другой голос.

— Бунта нет. Забастовка.

— На войне поражение. Тот, кто сейчас не работает, тот японцу продается.

Стояли, глядели на костры, переговаривались сдержанными голосами. Уже упала ночь. Костры потухали, далекий табор погружался в темноту. По Медведице шли плоты, светился фонарь. И на востоке заревало небо: надо думать, мужики жгли помещика.

Алексей ждал у себя Капитона Ивановича к десяти. Капитон Иванович запоздал. Он вошел тихо, но порывисто, бросил картуз на стол. Лоб у него был в поту.

На столе — тарелка с огурцами. Капитон Иванович машинально протянул руку, взял огурец в зеленых бородавках, звучно раскусил.

— Принес? — спросил Алексей, глядя, как под кожей ходят челюсти Капитона Ивановича.

— Есть.

Продолжая хрустеть огурцом, Капитон Иванович вышел в сенцы, Алексей пошел за ним. Он чиркнул спичкой,

зажег огарок. Оба они сели на корточ-ки, Алексей отодвинул от стены дере-вянное корыто и легко приподнял половицу. Они сидели друг против дру-га молча, Капитон Иванович из-за воро-та рубахи достал пачку афишек, оттис-нутых на гектографе. Алексей взял афишки, ладони у него горели, он сунул афишки под пол, завалил поло-вицей.

— О Паровышникове? — спросил он тихо.

— Да.

— Когда раскидывать?

— Нынче ночью. Комитет призывает к демонстрации. Против выселения из казарм.

— Давно бы так, — сказал Алексей, повеселел.

Они вернулись в комнату, и вдруг Алексей схватил Капитона Ивановича за руку повыше локтя. Щеки Алексея пошли пятнами.

— Ну, ну, — сказал Капитон Ивано-вич, рукой отодрал от своей руки паль-цы товарища.

— С оружием? — шопотом спросил Алексей.

— Без оружия. У тебя оружие есть?

— Сам знаешь, есть револьвер.

— Сколько револьверов в заводе на брата?

— Немного.

— То-то. Пять старых вессонов на весь завод.

— На улицах булыжины есть. А когда выйдем?

— Узнаешь.

— Люблю тебя, — сказал Алексей, встал, темное лицо и светлые глаза от-разили под'ем его души; он легко заго-рался.—Люблю тебя, Капитон. Уж коли ты такой... Тебя что, матка таким ро-дила, али на людях пообточился? Я как погляжу на тебя, Капитон...

— Давай, что ли, огурцы грызть,— сказал Капитон Иванович добродушно.

— Много мне надо признаться с те-бя, Капитон, да все, знаешь, некогда,— проговорил Алексей и вдруг остано-вился, прислушался.

По двору, надорванно дыша, бежала женщина. Оперлась снаружи о желез-ную оконницу, скрежетнули ногти. По-

бежала опять. Алексей испуганно вски-нул глаза. По сенцам протопали босые ноги. Дверь — рывком.

В дверях Лизавета.

— Скорей, скорей, — выдохнула она, держась за грудь, — урядник Варвар-ку бьет. Мишаила до смерти убил, до смерти!

Она быстрым движением сдернула с полки кружку, зачерпнула из кадушки воды. Капитон Иванович понял: обмы-вать кровь с избитых. Он шагнул к сте-не, накиннул на плечи куртку. Алексей пощупал карман.

Они вышли за Лизаветой в полутем-ную ночь: Лизавета оглянулась, пома-нила их рукой. Задыхаясь на ходу, она сказала, что полицмейстер выгнал Бро-кова, Броков напился с горя, дебошир-ничает.

Они перелезли через забор на усадеб-ку Мишаила.

Окно в домишке распахнуто, горела лампа. Тень человека моталась по окон-нику, выбрасывалась на лопухи. Гудел нахальный и какой-то срамной голос: видно, злость человека уже на излете, и кричит он только затем, чтобы не оголить своего страха перед содеянным.

Лизавета вошла первой, Капитон пос-ледним. Комната в беспорядке, валялись табуретки. Ножку у стола сломали, он схилялся, уперев доску ребром в пол. Крышка скрипичного футляра пробита ударом ноги. На пол натекли ручейки жидких красок. Среди опрокинутых та-буреток вздыхал, заведя глаза, помя-тый Мишаил. Варварка лицом уткну-лась в его колени, косица рассыпалась по плечам.

Мишаил высоко поднял руку, бесшум-но и слабо грозил в воздух пестрым от красок пальцем.

Броков расставил ноги, оборвал крик. Уставился в пришедших глазами, нали-тыми водкой. Гимнастерка разодрана до пупа, через всю грудь царапина. Пра-вый ус раскис от пота, налип на щеку. Подбородок в слюне.

Лизавета поставила кружку с водой на пол, дернула и сильно, по-мужски ударила урядника в правую скулу.

Броков поднял из-под стола табурет-ку, сел и потер щеку.

— Прошу не вмешиваться, — прогудел он утробным голосом, — моя дочь, — захочу — убью, захочу — жить оставлю.

— Не убьешь! — с угрозой сказала Лизавета и ударила его слева.

Он снес и этот удар, облокотился на колени, тупо стал ждать, что будет дальше.

— Вяжи его, Алексей! — крикнула Лизавета и проворно, сильным и верным движением присела на корточки перед Мишаилом, смочила край подола в кружке, стала вытирать потные, черные виски Мишаила, его опухшее от ударов лицо. Почему-то она напомнила Капитону Ивановичу тугую, чуть гудящую в полете стрелу.

Алексей подошел к Брокову, дернул его за плечо.

— Вязать тебя или нет, фараон чортов? — спросил он брезгливо.

— Не вяжи, я так побуду, — тупо сказал Броков.

Алексей снял с него ременный пояс, скрутил ему руки за спину, туго стянул кисти рук ремнем.

— Против стариков да детей воюешь, а против меня смиренный сидишь, боров, — сказал он, вытирая руки о штаны, толкнул его бедром, голова Брокова пьяно болтнулась.

Капитон Иванович подправил сломанную ножку стола и сел у окошка. Глядел, как Лизавета обмывала старика, потом Варварку. Девчонка не плакала, глаза мертвые от страха. Не напрягаясь, Лизавета подняла ее, поставила на ноги.

Варварка всё позволяла делать с собой.

Проворные пальцы Лизаветы обежали ребра Варварки, ощупали грудь.

— Не больно? нигде не больно? — допытывалась Лизавета, заглядывая девочке в глаза.

Варварка не отвечала, мертвыми глазами смотрела на связанного отца. Лизавета толкнула ее к Капитону Ивановичу, она пошла, ткнулась руками в его колени, голова ее была повернута в сторону отца. Капитон Иванович пальцем пощекотал ее под ухом.

Она повернула голову, подняла на него глаза, протянула без улыбки:

— Барбаросса!..

И ее пальцы слабо пожали колени Капитона.

Тем временем Лизавета и Алексей подняли Мишаила — один взялся за ноги, другой за плечи. Мишаил не мог говорить, только сопел. Они положили его на дощатую койку. Одеядо из мешковины, прошитое большой рогожной иглой вершковыми стежками, покрыло его тело до бороды. Лизавета так же, как только что Варварку, через мешковину ощупала его.

Старик кряхтел при каждом касаньи ее быстрых, но неторопливых рук.

— Ты за что это разделал их так, пьяный зверь? — спросил Капитон Иванович, глядя в налитое жаром, угрюмое лицо урядника.

— За что ты нас так, пьяница? — спросила Варварка.

Глаза ее ожили, налились взрослой ненавистью; и руки сложила под грудь, как женщина.

Броков, наклонив голову, слушал. По голой груди катилась мутная капля пота. Потом он поднял глаза. Проблеск сознания мелькнул в его кошачьи расширенных зрачках. Он оглянулся на Мишаила, на Лизавету, строго сидящую в изголовьи постели; потом на Варварку. Дернул руки, желая поправить усы.

Удушливо выговорил:

— Поедем в Елатьму, Варвара, вот и всего делов.

— Не поеду!

— Что ж не поедешь? — медленно спросил Броков. — Я тебя на седло посажу, впереди себя. Повода тебе в руки дам. Бить не стану, ласкать стану.

— Не поеду, не поеду, — повторила Варварка, притиснулась к коленям Капитона Ивановича.

— Так я и отдала тебе девчонку, — злобно сказала Лизавета, — завтра я на тебя жалобу подам. Изверг! Кто тебе позволит измываться над детьми? Полицейское семя! И жена у тебя под пару: собаченка с ленточкой, дай сладкого молочка, а то укусит.

Она вся зашлась от злости. Крикнула, передохнув:

— Сейчас она меня судит: плохо живешь — и еще милует за это. Когда

придет время, я ее буду судить, я ничего не прошу, особенно этой ее милости. Варвары, палачи, опричники.

Мишаил шевельнулся, борода его дрогнула. Лизавета наклонилась к нему.

Он сказал одним сипом:

— Казенные люди...

— Да что говорить с ним, — крикнул Алексей, — вставай, урядник, в участок тебя сведу.

Броков сказал:

— Отпустите меня, я уеду. Пушдай она остается здесь, мать там как распорядится, так и ладно. Мишаилу я за гостеванье и за обиду заплачу. А? Нам с вами не детей крестить, встретились, расстались.

Алексей поглядел на Капитона Ивановича. Тот мигнул веком; Алексей понял, что в участок итти не с руки, опасно поглядел на жену. Лизавета злобно поджала губы.

«Поняла, родная» — подумал Алексей.

Он развязал руки Брокова, ткнул бляхой ремня ему в лицо. Броков так был пьян, что долго примеривался: как стоять, как итти. Он хотел поклониться Варварке в ножки, да не достало сил, и, хватаясь за стенку, пошел к двери. Алексей засмеялся: все равно, угодит в участок.

Он пошел проводить урядника до калитки. Когда вернулся, Капитон Иванович велел ему бежать за фельдшером, за тем самым, у которого был на явке: боялся, как бы ночью с Мишаилом не случилось худо.

Пока Алексей ходил, старик перестал вздыхать, дышал слабо, но ровно, — быть может, спал. Варварка уткнулась Лизавете в колени, затихла под лаской ее руки.

Капитон Иванович впервые оставался с Лизаветой с глазу на глаз. Все ему нравилось в ней: поджарое тело, злые губы, черные глаза, стремительность движений. «Настоящая женщина» — подумал о ней, глядя на резкий изгиб ее спины, на худые, длинные пальцы, перебирающие волосы Варварки. И опять она почему-то напомнила ему тугую, чуть гудящую в полете стрелу; или, быть может, стрелу, еще не спу-

щенную с тетивы, но уже готовую к полету. И это книжное сравнение женщины со стрелой, где-то вычитанное им, показалось ему красивым и верным для Лизаветы.

Он сказал дружески:

— Берете девочку на неизвестный срок, а у самих кашу посолить нечем.

Она подняла на него глаза и, вдруг тепло улыбнувшись, ответила:

— А мы ее... и несоленую.

Она ответила словами тургеневского мужика: к бедняку-мужику привели сироту, жена накинулась на мужика: куда еще лишний рот. У самих кашу посолить нечем, а мужик ей в ответ: ничего, мы ее и так... несоленую!

Капитон Иванович улыбнулся одними глазами. Она поняла, что он знает про тургеневского мужика. Этот его вопрос и ее ответ как-то вдруг тесно сдружили их.

Когда Алексей привел заспанного фельдшера, Лизавета вызвалась остаться у Мишаила на ночь. Варварка уже спала у нее на коленях.

Капитон Иванович и Алексей пошли домой. Перелезая через забор, Капитон Иванович спросил, скрывает ли Алексей от Лизаветы свою подпольную работу.

— Идеи не скрываю, — весело ответил Алексей, спрыгивая в лопухи, — скрываю тактику.

XXIV

В самом конце июля князь Сергей Аврелиевич Апарков получил письмо от важного государственного лица, бывшего в город. Несмотря на то, что в Петербурге князь и важное лицо были едва знакомы, письмо было странное, выдержано в дружеском духе и содержало неофициальный вопрос: как бы князь посмотрел на свое участие в руководстве министерством народного просвещения?

Важное лицо выражало желание на ближайших же днях посетить елачминскую усадьбу.

Князь Апарков почти в негодовании перечитал размашистые, писанные без нажима на перо и каллиграфически-

легкомысленные строчки. После отставки Святополк-Мирского и краха его реформ, после явно двурушного поведения императора в вопросе о народном представительстве, после назначения генерала Трепова на пост петербургского генерал-губернатора князь не верил в створ демократических сил России с правящими кругами.

Важное государственное лицо было фаворитом Трепова. В памяти князя возник человек тучной наружности, но необычайно живой, с опухшими красными веками и мешочками свинцового цвета под неясными, пустыми глазами. У этого человека был гипсовый взгляд, как у статуи. Живые движения оплывающего тела и этот гипсовый взгляд составляли раздражающее противоречие, создавали внутреннюю тревогу и неприятность в общении с государственным лицом.

Казалось, оно говорило: «Вот я действую, двигаюсь, смеюсь, ем, пью, но все это нарочно. У меня не душа, а пустая дудка, на которой не высвистишь простого чижики».

Уже одно то, что правительство обратилось к нему через ставленника Трепова, оскорбило князя Апаркова.

Чувство оскорбления усиливалось и другими, личными причинами. Князь Апарков не мог не знать, что его сын Илья домогался руки дочери этого важного лица и был выброшен им за порог дома. Князь Апарков, зная Илью, не мог не понимать, что Илья настойчиво стремился к этому браку из-за денег, которые брак мог ему принести. Но Апарков делал вид, что не знает ничего этого, не замечает ни слез Юлии Душановны, ни унижения Ильи.

Получив письмо, Сергей Аврелиевич решил ответить резким отказом на предложение участия в руководстве министерством, и отклонить свидание с важным государственным лицом.

Но к вечеру с нарочным из Петербурга пришло второе письмо, в котором члены земско-городской делегации убеждали князя не отклонять поста. Люди, в честности которых он не сомневался, писали ему, что правительство явно растеряно и бросается из одной

крайности в другую; что царь волей событий пришел к убеждению в необходимости введения конституции; что каждый пост, занятый человеком демократических убеждений, — это крепость, взятая у самодержавия с бою.

Князь Апарков, прочитав советы друзей, решил, что отклонит свидание с государственным лицом — это сделать жест, который пройдет незамеченным и не даст должного эффекта. Нужно потребовать гарантий — таких гарантий, на которые правительство заведомо не пойдет и, судя по курсу, взятому на Трепова, не может пойти; это требование гарантий необходимо сделать достоянием широкой гласности.

Однако принимать ставленника Трепова у себя в усадьбе князь Апарков не хотел. Он предпочел отправиться в город, где важное государственное лицо остановилось в доме губернатора.

Он сошел в сад, чтобы посоветоваться с княгиней Юлией Душановной. Хотя мнению Юлии Душановны в вопросах такого рода он не мог придавать никакого значения, он счел бы некорректным скрывать от нее этот свой шаг.

Княгиня в черном передничке, в перчатках, предохраняющих руки от колючек, срезала с кустов крыжовника ветки, пораженные филлоксерой. В руках у нее были большие садовые ножницы, которых она боялась, и это было написано на ее нежном, миловидном лице.

Старик садовник держал перед нею большую лохань, она сбрасывала в нее отрезанные ветки, чтобы не засорять дорожек.

У нее был один из оживленных припадков хозяйственной лихорадки. Акварельно-матовые румянцы играли на ее обычно бледных щеках, и белокурый локон, выбившись из-под чепчика, вилялся колючком.

— Ну, вот, лоханка полна доверху, — сказала она садовнику, — отнеси, Михей, и выбрось.

Садовник, поклонившись князю, угнездил лохань на плече, понес на черный двор. Юлия Душановна осторожно положила ножницы на траву и взглянула на мужа.

Она сказала:

— Ты знаешь, мой друг, мы совсем запустили усадьбу. Купальня на пруду сгнила. Прачки, несмотря на мое запрещение, полощут в пруду белье и мутят воду. Дай мне рабочих, я должна что-нибудь сделать.

— Хорошо, Юля, хорошо, — сказал Апарков и, взяв жену под руку, повел ее в кедровую аллею.

Они медленно бродили там, перешагивая через могучие корни, буйно распиравшие землю.

Апарков рассказал о предложении, которое получил от важного государственного лица, о своих сомнениях и о письме петербургских друзей.

— Я могу посоветовать тебе только то, — сказала Юлия Душановна, ласково тесня его своим хрупким плечом, — только то, что тебе будет приятно. Конечно, мы переедем в Петербург. Тебе здесь не работается, картина целыми днями стоит под пологом. Уже осень, скоро польют дожди, ты будешь хандрить. В Петербурге ты оживешь, тебе захочется работать.

Слушая ее, Апарков думал: «Этот треповский толстяк не так прост, как хочет казаться. Они готовы сделать из меня ярмарочную tête de Turc: чтобы на мне, как на силомере, испытывать свою силу. Чтобы меня били по голове и либералы, и правительство, и революционеры. Я буду козлом отпущения».

— Петербург тебя освежит. Но, мой друг, ты не рассердишься, если я тебе скажу мое заветное?

Апарков, пожимая ее руку выше локтя, думал: «Они ищут человека, о котором можно сказать: это человек из нового лагеря; смотрите — с нами свежие силы страны. Интересно, какие ходы заготовил треповский толстяк?». В эту минуту он не мог сознаться себе, что честолюбие его (как ни пытался он скрыть это от самого себя) лакомится всем происшедшим.

На вопрос жены он ответил:

— Да, да, конечно, говори, Юля.

— Я давно собиралась сказать, — говорила Юлия Душановна, — милый, картина не выходит у тебя потому, что ты пишешь ее из головы. Милый, я говорю тебе заветное. Ты пишешь ее

рассудком, по тенденции. Ведь это такая же узда, революционная тенденция, как и всякая другая. Ты подчиняешь творчество передовым статьям из социалистических газет. И ты связанный, связанный...

На глазах ее показались слезы; она часто и охотно плакала; слезы служили ей защитой против логичности, с которой он возражал ей, и логичность не могла ей повредить, потому что тонула в ее слезах, как штык в воде. Она плакала без всякого страдания, очень светло и жизнерадостно. Он всегда говорил себе: нельзя требовать от девушки больше, чем она может дать. Жестоким было вводить ее в мир своих раздумий.

Он расстегнул ее старенькую, «рабочую» перчатку, поцеловал теплую ладонь и сказал, что завтра едет в город, что послал уже нарочного к важному лицу.

Утром следующего дня князь Апарков под'ехал к дому губернатора. Дом с облупленными колоннами — старый, породистый, не тронутый модерном ампира, какие часто можно встретить в провинции, — казался театральной декорацией среди усадистых купеческих домов, подпиравших его и справа, и слева.

Городовой, спрятавшийся в будке от солнца, вышел и браво отдал честь.

Швейцар в нитяных перчатках коснулся локтя Апаркова, помогая ему слезть. Он доложил, из почтительности не глядя в лицо князю, что его превосходительство, губернатор, приказали тотчас же вызвать его из кабинета, как только придет Апарков, а его высокопревосходительство из Петербурга ждут наверху.

Второй лакей пошел с докладом, по лестнице, устланной ковровой дорожкой.

На верхней площадке этой лестницы Апаркова встретил губернатор, высокий генерал, усами похожий на генерал-лейтенанта Линевича, без видимого успеха сменившего Куропаткина на театре военных действий.

Губернатор не мог не презирать Апаркова за его репутацию, но он, несмотря на свою внешность армейского

бурбона, показывал это столь тонко, что презрение всякий принял бы за шутливость. Князь Апарков был высокого роста, а губернатор еще выше. О губернаторе говорили, что он умеет жить, гурман, бабник, азартный игрок, страстный церковник, карьерист и прекрасный отец. Лицо его казалось еще совсем свежим, однако бодрость осанки нужно было отнести не столько к физическим свойствам, сколько к военной выправке.

Он обнял князя и, обмахнув усами его щеки, поцеловал по «истинно-русски».

— Он вас ждет, — шопотом сказал губернатор, — ну, ваше сиятельство, спасайте Россию.

Он остановился, готовя Апаркова к громогласной шутке, и, насладившись паузой, рывкнул:

— Однако, как спасти Россию, если не бить жидов?

Затем он закричал, приставив кончики пальцев к груди Апаркова:

— Шутка, это шутка! это шутка, князь!

В гостиной на мягкой малиновой мебели сидели трое: сморщенная, как монашка, безгласная губернаторша, важное государственное лицо и его дочь, живостью лица и жаром глаз похожая на жену Пушкина. Но матовые щеки ее были покрыты тонкими восковыми струпами.

Когда Апарков вошел, она опустила голову, чтобы свет не падал на нее.

Важное государственное лицо поставило маленькую чашку на стол и повернулось в сторону Апаркова, увлекая за собою кресло на гнутых золоченых ножках. Оно опустило на подлокотники пухлые, лимонно-желтые руки и, усилив выдрав свое тело из кресла, встало навстречу князю.

— Сергей Аврелиевич, — сказала важное лицо, — я ценю вашу деликатность. Вместо того, чтобы трясти мою тушу по российским проселочным дорогам, вы доставляете мне удовольствие видеть вас здесь самого. Это великодушно с вашей стороны.

Оно подмигнуло красным веком, свинцовый мешочек под глазами дрогнул.

Губернатор тоже подмигнул. Апарков поздоровался с губернаторшей и с дочерью важного лица, испытывая к девушке что-то вроде жалости, смешанной с раздражением.

Сейчас же заговорили о Витте, об этом без пяти минут революционере, который отправился в Портсмут договариваться с Камурой о мире — о несчастном мире после несчастной войны. Японцы без боя заняли половину Сахалина. Чего, в этих условиях, добьется Витте? Да и хочет ли добиться? Японцы похваляются успехами на суше и на море и на весь мир сеют сплетни о революции в России. Революция! Две недели работы карательных экспедиций. Один решительный жест со стороны монарха. Реставрация Лобного места на Красной площади, и о революции будут вспоминать не больше, чем о грязном сбросе Пугачева.

— Но, Сергей Аврелиевич, — сказала важное лицо, останавливая на Апаркове свой гипсовый взгляд, — мы рассуждаем, как солдаты монархии. Мы рассуждаем так, чтобы вызвать вас на обмен мнений. У вас есть оружие современного образца: демократизм, не правда ли? Убедите — и я немедленно попрошу зачислить меня в ваш полк. Серьезно, Сергей Аврелиевич, несправедливо думать, что официальный Петербург хочет итти назад или топтаться на одном месте. Новое утро, и новые должны петь петухи. (Апарков понял, что о петухах сказано не просто, а с целью обидеть). Мы ищем единения. Залог этого — моя встреча с вами.

XXV

Комната, в которую важное лицо увлекло Апаркова для беседы, выходила на Губернаторскую улицу. Напротив аптека; закат засветил красные, голубые и синие шары, выставленные в ее окнах. Князь Апарков сел у окна; важное лицо с живостью, неожиданной для его туного тела, подошло к табачному столику и машинкой срезало сигару.

Несмотря на живость, важное лицо уже ничем не напоминало бывшего кав-

кавалергарда, когда-то служившего под начальством барона Фредерикса. Оно слишком расплылось и отяжелело, чтобы его можно было вообразить в седле. Трепов тоже был из кавалергардов. Фредерикс, министр двора, с наивной настойчивостью тупицы окружал царя своими бывшими однополчанами: он полагал, что это самые надежные, самые верные и самые бескорыстные слуги трона.

Важное государственное лицо не имело возраста. О нем можно было сказать только одно: что оно очень большое и толстое. Слушая его живую, не лишнюю остроумия речь, Апарков припоминал все, что ему было о нем известно. В свое время важное лицо было связано дружбой с отставным ротмистром того же кавалергардского полка Безобразовым. Вместе с ним важное лицо отстаивало перед царем проект мирного завоевания Кореи. Пускай микадо владеет Кореей официально. Мы можем владеть ею неофициально. Нужно только насадить в Корее анонимные концессионные предприятия, создать сеть тайных агентов, накинуть на страну сеть «дружественной» опеки.

Из Кореи важное лицо вывезло сундуки; содержимое их осталось неизвестным; но когда в свете размышляли о причинах возвышения важного лица, то говорили: «но ведь он сидит на четырнадцать сундуках!».

Этим намекали: в Корее важное лицо награбило достаточно, чтобы чувствовать себя в придворных кругах сильным человеком.

Однако, когда безобразовская авантюра повлекла Россию напрямик к японской войне, важное лицо отреклось от своих сподвижников — и это говорило в пользу его осторожности. Важное лицо было сторонником мира, сторонником мирного развития России, сторонником православия и широкой фабрикации все новых и новых Серафимов Саровских. Оно не искало личной популярности, считая, что прошлое никогда не забывается; но никто, как оно, не умел ставить и свергать временщиков. Оно называло себя Иваном Калитой, собирателем государственных сил.

И, сидя на четырнадцати «маленьких» сундуках, оно говорило, что Россия должна сидеть на трех огромных сундуках: монархизме, православии и народности. Все же остальное от лукавого.

— Самодержавие безнадежно заболело, — сказал князь Апарков, разглядывая сидящего перед ним толстого человека, окутанного сигарным дымом. — Я боюсь, что, если вы откроете его сундуки, они окажутся пустыми. Вместо монархизма, как содержания государственного строя: департаменты, канцелярии, полицейские участки — высохшие соты, в которых давно нет меда. Вместо православия: откормленные или отошальные попы, не столько боящиеся господа бога, сколько престарелого Победоносцева. Вместо народности, то-есть монархической народности: ярость народа против этих департаментов и участков, против солдатчины и этих жирных или отошальных попов, против всей власти в целом, будь это полицейская власть или власть денег.

Важное лицо слушало очень внимательно. Вывернутые красные веки его сощурились, оставив узкие щели, в которых прятался пустой взгляд. По его яркой манишке, крадучись, плыла струя густого ароматного дыма. Можно было подумать, что важное лицо дремлет.

Но оно сказало с природной живостью:

— Плохо не самодержавие, плохи его проявления в настоящей обстановке и при настоящих условиях. Смею вас уверить: болен не самодержец, больно не самодержавие, но больны люди, направляющие его.

— Сановники? — спросил Апарков.

Важное лицо любовалось пеплом, навесив седой шапкой поверх огня.

— Да, сановники типа Витте, не любящие ничего, кроме своего честолюбия. Генералы типа держиморды Алексеева и лисицы Куропаткина, ловящие за хвост не славу отечества, но свою собственную славу, и поэтому слава не дается им. Либеральная интеллигенция, живущая за счет фабрикантов и заводчиков, но делающая вид, что она со-

стоит в бескорыстном браке с униженными и оскорбленными. Я не валю их всех в одну кучу. Среди них найдутся люди искренние, люди чести. Люди, которые видят в монархе не человека, обязанного властью своему рождению, а ставленника русской истории. Однако, видя в государе символ власти, они забывают, что он человек из плоти и кости, то-есть человек со всеми слабостями, свойственными двуногим.

Оно подмигнуло, как бы призывая полюбоваться на вольность его речи. Темный мешочек под глазом дрогнул. Но здесь важное лицо раскрыло веки, и гипсовый взгляд его как бы сказал: «Я тут рассуждаю, слушаю, курю сигару, сижу в кресле, но все это нарочно; у меня вместо души пустая дудка».

И опять, как всегда, встреча с важным лицом вызвала в Апаркове чувство тягости и раздражения.

— Выслушайте такой рассказ, — проговорило важное лицо, опять смякая веки и этим как бы помогая Апаркову. — Вообразите себе почтенного отца семейства. У него лента Андрея Первозванного, два имения в Малороссии и одно в Кореизе, пост сенатора и много детей. Тем не менее он влюбляется во француженку из Вилла-Роде, которая за катеринку дает целовать свои коленки. Седина в бороде, а бес в ребро. Сенатор желает жениться на француженке. Семья в ужасе. К сенатору врывается старший сын; у него карьера, положение в обществе. Со всей грубостью, свойственной честолюбию и молодости, он обрушивается на отца. «Одумайся, глупый старик!» — кричит он ему. Только-только он не говорит: сукин ты сын. Сенатор в гневе вышвыривает его за дверь. Тогда к нему приходит любимая дочь. Она знает, что ее блестящая партия с каким-нибудь многонаследным паскудником расстроится. Но она христианка и любит отца. Она очень юна, и самоотречение ей кажется подвигом. Она говорит отцу: «Папа, самое высшее в жизни это любовь; поступайте так, как вам подсказывает ваше опытное сердце». Сенатор растроган, целует дочь, везет ее в Гостиный двор и покупает все, что хотят эти нежные глаз-

ки. Однако ночью он не спит. Он начинает понимать, что честолюбие, карьера, успех сына — это та правда, которая привита ему с пеленок, которой живет вся их каста и которой сам он следовал от своего первого «уа» и до седин. Он велит разбудить сына, просит у него прощения за свою старческое вспышку и открывает ящик письменного стола, чтобы сын взял оттуда столько, сколько ему нужно на галстуки. Все решено, француженка не войдет в его дом женою.

— Ваша история рассказана блестяще, — сказал Апарков, с интересом наблюдая румянец оживления, окрасивший желтые щеки важного лица. — Это аллегория?

— Да. Чтобы самодержавие было сильно, самодержцу необходимо выслушивать грубую правду от честных людей. Мы шатаемся только потому, что люди, окружающие монарха, защищают перед ним собственные интересы, оторванные от интересов государства. Они забывают о том, что только те личные интересы жизненны, какие связаны с интересами государства. Наша беда в том, что мы имеем челядь и не имеем министров.

— Ваша аллегория была бы завершена, если бы вы сообщили мне, что скрывается за образом француженки.

— Предположим: конституция.

— О! Тогда это — англичанка.

— Принимаю вашу поправку. Среди англичанок также попадаются бессовестные дряни.

— Но я никогда не поверю, — усмехаясь, сказал Апарков, — чтобы ныне царствующий монарх столь сильно увлекся конституцией.

— Мой друг, он видит, что столетняя самодержавная монархия, такая, какой ее сделала челядь, готова изменить ему. Чтобы возбудить в ней ревность, он не прочь приволокнуться на стороне. Но это опасно. Голоножки из Вилла-Роде разоряли миллионеров — почему им не разорить и первого помещика России? Монарх нуждается в людях, которые посоветовали бы ему в его вынужденных шашнях с конституцией не заходить слишком далеко. Невинный роман уте-

шит те слои населения, которые дышат европейским насморочным воздухом. После мы заставим конституцию носить юбку подлинней. А там, быть может, ей самой надоеет петербургский климат и она покинет страну, чтобы не рисковать своей головой.

— Вы очень искренни, и я благодарен вам за это, — сказал Апарков почти дружелюбно. — Ваш милый цинизм вселяет в меня уверенность, что между нами не останется недомолвок. Мне кажется, вы намекаете мне на ловкий ход, который я не могу назвать иначе, как обманом народа. Вот недавно наш пресвященный, самолично составив текст, снова предавал анафеме Толстого. Разве можно обманом удержать народ?

Он произнес это без горячности: было бы некорректно вносить горячность и страстность в беседу, которой важное лицо придавало характер непринужденной клубной болтовни, — князь подумал, что не придется ставить вопроса о гарантиях: просто они поговорят и разойдутся, унося друг о друге впечатление людей, ни в чем не сходных, но умеющих делать вид, что они уважают друг друга.

Сигара важного лица докурилась; оно держало ее за кончик перпендикулярно полу; седой пепел сохранил очертания сигары. Важное лицо наклонило ее над пепельницей. Пепел свалился, не рассыпавшись. Важное лицо потрогало его большим длинным ногтем мизинца.

— Ахти, какие ужасы! — сказала важное лицо. — Народ! Революция! Требование свобод! Несчастливая война подобна землетрясению: обезумевшие люди бегут, выпуча глаза, и сколько бы ни наклеивали на них ярлыков: «восставшие», они всего только разнузданная толпа, ищущая исхода из своего страха и тоски по своим убитым. Я всегда был против войны, против войны на Дальнем Востоке в особенности. Государь вздумал лечить монархию маленькой победоносной войной. И что же в результате? Теперь приходится устраивать совсем крошечные победоносные войны в Екатеринославе, Житомире, Кишиневе, всюду, где есть пот-

ные еврейские перины. Эти войны никогда не проигрываются.

— И вы одобряете их!

— Как неизбежность, князь. Как управление крупной ошибки. Я стою также за отдачу бунтующих студентов в солдатчину, хоть мне и жалко пылких молодых людей. Была сделана ошибка: молодежь выпущена из-под влияния государственности. И хотя виновата государственность, нужно карать молодежь, чтобы спасти и самую молодежь, и государственность. Это неизбежно. Иначе действительно придется лечить монархию не только домашними войнами в еврейских переулках, но и европейской конституцией, заранее укоротив ей коготки. О, милый князь, потерпите: я бывший кавалергард, прошел школу гостиных, шикарных кабаков и полкового собрания, но я также прошел школу истинной любви к России. Я монархист-фанатик и я реалист. Я жду от вас такого же прямодушия. Вы не симпатичны мне ни вашей деятельностью, ни творчеством, ни вашим умом, забытым европейскими радикальными предрассудками. Но вы необходимы самодержавию, как искренний и свежий человек, то-есть как человек, из столкновений с которым выносите ясность: рядом с вашими заблуждениями лучше видишь и свои собственные.

Князь Апарков ощутил приступ веселости. Он сказал:

— Поскольку я понял, я необходим вам сейчас не меньше, чем еврейские погромы.

— Но ведь это острое слово, а дело серьезно. Россия — страна дворцовых заговоров и мужицких бунтов, но она не страна революций. Декабристы кричали: «вольность!» — а думали о своих имениях, которые не давали доходу, — поверьте мне. Россия — медленная страна. Помните, все истинно-русские реки России медленны: Ока, Волга, Иртыш, Обь. Даже разливы их медленны, спокойны и торжественны, как богослужение. Наша государственность должна идти вперед, подобно медленному течению этих вод, без скачков и катаклизмов. Ни революции сверху, ни революции снизу! Это нужно объяснить

государю. У трона нужно собрать людей искренних, пылких грубиянов, чтобы резали царю правду-матку не за страх, а за совесть, за любовь к России. Нужны протопопы Аввакумы. Вы смеетесь? Двести двадцать четыре года назад в пустозерском лесу спалили на костре тощее тело богатыря-протопопа. Кто спалил, царь? Но цари искони любили правду. Спалили никонианцы, и спалили за то, что протопоп восстал против русского папизма. Девизом протопопа было: «Смело дерзайте, но не в пользу себе». Это шикарный, чорт возьми, и мужественный человек! Не страшиться ни царской опалы, ни клевет рысоносной и безрысой челяди. Его ссылали в сибирские болота, гноили в Чудовом монастыре, предавали всенародной анафеме. Это вам не Лев Толстой, который бурчит в бороду свою плохонькую ересь. Это был мученик. Страстотерпец. Но царь слушал его, царь защищал его, ему нужна была его огненная правда. Для меня нет большого удовольствия, как представлять себе... Послушайте, вот картина! Зима, каленый мороз, злующий ветер, Байкал. Идет по Байкалу загнанный, замученный Аввакум, а за ним — его верная протопопица. Женщине уже невмочь терпеть. Она вопрошает: «Долго ли муки сея, протопоп, будет?». А протопоп сквозь обледеневшую бороду: «Марковна, до самой смерти!» И она отвечает, вздохнув: «Добро, Петрович, ино еще побредем!». Я ищу Аввакумов, друг мой, ищу их всюду. Пусть на них не ряса, а это вот европейское платье и бритые подбородки, и университетский значок. Нужны современные Аввакумы, чтобы поддержать трон. И я их не вижу. Где люди, которым можно сказать: «Смело дерзайте, но не на пользу себе?»

XXVI

Беседа уже несколько утомила Апаркова. Живость речи, в которой он не мог отказать важному государственному лицу, не заслоняла в сановнике тупого, упрямого и яростного мракобесия. Апарков среди сановников встречал мракобесов во множестве: были мрако-

бесы открытые, носящие свою ненависть к прогрессу, как фельдфебели носят серебряные медали за храбрость: выпятив грудь; были и скрытые мракобесы, стесняющиеся собственных убеждений, подобно тому, как уродливые люди стесняются своих обнаженных тел в общей купальне; были и такие, которые совмещали в себе непримиримые, казалось бы, взгляды: так, просвещенность в светском человеке они считали обязательной, а в простом человеке — вредной.

Важное лицо было мракобесом совершенно нового для Апаркова типа: это был жизнерадостный мракобес, склонный к философии.

Живость речи так же не вязалась с его репутацией мрачного ретрограда, как живость тела не вязалась с неподвижным и слепым взглядом. Этот человек был как бы соткан из противоречий. И опять Апарков подумал: важное государственное лицо не имело не только возраста, оно не имело и лица. О нем можно было сказать только одно: что оно очень большое и толстое.

— Я часто наблюдал в нашей правящей бюрократической среде, — сказал Апарков, — сознательное нежелание видеть революционную волю народа. В то время, когда бомбы Каляева и Сазонова...

— Но, но, — быстро сказала важное лицо, выставив перед собой пухлые ладони, — это кровавые психопаты, которым место у Николая Чудотворца.

Апаркову показалось, что важное лицо сразу постарело на его глазах: край рта его оттянулся вниз, и в углу губ пенкой сбилась слюна. Оно опустило глаза и прикрыло лоб ладонью.

— В то время, — продолжал Апарков, неприятно пораженный переменой, происшедшей в важном лице, — в то время, когда мощные демонстрации рабочих показывают организованность пролетариата, его решимость к самой беспощадной борьбе, когда революция вошла в казармы, когда она вошла в полки действующей армии, — спросите-ка Линевиича! — бюрократические круги лепечут о том, что всему виной какой-то полоумный поп Гапон, и что если

его сжечь на костре, подобно вашему протопопу Аввакуму, то люди потопчут красные флаги и станут овечками. Ведь это слепота обреченных! Зачем же тогда Плезе создавал свой виртуозный институт филеров? Почему же Лопухин, ваш полицей-директор, подает царю докладную записку, где кричит о том, что «Положение об усиленной охране» уже не способно ни от чего охранить? В шестидесятых годах, когда о революционных партиях еще слыхом не слышали, «Положение» было хорошо. В семидесятых годах, когда считали, что силы революции достаточны только для отдельных покушений, а не для политического переворота, «Положение» было хорошо. Теперь «Положение» уже не спасает. Почему не спасает? Не потому ли, что народ перестал ждать Аввакумов и нашел новых людей, которые встали в его передних рядах?

— Что это за люди? — спросило важное лицо, снова оживляясь.

— Ленин... Вы слышали о третьем социал-демократическом съезде в Женеве?

— Ба! Говоруны, сбежавшие от русского дворника на чердаки женевских пансионеров.

— Эти говоруны посильней Сазоновых. Они организаторы. Если за всем тем, что вы называете смутой, вы способны увидеть крепнущую изо дня в день организацию революционных сил, то знайте: это дело людей, живущих на чердаках Женевы. Дворники давно бессильны против них. Они живут на чердаках Петербурга, Москвы, Одессы, на чердаках нашего медвежьего города.

— Мой друг, — сказала важное лицо, — вы художник. Вы хотели бы видеть в народе разум немецких рабочих или пылкость выкидышей французской Коммуны. Но мы страна равнин, долгих песен, часовен на каждой версте наших бесконечных дорог, страна неумываемых рож и чудотворцев. Здешний губернатор, этот проспиритованный, нахальный, но храбрый дурак, пел мне песни о том же. Он изволил меня пугать. Ба, даже в вашей медвежьей яме рабочие почуяли силу! Быть может, у

них прячется... Ленин? Но, однако, мы слишком много спорим и ходим вокруг да около — мимо цели нашего свидания. Я надеюсь, князь, что ни я не велю вас арестовать, ни вы не бросите в меня сегодня бомбы. Мы договоримся.

Сказав слово «бомба», важное лицо снова опустило угол рта, и снова в углу его губ пенкой собралась слюна. Апаркова озарило: этот толстый человек ехал в свите Плеве 15 июля прошлого года и был свидетелем сокрушительного взрыва.

Чтобы выждать, пока важное лицо оправится, Апарков отвернулся к окну. Сумерки уже сгустились, безоблачное небо меркло над крышами, звезды едва наметились.

В аптеке — напротив — позади цветных шаров поставили лампы, и шары кидали на панель красные, синие и голубые столбы света.

Вдоль окон медленно прохаживался человек в белом картузе и белых брюках; попеременно, когда он проходил вдоль окон аптеки, его ноги становились то красными, то синими, то голубыми.

Он доходил до края переулка и поворачивал снова; дымок папиросы клубился под козырьком его картуза. У него в руках была тросточка, и он постукивал ею по носкам своих белых туфель.

Важное лицо тяжело приподнялось с кресла.

— Кого вы видите там? — спросило оно резко.

От звука его голоса Апарков вздрогнул, оглянулся недоуменно.

— Этот человек ходит здесь без дела, — отрывисто сказала важное лицо. — Без всякого дела.

— Это филер, — сказал Апарков.

— Но почему на нем белые штаны?

— Это филер в белых штанах, — сказал Апарков.

Важное лицо засмеялось, вынуло плоские часы и сказала вежливо:

— Восемь с лишним, милый князь, и я вынужден вас покинуть. Забудем крайности наших высказываний. Я это есть я, и вы — это вы. Я монархист

чистой крови, вы республиканец и санкюлот, не так ли? Но мы оба любим родину. Завтра, за утренним кофе милейшей губернаторши, я надеюсь услышать от вас одно слово. Короткое, как глоток водки: да.

— Вы услышите короткое слово еще сегодня. Нет.

— Но, но, но! — шуточно закричало важное лицо, затрясло головой и заткнуло уши двумя толстыми пальцами. Апарков пожал плечами. Важное лицо взяло его за плечи.

— Мой друг, — сказало оно, — сейчас я должен идти. На семь часов губернатор вызвал ко мне одну из богородиц вашего местного святителя. Сейчас уже восемь. Вы видели мою дочь? (Важное лицо вздохнуло). Несчастливая девушка! Она близка к самоубийству. Я верю в силу внушения этих простецов из народа, хотя и боюсь заразиться от них насекомыми. Нервная экзема — упорная, злая болезнь. Но я верю в силу отчаяния моей дочери. Из отчаяния родится вера, а вера — действие, то-есть самоисцеление.

Оно подняло тяжелые веки, его глаза оживились.

С неожиданной беззастенчивой грубостью важное лицо сказало:

— Болезнь моей дочери — на нервной почве. Некий студентка, которого я имел неосторожность допустить в дом, вскружил ей голову. Один из тех пустобрехов, которые хотят выиграть деньги и карьере не трудом, не талантом, не честью, которых они не имеют, но бесстыдством и наглостью; то и другое они имеют в избытке. Тип альфонса на современный лад. Не беспокойтесь, я дал ему пинка под зад. А? что? Сильно сказано?

И, прежде, чем князь смог опомниться, оно побежало из комнаты, трясая тучными ляжками, — так легко, что ему можно было дать не больше сорока. Кожа на затылке лежала двумя жирными складками, эти складки тряслись, как и ляжки.

«Студентка... альфонс» — его сын, Илюша... Князь Апарков, дрожа от обиды, сошел в столовую, губернатор сидел за чаем.

Высохшая от детства камеристка прятала за самоваром свое лицо.

Губернатор казался озабоченным и вполголоса разговаривал сам с собою, спрашивая себя о чем-то тенором, а отвечая басом.

Он встал при входе князя, оперся широкими ладонями на стол, наклоном головы пригласил сесть.

— Жену извините, князь, — сказал он на октаве, — она с дочерью моего высокого гостя.

— Сделайте одолжение, ни о чем не беспокойтесь, — сказал Апарков и принял стакан из рук камеристки. Губернатор подал ей знак глазами. Камеристка тотчас же вышла, шевеля оборками платья. Губернатор придвинулся к Апаркову.

— Разумеется, я не могу встретить у вас сочувствия, князь, — сказал он слегка растерянно, — но его высокопревосходительство настаивает на полумерах. На полумерах! — вскричал он горестно, потряс руками. — Паровышников выкинул бунтовщиков из казарм и поступил по-солдатски. Но почему мне не дают поступать по-солдатски? Почему этот самый стачечный... как его... комитет гуляет на свободе? В стране анархия, князь, и ее нужно выбивать пулями. В майских стачках участвовало больше двухсот тысяч. Иваново-вознесенцы подняли до семидесяти тысяч человек. Армия? Армия!

Губернатор постучал указательным пальцем по краю стола.

— Эта армия крепнет день ото дня, — сказал Сергей Аврелиевич, — в то время как дальневосточная армия...

— Ах, нас побил японцы? Нас побил не японцы, а петербургские либералишки, простите меня, князь. Дайте мне свободу действий, и я в одну неделю сделаю из губернии божий рай, парадиз. Они раскидывают прокламации, — дайте мне свободу действий, и я их собственными прокламациями заткну им глотки.

Князь встал из-за стола, пошел вон из столовой. Губернатор резво вскочил, схватил князя за плечи. Он подышал немного, щеки его медленно остывали.

Князю было неудобно снять губернаторские руки со своих плеч.

— Шутка, — сказал губернатор, отдышавшись, наконец. — Шутка, шутка! Сядемте, князь. Беда мне с его превосходительством, — он доверительно наклонился к уху Сергея Аврелиевича, — сидел бы он лучше в Петербурге.

Апарков поднял брови.

— Пустяки, пустяки, — рывкнул губернатор, — я обращаюсь к вам конфиденциально с нижайшей просьбою. У отрока спасается одна бабенка из Елатмы, вы должны ее знать. Жена урядника Брокова. В одном из паломников она признала какого-то подозрительного субъекта. Будто слышала через окно, как он говорил о преступных замыслах. Какие замыслы? Против кого? Неизвестно. Молчит, прикидывается душой, однако я почел за лучшее, ввиду тревожного времени, схватить его. Но мы еще не напали на его след. Старуха, у которой он жил, арестована. Ваша бабенка тоже задержана. Я обращаюсь к вам с нижайшей просьбой: поговорите с бабенкой. Быть может, вы сумеете внушить ей...

— Увольте,—брезгливо сказал Апарков, — увольте меня от всех этих историй, ваше превосходительство! Я достаточно высокого мнения о полиции, чтобы осмелиться предложить ей мою помощь. Тем более, что под вашими окнами ходит филер в белых штанах.

— Филер ходит, но почему он в белых штанах?

Несмотря на то, что губернатор казался встревоженным, он широко раскрыл глаза, ожидая шутки. Не дождавись ее, он рывкнул:

— Не слышал, не слышал, чтобы камергеры поступали в филеры! — и раскатиисто захохотал, стакан заплесал в его руках, позванивая ложечкой.

XXVII

Выйдя из комнаты, где оно имело беседу с князем Апарковым, важное государственное лицо спиной прислонилось к двери, сунуло за воротничок толстый палец. В нижнем этаже ему были отведены три комнаты: в двух пе-

редних помещалось важное лицо, в третьей, задней, — его дочь.

Путь в нижний этаж вдруг оказался важному лицу почти неодолимым. Нужно пройти узкий, довольно длинный коридор, который посреди этажа делал колено, потом полупустую комнату с зеркалами от карниза до пола, потом коридором выйти на площадку внутренней лестницы.

Здесь на елизаветинском диване, по добрав крахмальные юбки, в обычное время сидела дежурная горничная.

По лестнице, крытой дорожкой, нужно спуститься в нижний этаж: семнадцать ступеней. После этого — гостиная, где, при докладе о прибытии Апаркова, важное лицо с дочерью и губернаторшей пило чай. Потом интимная гостиная с низкой голубой мебелью и голубым штофом на стенах, коридор и, наконец, дверь в комнаты важного лица. Там, в спальне важного лица, на овальном столике, лежит раскрытая книга: тулузский профессор Андре: «Гигиена старческого возраста», СПб. 1891 г.». Важное лицо остановилось на строчках: «астма много раз имела исходной точкой, если не причиной, глубокие и продолжительные огорчения или приступы гнева». Чтобы добраться до книги, нужно одолеть весь этот путь: коридор, зеркальная комната, второй коридор, лестница, большая гостиная, интимная гостиная, третий коридор.

Чтобы лечь в постель, закурить папиросу и взять книгу в руки, нужно сначала переговорить с дочерью, убедить ее в том, что отрок, которого она посещает, действительно имеет силу исцелять. Затем, выдержать разговор с губернатором о положении губернии и о выпоротых крестьянках, отказать от ужина, впустить в комнату лакея с подносом (бутылка рейнского, сэндвич, желтая груша в бородавках) и утешить дочь, если она будет плакать перед сном.

Широкий лоб важного лица покрылся потом: это был пот малодушия. Оно почувствовало приближение астмического припадка. Тело его потеряло живость, оно стало мертветь и дрябнуть;

оно перестало стесняться, едва важное лицо осталось наедине с самим собой. Оно открыто стало бояться недуга, ведь этого сейчас никто не видел!

Коридор пуст; вдоль стены, ближе к карнизу, тянется ряд электрических лампочек в золоченых стенных бра. Как пруд на солнце, играет светом навоощенный пол. «Астма много раз имела... если не причиной... глубокие и продолжительные огорчения или приступы гнева».

Об астме важного лица знали только приближенные лица: семья, личный секретарь и чиновник особых поручений. Для всех остальных оно было толсто, весело и молодо. Профессор Мечников где-то писал о том, что наука в ближайшем времени добьется человеческого долголетия. Илья Репин сказал на это: «брр... только подумать — глянешь в окно, а по улице несут трехсотлетнего Ивана Грозного!».

Но пока долголетие не завоевано, имеется книга тулузского сухаря: «астма много раз имела исходной точкой, если не причиной...».

Огорчения? Гнев? А страх, милостивые государи? А ужас, милостивые государи, который жил в нем, отравляя мысль и кровь?.. День был нежаркий, тротуары широкого проспекта полны верноподданных, каналы воняли гнилой мочалой. Министр ехал в обыкновенной карете: лакированный кузов, и шапка кучера торчит над крышей кареты. Вокруг велосипедный эскорт охранников. При каждом вилянии передних колес брызги света. На Балтийском вокзале министра ждал царь (вероятно, курил в царской комнате, равнодушными глазами смотрел в окно). Из своей коляски важное лицо видело, как человек подошел к карете и спокойно метнул снаряд. Взмах его руки показался даже театральным. Эта рука остановила время: от взмаха до взрыва прошли века. Лошадь понесла, и важное лицо, вывалившись из коляски, легло животом на залитые шинными, просмоленные торцы. Мастерской удар! В двух шагах от важного лица валялся широкий, тесно набитый портфель министра. В этом портфеле Дурново впоследствии нашел донесение еврейки из Кисингена, агента по-

лиции, о том, что Вите — тоже террорист. Усердие или издевательство? Но это было потом. На торцах расплылась лужа крови. Казалось, лужа дышит. По краям она пузырилась, впитываясь в торцы.

Вспомнив всё это, важное лицо вынуло из кармана плоский портсигар, зажало папиросу между зубами, но забыло закурить. Оно сделало движение челюстью, папироса поднялась вверх, коснувшись кончика мясистого носа.

В широкой груди дыхание чуть пошвыстывало.

Затем новое видение посетило его: толпы народа на снежных улицах Петербурга, красные флаги, как огненные языки начавшегося пожара. Песни. Гул шагов, падающих на промерзшие торцы. Движение толп, сметающее с пути казачьи раз'езды.

Идут, идут... Всё идут, идут...

Важное лицо содрогнулось.

Это видение преследовало его днем и ночью. Оно боялось толпы, ее развязанной силы. Чем связать эту силу? Чем остановить ее? Идут, идут, всё идут. Затопили Россию. Трещат под их напором стены тюрем и двери барских особняков.

Как спастись? Собственные лакеи, кучер, повар на кухне — важное лицо стало бояться их. Кому довериться? Солдатам, чьи братья и отцы стали под красные флаги? Предатели, каторжники, чернь, чернь!

Сделав над собой усилие, важное лицо дало толчок телу. Оно двинулось коридором, ступая осторожно и слыша, что кой-где, под его тяжестью, скрипят шашки паркета. «Ага, мы зайцы, которых травят? Нет, мы не зайцы! Мы загонщики!».

Всегда, в эти минуты холодного пота, важное лицо нагоняло на себя черную, звериную злобу против людей: и тех, что идут по улицам, сметая казачьи и полицейские заслоны, и тех, что их подерживают...

«Этот князек с репутацией гения... академический маляр, ренегат, словоблуд...»

Важное лицо шло коридором, неся в себе злобу и страх, которые схватились

в смертной борьбе. Вечный страх и вечная злоба.

Там, где коридор делал колено, из ниши навстречу важному лицу бесшумно и страшно шагнул человек. Сердце важного лица (важное лицо ощущало его тяжелым — бурдюком, полным вина) сжалось в кулачок. Важное лицо поблдело, его ноги прочно приросли к паркету.

Человек был чисто выбрит, но костюм на нем поношен, и галстук как тряпка.

Он сунул руку в карман, сказав шопотом:

— Не угодно ли спичку, ваше высокопревосходительство?

Глаза у него были маленькие, желтые, как у малярика. Зрачки — точки.

— Да, — сказала важное лицо таким же шопотом, пот выступил на его лбу.

— Все спокойно, ваше высокопревосходительство, — сказал человек и, чиркнув спичкой, поднес ее к папиросе важного лица.

Важное лицо прошло дальше, неся холод в плечах.

Холод спустился в грудь, в живот, потом в ноги. Важное лицо всё промерзло, как дерево. В зеркалах следующей комнаты выплыло из полумрака, надвинулось на него большое, но жалкое тело, затянутое в черный сюртук. Над широкими плечами подымалась большая четырехугольная голова с маленькими ушами, тесно прижатыми к черепу, с сединой, пробивавшейся на висках сквозь косметическую краску, с мордатыми, мертвенно бледными, мешкообразными щеками. Свинцовые опухоли под глазами казались черными сейчас, когда оно было одиноко, и шло, холодное от страха, оно всё казалось сделанным из гипса: и глаза, и голова, и тело.

И тело, и голова, и глаза.

Важное лицо, миновав коридор, вышло на площадку лестницы. На елизаветинском диване, вместо горничной, молча сидели два человека, один толще, другой — такой же худой, как человек из ниши, предложивший важному лицу спичку.

Они оба вскочили, повернув головы

в сторону важного лица. Важное лицо махнуло рукою. Глаза этих двух тоже были желты, как глаза маляриков.

Почему бы? Важное лицо, придерживаясь за перила, стало опускать свое тело по ступенькам. Оно хотело улыбнуться армейскому усердию губернатора. Но присутствие охранников внутри дома было так страшно, что оно не осмеливалось думать о них.

Топ, — стукнула правая нога, опускаясь на ступеньку. Туп, — стукнула левая нога. Третья ступенька, четвертая, пятая. Топ, туп. Топ, туп. Одинадцатая ступенька. «Может быть, губернатор тоже террорист, как и Сергей Юльевич Витте?».

Ни шутки, ни иронии не получилось. Так страшно, так страшно... Топ, туп. Последняя ступенька. Так страшно...

Важное лицо собрало в себе все силы, но в большой гостиной, к счастью, никого не было. Холодным и равнодушным блеском светилась люстра. «Мы не зайцы, мы загонщики!». Ему захотелось кричать, забыв все, чем он жил, во что верил и во что заставлял себя верить: к чортовой матери Россию, ее оголтелый народ, подлых чинуш, генералов, на глазах всего мира наклеивших в штаны, ее христолюбивую солдатню, ее кресты, ее дворцы, ее тюрьмы, ее династию, помирающую от сифилиса! Загонщики! Слишком много зайцев, чтобы их загнать. Зайцы, ощеря зубы, сами рвут загонщиков, как волки!

Важное лицо не могло идти дальше, оно остановилось в интимной гостиной, оперлось ладонями о консоль камина.

Оно не хотело двигаться дальше. Оно боялось астмического припадка, который ждал его за дверью, и вдруг, похолодев, вспомнило, что не взяло с собой морфия. Единственное, что спало во время припадков. Морфий — друг нежный.

«Однако, однако, — сказала себе важное лицо, — я не помню, чтобы вы распускали себя до такой степени!».

«Ваше высокопревосходительство, — повторяло оно, не смея оторвать ладоней от консоли, — ваше высокопревосходительство! Вас могут увидеть и пожелать вас. Будьте смешным, но не будь-

те жалким. Всё спокойно, сказал тот человек наверху. А князек, дурак, живописец, — дернул его чорт болтать о революции! Сиятельный либералишка, салонный фрондер».

Важное лицо, шевеля толстыми губами, продекламировало вслух стихи Щербины:

У нас чужая голова,
А убежденья сердца хрупки.
Мы — европейские слова
И — азиатские поступки!

«Фрондер, европеец, замешанный на русских дрожжах».

Важное лицо оторвало руки от камина. Итак, последний коридор. Надо будет сказать дочери, чтобы от себя распорядилась послать за морфием. Не забыть также шприц. Два укола, и можно смеяться над астмой и можно дышать и жить. Мечниковское долголетие? Самонадеянная, жалкая ученая болтовня!

Важное лицо представило себе свою дряблую ляжку, истыканную шприцем, сморщило лицо.

У входа в комнату стоял лакей, держа руку на праненой стеклянной ручке двери. Хороший, бесшумный, почтительный лакей, выдержанный, как старое вино: таких селекционировали поколениями. Мягкие бачки и подобранные, осторожные губы: ни усмешки, ни лишнего слова. Дрессированный мозг.

Лакей спокойно доложил, изогнув корпус:

— Согласно распоряжения вашего высокопревосходительства, сегодня отказано в приеме всем, кто хотел вас видеть.

— Хорошо, дружок, — ответило важное лицо, перешагивая порог; дверь за ним бесшумно притворилась.

Оно обвело комнату глазами: строгую мебель с парчевой отделкой, часы на столе с циферблатом в виде глобуса, блики света на гнутых ножках кресел.

Покой этой комнаты, надежность толстых стен, тишина и уединенность действовали на него благотворно — будто оно прошло длинный путь, пол-

ный опасностей, и вот, наконец, достигло безопасного убежища.

Важное лицо село в кресло перед круглым столом, отдыхая после страха, тяжело дыша, борясь уже не со страхом, но с надвигающимся припадком астмы. «Ладно, посижу и вызову дочь, велю послать за морфием».

Оно представило себе, как дочь входит в комнату: ее легкий стан, ее бесшумную походку, жаркую нежность ее глаз. Оно любило ее тайно, потому что отеческая любовь его была так светла, так возвышенна, что всё на свете и даже его собственная ласка могла оскорбить ее. Оно держало ее в своих руках, как огромный слон держит в хоботе хозяйского ребенка: боясь, ужасаясь своей массивности.

Но припадок был уже близко, и важное лицо, чтобы приподняться с кресла, оперлось рукой о крышку стола. Под ладонью оно почувствовало плотный конверт.

Это было письмо. Надпись: п а п е.

Важное лицо откинулось в кресло, держа письмо в руках, на уровне глаз.

Голова его ушла в жирные плечи. Задыхаясь, оно разорвало конверт.

Немыслимое свершилось! Дочь писала о том, что любит Илью Сергееча любовью и жалостью, высоко и чисто, навек; что сговорилась с Ильей Сергеечем бежать, если отец так жесток с нею; что она убежала бы давно, но в Петербурге отец запер ее среди четырех стен; что Илья по пятам следовал за нею; что она любит отца и верит в его прощение; что, если он простит, они все трое будут счастливы. Она писала, что скоро придет ему свой адрес.

И она писала так жестоко и так расчетливо, что у важного лица не могло явиться сомнения: письмо писано под диктовку.

Важное лицо не свалилось с кресла: оно успело сунуть письмо в боковой карман сюртука, взмахнуло рукой, и бронзовые часы с циферблатом в виде глобуса покатались на пол.

Ноги важного лица вытянулись. Удар его хватил.

(Окончание следует.)

Тысяча девятьсот восемнадцатый год

АРОН КОПШТЕЙН

★

1

Падает тень бомбовоза на черную землю крестом.
Всадники скачут. Пыль пролетает степная.

2

У самого Черного моря раскрылся город Херсон —
Детство мое, улица Насыпная.
Что я запомнил? Серую воду Днепра,
Взрывы снарядов, плач сумасшедшей старухи.
Кровь на прибрежном песке, хриплые крики «ура»,
Сырость подвала, матери теплые руки.
Над городом хмурым собираются тучи и гром,
На расстояньи годов кажутся тучи стальными.
Так начинается память о детстве моем:
Тяжко топочут солдаты. Дети бегут за ними.
Так начинается память о детстве моем.

Глупое сердце мое сжимается острой бедой.
Остроконечная каска, штык за плечом,
Фляга, налитая нашей днепровской водой.
Как тяжело восходить раненой алой заре!
Звезды на штык напоролись, в небе снарядная копоть.
Стража на Рейне, зачем ты стоишь на Днестре?
Стража на Рейне... Тучи. Ветер. И топот.

3

И вот в приднепровский город приходят красноармейцы
Наши простые ребята в порванных сапогах.
И нам показалось — солнцу скажешь: «засмейся!»,
И ляжет улыбка на наших сыпучих песках.
Красноармейцы ушли. С ними пошел мой брат.
Товарищи провожали, мама желала счастья.
Красноармеец Копштейн не возвратился назад.
(Что ж, я недаром служил на Дальнем Востоке в мехчасти).

Яков, мой брат, ты в Варшавском уезде зарыт,
В польской земле, в неоплаканной братской могиле.
Яков, мой брат, твое тихое имя звенит
В сердце моем, в поступи нашей и силе.
Ты лежал не в гробу, ты без гроба лежал на земле,
На зеленой земле ты лежал и как будто смотрел в облака.
Вот я вырос, и детство мое кажется в пасмурной мгле.
Но тебя я забыть не могу, и печаль моя высока...

Я присягаю тебе, Яков, убитый мой брат,
Сердцем моим и стихом, пушкой моей и мотором,
Что никогда не пройдет немецкий солдат
Над нашей рекой, по нашим горячим просторам.
Я присягаю тебе, Яков, убитый мой брат.

Прощание

МАРГАРИТА АЛИГЕР

★

Железный гнет бесснежного мороза.
Туманно солнце, замерла вода...

Как будто с вражеского бомбовоза
на мирный город сброшена беда.

А день, как день.

Лишь холод, лют и труден,
сквозь поры проникает до костей,
но у газетных будок стынут люди
с рассвета в ожидании вестей.

С бессонной ночи, с позднего рассвета
притихшие, забывшие покой...

Неужто правда, злая правда это?

Неужто верить истине такой?

Жил человек,

волжанин,

коренастый,

прекрасный сильной русской красотой,
с улыбкой неожиданной и частой,
с повадкой суровой и простой.

Вознес высоко звание пилота
над мягкой русой россыпью волос.

Он имя родины

на крыльях самолета

вокруг земли по воздуху пронес.

В озябших пальцах дрогнул лист

газеты...

Железная бесснежная зима...

На всех листах — знакомые портреты,
вокруг портретов скорбная кайма.

В глазах его, настойчивых и добрых,
большую жизнь привыкли видеть мы.

Как изменяет тот знакомый облик
печальный свет последней той каймы!

Она сомкнулась неразрывным кругом
вокруг лица с морщинками у рта,

и ни геройству, ни годам, ни вьюгам
тебя не разрубить, последняя черта!

А день, как день.

Лишь ветер лют и грозен.

И на мосту над ледяной рекой
военный летчик плачет на морозе,
стирая слезы кожаной рукой.

О, мужество страны моей!

Я знаю

твои прямые, честные глаза.

Как дорога твоя единая, скупая,
туманная, горячая слеза!

Безмерно тяжела твоя утрата.

А день проходит...

А часы идут...

Рождаются желанные ребята,
влюбленные друг друга узнают,
цветут на стенах пестрые афиши...

Но движется процессия вперед,
и музыка все горестней, все тише
над улицей морозною плывет...

Моей счастливой, молодой отчизне
знакомо горе.

Милый друг, пойдем!

Знамена

цвета счастья,

цвета жизни,

склоняясь с нами, плакали о нем.

Они, как люди, — сильные знамена, —
умеют радоваться и тужить.

Пойдем, товарищ!

На небе студеном

пять вечных звезд горит.

Мы будем жить!

★

Дальний Восток

Ф. ФЕДОРОВ

★

Ничего не придумать голубей океанской воды...
Легкой кромкой вдоль берега тянутся белые льды.

Старых русских фортов потемневший могучий бетон...
Бесконечный, как мир, уходящий в века горизонт...

Командиры подлодок со мною на сопке стоят
И в морские бинокли на дальнюю бухту глядят.

Временами подумаешь, — кажется, только вчера
Предо мной пронеслась этой дикой природы игра,

Этот ветренный март, океанская злая вода, —
Гром чугунных колес, — поезда, поезда, поезда!..

Может быть, через год, может быть, в сорок первом году
Будут ночью стоять и смотреть в небеса на звезду,

Протирать окуляры зенитных приборов своих
И ловить самолет на скрещенье лучей голубых...

И в таблице расчетов поспешно пером колдовать,
И команду «Огонь!» батарее своей подавать.

Отвези ж от меня, паровозный охрипший гудок,
Мой поклон, мой привет пехотинцам на Дальний Восток

Не забыл я их дружбы, — скажи морякам, пароход.
Отнеси пограничникам сердце мое, самолет.

Никогда не забыть, хоть единожды там побывав,
Как стоит наш народ на защите незыблемых прав,

Как на Дальнем Востоке в кольце неусыпных забот
Он живет и творит и военные песни поет,

И какой ослепительный видит он там над собой —
Первозданный и ясный — сплошной небосвод голубой.

★

Крылья Китая

(ЗАПИСКИ ВОЕННОГО ЛЕТЧИКА)

Капитан ВАН СИ

★

I. МЫ УЛЕТАЕМ НА ФРОНТ

Итак, школа окончена. Завтра мы улетаем на фронт. Где-то там на востоке уже ждут нас с огромным нетерпением. Японские самолеты громят наши многострадальные города и деревни, — ведь до сих пор наша авиация не могла противопоставить им почти ничего. Японские летчики расстреливают беззащитных тружеников-крестьян и бомбят мирные города, точно полигон: сбросят бомбы, вернуться за новым запасом и снова бомбят.

Молодой студент Тин, приехавший в нашу летную школу из Кантона, с гневом рассказывал, как развлекались эти варвары. Им мало крови стариков и детей, — они решили надругаться над чужьей нации. И вот, день за днем японские бомбардировщики являются в Кантон бомбить памятник Сун Ят-сену, который чтит весь народ. Японцам хотелось выместить на памятнике свою злобу после неудач на фронте. К счастью, их летчики никогда не отличались меткостью, и памятник уцелел.

Да, во-время подготовили мы свой сюрприз японцам! До 18 февраля они и не предполагали, что в воздухе их ждут те же неприятности, с какими они столкнулись на земле. Майор Ли Сян не без удовольствия прочел нам свою заключительную лекцию, посвятив ее разбору этой выдающейся операции.

18 февраля японские летчики явились в Ханькоу. Они думали, что и здесь все

ограничится легкой забавой. Ведь у нас после осенних боев над Шанхаем осталось не так уж много хороших самолетов. Кто мог встретить японцев? Десяток тихоходных «Хок-3»? Пяток устарелых «Дугласов»? Любой летчик скажет, что это мишени для зажигательных пуль, а не боевые машины! Было бы самоубийством вступать на них в бой с японскими скоростными «И-96». А японцам доподлинно известно, что других самолетов у нас нет.

И вот, представьте себе, как раскрыли рты эти разбойники, когда в них неожиданно ударили десятки великолепнейших новехоньких истребителей с бело-голубыми звездами Гоминдана на зеленых крыльях! В бой вступали самолеты, закупленные нашим правительством после начала войны с Японией.

Дело было на высоте 3500—4000 метров. Японцы, не дрогнув, приняли бой, — им еще не были известны свойства наших боевых машин, и они надеялись на превосходство своих «И-96». И тут началась такая драка, какой еще не видели в Азии. Двенадцать японских истребителей, пылая, рухнули на землю...

... Все эти дни в школе только и разговоров, что об этом бое. В городе идут демонстрации. Щелкают хлопушки. Горят праздничные огни. Уличные акробаты изображают пантомимы, показывая, как наши громят японцев. Газеты пишут о бесстрашных крылатых героях.

Каждому из молодых летчиков не терпится поскорее присоединиться к нашим старшим товарищам. Но майор Ли Сян не хочет отпускать нас из школы, прежде чем мы в совершенстве овладеем своей специальностью. Терпеливо выслушивая назойливые просьбы, он всякий раз снисходительно улыбается и говорит:

— А ну, еще раз на стрельбы!..

И мы послушно уходим в воздух, чтобы еще и еще больше усовершенствовать свою боевую подготовку.

Наконец, учеба закончена. Вчера мы последний раз сходили в большой маршрутный полет всей частью, потом провели контрольные боевые стрельбы. И вот, выстроив нас в две шеренги, майор Ли объявил нам:

— Курс обучения закончен. Вы можете отправляться на фронт. Командовать вашей частью приказано мне...

Мы с восторгом встретили это сообщение. В школе мы крепко полюбили нашего хладнокровного, мужественного майора.

Сегодня ранним утром принимали новую материальную часть. Настроение у всех было приподнятое. Даже угрюмый кантонский студент Тин на этот раз смеялся и ласково похлопывал по крылу своего моноплана, сверкающего лаком.

Жизнерадостный толстяк Чен Лу, бывший лавочник из Ханьчжоу, пожертвовавший все свои сбережения в фонд национальной обороны и получивший за это почетную путевку в школу летчиков, весело хохотал, как ребенок, которому подарили желанную игрушку.

— Ван Си, — громко кричал он мне, — фидзи тин-хо!¹. — И он гордо поднимал вверх большой палец, выражая высшую степень удовлетворения.

Мы отлично знали, что все наши машины стандартны и совершенно одинаковы. Но каждому хотелось думать, что его самолет наилучший. Чен Лу самозабвенно доказывал, что у него самолет во время пробного полета показал какую-то сверхъестественную скороподъемность. Тин уверял нас всех, что ему

удалось выжать из своего истребителя скорость на 30 километров больше нормы. Да и мне самому, честное слово, казалось, что моя машина на пикировании ведет себя лучше, чем все остальные. Об этом я не преминул доложить своим друзьям. Наговорившись вдоволь, мы отошли от машин и улеглись на зеленой траве. Я снова и снова привычным взглядом окидывал давно заученный пейзаж: зеленые кусты на краю аэродрома, несколько глиняных фанз, залитые водой рисовые поля, чуть дальше — высокие горы сероватого цвета. На их вершинах еще лежит снег. Февральское солнце пока бессильно согревать с ним. Его багровый диск излучает какие-то особенные кровавые лучи, — душные испарения широких водных просторов застилают весь небосвод...

Как-то внезапно я ощутил всю значительность этой минуты прощания со школой, ставшей за эти месяцы такой близкой каждому из нас. Мы расставались с ней, как с родным гнездом, хотя, в сущности, мы прожили совсем недолго в далеком, затерянном в горах провинциальном городке; даже название его до этого нам было неизвестно.

Судьба свела здесь самых различных людей. Среди нас были и старые воздушные волки, налетавшие тысячи километров на дряхлых машинах, и недоучившиеся студенты, сменившие аудитории университетов на классы авиационной школы, и офицеры, которых послали переучиваться на летчиков, и купеческие сыновья, и рядовые механики.

Летная служба быстро дисциплинирует и объединяет людей. Когда звено самолетов стремительно совершает сложный маневр, непосвященному зеваче кажется, будто машины связаны какими-то незримыми нитями. В действительности машины соединены волей людей, научившихся идеально координировать свои действия, угадывать по каким-то неуловимым признакам мысли соседей.

Когда я был за океаном, мне приходилось не только водить грузовые самолеты, но и летать с почтой на скоро-

¹ Мой самолет самый лучший.

стных машинах на далекие расстояния. Поэтому сейчас я довольно успешно освоил истребитель и вот уже команду звеном. Справа от меня всегда летит толстяк Чен Лу, которого мы дружески прозвали Пышкой. Слева за мной следует сухопарый, жилистый Тин.

Люди мы совсем разные, но в воздухе это различие сглаживается, и наше звено, как и другие, отлично слеталось.

Лежа на траве, я удовлетворенно оглядываю своих друзей, которые еще несколько месяцев тому назад не отличили бы пропеллера от шасси, а сейчас в совершенстве разбираются в тонкостях высшего пилотажа.

Суетливый Чен Лу, отчаянно жестикулируя, рассказывает о преимуществах новой материальной части перед старой. Презрительно вздернув верхнюю губу, он смотрит на старый бомбардировщик, загнанный в дальний угол аэродрома, и говорит:

— Бензина жрет много, а бомб не берет.

В самом деле, эти машины не идут ни в какое сравнение с прекрасными серебристыми бомбардировщиками, которые вчера пролетели над нашим аэродромом, направляясь к линии фронта.

Молодые летчики страшно раздосадованы тем, что мы не успели в Ханькоу к 18 февраля и не приняли участия в воздушном бою с японцами.

— Слово чести, — встретиться я с ними, еще трое дьяволов отправились бы к праотцам, — воинственно заявляет наш Пышка.

Хотя все мы знаем, что он стреляет отлично, его заявление встречают бурным хохотом. Здесь не любят пустого бахвальства. Чен Лу сконфуженно умолкает, и Тин спешит ему на выручку:

— Ничего, на твой век хватит еще дьяволов!..

Я полулежу на траве и разглядываю далекий уездный городок, издали похожий на бесформенную грудку глины. Много тысяч километров пришлось проехать мне, чтобы попасть сюда. В долгие годы эмиграции как-то сгладилась воспоминания о нищете и ужасающей отсталости родных краев. И вот снова,

как и двенадцать лет назад, — узкие, грязные переулки, двухэтажные домишки, с кривыми крышами, с балкончиками, на которых пьют чай при свете вонючих красных свечей, толкотня, крики ослов. В переулках сталкиваются усталые, изможденные рикши, везущие на себе толстых, равнодушных седоков. Рикшам не раз ехать в узком переулке; один из них втискивается с оглоблями в двери магазина, осыпаясь проклятиями приказчиков. На тротуаре сидит исхудалая женщина. Расстегнув халат, она кормит сморщенной грудью хилого, грязного младенца. Девочка несет на коромысле банки с нечистотами, распространяющими ужасное зловоние, — нечистоты собирают здесь как драгоценность, чтобы хоть немного удобрить крохотные поля и вырастить скудный урожай риса для пропитания семьи.

Так было двенадцать, сто, тысячу лет тому назад. Чорт возьми! Настанет ли когда-нибудь этому конец? Японцы хотя ограбить бедную страну, обречь на вымирание сотни миллионов наших соотечественников. Народ напрягает все свои силы, чтобы дать отпор гнусным мародерам. Миллионы людей приходят в движение. Их трудно раскачать. Но еще труднее будет их остановить на пути к победе...

Стоп, стоп, старый глупый Ван Си! Не надо громких фраз. Скромно делай свое дело, и ты поможешь своей родине стать культурной передовой страной.

Но что это? Со стороны комендантского здания вдруг взвились ракеты. Дежурный по аэродрому давал сигнал боевой тревоги. Нас, точно ветром, бросило к самолетам. В такой момент летчик действует, как заведенная машина. Он почти инстинктивно совершает заученные движения. Проверить пулеметы. Есть. Проверить приборы. Есть. Заметить время. Есть. Взгляд вокруг. Есть. Проверить летчиков своего звена. Есть...

Буквально через несколько секунд мы уже сидим, пристегнувшись, в кабинах своих маленьких стремительных машин.

Комендант показывает по карте командиру, где находится противник, и

сообщает, на какой высоте обнаружили его наши посты наблюдения.

Наши сердца бьются учащенно. Ведь это первый боевой вылет! Японцы осмелились забраться далеко к нам в тыл. Видимо, шпионы кое-что сообщили им. И вот, в ста километрах от нашего аэродрома обнаружено восемнадцать японских бомбардировщиков.

Наши машины взвиваются в воздух. Стремительно набирают высоту. С нескрываемой злобой гляжу на багровый диск солнца, затянутый пеленой испарений: куда годится светило, которое не может разогнать этот паршивенький туман! Попробуй, сыщи в такой обстановке противника...

Мы ушли на восток километров за шестьдесят и начали патрулировать над горным перевалом, рассчитывая здесь перехватить японские самолеты. Высота перевала — 3500 метров; слева и справа горные цепи не ниже 5000 метров. Если японцы сунутся на запад, они полетят через горы только здесь!...

Целый час мы утожим воздух, выматривая шукообразные японские машины. Увы! Встреча на этот раз не состоялась, и мы, раздосадованные, вернулись на аэродром. Оказывается, японские летчики не рискнули сунуться через перевал и вернулись во-свояси.

Мы осмотрели самолеты. Все было в полном порядке. Взлет по боевой тревоге был оценен командованием на «отлично». В конце концов нет худа без добра. Своим непрошенным визитом японцы помогли нам прекрасно провести заключительное учебное упражнение...

Через полтора часа майор Ли Сян командовал:

— По самолетам!

Прощай, школа! Прощай, город! Мы улетаем на восток — навстречу японцам. Там, в прифронтовой полосе, нам будет сподручней драться с ними.

II. ХАНЬКОУ

Вот уже несколько часов мы летим на восток. Альтиметр показывает высоту в 4000 метров. Прохладно. Холод

забирается даже под меховой комбинезон. Я с огромным интересом разглядываю новые места, над которыми лететь приходится впервые.

Здесь, за перевалом, характер местности резко изменился. Там глаз привык к серым унылым краскам скалистых гор. Здесь — широчайший простор зеленых полей, изрезанных на мелкие квадратики. Здесь крестьянин посеял рис раньше, там — позже.

Сверкают маленькие озера, искусственные водоемы, прихотливо вьются речки и ручьи.

Изредка мы садимся на полевых аэродромах, наскоро разбитых для нужд военной авиации. Затем снова поднимаемся в воздух.

Появляется широкая желтая лента, на которой кое-где мелькают черные точки. Взгляд на карту, еще взгляд вниз. Все ясно, — мы летим над Янцзы.

Черные точки на желтой ленте — это крупнейшие морские корабли, которые заходят далеко вверх по течению. Впереди на берегах Янцзы раскинулась огромная бесформенная гряда зданий. Нам открылся Ухань, — созвездие трех огромных городов — Ханькоу, Учана и Ханьяна, которые давно уже слились воедино.

Завидев аэродром, мы пошли на посадку. Поблизости я успел разглядеть огромный парк и ипподром. Внизу толпился народ. Нам приветственно махали руками: авиация уже успела приобрести в народе огромную популярность.

— Ну, вот мы и приехали...

Толстый Чен Лу, выкатившийся шариком из своей кабины, скалил зубы, восторженно поднимая кверху большой палец. На лице Тина также сияла довольная улыбка: наше звено совершило классическую посадку.

Майор Ли Сян созвал командиров и провел разбор полета. Мы получили хорошую оценку. В самом деле, для такой молодой части это совсем неплохое начало — групповой дальний перелет на истребителях.

Солнце уже близилось к закату. Признаться, все мы сильно утомились за этот день, и каждый мечтал поскорее добраться до постели. Нам предо-

ставили огромный дребезжащий автобус, отслуживший не один срок. Кряхтя и задыхаясь, он повлек нас через весь город к общежитию летчиков.

Я с любопытством разглядывал город, в котором мне привелось быть впервые. Вблизи он выглядел привлекательнее, чем сверху. Наш автобус плелся по асфальтированным улицам, застроенным пятиэтажными домами. Правда, по сторонам главных магистралей тянулись грязные кривые улочки, но все же здесь, в центре, мы видели благоустроенные кварталы с роскошными магазинами, кинотеатрами, банками, отелями.

Посреди улиц высились огромные полуметровые цементные тумбы. На них стояли во всем своем великолепии полицейские в белых перчатках. Впрочем, эти белые перчатки не мешали им прибегать к чрезвычайно примитивным способам регулирования уличного движения: когда внизу застревал со своей коляской рикша, этот по-европейски одетый полицейский наклонялся и невозмутимо лупил его по шее, точь-в-точь как в уездном городишке, где находилась наша школа.

Автобус пересек территорию сэттльмента, где здания были украшены огромными национальными флагами Франции. В порту мы видели много иностранных кораблей. Среди них выделялись суда с флагами, отмеченными фашистской свастикой. Союзники японских грабителей не брезгают торговлей с Китаем, который воюет с Японией. Закон прибыли в обществе грабителей — превыше всего! Кстати сказать, основная забота этих «купцов» — шпионаж...

За пределами сэттльмента мы увидели большой красивый дом с огромным красным флагом. Майор сказал, что в этом доме помещается посольство СССР — нашего великого соседа.

На улицах царило вечернее оживление. По тротуару, который проложен здесь только по одной стороне, толпились люди. Рядом с прекрасно одетым чиновником мы видели в центре города босого рабочего, вся одежда которого состояла из стареньких трусиков. Гурь-

бой проходили солдаты. Много офицеров в рубашках с галстуками и трусиках защитного цвета. На ногах у них ботинки и чулки до колен. Здесь же нарядные дамы в пестрых полосатых одеяниях.

Улицы украшены сотнями плакатов, нарисованных от руки. Вот изображена пылающая деревня; женщины и дети в ужасе бегут от озверелых японских захватчиков. Надпись: «Гражданин! Защищи безвинных от варваров! Вступай в ряды Народной армии».

На одном из перекрестков движение приостановилось. Из переулка послышались пронзительные звуки горнов. В стройном порядке по-трое в ряд шагали бойцы, отправляющиеся на фронт. Вся улица бурно приветствовала армию.

Недалеке у огромной витрины шумела толпа людей.

— Что это?

Сопровождавший нас представитель авиационного комитета разъяснил: здесь, в витрине, вывешена огромная карта театра военных действий. Сейчас вывешивают новую сводку с фронта. Наверное, пришли радостные вести...

И впрямь, через несколько минут откуда-то появилась целая орава малышей-газетчиков, едущих на велосипедах. Они оглушительно кричали о новом успехе наших войск под Уху и раздавали листовки — экстренный выпуск газеты.

... Наконец, наш полуразбитый рыдван дотащился до двухэтажного особняка. На гранитной плите над входом была высечена надпись: «Японский клуб».

Мы недоуменно переглянулись. Представитель авиационного комитета усмехнулся:

— Ах да, я не успел вас предупредить... Вы будете жить в бывшем японском клубе. Его хозяева, понятно, сбежали, а домик, как вы сейчас убедитесь, совсем неплохой.

Забавно! Со смехом и гамом гурьбой ввалились мы в особняк. Японские купцы и промышленники, выжимавшие из наших соотечественников все соки, не поскупились и обставили свой клуб весьма роскошно: комфортабельные комнаты отдыха, большой зал, прекрасная

бильярдная, библиотека, ресторан. Хозяева, видимо, бежали очень поспешно: все имущество осталось нетронутым.

Мы неплохо поужинали, пользуясь японским сервисом, и разошлись по предоставленным нам комнатам. Мне не спалось, и я долго бродил по залам брошенного клуба. В библиотеке шкафы с книгами были открыты. Заинтересовавшись, я начал просматривать прекрасно переплетенные томики. Вскоре мне пришлось разочароваться. В одной книге подробно излагались правила поведения на банкетах. Фотографии учили, как надо держать руки за обеденным столом, как пользоваться ножом и вилок. Другая книга содержала кулинарные рецепты. В третьей подробно описывался театр будущих военных действий в Манчжурии — в предвидении войны с СССР. В истории русско-японской войны я нашел портрет бывшего русского царя, бездарного полковника Романова...

Но вот в одном из массивных дорожных шкафов я нашел целое сокровище: десятки прекрасно изданных томов содержали в себе тщательно подобранные энциклопедические данные о Китае. Хозяева клуба, видимо, уже считали себя хозяевами нашей страны и вели строгий учет богатствам, которые собирались грабить.

Тщательно выполненные карты путей сообщения, фотографические снимки, маршруты к самым отдаленным провинциям запада — весьма недвусмысленно говорили об истинных намерениях любителей географии Китая.

Еще свежие зрительные впечатления от дальнего перелета с запада на восток дополняли холодную бесстрастную речь иероглифов, глядевших на меня со страниц чужих книг. Мы летели целый день. Летели на самых скоростных машинах. Под нами проходили высокие горные цепи, широкие полноводные реки, необятные леса, поля, сады и плантации. И все это вот здесь, на карте, можно обозначить лишь коротким карандашным штрихом. На юг и на север, на запад и на восток, еще много много часов полета...

Мне, покинувшему Китай много лет назад, представилась сейчас редкая, счастливейшая возможность — заново открывать свою родину, которую я знал, помнил и чувствовал тем непередаваемым чувством, какое таится в самом сердце человека, — детская память навек сберегает смутное, но дорогое воспоминание о сладковатом деме семейного очага, об изумрудной зелени рисового поля, о двух тутовых деревьях, разросшихся у твоей фанзы, об ослепительно синем небе твоей родины, о свежем ветре, доносящем с океана острый аромат прибоя. И куда бы тебя ни забросила потом судьба, ты всегда будешь с щемящей тоской вспоминать эти несложные, но бесконечно дорогие впечатления родных мест.

И вот теперь, вернувшись из-за океана, чтобы встать в ряды китайской военной авиации, я вновь открываю всю прелесть родины. Как она велика и богата! Какое неопишное своеобразие хранят ее просторы! Толстые тома, составленные добросовестными служаками японской контрразведки, повествуют о них нудным, но обстоятельным языком. Они протоколируют сведения, нужные их хозяевам:

— Уголь. 930 миллиардов тонн. Железная руда. 1 миллиард тонн. Сурьма. 50 проц. мировой добычи, главные залежи — в провинции Хунань, где находятся самые большие запасы сурьмы в мире. Олово. 12 проц. мировой добычи. Ртуть. 8,7 проц. мировой добычи. Свинец. Серебро. Золото. Медь. Нефть. Марганец. Вольфрам. Висмут. Азбест. Сера...

Нашим островным соседям очень хотелось бы присвоить эти богатства. Но поверьте, уважаемые господа, они пригодятся и самому Китаю!

Когда-нибудь, после разгрома японских армий, мы будем устраивать по русскому образцу туристские путешествия рабочих и крестьян. Это очень нужно китайцам, — ведь мы тысячелетиями жили на своих клочках земли, не зная даже, что делается в соседней деревне.

Тогда наши грузчики, рыбаки, матросы, рабочие, крестьяне узнают очень

много интересных вещей: Они увидят самые высокие вершины земного шара, охраняющие наши юго-западные рубежи. Они побывают в пустыне Гоби и увидят самую негостеприимную область земного шара — зыбучие пески бассейна реки Тарим. Они узнают лицо воинственного далекого Тибета. Они будут путешествовать по величайшей реке Азии — Янцзы, которая протянулась на 5 тысяч километров, орошая богатейшие долины. Они будут бродить по апельсиновым рощам юга и восхищаться красивейшими парками Кантона. Они будут знакомиться с сокровищами искусства, собранными в дворцах Бейпина, и охотиться на тигров в тропических джунглях Юннани...

Ночь давно уже окутала Ухань, и даже неугомонные рикши, которые, кажется, никогда не спят, замедлили свой бег. Небо на востоке начало сереть. Но сон бежал от меня, и я упрямо рылся в толстых томах.

Как-то очень явственно и рельефно представилось мне в эти часы, сколько великих дел можем сотворить на своей благодатной земле мы, китайцы, составляющие четверть населения земного шара!

Слово Китай в наше время стало символом отсталости. Но ведь и Россию двадцать лет тому назад считали невежественной. А сейчас русский народ стал самым передовым во всем свете.

Китайская культура складывалась тысячелетиями. Египет и Вавилония, Греция и Рим, Македония и Византия давно рассыпались в прах. Китай же сохранил до наших дней свои национальные черты, свой быт, свое искусство и письменность.

Да, мы отстали от других, более молодых народов. Авантюристы с Дальнего Запада и с Японских островов сделали все, чтобы разорвать Китай на части, погубить его междоусобицей, превратить в колонию. Но китайский народ живуч. Его не удалось ни отравить опиумом, ни заморить голодом, ни уничтожить искусственно разжигавшейся войной феодалов.

Сейчас мы стали лицом к лицу с са-

мым подлым и мерзким империалистическим хищником. Национально-освободительная война решает судьбу китайского народа: либо мы разгромим Японию и сделаем свое государство могучим, либо сдадимся Японии и погибнем у нее в кабале. Я, как и все китайцы, не сомневаюсь в победном исходе нашей борьбы. Пройдет немного лет, и Китай догонит передовые государства мира...

... С рассветом мы снова были на аэродроме. Тщательно проверили материальную часть, поработали с картами, проложили несколько контрольных маршрутов, познакомились еще ближе с летчиками, которые слетались сюда из разных школ, расположенных в глубине страны.

Нас встретили необыкновенно радушно. Прибытие нашей молодой части вносило существенную поправку в соотношение сил на фронте. Ведь на практике уже доказано, что каждый наш летчик стоит двух-трех, а то и доброго десятка японских пилотов.

Мы быстро сдружились с капитаном Ми Сяо, который командовал отрядом скоростных бомбардировщиков. Он говорил, что на его отряд возлагают большие надежды и что скоро ему представится возможность проверить на практике, как молодые пилоты усвоили методику бомбежки!

— Вот увидите, скоро весь мир заговорит о наших бомбардировщиках. Японцы только ахнут. Не всякий истребитель догонит эту машину. А если и догонит, — ему же не поздоровится. Наши ребятки сумеют принять бой. Большинство моих летчиков — из Шанхая. У одного из них японцы сожгли дом. У другого убили отца. У третьего расстреляли пятилетнюю сестренку — только за то, что у нее брат в Народной армии. Вы же понимаете, с каким чувством ребятки вступят в бой с японскими летчиками!..

... Начинались будни сторожевой службы. Нашей части была поручена противовоздушная оборона ряда важных объектов. Это дело кропотливое и трудное, требующее большой выдержки

и оперативности. Мы целыми днями от рассвета и до темноты дежурили у машин, готовые по первому сигналу взвиться в воздух и ударить по японским самолетам.

Однако японцы, наученные первой серьезной встречей с нашими истребителями 18 февраля, упорно избегали нас. Они предпочитали бомбить незащищенные города и деревни, улепетывая во весь дух при первой же вести о появлении китайских самолетов. Эта игра «в кошки и мышки», признаться, нас очень нервировала. Нам давно уже не терпелось сразиться с подлыми пиратами в открытом бою, но пока все ограничивалось лишь боевыми тревогами, мелкими операциями в прифронтовой полосе да редкими стычками с зазевавшимися японскими летчиками.

Все это время мы кочевали по полевым аэродромам. Наша молодежь приобрела летные навыки. Мы привыкли совершать посадки на таких площадках, где, казалось бы, вообще посадить самолет немислимо; привыкли водить машины по труднейшим маршрутам, в очень сложной метеорологической обстановке. Летчики окрепли, приобрели уверенность в себе. Но все мы ходили злые, раздраженные поведением японцев, избегавших встреч в честном бою.

III. БОМБЫ ПАДАЮТ В ЦЕЛЬ

Это было в середине марта. Работая на полевых аэродромах, мы, как говаривал Тин, «изрядно отстали от жизни». Газеты к нам доходили редко, гости из Ханькоу почти не навещались, и новости мы узнавали только из кратких сводок, принимаемых по радио. В одной из таких сводок коротко сообщалось об очень удачной операции наших бомбардировщиков, которые причинили большие неприятности японской авиационной базе в Ханьчжоу.

— Узнаю руку капитана Ми Сяо! — сказал, усмехаясь, майор, — он нашел для своих мальчиков неплохую работу...

Все мы сгорали от нетерпения поскорее узнать подробности этой операции. Каково же было наше всеобщее ликова-

ние, когда мы неожиданно повстречались с самим Ми Сяо.

Эта встреча произошла на одном из аэродромов близ Наньчана. Мы прилетели сюда, выполняя стратегическое задание. Уже издали я различил контуры красивых двухмоторных машин, стоявших на довольно далеких расстояниях друг от друга по краям аэродрома. Приземлившись, мы встретили наших друзей, с которыми свела нас судьба на аэродроме в Ханькоу, и братски обнялись с ними.

Капитан Ми Сяо, щурясь от солнца, скалил свои белые зубы и весело балагурил. Конечно, с первой же минуты мы засыпали его вопросами о полете в Ханьчжоу. Вначале капитан отдалывался шуточками, но потом сдался на наши просьбы и начал рассказывать:

— Итак, 13 марта разведка сообщила: в Ханьчжоу японцы организовали свою основную базу воздушных сил. Нам было приказано подняться в воздух и разгромить эту базу. Полет — без конвоя истребителей. У нас их не так много, как вам известно, поэтому бомбардировщики должны сами оборонять себя. При той скорости, которой обладают наши машины, это не так уж сложно, но риск бесспорно есть.

План у нас был такой: девять бомбардировщиков летят прямо на центральный аэродром в Ханьчжоу и уничтожают все, что есть на нем; второй отряд — еще восемь бомбардировщиков — громит северо-восточную станцию Ханьчжоу, где сосредоточены воинские эшелоны японцев. Погода в это утро была неважная: весь горизонт затянула густая дымка. Но мы вели свои машины точно по курсу. Оба отряда летели в четком строю на высоте в 3500 метров. Нам предстояло пересечь линию фронта, углубиться в тыл противника и там разгрузиться от бомб.

Проходит один час полета, второй. Моторы работают ровно, без перебоев. Перелетев линию фронта на большой высоте, мы на всякий случай отклонились вправо, чтобы ввести в заблуждение японскую службу наблюдения. Пока-что нигде в воздухе японских истре-

бителей не видно. Значит, все в порядке.

Вот, наконец, и Ханьчжоу. Мой штурман шлет записку: «Сейчас они увидятся с предками». Город лежит далеко внизу, окутанный дымкой. Мы не тронем его. Наша цель — аэродром.

Наш отряд стремительно несется прямо на это осиное гнездо. Остальные восемь машин лавиной устремляются на железнодорожную станцию. Нас уже заметили. Я вижу, как в воздухе возникают облачка разрывов, — это начали стрелять зенитные орудия. По аэродрому ползет самолет. Японцы хотят встретить нас в воздухе. Поздно, обезьяньи души!

Мой штурман уже нажимает рычаг, и вниз падает первый подарочек японцам — стокилограммовая бомба с отличной начинкой. Вслед за ней к земле устремляются бомбы с остальных машин. Свыше тридцати японских тяжелых самолетов, штурмовиков и истребителей, ангары, склады в течение нескольких секунд превращаются в ничто. Внизу бушует яркое пламя, клубится дым. Мы продолжаем бомбежку с методической точностью. Представьте себе, что это значит: 54 стокилограммовых бомбы плюс 164 осколочных и зажигательных. Нетрудно понять, что после нашего визита японское командование могло считать свою авиационную базу в Ханьчжоу несуществующей...

Капитан Ми Сяо закурил сигарету, сделал паузу и продолжал:

— Впрочем, это еще не все. Слушайте, что было дальше. Мы кончаем бомбежку и круто разворачиваемся. Японцы, понятно, все это время без передышки палат из зенитных орудий. Но на их батареях наверно царил такая паника, что ни один снаряд не попал в цель. Не обращая внимания на весь этот фейерверк, мы кончаем разворот и хотим начать обратный рейс. Вдруг я вижу в воздухе девять японских истребителей. Откуда вы взялись, несчастные? Оказывается, этих голубчиков выпустили против нас с запасного аэродрома. Не так уж много машин уцелело от разгрома!

Озверелые от отчаяния японские летчики пытаются нас атаковать. Напрасная затея! Кто может устоять перед огнем стрелков китайских бомбардировщиков, если наши машины идут строем? В первой же атаке две японских машины камнем свалились на землю. Остальные семеро тут же повернули обратно.

Мы могли бы, наконец, взять обратный курс. Но не напакостит ли эта семерка нашему второму отряду, который пошел бомбить станцию? Ведь наши летчики пока не знают, что на запасном аэродроме уцелело несколько японских истребителей.

Японцы могут атаковать их в момент бомбежки, и тогда вся работа будет испорчена.

Мы повернули на соединение со вторым отрядом. Предосторожность оказалась не лишней. Когда мы подлетели к станции, нам открылась такая картина: на земле пылает вокзал; эшелоны, готовые к отправлению на фронт, разбиты вдребезги, а в воздухе разыгрывается драка между нашими бомбардировщиками и японскими истребителями. Истребители напали на бомбардировщиков слева и сверху. Командир отряда, бомбившего станцию, принял правильное решение. Он развернул всю бомбардировочную группу навстречу истребителям. Японцы не ждали этого. Бомбардировщики с бешеной скоростью мчались прямо на них. Когда японцы опомнились, для них уже все было потеряно: они не успели занять боевую позицию, и бомбардировщики проскочили мимо.

Соединившись в одну группу, мы показали японцам хвост. Истребители пытались нас догнать. Они плелись за нами километров 150, но так и не догнали.

— Клянусь душой черепахи, — воскликнул изумленный Чен Лу: — вот она, настоящая скорость!

— Мы уничтожили не только авиабазу, но и вокзал и два эшелона с воинскими частями и боевым снаряжением. Генералиссимус Чан Кай-ши объявил нам благодарность и пожелал новых успехов...

Капитан Ми Сяо окончил свой рассказ. Все наперебой начали его поздравлять.

Тогда он поднял руку и сказал:

— Позвольте, позвольте, ребята! Поздравлять надо не только нас, воздушных грузчиков. Ваши коллеги — истребители — в эти дни тоже кое-что показали японцам. Можете себе представить, как раздразнили мы их своим непрошенным визитом. Они забыли все на свете — и урок 18 февраля, и свою обычную осторожность, — хотели во что бы то ни стало взять реванш. И вот, представьте себе, полезли на рожок...

Попыхивая своей сигарой, капитан Ми Сяо рассказал нам еще один боевой эпизод, происшедший непосредственно вслед за налетом наших бомбардировщиков на Ханьчжоу.

Рассказывал он, не торопясь, добродушно подтрунивая над нетерпеливыми слушателями.

... Японцы поставили целью разгромить наш аэродром. 18 истребителей и 9 бомбардировщиков направились в полет.

Наши посты наблюдения во-время заметили гостей. Когда они приближались к Наньчану, все наши бомбардировщики, находившиеся там, уже перелетели на запасные аэродромы. Истребители заглавременно поднялись в воздух, чтобы встретить японцев. Когда над городом показались японские тяжелые бомбовозы, наши истребители ударили на них.

Но в эту минуту появились японские истребители, и завязался яростный воздушный бой, за которым следили сотни тысяч жителей города, высыпавшие на улицу.

Мирное население Наньчана уже было в безопасности: испуганные горячей встречей, бомбардировщики поспешно ретировались, сбрасывая бомбы наугад. Весь груз бомб свалился на древнее кладбище. Японцам удалось лишь потревожить вечный покой мертвецов.

Двадцать минут продолжалось сражение. Японские истребители в конце концов не выдержали контрудара и броси-

лись врассыпную. Каждый заботился исключительно о спасении собственной шкуры. Наши летчики добивали их на лету...

— Как видите, и эта операция была довольно эффективной, — закончил капитан. — Итог ее довольно заметный: когда бой окончился, на земле нашли обломки шести японских истребителей. Вскоре мы получили сообщение о том, что в 50 километрах от Наньчана в озерах нашли еще две разбитых японских машины. Очевидно, японские летчики были ранены в воздушном бою, пытались удрать, но нашли свой конец на китайской земле. Любители параллелей могут сравнить эти две операции. Наши бомбардировщики летали без конвоя, вернулись без потерь и все бомбы положили в цель. Японские бомбардировщики летали с конвоем, оставили почти половину истребителей на нашей земле и вынуждены были ограничиться бомбежкой кладбища...

Ми Сяо умолк. На землю уже спустились сумерки. В воздухе веяло прохладой.

Чен Лу машинально ковырял своим любимым кинжалом влажную землю, яростно расправляясь с жирными дождевыми червями.

Тин иронически заметил:

— Внимание! Пышка отбатывает технику рукопашного боя...

Чен Лу покраснел и спрятал кинжал:

— Рукопашный бой здесь не при чем. Но... поймите, ведь это в конце концов обидно. Люди творят героические дела, совершают подвиги, громят этих подлых гадов, а нам приходится довольствоваться случайными стычками в воздухе.

Летчики рассмеялись. Чен Лу обиделся еще больше и буркнул:

— Убирайтесь вы все к дьяволу!..

Майор Ли Сян обнял разгорячившегося летчика за плечи и отечески сказал ему:

— Спокойствие, Чен Лу. Горячность только мешает летчику. Работы в воздухе хватит на всех. Китайское небо велико...

IV. НАШ ПЕРВОМАЙСКИЙ ПОДАРОК

В Ханькоу собирался конгресс Гоминдана, и нас вызвали сюда для охраны города. Ждали, что японцы не преминут воспользоваться удобным случаем для эффектной бомбардировки, чтобы произвести давление на психику некоторых чрезмерно впечатлительных членов конгресса.

Мы снова собрались на знакомом аэродроме. На этот раз здесь было больше порядка. Для нас даже оборудовали специальное помещение, и мы все время находились поблизости от машин. В небольшом уютном домике стояли кровати. Сюда же нам привозили завтраки, обеды и ужины.

Вначале дни тянулись несколько монотонно. С утра техники заводили моторы и машины, расставленные на ночь подальше друг от друга, рулили к старту. Потом мы проверяли материальную часть самолетов, пробовали пулеметы и начинали терпеливо ожидать боевого приказа. Кто читал книгу, кто сражался в шахматы, кто развлекался игрою в кости. Яростные любители рыбной ловли, вооружившись нехитрыми приспособлениями, тут же, на границе аэродрома, удили рыбу в небольшой протоке. Чен Лу, решивший стать снайпером, неустанно охотился на воробьев.

Японцы все еще не появлялись. Они попрежнему бродили в воздухе около Ханькоу, вымещая свою злобу на незащищенных городах и деревнях.

В дни, когда погода была нелетной, мы получали отдых и ездили в город. Всюду мы ощущали большой патриотический подъем. У будок на углах улиц выступали с речами агитаторы, призывавшие население города вступать в армию, бороться с японским шпионажем, помогать правительству.

Агитаторов слушали тысячные толпы людей.

В Ханькоу, как и других наших городах, множество чайных. Агитаторы использовали и эти места для своей работы. Они выступали здесь, показывая плакаты, изображающие зверства японцев, и убеждали людей организо-

вать отпор насильникам. Народ горячо откликался на эти призывы.

Активное участие в агитационной работе принимали школьники. Они ходили по улицам с пением революционных песен. На перекрестках ребяташки произносили патриотические речи. Потом вынимали подписные листы и производили сбор средств на укрепление воздушного флота.

Мальши — воспитанники детских домов, в красных шапочках, весело размахивали красными и синими флажками и маршировали, громко отсчитывая такт:

— Раз, два, три, четыре...

В городе все больше и больше военных. Явственно ощущается горячее дыхание войны. Фронт приближается к Ханькоу. Идет эвакуация предприятий, школ, учреждений. Перед армией поставлена задача — как можно больше выматывать силы японцев и как можно больше беречь собственные силы. Пусть японцы забираются все дальше вглубь нашей страны. Здесь ждет их гибель. Невероятно растянутые коммуникации, плохая связь с островами, активные действия партизан в тылу, — все это деморализует и в конечном счете убьет армию интервентов.

Впрочем, даже сейчас, в апрельские дни 1938 г., японцам не удастся удерживать сплошную линию фронта. Они группируются лишь вдоль железных дорог. В глубоком тылу у них целые края и области не признают власти интервентов и поддерживают связь с Центральным Китаем.

При мне наш шофер сдал по почте перевод родным, живущим на территории, занятой японцами. Старый флегматичный чиновник достал какую-то толстую книгу, перелистал ее и утвердительно кивнул головой: «Туда можно. Дойдет».

Как я потом узнал, перевод был доставлен аккуратно...

...День 29 апреля начинался серо и буднично. Погода была сносной, и мы с рассвета дежурили на аэродроме. Стрелка часов приближалась к двенадцати. Мы уже потеряли было всякую надежду на встречу с японцами, как вдруг

на вышке взвился красный флаг — знак предупреждения.

— Японские самолеты пересекли линию фронта, — сообщил майор Ли Сян. — Идут три роты бомбардировщиков — двадцать семь машин. Их сопровождает около сорока истребителей. Японцы держат курс на Ханькоу. Нам поручено встретить их в воздухе...

И когда на вышке взвился черный флаг, означающий: «все в воздух», — аэродром огласился бешеным ревом моторов. Крохотные «зеленые дьяволы» (так прозваны японцами наши истребители) почти вертикально взмывали в небо прямо с места.

Мы действовали по заранее намеченному плану. Было решено не ходить общей стайей, а действовать несколькими группами. Часть самолетов забралась в самый верхний «этаж» — на высоту в 6500 метров. Другая часть поместилась «этажом ниже» — на 6000 метров, третья патрулировала еще на 500 метров ниже. Всего было создано шесть ярусов, так, чтобы группы самолетов могли поддерживать друг друга, обеспечивая тесное взаимодействие. Наша группа заняла «четвертый этаж» — высоту 4500 метров. Руководство группой было поручено мне. Приказ — действовать по бомбардировщикам.

Трудно описать то состояние духа, с которым мы поднимались в воздух. Казалось, что я весь слился воедино с машиной. Наступило невероятное спокойствие. Не было и тени страха. Все подчинено одной мысли — как можно скорее встретиться с врагом.

Вот уже мы сделали несколько кругов над городом. В легкой дымке видны уже хорошо знакомые кварталы. На реке чернеют корабли.

Я бросаю взгляд на часы. Сейчас японцы должны быть здесь... И точно, — подо мной в восьмистах метрах ниже идет рота японских бомбардировщиков — девять двухмоторных монопланов с кровавыми пятнами на крыльях. Они летят со стороны солнца, надеясь, что мы их не заметим...

Все, что происходит дальше, измеряется буквально секундами. Это делается во сто раз быстрее, чем можно

рассказать. Но я постараюсь изложить описание воздушного боя возможно подробнее, хотя в словесной передаче все это выглядит примерно так же, как замедленный показ кино...

Японские летчики явно нервничают. Завидев нас, они сбрасывают бомбы над рабочим предместьем, не долетая города, и дают полный газ, чтобы пуститься наутек. Помню, что я заметил внизу у земли огонь и черный столб дыма. Одновременно вблизи японских самолетов возникли белые облачка разрывов снарядов зенитной артиллерии. В этот момент мы уже стремительно неслись, пикируя на полном газу прямо на бомбардировщиков.

Вероятно, с земли все это выглядело весьма эффектно: в воздухе ревели более ста моторов и стрекотали сотни пулеметов. На всех шести «этажах» шла яростная драка.

Самолеты моей группы, точно коршуны, свалились с неба на девятку бомбардировщиков. Мы шли сомкнутым строем, ведя огонь из всех своих пулеметов.

С первого же удара ведущий японский бомбардировщик вспыхнул, как факел. Как выяснилось впоследствии, эту машину вел командующий японской бомбардировочной авиацией на центральном фронте. Он не воспользовался парашютом, и от него уцелела лишь одна полевая сумка с документами. Самолет японского командующего горел, точно фанера, политая керосином. Вот уже сквозь его фюзеляж я вижу землю, вот фюзеляж совсем растаял, и пламя охватило правую плоскость. Он задирает нос вверх, потом срывается в переворот и распадается на куски.

Тут же вспыхивает второй бомбардировщик.

Потеряв командира, японские бомбардировщики обращаются в бегство. Мы устремляемся за ними. В этот момент я замечаю еще одну девятку «свежих» японских бомбардировщиков. Быстрый взгляд влево, вправо...

Слева идет мой верный Чен Лу, справа — Тин. Нас трое, японцев — девять. Не беда! Предоставив осталь-

ным летчикам преследование первой, уже деморализованной группы бомбардировщиков, я с двумя своими пилотами обрушиваюсь на вторую девятку.

Эта группа японских летчиков оказалась еще менее стойкой, чем первая. С первого же удара нам удалось зажечь два самолета. На одном пожар начался у штурманской кабины, у второго взорвались баки. Оба самолета, отчаянно дымя, пошли книзу. Остальные семь машин панически бросились наутек, даже не попытав оказать существенного сопротивления трем китайским летчикам.

Мы идем в хвост японским бомбардировщикам на предельно коротких дистанциях и обстреливаем их трассирующими пулями, которые оставляют в воздухе голубоватый след. Видно, как гаши пули прячутся в фюзеляжах японских самолетов. Стрелки бомбардировщиков пытаются вести ответный огонь, но им это плохо удается. Мы расплачиваемся с ними сполна — за Шанхай, за Нанкин, за наших стариков, за сестер и братьев!

Вот еще один японский пулемет замолк; значит, стрелок отправился к праотцам. Вот еще один самолет задымил; значит, и этот зажгли...

В погоне за врагами мы ушли за 110 километров от Ханькоу. Спокойно, Ван Си! Не надо зарываться. Пора взять обратный курс. Ведь вместе с бомбардировщиками пришли истребители, а тебе давно уже хотелось встретиться с ними в воздушном бою.

Я даю своим друзьям сигнал, и мы круто поворачиваем обратно. После двукратной схватки с бомбардировщиками чувствуется некоторая усталость. Болит шея. Ведь даже в самый ответственный момент боя приходится непрерывно вертеть головой, следя вокруг за обстановкой, чтобы кто-нибудь из врагов неожиданно не подкрался к тебе в хвост. После боя иной раз даже удивляешься: как у тебя могла вертеться голова чуть ли не на 360 градусов?..

Солнце уже клонилось к закату. Восстановив ориентировку, мы шли к Ханькоу. Результаты боя как будто

блестящие. Все же я испытывал некоторую неудовлетворенность: неужели на этот раз не удастся сразиться с японскими истребителями? И вдруг я вижу крохотный моноплан, не похожий на наши. У него края крыльев сильно подняты кверху. Хвост окрашен в ярко-красный цвет.

Сомнений нет. Передо мной скоростной японский истребитель последней конструкции — «И-96».

Взгляд влево. Взгляд вправо. В двухстах метрах — еще один японский истребитель. В стороне — метрах в 150 — идет Чен Лу. Тин ниже нас. Значит, бой мы принимаем вдвоем с Чен Лу.

Мы бросаемся на японцев, но они сейчас же стремительно удирают домой. Бой они не принимают, а гнаться за ними мы не можем, — запасы бензина подходят к концу.

Проходит три минуты. Впереди опять мелькнуло что-то красное. Ну, теперь не уйти краснозадому! Направляю свою машину прямо в лоб «И-96». Будь что будет, — или столкнусь с ним, или запугаю его так, что он растеряется вконец.

Это соревнование на крепость нервов длилось какой-нибудь миг, не более. Две скоростных машины, бешено пожирая пространство, мчались прямо друг на друга. Когда расстояние между нами измерялось уже считанными метрами, японец не выдержал и отвалил в сторону. Куда девалась самурайская гордость!..

Зная, что японский летчик сейчас попытается удрать, я тут же пристроился в хвост за ним и дал для остротки очередь из всех пулеметов. Серо-голубые струи — след трассирующих пуль — повисли в воздухе, как ленты серпантина.

Японец нервничал все больше, но уйти ему не удавалось, — я поймал его на вираже. Еще мгновение — и я прошью японца насквозь... Перед тем как окончательно взять прицел, я еще раз оглянулся по сторонам. Предосторожность оказалась не лишней. Справа я увидел целый сноп серо-голубых струй.

Что это? А, чорт возьми! Оказывается, прямо за хвостом у меня второй японский истребитель, а у него в хвосте... Чен Лу. В воздухе на какую-то долю секунды образовалась целая карусель из четырех машин, гонявшихся друг за другом на виражах.

Японец, который охотился за мной, от нетерпения нажал гашетки пулеметов раньше, чем нацелился, и весь залп его пропал впустую. Чен Лу тоже дал очередь в хвост этому японцу и отвалил в другую сторону. Я принял молниеносное решение: пусть Чен Лу охотится за первым японцем, а я сейчас ударю по второму...

И вот, совершенно неожиданно для самураев, я разворачиваюсь и ударяю по моему преследователю. Но в этот момент у меня как назло чихнул мотор. Японец полез вверх, пошел на реверсман, ввинчиваясь в небо. Я разгадал этот маневр. Сейчас он наберет высоту, чтобы потом спикировать на меня.

Шалишь, не выйдешь! Я поймаю тебя на вертикальном маневре... Моя машина — в десяти метрах от японской. Бросаю самолет тоже вверх и жму, что называется, до последнего. Решил бить только наверняка. Вот уже передо мной весь небосвод закрыт большим темным пятном, — я совсем рядом с японцем. Мотор ревет, и вся машина сотрясается от напряжения. Вверх и только вверх!.. Но вот мотор начинает немного сдавать. Я вишу в воздухе. Пора действовать! Я нажимаю гашетки пулеметов, и целый вихрь смертоносных пуль пронизывает краснозадую машину.

Дело сделано... Японский самолет качнулся, свалился на бок и отвесно пошел к низу, окутанный черным дымом. Я перевел дух и вытер рукавом лоб.

Где Чен Лу? Он уже справился со вторым истребителем, и мы круто поворачиваем к аэродрому, — горючего у нас еле-еле хватит, чтобы дотянуть до посадки.

Мы идем над рекой. Я озабоченно поглядываю на бензиномер и на солнце, совсем низко склонившееся к горизонту. Посадка без бензина да еще в темноте не предвещала ничего хоро-

шего. Но куда же девался Тин? Я помню, что он шел ниже нас. Что же могло с ним случиться?

Мысль о судьбе молодого студента меня очень тревожила. Как только мы добрались до аэродрома, я бросился на поиски товарища. На зеленом поле стояли почти все машины нашей группы. Но среди них не было самолета Тина.

— Что это вы, Ван Си? — мягко спросил знакомый голос.

Я опомнился, вытянулся в струнку и отрапортовал:

— Вверенная мне группа, выполнив боевое задание, вернулась благополучно, за исключением пилота Тина. Три роты японских бомбардировщиков в панике бежали, потеряв несколько машин. На обратном пути вели успешный бой с японскими истребителями...

— Отлично! — сказал майор Ли Сян. — Не печальтесь, мой друг, Тин вернется. Он не из тех, которые гибнут в первой же схватке. Кстати, могу вам сообщить некоторые итоги. Как уже установлено, к нам в гости пожаловали 27 бомбардировщиков и 40 истребителей. Встречали их 64 наших истребителя. Японцы оставили на нашей земле 22 самолета и 70 трупов. Мы потеряли 8 самолетов, но четвертым летчикам удалось спуститься с парашютами. Авиационное командование очень высоко отзывается о нашей работе. Наши истребители еще раз показали огромное преимущество перед японскими...

Я был обрадован этими вестями. Однако в глубине души я все еще тревожился за судьбу Тина.

Из города доносился треск хлопучек и гомон ликующих толп людей, обрадованных хорошими новостями. В городском парке, расположенном поблизости от аэродрома, готовилось грандиозное гуляние. Туда везли на грузовиках обломки сбитых нами японских самолетов — срочно готовилась выставка боевых трофеев.

Я медлил, не желая покидать аэродром. И вдруг в прозрачном воздухе ясно обозначились знакомые контуры китайского истребителя. Кто это? Я бросился к старту. Машина шла на посад-

ку. Это был Тин. Оказывается, у моего товарища вышел весь запас горючего, и он вынужден был сесть на другом аэродроме.

Там он заправился бензином и прилетел в Ханькоу.

— Я ведь вам говорил, что такие люди не погибают, — смеясь, сказал майор.

...Вечером на банкете, устроенном правительством в честь нашей победы, мы подняли бокалы за крылья Китая, и майор Ли Сян заявил:

— Послезавтра 1 мая. Мне кажется, японцы получили от нас совсем неплохой первомайский подарок.

V. В ТЫЛУ У ЯПОНЦЕВ

Ранним майским утром к аэродрому подкатил паккард авиационного комитета. Офицер предъявил документы и направился к майору Ли Сяну. Вслед за ним шел, прихрамывая, какой-то кули в потрепанной синей одежде. Я удивился: с каких это пор офицеры авиационного комитета возят с собой кули в паккардах? В наших штабах — увы! — пока что не пахнет демократией.

Вдруг Ли Сян испустил восторженный клич и бросился в объятия хромого кули, не слушая офицера, который пытался что-то доложить. Что же произошло?

Через пару минут все разъяснилось. Оказывается, в потрепанную синюю одежду был одет один из героев обороны Шанхая летчик Хо Син-цзе. Майор еще в школе часто говорил нам о своем храброем ученике, ставя его в пример. Хо считали погибшим. Его самолет был сбит в одном из последних воздушных боев над Чапеем, уже занятым японской пехотой. И вдруг Хо здесь...

Мы единодушно потребовали от храброго пилота, чтобы он сегодня же рассказал нам о своих приключениях. Хо Син-цзе согласился, и расторопный Чен Лу вечером организовал дружеский ужин, за которым наш новый товарищ поведал исключительно интересную историю...

Стояли жаркие ноябрьские дни 1937 года. Уже два с лишним месяца гремела канонада над Шанхаем. Пушки японского флота методически уничтожали квартал за кварталом. Японская авиация бомбила дороги, забитые миллионами беженцев. Новые и новые дивизии сходили на берег с японских транспортов, восполняя потери императорской армии.

Но красное знамя с белой звездой Гоминдана все еще реяло над баррикадами Чапея, хотя десятки тысяч защитников Шанхая уже погибли в неравном бою. Закопченные пороховым дымом, израненные, усталые солдаты дрались за каждую улицу, за каждый дом, прикрывая перегруппировку главных сил и эвакуацию города.

В один из последних дней шанхайских боев, когда весь Чапей уже пылал в огне пожаров, летчик Хо совершал разведывательный полет на тихоходном «Дугласе». Его атаковало звено японских истребителей. Бой решили секунды. Уйти Хо Син-цзе не удалось. Японцы подожгли его старенькую машину. Спасаясь от преследователей, Хо прыгнул затылком прыжком и раскрыл парашют лишь в ста метрах от земли. Приземлился он в каком-то незнакомом переулке среди пустых разграбленных лавчонок.

Быстро освободившись от лямок, Хо отполз за прикрытие и осмотрелся, пытаясь восстановить ориентировку. В воздухе свистели пули. В конце переулка из-за баррикады кто-то махал летчику красным флажком. Не помня себя от радости, Хо помчался к баррикаде. Но в этот момент сзади послышался знакомый голос китайского полевого орудия и где-то близ баррикады разорвался снаряд.

Хо бросился на землю и пополз назад, прячась за выступами домов. Спасибо артиллеристам! Если бы не этот выстрел, Хо, как мальчишка, отдал бы себя живьем в лапы японских хитрецов. Только сейчас он понял, кто махнул его красным флажком.

Раздосадованные японцы осыпали Хо свинцовым градом из двух пулеметов. Летчик почувствовал, как его ударило

что-то по ноге и по спине. Тело сразу отяжелело. Напрягая последние силы, Хо вышиб кулаком планки из какой-то двери и подтянулся к ней. Теряя сознание от жгучей боли, Хо видел, точно в полусне, как мимо него промчался зеленый броневик с японским опознавательным знаком, как за ним бежали и падали маленькие фигуры японцев, похожие на игрушечных солдатиков. Где-то там, в переулках, послышались крики, раздался лязг холодного оружия, и потом все смолкло.

Когда к летчику вернулась память, он долго смотрел по сторонам, пытаясь понять, где он. Постель под ним ритмично покачивалась. Слышался плеск воды. Над головой был натянут грязный брезент. В тесной каморке было душно. Хо с удивлением заметил, что на нем простой рабочий костюм.

Внезапно занавеска приподнялась, и Хо почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд.

— Он еще очень слаб. Но я думаю, что дело идет на лад, — послышался тихий женский голос.

— Кто здесь? — Хо Син-цзе хотелось сказать это четко, по-военному, но вместо этого раздался какой-то невнятный шопот.

Занавеска отдернулась, и в каморку вошли двое китайцев, одетых в простую одежду грузчиков, в сопровождении нарядной девушки. Девушка улыбнулась Хо, как старому знакомому:

— Ну, вот и чудесно! Скажите спасибо этим товарищам, — они спасли вас от верной гибели...

И она рассказала Хо, как грузчики, следившие за ходом воздушного боя, пробрались, рискуя жизнью, в переулок, где приземлился летчик, и унесли его на свою джонку. Здесь сам дьявол не отыскал бы летчика: вдоль берегов Ван Пу и Сучжоуского канала теснятся тысячи джонок и рыбацких сампанов. Так на воде, проводят всю свою жизнь десятки тысяч грузчиков, рыбаков, матросов, у которых нет жилья на берегу. На лодках дымятся жаровни хозяек, сушатся пеленки, хрюкают поросята. В часы отлива, когда обнажается илистое дно канала, покрытое

отбросами города, тысячи обитателей джонок барахтаются в грязи, отыскивая остатки пищи. Никто и никогда не пытался учесть, хотя бы приблизительно, бедняков, прозябающих на своих лодках.

— Так вот куда я попал! — Хо довольно улыбнулся. Действительно, трудно было бы придумать более удобное место для конспирации.

Девушка рассказала Хо, что грузчики сообщили верным людям о том, кого им удалось спасти. К раненому летчику были прикомандированы врачи, которые крадучись посещали джонку. Рана была тяжелая, — пуля раздробила кость, и Хо потерял много крови. Десять дней он провел между жизнью и смертью. В эти самые дни в Шанхае разыгрывались драматические события. Японцы, которым удалось, наконец, после двухмесячных боев ценой огромных потерь занять город, мстили мирным жителям. Они грабили и поджигали дома, расстреливали без суда тысячи китайцев, насиловали женщин.

— Поправляйтесь, наш дорогой друг, и не вздумайте вставать с постели раньше времени, — девушка погрозила летчику пальцем. — Когда вы поправитесь, найдутся способы, чтобы перебросить вас через линию фронта...

Дни тянулись томительно медленно. Хо терпеливо выносил долгий и мучительный курс лечения. Его невидимые друзья внимательно за ним следили. Однажды Хо узнал в старом седом рыбаке известнейшего профессора-хирурга, который пришел сюда переодетый, чтобы осмотреть заживающие раны. Девушка, с которой уже был знаком Хо, навещала его несколько раз. Она приходила то в яркой одежде девушки из чайного домика, то в скромном европейском костюме, то в грязном изодранном халате работницы.

Хо понял, что его выздоровлению придают большое значение, и послушно выполнял все медицинские предписания. В начале января он уже вставал с постели и делал на костылях несколько шагов в своей каморке. Еще два месяца спустя он отложил костыли в сторону. Вскоре к нему зашел один из

знакомых грузчиков. Он принес шикарный европейский костюм, шляпу, элегантную трость и тихо сказал:

— На углу Гарден Бридж, где соединяются воды Ван Пу и канала, есть трамвайная остановка. Там через три часа вы увидите рикшу с повязкой на левом глазу. Дадите ему эту монетку, и он отвезет вас туда, где вас ждут... Больше мне ничего неизвестно, — добавил грузчик, предупреждая вопросы Хо.

Хо повертел в руках монету и заметил, что она странным образом стерта. В карманах Хо нашел солидный бумажник с долларами и паспортом на имя бэйпинского коммерсанта Ли Чана и кинжал.

Лодка ритмично вздрагивала. Приподняв край брезента, Хо увидел, что она куда-то передвигается. Через полчаса Хо сошел на пустынный берег и пошел вдоль реки, оглядывая окрестности рассеянным взглядом туриста.

У развалин древней городской стены раскинулся грязный унылый пустырь. В него упирались кривые путанные улочки китайской части города. Кое-где еще теплилась жизнь. Как и встарь, через узенькие улицы были перекинуты бамбуковые палки, на которых сушилось ветхое застиранное белье. В пыли возлились голые ребятишки. Прошел бродячий повар, неся на коромысле свою кухню, от которой исходил невыносимый чад горького бобового масла. Из пагоды донеслась дробь барабанов и прозвенел гонг. Но все это лишь резче подчеркивало пустоту и тоску полуразрушенного города. Целые кварталы обезлюдели. Многие улицы целиком выгорели. На мостовых кое-где еще валялись гильзы патронов и осколки снарядов. Хо стоило больших усилий сохранить на лице рассеянную улыбку, приличествующую коммерсанту из Бэйпина.

В переулке послышалась тяжелая поступь солдат. Из-за угла появилась страшная процессия: взвод японцев конвоировал толпу оборванных израненных кули, руки которых были связаны веревками. Хо особенно запомнился из-

можденный седобородый старик. Он шел, вытянув руки вперед, осторожно нащупывая ногой дорогу.

— Ну, ты, слепая кляча! — злобно кричал на плохом китайском языке конвоир, толкая старика прикладом.

На окраинной базарной площади процессия остановилась. Японские солдаты разогнались немногих бродячих торговцев и нищих, которые слонялись по опустевшим торговым рядам. Один из конвоиров грубо крикнул на Хо, предлагая и ему убраться. Но унтер-офицер, разглядев щегольской костюм негодянта, вежливо улыбнулся:

— Если господину угодно, он может присутствовать на практических занятиях...

И он пояснил Хо, что сейчас партизаны, взятые в плен в окрестностях Путуна, поплатятся за свои преступления.

Хо еще плохо представлял себе, что должно сейчас произойти на этой пустынной площади. Но через минуту он все понял.

Солдаты деловито расставили пленных в шахматном порядке и взяли наперевес винтовки с примкнутыми ножами. Вынырнувший откуда-то вертлявый господин в клетчатом костюме и пробковом шлеме нацелился фотоаппаратом.

— Раз! — резко скомандовал унтер-офицер.

И солдаты послушно, как манекены, вонзили ножи в спины пленных. Раздались нечеловеческие крики.

— Два! Три!.. — командовал унтер-офицер.

Солдаты, как на учебном плацу, ловко перехватывали винтовки, наносили своим жертвам удары прикладом, снова кололи штыком.

Люди падали, истекая кровью. Некоторые пытались сопротивляться, нанося солдатам удары ногей. Слепой седобородый старик высоким, срывающимся от боли и негодования голосом призывал проклятия богов на головы недостойных убийц. Но взвод хладнокровно продолжал «практический урок» штыкового боя, как будто перед солдатами были мишени, а не живые люди.

У Хо сжимались кулаки. Он испытывал непреодолимое желание ввязаться в драку и задушить мерзавца унтер-офицера, который, самодовольно улыбаясь, отсчитывал такт:

— Раз!.. Два!.. Три!..

Фоторепортер закончил съемку и, отдуваясь, вытер пот с лица.

— Интересуетесь практическими занятиями? Я думаю, в Штатах эти кадры будут оценены высоко... — обратился он по-английски к окаменевшему Хо. — О, да, кошмары Азии всегда ужасны, — торопливо добавил он, испуганно взглянув ему в лицо, и поспешил откланяться.

Хо мысленно обругал себя и невероятным усилием воли снова изобразил на лице рассеянную улыбку. Это было как нельзя более вовремя: к нему уже подходил японский унтер-офицер, закончивший истребление пленных. Хо озабоченно взглянул на часы и вдруг заторопился.

Подходя к Гарден Бридж, Хо поднялся на высокий мост. Отсюда открывался широкий вид. По реке гуляли высокие мутные волны. Сотни кули разгружали большой пароход под японским флагом, таская на спинах тяжелые патронные ящики. Японские надсмотрщики сердито покрикивали на них. Из парка доносилась пулеметная стрельба.

Хо едва сдерживал себя. Он прекрасно понимал, что его силы и умение сейчас нужнее по ту сторону фронта, где его ждет самолет. Но вынужденное бездействие здесь, в тылу у японцев, было мучительно.

У стоянки трамвая уже стоял с коляской рикша с черной повязкой на левом глазу. Он рассеянно поглядывал по сторонам. Хо небрежно кинул ему монетку и сел в коляску. Рикша подбросил монетку на ладони, увидал, что одна сторона ее стерта, и помчался по мостовой.

Смеркалось. На баржах и джонках зажигались скупые керосиновые огни. У причалов порта было светло, как днем, — там при свете прожекторов круглые сутки разгружался военный японский транспорт. Огромное зарево

электрических огней колыхалось над Бродвеем, — универсальные магазины, кафе, рестораны, оправившись от военных потрясений, бойко торговали, обслуживая ту безнациональную стаю авантюристов, которая всегда следует по пятам воюющих армий.

Рикша подвез Хо к дверям роскошного чайного домика и остановился. Хо вошел в домик и осмотрелся, щурясь от яркого света. Среди лакированных столиков пели и танцевали красивые девушки. Напыщенные чиновники, бойкие купцы, чопорные японские офицеры потягивали ароматный напиток.

За крайним столиком Хо увидел девушку, навещавшую его на джонке. Она была очень нарядна. Рядом с ней сидел седоватый японский полковник авиации. Он был похож на фарфоровую куклу — весь прямой, несгибающийся, с большим портфелем, ребром поставленным на колени. Девушка болтала безумолку. Полковник улыбался, обнажая плохие редкие зубы.

— А вот и наш дорогой Ли! — воскликнула по-английски девушка, приветствуя Хо Син-цзе. — Мы сегодня кутим. Знакомьтесь, — полковник Киннокава. Я безжалостно похитила его у штаба...

Полковник поднялся и угловато поклонился.

— Я давно говорила полковнику, — он много теряет оттого, что незнаком с вами, дорогой Ли! — Девушка мило улыбнулась, прищурив свои узкие красивые глаза. — Ведь вы так прекрасно разбираетесь в китайском фарфоре, а полковнику очень хочется вывезти на родину коллекцию старинных изделий...

Хо добродушно усмехнулся и предложил Киннокаве заехать к нему в Бэйпин, — он сделает для дорогого полковника все, что в его силах. Но здесь, в Шанхае, ему хочется отдохнуть от коммерции и, если позволит полковник, он закажет пару добрых американских коктейлей.

Хо еще плохо понимал, что ему предстоит сделать в эту ночь, но он ждал, что со временем все объяснится.

Полковник чувствовал себя немного неловко. Конечно, ему не следовало бы

ходить в чайный домик с портфелем. Но эта девушка, с которой он познакомился месяц назад на одном из официальных приемов китайской знати... Она случайно проезжала в своем роскошном линкольне мимо его квартиры как раз тогда, когда он выходил из дому, направляясь в штаб. Девушка очень обрадовалась этой встрече, наговорила целую кучу милых и нелепых вещей, на которые способны только женщины, и уговорила заехать с ней в чайный домик, выпить чашку хорошего японского чая.

Полковник сжимал ручку портфеля, — в нем были спрятаны кое-какие бумаги, которым вовсе не полагается находиться в чайном домике. Правда, полковник сегодня может и не быть в штабе. Но ему хотелось доложить генералу свой проект реорганизации воздушных сил...

— Итак, дорогой Ли, вы сегодня покидаете нас, — с кокетливым вздохом сказала девушка. — Я думаю, что полковник не откажется проводить вас, — мой линкольн чудесно доставит вас к вокзалу. Но до этого мы с вами должны повеселиться.

К столику приблизились танцующие девушки. Улыбаясь, они вручили всем троем маленькие букетики фиалок, перевязанные шелковыми лентами, на которых был оттиснут какой-то текст. Хо рассеянно развернул ленту и прочел:

«Уважаемый господин! Вы знаете, что чай является предметом первой необходимости в человеческом быту. Пьющие чай ни одного дня не могут провести без чая. Чай есть удовлетворение жизни.

Японский зеленый чай отличается от других чаев особенными качествами. Он обладает целебными свойствами, восстанавливает силы и предохраняет от инфекционных заболеваний. С древних времен у нас говорят, что чай есть эликсир долгой жизни и предупреждает наступление старости.

Наша ассоциация, желая вам полного здоровья и счастья, настоятельно рекомендует вам, как лучшее средство достижения их, японский зеленый чай.

С любезным приветом. Президент японской центральной чайной ассоциации Мацуура».

«Желаю вам полного здоровья и счастья»... Хо невольно вспомнил страшное зрелище, свидетелем которого он был два часа тому назад. Он перевел взор на полковника, который говорил какие-то комплименты своей собеседнице, криво усмехнулся и с трудом проговорил:

— Я не могу не отдать должное предпримчивости ваших негодяев, господин полковник, — и он показал ему шелковую рекламу.

Полковник осклабился:

— О, да! Торговля — родная сестра войны. Наши ассоциации вместе с нами выполняют трудную миссию цивилизации Азии. Пройдут годы и Китай станет такой же цветущей провинцией, как и Манчжоуго и Корея...

— Не слишком ли велика будет эта провинция? — осведомился Хо.

— Если сравнить ее с Сибирской провинцией, которая завершится Уралом, то она будет совсем не так велика, — сухо отпаривал полковник. — Под эгидой империи Восходящего Солнца должна находиться вся Азия, и это будет именно так...

— Ну вот, вы опять заговорили о политике, — всплеснула руками собеседница Хо и Киннокавы, — положительно в наше время некуда деваться от этой политики. Едемте в бар, — может быть, там мне удастся расшевелить вас немного, сухие вы люди!

И она встала из-за стола. Хо и Киннокава послушно последовали за ней.

— Не будьте медведем, Ли, — помогите мне одеться...

Хо Син-цзе вежливо подал девушке шелковое манто. Она успела ему шепнуть, делая лукавые глазки полковнику:

— Главное — портфель... Машина наша... После бара, когда поедem к вокзалу...

В баре было шумно. Киннокава отрез отказался танцевать и сидел ровно, точно проглотил аршин. Однако для приличия он выпил несколько бокалов коктейля и теперь оживился. Он

разглагольствовал о предназначении, выпавшем на долю японской расы.

Полковник говорил ровным скрипучим голосом, как заведенная машина. Казалось, он забывал, что перед ним сидят китайцы, и откровенно развивал несложную философию, которой напичканы мозги японского офицерства:

— Кровь китайского народа стала густой и неподвижной. Она стара, как мир. Мы уничтожим все, что не хочет воспринять японскую культуру, и сохраним лишь то, что идейно и физически сроднится и сольется с нами.

Киннокава изобразил на своем морщинистом лице подобие улыбки и вежливо поклонился собеседникам:

— Я надеюсь, в вашем лице великая Япония найдет людей, понимающих ее задачи?

Хо посмотрел на часы:

— Простите, полковник, но бэйпинский экспресс отходит через полчаса. Вы, кажется, были настолько любезны, что согласились меня проводить?

Полковник кивнул головой. Ему уже давно хотелось избавиться от этого негодянта и остаться наедине с очаровательной собеседницей, которая так многообещающе делала ему глазки, когда он говорил о голосе крови.

Хо встал и расплатился с подошедшим боем. Все трое направились к выходу. За рулем роскошного линкольна дремал китаец, одетый в клеенчатое пальто с высоким стоячим воротником. Полковник открыл дверцу и галантно пропустил вперед владелицу автомобиля. Слева от Киннокавы сел Хо.

— К бэйпинскому экспрессу, — небрежно приказала девушка.

Шофер послушно кивнул головой и дал газ. Девушка капризно сказала:

— Опустите шторы, добрейший Ли. Мне что-то нездоровится... Вам не холодно, полковник?

И она взяла Киннокаву под руку. Полковник самодовольно улыбнулся.

Шофер включил радиоприемник. В машину ворвались мяукающие и завывающие звуки джаза. Киннокава поморщился:

— Зачем так громко? Нельзя ли потише?

Ему никто не ответил. В машине внезапно потух свет. Полковник почувствовал, как нежная женская рука с силой нажала ему на предплечье, а слева на него навалился бэйпинский коммерсант...

Широкий комфортабельный линкольн, с наглухо закрытыми окнами, стремительно мчался к окраинам. Прохожие слышали лихой мотив фокстрота, доносившийся из машины, и задумчиво качали головами: то-то гуляет золотая шанхайская молодежь!..

Скорчившийся жалкий труп маленького полковника японской авиации лежал на полу автомобиля. Немного бледный, но спокойный Хо Син-цзе слушал последние наставления человека, который сидел за рулем линкольна.

— Вы больше не Ли Чан. Вы Си Ляо — кули из Наньчана. Надевайте вот это. Мы высадим вас в поле. Документы в кармане вашей куртки. Штаб партизанского отряда вы найдете в Н... Туда доберетесь самостоятельно. Судьбу полковника и машины доверьте нам...

Девушка усмехнулась:

— Я надеюсь, что бумаги бедного Киннокавы вам удастся доставить в Ханькоу в полном порядке, — и она передала Хо пачку документов, вынутых из портфеля.

Через несколько минут одетый в бедную одежду Хо Син-цзе брел по пустынному проселку, направляясь в деревушку Н. Он хорошо знал эти места, — сам он вырос в Шанхае, и окрестности были ему прекрасно известны...

...Двадцать дней спустя мы приветствовали нашего Хо на ханькоуском аэродроме.

(Окончание следует.)

Баргузинский соболь

НИКОЛАЙ НЕЗЛОБИН

★

Баргузинский черный соболь
Самый ценный носит мех;
он пушистости особой
и окраской лучше всех.

В руку взять — вся шкурка в горстку,
а встряхнешь, и, как волна,
с верхней мочки до подшерстка
черной пеной бьет она.

На пушных аукционах
за границей и у нас
соболь ходит в миллионах, —
золотой пушной запас!

Якуты вдвоем ходили
в баргузинскую тайгу,
самодельной пулей били
зверя злого на снегу.

Якуты — народ умелый
и чудесные стрелки.
Им тайга на округ целый —
как ладонь своей руки.

Много добыли пушины
в эту зиму якуты.
Соболь шел от Баргузина
самой редкой красоты.

Так дошли они на лыжах
по приметам, наугад —
до горы, где в соснах рыжих
пограничники стоят.

Только вдруг, пригнувши плечи,
якуту кивнул якут:
по тропе с горы, навстречу,
два охотника идут.

За спиной у них — берданки,
на ногах их — торбаза,

из-под заячьей ушанки —
кособровые глаза.

Мехом вверх оленьи куртки,
все — как нужно для стрелка.
Лишь у пояса — ни шкурки,
ни единого клока!

Повидались, покурили.
— Далеко ли?
— Далеко...

По-якутски говорили,
но, заметно, не легко.

Встречным некогда, однако,
шапку на брови — и в ход!
По тропе с горы собака
следом с голосом идет.

Как-то все не так, не ладом.
Видно, случай не простой.
Якуты к плечу прикладом.
Якуты — прохожим: стой!

А бойцы от сосен молча,
лыжи под гору и — здесь!
Пес чутьистый хваткой волчьей
сразу сшиб с прохожих спесь.

Якутам бойцы — спасибо.
Якуты бойцам — привет.
Двое тех молчат, как рыбы,
будто их на свете нет...

Зря вы, хищники, суете
к нам в тайгу свой нос дурной
Ваша милость не в почете
в нашей местности лесной.

И притом напоминаем:
мы хотя и в шинелях,
но, однако, сами знаем
толк в сибирских соболях!

★

В Ливадию

СТЕПАН ШИПАЧЕВ

★

Промелькнул, гремя, Чонгарский мост.
Вся земля бела от летних звезд.

Мимо станций, будок, светлых кленов
мчится пассажирский напрямик.
Полушубок новенький дубленый
положил под голову старик.
Он не спит. Колес скороговорку
слушает и достает кисет.
От зеленой рубленой махорки
заворчал, закашлялся сосед.

Под винтовкой годы прошагали
(скатка в скатку и нога к ноге)
две войны. Солдатских две медали
у него хранятся в сундуке.
К полустанку из села Овражки
уводила рекрутов тропа.
Он сносил в шинёлке и фуражке

стужу Порт-Артура и Карпат.
На молитве падал на колени.
Ротный бог тупой в углу мерцал...
Так и шел бы в лямке, если б Ленин
путь с броневика не указал,
так и гнало бы, ломало горе,
жгло слезой солдатскую щеку...

... Скалы. Оглушительное море.
Мраморные звери на-чеку.
Все, как в сказке, что слышал когда-то.
Только сказке этой — нет конца.
Замерли в шеренге, как солдаты,
восемь кипарисов у дворца.
Пахнут гиацинты и левкой.
Белой стрелкой обозначен вход.
В голубые царские покои
твердою походкой он идет —
сибиряк, колхозный полевод.

★

К. Е. ВОРОШИЛОВ

Курс на Восток

В. КОККИНАКИ

★

У колыбели первого самолета его конструкторы, конечно, не могли и предполагать, что будет с их детищем через 35—40 лет, каких высот достигнет авиация в наше время. Просматривая снимки старых самолетов, читая рассказы о первых полетах человека, поражаешься, до чего немощны были эти конструкции, — результаты первых полетов вызывают невольную улыбку.

Шли годы. Постепенно авиационные конструкции становились совершеннее. Когда-то, на заре развития русской авиации, первые полеты устраивались на Московском ипподроме. Летал известный русский летчик Уточкин. По требованию антрепренера он не имел права подниматься выше забора, иначе безбилетные зрители могли наблюдать это сенсационное событие. Строго говоря, антрепренер зря беспокоился: в ту пору самолеты едва поднимались на высоту нескольких десятков метров.

В 1909 году крупнейший французский летчик и конструктор Луи Блерио впервые перелетел из Кале в Дувр через пролив Ламанш, покрыв без посадки 35 километров. Известие о необычайно смелом перелете потрясло весь мир, его результаты были признаны крупнейшим техническим достижением. Средняя скорость самолета Блерио составляла 88 километров в час.

Таковы были лучшие международные авиационные достижения тридцать лет назад. Развитие авиации в последующие годы шло бурно. Промышленные и военные круги быстро оценили, какую силу представляет аэроплан. Возможности применения авиации в народном

хозяйстве и в военной обстановке обрисовывались довольно четко. Всем было ясно, что самолет является и солидным транспортным средством и могучим военным оружием.

Грядущая вскоре империалистическая война наглядно продемонстрировала возможности применения авиации в обороне и нападении. Ее важную роль вынуждено было признать даже консервативное царское правительство, до той поры относившееся весьма скептически к развитию отечественной авиации. В России не было собственных самолетостроительных заводов, и русское военное ведомство закупало самолеты за границей. Лишь в годы войны была создана первая самостоятельная конструкция — четырехмоторный самолет «Илья Муромец».

Опыт применения авиации во время империалистической войны послужил могучим толчком к дальнейшему развитию самолетостроения. Конструкторы всего мира деятельно работали над совершенствованием различных систем морских и сухопутных аэропланов. На смену маломощным двигателям пришли тысячесильные моторы. В развитии авиации четко определились три генеральных тенденции: увеличение скорости, дальности и высоты полета. Эти три кита и до сих пор определяют основные усилия конструкторов, главную заботу всех самолетостроительных фирм и заводов.

Тридцать лет назад скорость аэроплана Луи Блерио удовлетворяла и летчика и публику. Ныне самолеты летают со скоростью 300—400—500 километров в час, и это уже никого не удовлетворяет. Весь мир работает над дальнейшим повышением скорости полета.

¹⁾ Из книги, выпускаемой в ближайшее время Воениздатом.

Слушатели военно-инженерной академии РККА им. Куйбышева сдают зачеты.

В 1934 году итальянский летчик Франческо Аджелло на самолете «Макки-Кастольди» установил мировой рекорд скорости — 709 километров в час. Аджелло летал на морском самолете — ни на одной сухопутной машине подобной скорости развить нельзя. Рекордные скорости полетов на сухопутных аэропланах колеблются около цифры 600 километров в час.

Это не значит, однако, что всякий самолет может развивать такую же скорость. Франческо Аджелло летал на гидроплане специальной конструкции, построенном только для достижения рекорда. Сверхмощный мотор обладал ничтожным запасом прочности. Его хватило всего на несколько часов работы. Горючего бралось в обрез на очень непродолжительное время. После полета гидроплан и мотор поставили в музей, где они пребывают и по сие время. Серийные машины много прочнее рекордных, а потому и тяжелее. Они несут на себе различное оборудование и вооружение, увеличивающие вес машины. Серийные моторы надежнее, тяжелее и менее мощны. Однако разница между скоростью серийных и рекордных машин все уменьшается, и недалеко то время, когда стандартные самолеты будут летать с гигантской скоростью, сейчас кажущейся недостижимой.

Стремление всемерно повысить ско-

рость понятно и закономерно. В гражданской авиации увеличение скорости полета обеспечит наиболее быструю доставку пассажиров или грузов из одного пункта в другой. Уже сейчас многие предпочитают пользоваться воздушным сообщением, а через несколько лет оно станет таким же обычным и привычным, как железнодорожное. Для военной авиации проблема скорости еще важнее. Скоростная машина быстрее выполнит намеченную операцию. Быстро летящий самолет труднее поразить, чем тяжелую неповоротливую машину. В воздушном бою скоростной аэроплан имеет огромное и грозное преимущество перед тихоходным противником.

Увеличение скорости достигается различными путями. Конструктора увеличивают мощность винто-моторной группы, всемерно улучшают аэродинамические качества самолетов, устраняют все выступы, тщательно «зализывают» все детали. Практика показала, что даже такое, на первый взгляд, простое мероприятие, как применение гладкой, а не гофрированной обшивки, позволяет увеличить скорость самолета на несколько десятков километров в час. За последнее время большое применение получили шасси, убирающиеся во время полета. Это также значительно увеличивает скорость.

Современные самолеты абсолютно не-

похожи на нелепые конструкции первых дней авиации. Почти все фирмы выпускают сейчас монопланы обтекаемой формы без всяких выступающих частей, с гладкой обшивкой, потайной клепкой, с убирающимися в полете шасси и винтом переменного шага (пропеллер особой конструкции, дающий возможность использовать всю мощность мотора, в зависимости от высоты полета).

В стремлении повысить скорость авиация уходит вверх на большую высоту. В разреженной атмосфере сопротивление воздуха движению самолета снижается, сила мотора используется более эффективно, и быстрота движения может быть значительно увеличена.

Борьба за высоту имеет свою историю. Летчики всех стран старались подняться на самолетах как можно выше, предвидя, что именно в стратосфере лежат пути будущей авиации. История этой борьбы чрезвычайно интересна и поучительна. Пионером высотных полетов был французский летчик Латам. 29 августа 1909 года, т. е. почти тридцать лет назад, он поднялся на рекордную по тому времени высоту — 155 метров... Это было пределом человеческих дерзаний. На заре авиационной техники отважные пилоты располагали примитивными, ненадежными машинами, которые не могут идти ни в какое сравнение с современным авиационным

парком. Именно поэтому рекорд Латама заслуженно вписан в книгу побед авиации.

За Латамом последовал летчик Ламбер. Не прошло и двух месяцев после исторического полета Латама, как Ламбер поднялся на 300 метров. Но его предшественник не сложил крыльев. В течение года он совершил еще три рекордных полета, поднявшись на 453 метра, затем на 1.000 и, наконец, 7 июля 1910 года — на 1.384 метра.

Прошло несколько месяцев, и француз Леганье поднял потолок полета до 3.100 метров. Понадобилось еще три года, чтобы увеличить предельную высоту до 6 километров. По мере проникновения в более высокие слои атмосферы борьба за высоту становилась сложнее и труднее.

Империалистическая война приостановила официальную регистрацию рекордных полетов на высоту. Однако работники авиационной промышленности и конструктора воевавших стран усиленно работали над проблемой потолка. Генеральные штабы отчетливо увидели, какую грозную силу представляет авиация. Они понимали, что несомненное преимущество в воздухе получит страна, самолеты которой летают выше других. Поэтому не было неожиданностью, когда американский майор Шредер 27 февраля 1920 года устано-

вил в Дайтоне блестящий рекорд высотного полета, подняв свою машину на 10.093 метра. Этот рекорд оставался непревзойденным полтора года, пока американский лейтенант Мак-Реди не перекрыл его почти на полкилометра.

Проходят месяцы, годы. Борьба за высоту не ослабевает. Но прежних прыжков в высоту по километру над установленным рекордом нет и в помине. Борьба идет за каждые 200—300—400 метров. У французов и американцев появляются новые соперники — английские, итальянские, германские пилоты. С октября 1923 года, когда француз Сади-Лекуан достиг высоты 11.145 метров, до полета американского лейтенанта Чемпиона в 1927 году, т.-е. за четыре года, потолок поднялся лишь на 565 метров. Еще через два года американский лейтенант Эполло Сусек увеличил его на 220 метров. В 1930 году он поставил новый рекорд — 13.157 метров.

Минуло еще шесть лет. Англичане, французы, американцы, итальянцы не прекращали попыток забраться как можно выше. Конструктора придумывали различные сложные усовершенствования для моторов, чтобы сохранить их мощность в разреженной атмосфере. Однако потолок повышался все медленнее и медленнее. Итальянский пилот Донати поднялся на 14.443 метра. В 1935 году на самолете «ЦКБ-3» конструкции инж. Н. Н. Поликарпова, мне удалось фактически побить рекорд итальянского летчика, поднявшись на высоту 14.575 метров. Еще через год англичанин Детре добрался до уровня 14.843 метров. Сейчас международный рекорд высоты полета на сухопутном самолете принадлежит английскому пилоту Адамсу — 16.640 метров. Адамс летал в скафандре (специальный резиновый костюм, изолирующий человека от внешней среды).

Все эти рекордные под'емы совершались на самолетах без нагрузки. Машины перед каждым полетом предельно облегчались. Пилоты брали с собой минимальное количество горючего с таким расчетом, чтобы, достигнув потолка, немедленно вернуться на землю.

Летчик Детре достиг предельной высоты для человека, поднимающегося в открытой кабине без скафандра. Медицина считает, что на высотах свыше 15 тыс. метров человеческий организм, не защищенный скафандром, гибнет: кислорода, вдыхаемого из баллона, ему уже не хватает. Полеты на самолетах за пределы 16—18 километров будут проводиться, очевидно, на стратопланах.

Во имя чего ведется борьба за высоту? Прежде всего это объясняется чисто коммерческими соображениями. Чем выше летит самолет, тем больше у него скорость и тем дешевле эксплуатация воздушного транспорта. При условии сохранения мощности мотора скорость полета на высоте возрастает очень значительно. Увеличение потолка полета сулит колоссальные выгоды для почтового и пассажирского сообщения.

На высоте мотор работает гораздо экономнее, чем у земли. В свое время мне пришлось провести детальное испытание мотора «М-22» мощностью в 480 лш. сил. По нормам, существовавшим на линиях нашего Гражданского воздушного флота, расход горючего для этого мотора определялся в 90 килограммов в час. Повысив потолок полета до высоты в 5—6 километров, я снизил расход горючего вдвое. В итоге самолет с баками, рассчитанными на 500 километров полета, покрыл около 900 километров.

Военная авиация, учтя уроки войны 1914—1918 гг., также усиленно поднимает потолок своих машин. Не подлежит сомнению, что в воздушном бою выиграет пилот того самолета, у которого потолок больше. На высоте в 10 тыс. метров огонь зенитной артиллерии не страшен. Большая высота позволяет незаметно проникнуть в глубочайший тыл противника. Наконец, большая высота дает возможность совершать полеты в любое время года и в любое время суток, ибо в стратосфере нет ни тумана, ни облаков, ни переменной температуры.

За последние годы во всех странах уделяется большое внимание высотным полетам с коммерческой нагрузкой. Они служат практическому освоению высо-

ких слоев воздуха для нормальной эксплуатации. Рекордные полеты Донати, Коккинаки или Адамса на пустом самолете практически бесполезны. Летчик достигает предельной высоты и немедленно устремляется вниз. Но если пилот поднимает на какую-то достаточно значительную высоту полезный груз, скажем, в тысячу килограммов, то это имеет определенный практический смысл. В следующий раз он сможет взять на эту высоту полтонны полезного груза и полтонны горючего. А с полутонной горючего, скажем, на высоте 12 тыс. метров (которой я достиг с такой нагрузкой) можно летать далеко. Еще большее значение имеют высотные полеты с нагрузкой в две тонны, пять тонн, десять тонн, с наибольшим грузом. Поэтому вполне понятен тот интерес, который проявляют все страны мира к максимальному потолку транспортных самолетов.

Советские пилоты превысили все существующие рекорды высотных полетов с коммерческой нагрузкой. Нет сомнения, что и рекорды полетов без нагрузки на высоту также будут завоеваны советскими летчиками.

Использование больших высот для регулярного сообщения требует особых моторов. На большой высоте мотор теряет свою мощность. Для сохранения ее нужны специальные нагнетатели воздуха. Техническая мысль всего мира бьется над созданием наиболее легких и в то же время наиболее эффективных нагнетателей. Различные приспособления позволяют уже сейчас сохранять мощност мотора до высоты 7—8 километров. С каждым годом этот предел будет повышаться. Сохранение мощности мотора обеспечит регулярность полетов на большой высоте, постепенное увеличение потолка воздушных линий.

Меньшим успехом увенчалась пока работа над созданием стратоплана. Попытки, предпринятые заграничными конструкторами, насколько известно, никаких результатов не дали. Многие конструкции были попросту неудачны, некоторые даже не взлетали, кое-какие стратопланы разбились. Но упорная работа по созданию стратопланов не ути-

хает, и ближайшие годы, вероятно, принесут победу в этой области. Работа в этом направлении ведется также конструкторами Советского Союза.

Даже самый беглый обзор работы самолетостроительных заводов за границей и летного состава военных и гражданских авиационных формирований показывает, что борьба за высоту сейчас является одной из основных и насущнейших задач авиации всего мира. Советские пилоты и конструктора занимают не последнее место в этой борьбе.

Не менее важным элементом, характеризующим развитие современной авиации, является дальность беспосадочного полета. Значение дальности исключительно велико. Практически она, в конечном счете, определяет мощь и силу авиации любой страны. Дальность — это способность самолета покрывать без посадки большие расстояния. Всякая посадка — промедление, задержка, лишние расходы. В военной обстановке отсутствие самолетов, способных совершать дальние полеты, грозит спеху важной операции, ибо промежуточные посадки возможны только на своей территории, но отнюдь не на территории врага. Между тем самолет, обладающий большой дальностью, может легко и беспрепятственно пролететь в глубокий тыл врага, разгромить его военные жизненные центры и, сделав свое дело, вернуться обратно.

Ошибочно было бы представлять, что военная авиация создана только для обороны. Она является могучим средством нападения. Но это грозное оружие становится тупым и бесполезным, если самолеты могут летать только в пределах своих аэродромов.

Дальние самолеты являются огромным подспорьем и для народного хозяйства любой страны. На них можно перевозить почту, пассажиров, грузы в самые отдаленные места, в уголки, связь с которыми другими способами требует либо чрезвычайно много времени, либо обходится очень дорого. Особенно возрастает значение дальности при трансарктических или межконтинентальных перелетах. Здесь машинам, обладающим небольшим радиусом действия, делать

нечего. Для эпизодических перелетов в открытом море, в Арктике нельзя подготовить много промежуточных аэродромов, где самолеты могли бы пополнить запас горючего и масла. Там надо лететь на прямую, без посадки.

Люди давно научились летать далеко. Первый кругосветный перелет был совершен в 1931 году. Выдающийся американский летчик Вилли Пост облетел вокруг земного шара за 7 суток 18 часов 50 минут. Ему приходилось часто садиться в пути. А в 1938 году другой американский пилот, Говард Юз, пролетел вокруг света за 90 часов. Подобного результата Юз добился не только в итоге повышения скорости самолета, но главным образом благодаря предельному увеличению дальности полета, радиуса действия своей машины. Он сделал в пути всего пять посадок.

Разительные примеры значения дальности дает и история перелетов советских летчиков. В 1925 году группа советских пилотов совершила первый дальний перелет из Москвы в Пекин. Расстояние между этими двумя столицами было покрыто за 33 дня. Спустя два года летчик Шестаков за 22 дня сделал перелет из Москвы в Японию и обратно, покрыв около 22 тысяч километров. Шестаков летел быстрее участников предыдущего перелета, но тоже медленно. Частые посадки, необходимые выжидать погоду на промежуточных этапах привели к тому, что он делал в день всего около тысячи километров. А спустя девять лет Герои Советского Союза тт. Чкалов, Байдуков и Беляков пролетели без посадки по Сталинскому маршруту от Москвы до Николаевска-на-Амуре, покрыв за 56 часов около 10.300 километров и неофициально побив мировой рекорд дальности. Таким образом, они пролетали в сутки больше четырех тысяч километров. Этот результат им дали дальность, увеличение радиуса действия машины. На том же самолете в 1937 г. они пролетели без посадки из Москвы через полюс в Северную Америку. Их машина опустилась на военном аэродроме в Ванкувере. Самолет продержался в воздухе без посадки 63 ч. 20 м. Еще

через месяц Герои Советского Союза тт. Громов, Юмашев и Данилин на втором подобном самолете установили мировой рекорд полета по прямой, покрыв без посадки 10.148 километров. Так росла дальность современной авиации.

Было бы ошибкой думать, что скорость, высота и дальность существуют изолированно друг от друга. Конечно, в зависимости от назначения самолета то или иное качество приобретает наибольшее значение. Для истребителя, скажем, важнее всего скорость. Но грош ему цена, если он не сможет летать высоко. Противник, поднявшийся выше, будет всегда сильнее. Для бомбардировщика дороже всего дальность. Но если он будет летать тихо, его немедленно уничтожат. Если он не сможет набрать большую высоту, его собьют. Таким образом, все три элемента, определяющие качество современных самолетов, находятся в тесной органической связи, и поэтому авиационные конструктора стараются решить одновременно три задачи. Строя новый самолет, они стремятся сделать его так, чтобы он летал выше, скорее и дальше прежних конструкций.

На опыте своей работы в авиации я наглядно познакомился не только с основными идеями ее развития, но и с тем, как эти идеи претворяются в жизнь. Моей основной профессией является испытание самолетов. Я должен определить все качества, достоинства и недостатки новых конструкций, в том числе и в первую очередь скорость, предельный потолок, максимальную дальность.

Работа испытателя самолетов чрезвычайно увлекательна, но и очень кропотлива. Испытатель знакомится с машиной еще в чертежах.

Наконец, наступает день, когда машину выкатывают из ворот ангара на зеленое поле аэродрома. Пилот садится в кабину, запускает мотор и рулит по полю. На земле он пробует податливость, слаженность конструкции, определяет, будет ли самолет вообще летать. Сейчас авиация стоит на таком высоком уровне развития, что самолеты, которые летать не могут, уже не выпускают-

Краснознаменная и ордена Ленина военная Академия РККА им. Фрунзе.

Торжественное заседание, посвященное 20-летию Академии.

ся. Но еще совсем недавно бывало так, что ни летчик, ни конструктор не могли поручиться, в состоянии ли новая машина оторваться от земли.

Испытатель проводит первый полет, второй, третий, бесчисленное множество полетов. Мы стремимся так узнать самолет, чтобы после нас никто не мог что-нибудь добавить или убавить в его характеристике.

Нашу работу нельзя выполнять формально, казенно. На испытателе лежит огромная ответственность. Подписывая акт о годности машины, мы тем самым берем на себя ответственность за жизнь летчиков, которые потом будут летать на этом самолете по воздушным линиям или поведут машину в бой. Не всегда, конечно, новая машина оказывается сделанной сразу на «отлично». Не раз и мне лично приходилось попадать в воздухе в очень трудные положения. Однажды на взлете у самолета оторвалось одно колесо, и я вынужден был посадить машину в ненормальном положении. В другой раз над лесом сдали мо-

торы, и пришлось садиться в чашу. Как-то в полете загорелся мотор. Бывали и другие неприятности. Но все это, так сказать, производственные издержки нашей профессии.

Испытания самолета, разумеется, не ограничиваются полетами над аэродромом. Полное представление о возможностях машины можно получить только в дальнем рейсе, в условиях обычной нормальной эксплуатации материальной части.

Не сразу я начал решать все задачи, стоящие перед современной авиацией. Прежде всего я взялся за овладение высотой. Первым моим дебютом был перелет из Москвы в Харьков на высоте пяти тысяч метров. Это было в 1932 году. Сейчас смешно говорить о такой высоте, но тогда работа только начиналась, опыта не было, навыков тоже. Ни один из летчиков, вылетевших из столицы, так и не долетел до Харькова.

Но шли годы. Мы тренировались, накапливали опыт, знания. Постепенно

я убедился, что на наших самолетах можно не только высоко летать, но и побить существующие международные рекорды.

СО СТАЛИНСКОЙ ПУТЕВКОЙ

В 1935 г. мне удалось на одноместном самолете подняться на 14.575 метров, превысив результат международного рекорда, принадлежавшего в то время итальянскому летчику Донати. Но так как Советский Союз тогда еще не входил в Международную авиационную федерацию (ФАИ), то рекорд не был зарегистрирован. Весной 1936 года СССР вступил в члены ФАИ. Я решил начать наступление на таблицу мировых авиационных достижений. Прежде всего мне хотелось побить международный рекорд высоты полета на самолете с коммерческой нагрузкой в полтонны.

Во время одного заседания я сообщил о своем намерении Сергею Орджоникидзе. Он одобрил проект и повел меня к товарищу Сталину. Меня попросили изложить свой план.

— Ну, что, разрешим Коккинаки слетать? — спросил товарищ Сталин у присутствовавших там же товарищей Молотова и Ворошилова.

— Надо разрешить, — сказал товарищ Молотов. Товарищ Ворошилов тоже ответил утвердительно.

— А сделаешь? — спросил товарищ Сталин.

— Раз Коккинаки берет, значит сделает, — рассмеялся товарищ Ворошилов.

Полет был разрешен. Путевка товарища Сталина меня окрылила. Я почувствовал необычайный прилив энергии. Чтобы оправдать доверие товарища Сталина, я на самолете конструкции инженера С. В. Ильюшина сделал неофициально несколько пробных полетов, во время которых превысил международный результат, и лишь после этого подал формальную заявку. 17 июля 1936 года мой самолет с грузом в полтонны поднялся на высоту 11.458 метров, побив на 1.173 метра рекорд французского пилота Синьерина.

Через несколько дней я получил следующее письмо:

Летчику-испытателю тов. В. Коккинаки.

Поздравляю с достижением международного рекорда высоты на двухмоторном самолете с коммерческим грузом в 500 килограмм.

Крепко жму Вашу руку.

И. Сталин.

Это приветствие обязывало меня к новым делам. Я начал готовиться ко второму высотному полету — на побитие рекорда подъема с коммерческим грузом в тонну. Через десять дней после первого полета я вновь взлетал на той же машине в воздух и поднял тонну груза на высоту 11.402 метра — почти на два с половиной километра выше буржуазного рекорда.

Но раз мне удалось поднять тонну почти на такую же высоту, как и полтонны, то, следовательно, 500 килограммов можно забросить выше, чем я это сделал в первый раз. Чтобы достойно ответить на приветствие товарища Сталина, нужно было улучшить оба рекорда, взяв из машины действительно все возможное. Делать — так делать хорошо!

3 августа мой самолет с коммерческим грузом в полтонны поднялся на высоту 12.816 метров, а 21 августа — с грузом в тонну — на 12.101 метр. После этого я получил второе приветствие от товарища Сталина. В нем говорилось:

Поздравляю Вас с достижением нового высотного рекорда.

Крепко жму Вам руку.

И. Сталин.

В своем ответном письме я обещал товарищу Сталину, что не останюсь на достигнутом, не зазнаюсь, а буду повышать потолок советской авиации, совершенствовать технику высотных полетов, передавать ее моим товарищам. Вскоре мне удалось установить международный рекорд высоты полета с грузом в две тонны (11.005 метров). Но больше всего меня радовало, что вслед за мной на штурм высоты ринулись другие советские пилоты. Летчики А. Юма-

шев, М. Ньютиков, М. Липкин, М. Алексеев и другие добились очень крупных достижений. В короткий срок вся графа таблицы международных рекордов, посвященная высотным полетам с коммерческой нагрузкой, была заполнена именами советских летчиков. Я был рад этому. Крупные авиационные проблемы можно решать только коллективно. Если бы я работал один, то давно бросил бы заниматься и высотой, и авиацией вообще. Если бы следом за мной на высоту не пошли десятки пилотов, это значило бы, что я работал впустую, занимался ненужным делом. А сейчас ясно, что дело было нужное.

Затем я решил заняться другим нужным делом — дальними скоростными полетами. Вместе со штурманом А. М. Бряндинским мы на том же самолете — конструкции С. В. Ильюшина — совершили высотный скоростной перелет по маршруту Москва—Ейск—Москва. Спустя недолгое время мы вылетели из Москвы в Баку и к концу дня вернулись обратно, покрыв без посадки около 4 тыс. километров. Переводя эту цифру на язык измерения европейских территорий, можно считать, что наш серийный самолет пролетел от Москвы, скажем, до Мюнхена и, сделав над ним круг, без посадки вернулся обратно.

Ранней весной 1937 года мы начали готовиться к побитию международных скоростных рекордов. Серьезнейшим испытанием готовности явился перелет Москва — Свердловск — Москва. 2.850 километров были пройдены за восемь часов пятьдесят минут со средней скоростью в 320 километров в час.

В августе 1937 года нам удалось совершить намеченный дальний рекордный скоростной перелет. Мы летели с тов. Бряндинским по маршруту Москва—Севастополь — Свердловск — Москва. Общее протяжение пути—5.018 километров. В кабине самолета лежала тонна коммерческого груза. Перелет шел в среднем на высоте 5 тыс. метров, но иногда потолок повышался до 7 тыс. метров. Средняя скорость полета оказалась равной 325 километрам 257 метрам в час. Мы побили сразу три международных рекорда: скорости полета на

5 тыс. километров без нагрузки, с грузом в полтонны и с грузом в тонну.

Так, решая последовательно важнейшие задачи, стоящие перед современной авиацией, мы подступали к осуществлению генерального беспосадочного скоростного высотного перелета из Москвы на Дальний Восток, в котором все эти три элемента — скорость, высота и дальность — должны были найти комплексное и эффективное разрешение.

★

Идея скоростного перелета из Москвы на Дальний Восток родилась сравнительно давно. Но я чувствовал необходимость проверить себя, моего штурмана Бряндинского и машину в предварительных трудных рейсах. По сути дела перелет из Москвы в Баку и полет по замкнутому треугольнику Москва—Севастополь — Свердловск — Москва являлись своего рода тренировочными испытательными рейсами. После тщательного изучения самолета «Москва» я убедился, что на нем можно пролететь из столицы Советского Союза в любую точку территории нашей страны, будь то Хабаровск, Чукотка, Владивосток и т. д.

Самолет «Москва» конструкции инж. С. В. Ильюшина сочетает в себе прекрасные качества: очень большой потолок, высокую скорость, отличную дальность, солидную грузоподъемность. В сравнительно небольшой срок он может покрывать весьма значительные расстояния.

Я поделился своей идеей с конструктором, штурманом, и мы начали потихоньку готовиться к дальнему рейсу. В конструкцию самолета не было внесено каких-либо существенных изменений. Мы просто несколько изменили внутреннее расположение агрегатов, поставили дополнительные баки для бензина. Разумеется, вся машина была тщательно проверена до последнего винтика. Этот пресловутый последний винтик в нашем деле играет очень большую роль. Часто из-за последнего винтика приходится откладывать очень важный полет. Нередко поломка маленькой незаметной

детали вынуждает летчика делать посадку на неподготовленном аэродроме, а кое-когда ведет к аварии в воздухе.

Задачи перелета были довольно обширными. Нам хотелось в кратчайший срок связать Москву с Дальним Востоком, доказать, что тихоокеанские рубежи советской земли вовсе не так отдалены от сердца страны, как это принято думать, и их можно в любой момент быстро достигнуть.

Мы решили лететь не по существующей трассе Гражданского воздушного флота, оборудованной аэродромами, маяками и метеорологическими станциями, а напрямую, по кратчайшей линии от Москвы до Владивостока. Маршрут перелета проходил много севернее существующей трассы, пересекал необжитые, малоизученные места, пролегал над горами, тундрой и тайгой, где условия воздушной навигации представляли совершенно неизведанную область. Северная трасса была не только труднее южной. Она давала и некоторые преимущества. Середина пути находилась, примерно, на 62—63 градусе северной широты. Во время года, избранное нами для полета, ночи на той широте практически нет, солнце заходит лишь на час. Мы могли лететь сутки в условиях светлого дня, что значительно облегчало полет.

Между Москвой и Владивостоком существует нормальное движение гражданских самолетов. Это гигантское расстояние они покрывают обычно за 6—8 суток. Мы рассчитывали долететь без посадки до района Владивостока за 24 часа. В случае успеха нашего полета любому военно-грамотному человеку было бы ясно, что при необходимости, в такой же, примерно, срок из Москвы на Дальний Восток может быть переброшена не один самолет, а целая воздушная армада, которая обрушится на врага смертоносной лавиной. Мы живем в обстановке, когда война может вспыхнуть в любой день и с любого края. В военное время важно успешно и быстро маневрировать силами. Может случиться, что нам понадобятся еще самолеты на Дальнем Востоке. Наш перелет доказывает, что пополнение дальневосточ-

ной воздушной армии возможно осуществить в самый короткий срок.

С другой стороны, любому спокойному либо беспокойному соседу ясно, что если советский самолет в состоянии пролететь много тысяч километров без посадки по советской территории, то, отправившись с какого-нибудь аэродрома близ границы, он сможет довольно далеко залететь и на вражескую территорию. Если взять в качестве отправной точки Минск или Хабаровск, то можно убедиться, что нет такой столицы на европейском материке или островах Тихого океана, которых самолет «Москва» не мог бы достигнуть и вернуться обратно. И не просто слетать, а отвезти туда большое количество груза (в военное время он будет называться бомбами), облегчить машину в конечном пункте полета и вернуться во-свося.

От Москвы до Владивостока наш самолет перелетел свыше 7.600 километров. Конечно, далеко не всегда в будущей войне придется летать на такие большие расстояния. По всей вероятности, цель будет много ближе. Но наш полет показывает, что советские самолеты обладают огромной грузоподъемностью. Это значит, что, уменьшив запасы бензина, мы можем увеличить бомбовую нагрузку и привезти к намеченной цели веское количество «ягодок» разного размера.

Резюмируя задачи перелета, можно сказать, что мы хотели всесторонне испытать нашу машину в дальнем длительном полете, показать, что советские самолеты могут летать очень далеко, притом на большой высоте и с высокой скоростью, независимо от метеорологической обстановки.

Гражданская авиация в результате нашего полета убедилась, что проблема организации скоростных рейсов вовсе не так сложна и ее решение не требует многих лет, как это казалось раньше. Транспортные самолеты могут совершать рейсы из Москвы на Дальний Восток (учитывая неизбежность и необходимость промежуточных посадок) за 2—3 суток. Это значит, что грузы, почта, люди будут доставляться в Иркутск, Хабаровск, Владивосток значительно

быстрее, чем раньше, что Дальний Восток может получать различные письменные указания, директивы, материалы, газеты гораздо скорее, что этот опыт можно распространить и на все другие воздушные линии Советского Союза. И не случайно Главное управление Гражданского воздушного флота сейчас открыло и открывает ряд экспрессных воздушных линий. Такие трассы уже работают между Москвой и Киевом, Москвой и Владивостоком, Москвой и Ташкентом. Приступают к эксплуатации скоростных самолетов и на других линиях.

Избранная нами трасса отличалась большой сложностью. Мы взяли карту СССР, провели красную черту от Москвы до Хабаровска и решили лететь по этой прямой. Географически ее объяснить довольно трудно, так как населенных пунктов по нашему маршруту мало. Значительная часть пути пролегла над совершенно безлюдной местностью, не имеющей точных и широко известных наименований.

Из Москвы наш путь шел через Шарью и Киров к Уралу. За Уральским хребтом тянулась безлюдная тундра, болотистая и непроходимая в летнее и осеннее время года. Только зимой, когда тундра покрывается снегом, местные жители пересекают ее на собачьих упряжках. От Урала и до берегов Енисея нам предстояло лететь без всяких земных ориентиров. За Енисеем тянулась сибирская тайга. Там населенные пункты встречаются тоже очень редко, ориентиры попадают не часто.

Путь над тайгой проводил нас к Бодайбо. После Кирова это был первый крупный населенный пункт, лежащий по трассе. Таким образом, мы должны были пролететь тысячи километров, ориентируясь почти исключительно по приборам, не доверяя даже картам, так как большинство рек и озер тайги и тундры на этих картах либо нанесены неточно, либо совсем не помечены. За Бодайбо начиналась горная страна. Нам предстояло пройти над высочайшим Яблоновым хребтом, пересечь горы Хингана, высокие вершины Сихотэ-Алиньского хребта. Лишь после Хабаровска обста-

Военно-политическая академия РККА им. Ленина. Читальный зал.

новка перелета была более спокойной. Маршрут пролегал над долиной реки Уссури, местность становилась населеннее, культурнее, появлялись аэродромы, где можно было в случае какой-нибудь неприятности приземлить машину.

Нам предстоял дальний полет. На таком громадном протяжении трудно было, конечно, рассчитывать на сквозную хорошую погоду. Мы знали заранее, что нам не удастся лететь только при ясном солнышке, а придется встретить сплошную облачность, мощные грозовые фронты, пересекать циклоны, итти в облаках.

Для осуществления перелета мы избрали самолет конструкции инженера-орденоносца, депутата Верховного Совета СССР Сергея Владимировича Ильюшина. Я отлично знал эту машину по прежним полетам и высоко ценил ее качества. Как летчик-испытатель я наблюдал за этим самолетом еще до того, как его выкатили на аэродром, следил за

постройкой машины, сборкой, первыми статическими испытаниями. Затем я проверял самолет в воздухе, летал на нем в атмосферу, бил рекорды скорости. По нашему общему мнению, машина вполне удовлетворяла всем требованиям дальнего перелета и обеспечивала успешное выполнение поставленных задач.

Что же представляет собой самолет «Москва»? Это — моноплан, снабженный двумя мощными моторами советской конструкции. Внешне он ничем не отличается от современных самолетов, форма которых за последние годы стабилизировалась и стала довольно однообразной. Но в нем больше скрытых возможностей, чем во всякой другой конструкции.

Несмотря на то, что «Москва» обладает исключительно большой грузоподъемностью, внешне она кажется небольшой. Ее формы изящны, очень пропорциональны и не только у знатоков, но и у непосвященных зрителей вызывают восхищение. Машина прекрасно оборудована, имеет шасси, убирающееся во время полета, закрылки, уменьшающие скорость движения при посадке, тормоза на колесах.

Внутренние помещения удобны. Штурман имеет в своем распоряжении великоколенную кабину, оборудованную всеми приборами, необходимыми для нормального и слепого полета. Благодаря значительным размерам рубки штурман может сидеть, стоять во весь рост, сделать несколько шагов, размяться, что очень важно во время длительного полета. Летчик живет тоже комфортабельно, но более стесненно, чем штурман. Большой жилплощади в распоряжении пилота нет. Но места все-таки достаточно для того, чтобы разложить карты, блокноты, еду, обмундирование. Встать, однако, пилоту нельзя. Во время всего полета он должен сидеть. Можно было бы, конечно, расширить кабину для того, чтобы предоставить командиру корабля возможность отдохнуть, но, во-первых, в этом полете такая возможность была исключена, ибо летчик был один, а во-вторых, тогда пришлось бы убрать несколько бензиновых баков, на что экипаж никак не мог согласиться.

Управление самолетом — двойное, и, в случае необходимости, штурман может вести самолет. В случае отказа одного мотора самолет в состоянии продолжать полет на другом двигателе, слив некоторую часть бензина в воздухе.

Перед полетом машина была окрашена в красный цвет, на плоскостях снизу громадными буквами вывели слово «Москва». Красный цвет мы избрали потому, что он очень заметен с воздуха. Если бы нам пришлось сделать вынужденную посадку где-нибудь в тундре, то поисковые партии могли бы, пролетая над местом посадки, нас обнаружить. Неокрашенный же самолет заметить с воздуха очень трудно.

ВЗЛЕТ

Трудно определить, когда началась подготовка к нашему полету на Дальний Восток. По сути дела, вся моя прежняя работа по испытанию машины Ильюшина являлась своего рода подготовкой к этому перелету. В повседневной будничной работе, в ходе различных испытаний мне удалось решить ряд вопросов, существенных для предстоящего дела. Я отлично представлял себе качества и возможности машины, работу моторов, расход горючего при различных режимах полета, поведение основных агрегатов в воздухе. Тем не менее в месяцы, предшествовавшие перелету, мы не ослабляли подготовку, а наоборот, вели ее очень интенсивно и с большим вниманием.

Раньше мне не приходилось поднимать этот самолет в воздух с такой огромной нагрузкой, с какой мы должны были стартовать на Восток. Понятно, что при увеличении полетного веса машины расход горючего должен быть иным, чем при полетах с нормальной нагрузкой. А точное определение расхода горючего является основой для расчетов дальности рейда, продолжительности полета, профиля перелета на отдельных участках. Зная расход горючего при определенной скорости и высоте, мы могли точно подсчитать, какое количество бензина вообще понадобится на перелет до определенного пункта.

Поэтому мне пришлось провести серию новых испытательных взлетов. В итоге я четко представлял себе расход бензина в каждый час рейса, в начале, в середине и в конце пути, на высоте от нуля до восьми тысяч метров, при различных скоростях полета.

При испытаниях обнаружилось, что один из моторов обладает чрезвычайно большим аппетитом и пожирает горючего много больше, чем другой. Но других отрицательных качеств, кроме чрезмерного аппетита, этот двигатель не проявлял. В более спокойной обстановке следовало бы сменить мотор. Учитывая сжатость сроков до старта и общую положительную оценку работы мотора, мы решили его не менять, а просто взять некое количество бензина про запас.

Оборудование самого самолета практически осталось таким же, каким было и раньше. Навигационное оснащение пилота и штурмана в основном включало компасы различных систем, приборы, контролирующие положение и движение самолета, работу моторов и оборудование. Большую ценность представлял радиокompас — прибор, позволяющий точно выходить на любую радиовещательную станцию. Качества этого прибора мы неоднократно проверяли, возвращаясь с Дальнего Востока. По пути к Тихому океану нам не пришлось им пользоваться, так как трасса перелета проходила слишком далеко от радиопередатчиков, а в единственном пункте маршрута, где мы хотели и могли воспользоваться помощью этого прибора, — в Хабаровске, мы потерпели фиаско (о чем речь подробнее пойдет ко времени прилета «Москвы» к означенному городу).

Снаряжение экипажа состояло, главным образом, из вещей, необходимых для самостоятельной жизни в тайге или тундре в случае вынужденной посадки. Мы имели в своем распоряжении надувную резиновую лодку (клиппер-бот), на которой можно было при посадке вблизи какой-нибудь реки добраться до населенного пункта. Взяли оружие, патроны, гвоздичное масло и сетки от комаров, аварийный запас продуктов.

Врачи настаивали на том, чтобы перед полетом мы отдохнули, соблюдали определенный режим. Обстоятельства сложились так, что советами врачей нам воспользоваться не удалось. Мы вели обычный образ жизни, занимались своими будничными делами. Я, например, до самого последнего дня продолжал испытание нового самолета, Брядинский работал в своей военной части.

Очень много внимания нам пришлось уделить организационной подготовке перелета. Она охватывала обеспечение экипажа метеосводками, радиосвязью, изучение трассы, возможных промежуточных аэродромов, подготовку старта и финиша.

Больше всего нас беспокоила погода. Нам предстояло пересечь полторы страны света — половину Европы и всю Азию. На таком гигантском протяжении трудно было подобрать одинаково благоприятную погоду. Важно было хотя бы стартовать при хороших условиях, ибо лететь вслепую на перегруженной машине очень трудно и рискованно. Полет в облаках связан с резкой болтанкой, при которой прочность самолета подвергается серьезному испытанию.

В начале июня бюро долгосрочных прогнозов в Ленинграде прислало мне сообщение о том, что наиболее благоприятные условия для полета, по их мнению, ожидаются во второй половине июня. На это время мы и ориентировались. За две недели до старта синоптики начали составление ежедневных карт погоды по трассе. С момента же старта вся сеть метеостанций, расположенных вблизи трассы, работала исключительно на нас. Каждый час мы получали по радио сводки погоды, сообщения о том, что нас ожидает впереди. Метеообслуживание нашего перелета было организовано блестяще, и единственный его недостаток заключался в том, что синоптики были не в силах изменять погоду по своему и нашему желанию. Погода оказалась намного хуже, чем они предсказывали. К сожалению, метеорологическая наука еще недостаточно вооружена для того, чтобы четко и ясно, а главное, правдиво предугады-

вать все явления, происходящие в земной атмосфере.

Когда вся подготовка была закончена, самолет проверен, испытан, все оборудование опробовано, я сообщил о своей готовности в Народный комиссариат оборонной промышленности. Прошла неделя. Я ждал ответа. Каждый день в шесть часов вечера мне приносили карту погоды. Трасса была забита циклонами, они тянулись один за другим. Синоптики вырисовывали на бумаге гряды облачности.

15 июня я приехал домой после очередного испытания нового самолета. В час ночи неожиданно зазвонил телефон. Я снял трубку и сказал:

— Слушаю.

— Говорит Сталин. Здравствуйте! — ответил мне спокойный голос.

Я хорошо знал этот голос. Мне не раз выпадало счастье слышать товарища Сталина, видеть его близко, присутствовать на многих совещаниях, которые происходили при участии Иосифа Виссарионовича. Этот голос, запомнившийся навсегда, подбадривал меня в самые тяжелые минуты моей авиационной жизни. И в тот ночной час, когда товарищ Сталин позвонил мне домой по телефону, я сразу понял, что вопрос о нашем перелете, видимо, решен.

— Как ваше здоровье, тов. Коккинаки? — спросил Иосиф Виссарионович.

Я сказал, что чувствую себя крепким и бодрым и готов к любому рейсу, любому перелету.

— Вы отдыхали в этом году? — снова спросил товарищ Сталин.

Я опять ответил, что вполне готов к полету, жду только разрешения.

— Как идет подготовка самолета к перелету? — спросил товарищ Сталин.

Коротко, стараясь не задерживать товарища Сталина, я доложил о готовности самолета, о проверке всех приборов, о возможностях машины, всех деталях предстоящего рейса.

Иосиф Виссарионович начал расспрашивать о трассе — не трудна ли она, все ли продумано до мельчайших деталей.

— Конечно, — ответил я, — мы все продумали и проверили. Не беспокой-

тесь, Иосиф Виссарионович, успех за нами.

— Я не об успехе беспокоюсь, — ответил товарищ Сталин, — а о вас.

Я поблагодарил товарища Сталина за внимание, за непрестанную заботу, за все то, что он дал и дает мне. Иосиф Виссарионович пожелал мне успешно закончить подготовку к перелету и сказал, что так как он не сомневается в серьезности и тщательности подготовки, то решение о вылете должны принять мы сами.

— Но все же, — сказал в заключение товарищ Сталин, — перед отлетом зайдите ко мне. Мы пожелаем вам счастливого пути.

Всю ночь после этого разговора я не сомкнул глаз. И хотя у нас все было готово к старту, но после разговора с товарищем Сталиным мы начали готовиться так, как будто еще ничего не было сделано. Снова и снова инженеры и техники авиационного завода имени Менжинского проверяли под нашим руководством машину, агрегаты, все ее оборудование. Долголетняя работа в авиации выработала у меня привычку никому не верить на слово, проверять перед полетом все самому. Я никогда не сяду за штурвал до того, как сам не испытаю мотора, рычагов управления, всех, с первого взгляда, малозначащих, но в полете очень важных деталей. Это — железный закон. В авиации всегда нужна тройная проверка.

Изучая карту погоды, мы убедились, что благоприятной метеосводки нам дожидаться не удастся. Приходилось брать погоду такой, какая она есть. В предположительных вариантах вырисовывалась слабая вероятность улучшения погоды к середине августа, но так затягивать перелет мы не могли. Поэтому я и Александр Матвеевич Бряндинский решили лететь, как только представится малейшая возможность.

Утром 26 июня, проголосовав за нашего кандидата в депутаты Верховного Совета РСФСР проф. М. П. Киреева, я и Бряндинский прямо из избирательного участка поехали в Главную аэрометеорологическую станцию военно-воздушных сил РККА. Собрали всех си-

Парад на Красной площади в Москве, 7 ноября 1938 г.

ноптиков и засели за карты. Начальник станции В. И. Альтовский обещал в ближайшие дни целую серию весьма неприятных тайфунов японского происхождения. Нужно было вылетать немедленно.

Посоветовавшись, мы решили назначить старт на следующий день. Из всех плохих это была наиболее благоприятная погода. Нам предстояло пересечь грозовой фронт, расположенный между Москвой и Кировом, начинающийся на высоте 200 метров от земли и кончающийся примерно на уровне семи километров. Перед Уралом нас ждала хорошая погода. Дальше — размытый фронт, над тундрой — солидная облачность, мощностью от 7 до 9 баллов, за Енисеем — два циклона, в районе Хабаровска — сплошная облачность. Между Хабаровском и Владивостоком торчал еще один циклон.

Сводка, что и говорить, была неласковая. Впрочем, неблагоприятная погода до известной степени отвечала задачам нашего перелета. Не хитрое дело проде-

лать весь путь при ясном солнышке, в условиях отличной видимости. Но нам, военным летчикам, придется летать не только в хорошую, но и в плохую погоду. В плохую погоду лететь даже выгоднее, ибо бдительность противника будет ослаблена, эффективность защитных средств понижена. Если авиаторам ждать хорошей погоды, то иногда им придется сидеть на земле месяцами.

Как известно, одной из основных задач перелета была демонстрация полной готовности советских самолетов в любой момент появиться на Дальнем Востоке. Понятно, что дальневосточный враг, нападая на Советский Союз, не будет ждать хорошей погоды. И если потребует обстановка, мы должны при любых метеорологических условиях быстро перебросить туда воздушную армию. Поэтому плохая погода нас некоторым образом даже устраивала.

Отдав необходимые указания о подготовке самолета к старту, я позвонил в Кремль, попросил передать товарищу Сталину о том, что мы назначили вылет

на завтра, и, памятуя слова Иосифа Виссарионовича, попросил разрешения приехать вечером к нему. Мне ответили, что меня ждут.

Вечером я был принят в Кремле товарищами Сталиным и Молотовым.

— Ну, как дела? — спросил меня товарищ Сталин.

Я развернул карту, на которой был нанесен маршрут перелета, показал профиль погоды, синоптическую карту. Товарищи Сталин и Молотов внимательно ознакомились со всеми этими материалами. Особенно товарищ Сталин интересовался маршрутом нашего рейса. Он спросил, далеко ли отстоит трасса от Якутска, затем подошел к карте, висящей на стене в кабинете, показал места своей ссылки, подчеркнул, что наш маршрут проходит по ненаселенным местам. Закljučая эту часть беседы, он предложил ни в коем случае не рисковать, при малейшей опасности и малейшем сомнении в успешности продолжения полета немедленно его прекратить.

Товарищ Сталин попросил меня рассказать о готовности машины, о моем самочувствии, о состоянии здоровья Александра Матвеевича, о трудных этапах перелета. Я ответил, что трасса нашего рейса весьма трудна, но вполне преодолима, и сказал также о практическом значении перелета для обороны страны.

Товарищ Сталин поинтересовался, какие меры мы предусмотрели на случай отказа материальной части, если обнаружим какие-нибудь неполадки, если сильно прижмет погода; товарищ Молотов спросил, как организована связь, с кем мы будем сноситься во время перелета. Я ответил на все вопросы. Перед окончанием беседы товарищ Сталин снова задал тот же вопрос, с которым он обратился ко мне по телефону, — отдыхал ли я в этом году? Я ответил, что не отдыхал.

— Почему? — спросил товарищ Сталин, — надо было отдохнуть перед полетом.

Я пояснил, что был занят испытаниями самолета, личной проверкой подготовки машины к дальнему рейсу.

Иосиф Виссарионович заявил, что я

поступил абсолютно правильно, и что в авиации необходим личный непрерывный присмотр за всем хозяйством и особенно за тем самолетом, на котором летчик отправляется в воздух.

Затем товарищи Сталин и Молотов пожелали мне счастливого пути, успешного окончания перелета.

Прямо из Кремля я поехал на аэродром. Было довольно поздно, но никто не расходился. Все ждали результатов моей беседы с руководителями партии и правительства. Известие о том, что разрешение на завтрашний вылет получено, было встречено с большой радостью. Немедленно завертелась машина: инженеры и техники выехали на Щелковский аэродром готовить самолет к старту, синоптики требовали молниями от своей сети новых данных о погоде.

Мы раз'ехались по домам. Бряндинский умчался в поселок Щелково — его жена накануне родила дочь. Я приехал домой, подошел к окну. Москва была закрыта сплошной облачной завесой, дождь лил, как из бочки. Трудно было представить себе, что этот ливень когда-нибудь закончится. Синоптики, однако, уверяли, что утром погода улучшится. Я подождал пару часов, дождь не прекращался, махнул рукой и лег спать. Долго не мог уснуть, обдумывая технику старта.

В шесть часов утра меня увезли в Щелково. До старта оставалось два часа. Они были уплотнены до предела. Нужно было успеть позавтракать, просмотреть последние метеосводки, проверить работу самолета и приборов, поговорить с журналистами, попрощаться с друзьями.

В семь часов утра обнаружилось, что Бряндинского на аэродроме нет. Начали искать, куда он запропастился. Штурман пропал, найти его было невозможно. Наконец, кто-то догадался позвонить ему домой. К всеобщему удивлению, выяснилось, что Бряндинский сидит дома с вещами и ждет машины, — никто не сообразил, что его надо привезти.

Но вот экипаж в сборе. Пошли в столовую. Завтрак был еще не готов, ибо повар пожелал на прощание изготовить нам какие-то необыкновенные за-

куски. Пришлось с'есть по паре бутербродов, наскоро выпить стакан чая и этим ограничиться. В углу столовой я увидел наши термосы. Поднял — пустые, В чем дело? Врач об'яснил, что на кухне заканчивается изготовление особого кипятка для их наполнения. Я пригрозил, что немедленно улечу без термосов и дам об этом с воздуха радиogramму правительству. Угроза подействовала — термосы были мгновенно залиты.

Сейчас об этом смешно вспоминать, но тогда все эти неполадки нервировали, устранение их занимало дорогое время. В итоге мы задержались на земле на полчаса.

Щелковский аэродром хорошо известен в нашем Союзе. Именно с этого аэродрома уходил в далекий путь на север самолет Героев Советского Союза Чкалова, Байдукова и Белякова, отправившийся по Сталинскому маршруту из Москвы к Николаевску-на-Амуре; отсюда взлетал экипаж Чкалова в свой сказочно-смелый рейс через полюс в Северную Америку; с этого аэродрома стартовали Герои Советского Союза Громов, Юмашев и Данилин на побитие мирового рекорда дальности; отсюда взлетел и ширококрылый гигант Сигизмунда Леваневского... Вдоль ближнего края аэродрома тянется широкая взлетная бетонированная полоса. Стартовая дорожка начинается высокой горкой, облегчающей взлет перегруженных машин. Обычно все самолеты, отправлявшиеся в дальние рейсы, начинали разбег с горки. Так как аэроплан «Москва» обладал прекрасными взлетными данными, то мы решили стартовать не с горки, а непосредственно с дорожки.

Предсказания синоптиков оправдались. К утру дождь прекратился. Светило солнце, кое-где белели облака, точнее — их остатки, мелочь, рвань. Мы распрощались с друзьями и заняли свои места. В самый последний момент к самолету примчался автомобиль: корреспонденты «Правды» привезли пятьдесят номеров только что вышедшей газеты. Я с готовностью принял дополнительный груз. Мне и раньше доводилось быть письмоноском «Правды». Год назад я доставил только что вышедшую

газету в Свердловск через восемь часов после старта; обычно она попадает туда лишь на третий день. Мы распихали газеты по всем свободным уголкам самолета.

Я приказал убрать колодки, дал полный газ моторам, и самолет покатился по дорожке. Он был нагружен много выше нормы: полетный вес машины определялся в 12,5 тонны. Инженеры определили длину разбега в 1200 метров. Фактически разбег занял всего 820 метров. Машина шла как будто по линейке, не отклоняясь ни на иоту в сторону. Через сорок секунд мы были в воздухе.

Полет Москва—район Владивостока начался.

КУРС НА ВОСТОК

Сделав широкий круг, мы снова прошли над аэродромом. С высоты полтора метра я взглянул в последний раз на знакомое поле. Внизу стояли провожающие, махали руками и шапками. В стороне люди хлопотали около других самолетов. Быстро проплыли ангары, здания штаба, хорошо знакомый лесок. Было 8 часов 36 минут утра 27 июня.

Самолет в воздухе. В течение нескольких минут мы должны были проверить, все ли в порядке. Я прислушивался к работе моторов, следил за показаниями приборов, наблюдал давление бензина и масла, температуру воды, держал неустанно в поле зрения все многочисленные циферблаты на приборной доске. Бряндинский немедленно связался по радио с землей. Связь работала исправно.

Все шло как будто нормально. Но сразу же я ощутил огромную перегрузку машины. Вес самолета я чувствовал физически. Управление работало вяло, стоило немного опустить нос машины, и самолет терял сразу 50 — 70 метров высоты, в то время как обычно проваливался лишь на 5—10 метров. Крен приходилось преодолевать очень большим усилием. Пилотирование перегруженной машины резко отличается от управления нормальным самолетом. «Москву» нуж-

но было вести чрезвычайно бережно и осторожно. Реально ощущалось, что сидишь исключительно на моторах. Стоит им сдать, ослабить тягу — и самолет, как гирька, пойдет вниз.

Еще на земле Бряндинский дал мне точный курс. Сразу после старта он сличил заданный курс с показаниями приборов. Сверив работу компасов, он ввел поправку примерно в два градуса. Курс мы взяли строго на восток, прямо на Хабаровск.

За аэродромом потянулся лес. Мы шли на небольшой высоте, прекрасно различая дороги, речки, населенные пункты. Сверху пригрело солнышко. Жизнь была веселая. Но через полчаса она усложнилась. Около Иванова мы попали в облака. Чем дальше, тем хуже становилась погода. Понемногу нас начинало прижимать к земле. Облака спускались ниже, видимость ухудшалась, начался дождь. Синоптики предсказывали нам плохую погоду, но уверяли, что нижняя кромка облаков будет находиться на высоте около 300 метров. Триста метров под самолетом — это все-таки высота. Синоптики ошиблись, с их точки зрения, незначительно: высота облачности оказалась не триста, а пятьдесят метров.

Пилотирование перегруженного самолета и в нормальных условиях является весьма сложным, а при плохой погоде становится чрезвычайно трудным. Было ясно, что мы находимся в зоне грозового фронта. Его можно было либо перескочить на высоте примерно 6—7 километров, либо пройти под облаками. В начале рейса наш перегруженный самолет большой высоты набрать не мог. Лететь вслепую было рискованно. Пришлось итти под облаками.

Вскоре высота полета понизилась до 30 метров. Дождь не прекращался, впереди ничего не видно. Если бы на наше несчастье на пути попала высокая колокольня, небольшой холм или заводские корпуса — экипажу «Москвы» не довелось бы закончить перелет.

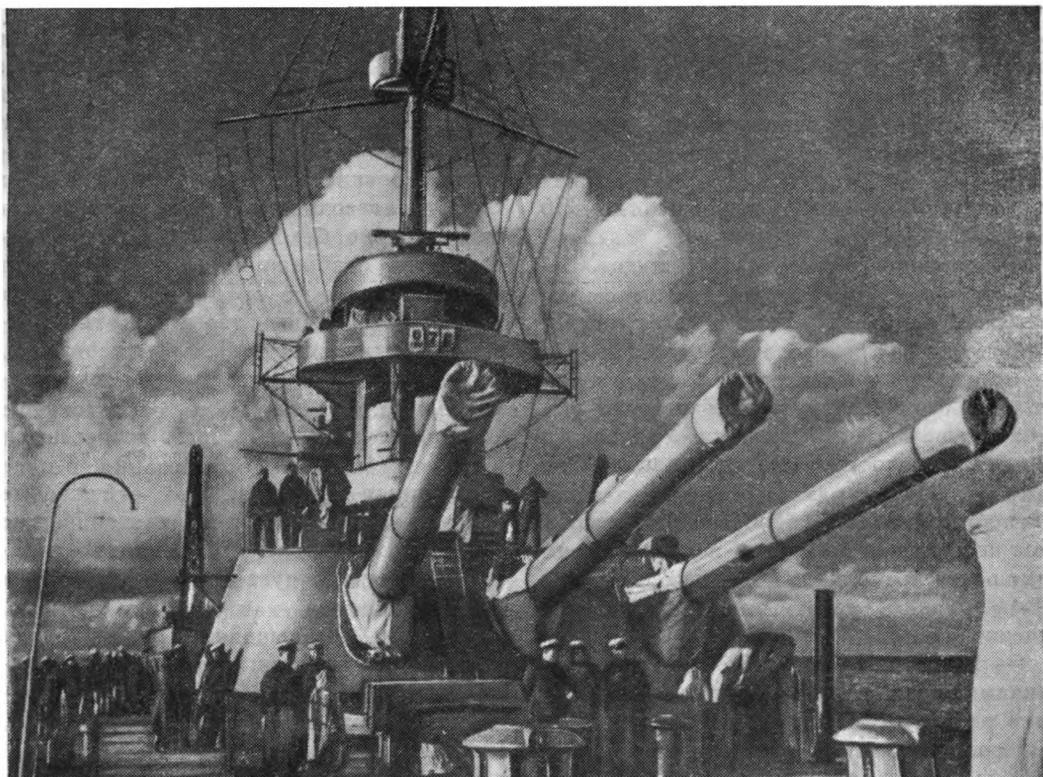
Продолжение рейса на такой высоте было необдуманным риском. Волей-неволей пришлось влезть в облака и итти вслепую. Пролетев около 300 километ-

ров, мы наконец вышли из облачной пелены. Правда, облака попрежнему сплошным навесом закрывали небо, но нижняя кромка их несколько приподнялась. Мы могли лететь на высоте около ста метров. В таких сумрачных условиях полет продолжался почти до Кирова.

Скорость нашего движения составляла около 300 километров в час. Под нами бесконечной лентой проносились рощи, поля, деревни. Мы не дарили их своим вниманием. В полетах на большое расстояние незачем соблюдать детальную ориентировку. Важно определяться по крупным ориентирам на отдельных этапах маршрута. В основном нужно выдерживать курс по расчету времени, и лишь тогда, когда внизу промелькнет большой город, солидная река, высокие горы — уточнять маршрут.

В 11 часов 08 минут мы миновали Киров. Александр Матвеевич регулярно поддерживал двустороннюю связь с землей. Всякому понятно значение радиосвязи в дальнем перелете. Когда самолет Чкалова несся над безбрежной арктической пустыней, весь мир каждый час точно знал местонахождение славного экипажа, был в курсе всех дел, происходящих на самолете. Во время экспедиции на Северный полюс корабль Молокова, Алексева и Мазурука могли соединиться с самолетом Водопьянова, находившимся на полюсе, лишь потому, что в распоряжении флагманской машины была мощная радиостанция, с помощью которой экипаж Водопьянова после посадки сообщил точные координаты своего местонахождения.

Нам предстояло пролететь над мало изученными районами Советской страны. В случае вынужденной посадки мы могли дать знать о своей судьбе и местонахождении лишь при помощи радио. Поэтому я еще на земле приказал штурману каждую радиограмму начинать с передачи координат. Я не сомневался в том, что перелет окончится успешно и материальная часть нас не подведет, но полностью гарантировать успех дела мы не могли. В воздухе всякое случается. Мог произойти пожар на самолете, сдать мотор, отказать радиостанция.

Линкор «Марат».

Такие случаи маловероятны, но теоретически возможны. Поэтому каждая радиограмма у нас начиналась с передачи координат. Земля, слыша работу самолета, всегда знала, где мы находимся.

Вообще радиооборудованию мы уделили очень большое внимание. По моей просьбе один завод сделал очень компактную по габаритам и малую по весу радиостанцию, включающую два приемника и два передатчика. Ее качества мы проверили во время испытательного полета к Финскому заливу, когда Бряндинский держал от Балтики прямую связь с Баку. Достаточно сказать, что во время нашего полета на восток Москва непрерывно поддерживала с самолетом двустороннюю связь и даже приняла нашу радиограмму о посадке в Спасске. Мы взяли с собой также аварийную радиостанцию такого типа, как была на льдине в лагере Папанина. Летчики называют эту станцию «солдат-мотор». (Динамомашинка станции имеет ручной

привод; один человек должен крутить ручку, заменяя двигатель электростанции, второй в это время занимается передачей). «Солдат-мотор» был спрятан в хвосте фюзеляжа. Эта предосторожность была принята на случай вынужденной посадки, при которой основные радиостанции, расположенные в передней рубке, могли пострадать.

За Кировом погода быстро улучшилась. Сплошная облачность постепенно перешла в рваную, затем почти исчезла. Воспользовавшись этим, начали набирать высоту. Довольно быстро самолет поднялся на 4500 метров. Мы надели маски, включили кислородные приборы и продолжили путь на этой высоте.

Трасса от Кирова до Урала была довольно однообразной. Внизу тянулся привычный пейзаж: небольшие леса, поля. Часто попадались дороги. Приблизительно через три часа после старта Бряндинский прислал мне записку. На клочке бумаги была написана цифра

«1000». Это значило, что мы прошли тысячу километров. Оставалось лететь еще 6500. Саша подсчитал среднюю скорость. Мы продвигались вперед довольно быстро, отбрасывая каждый час по 314 километров пути. На отдельных участках скорость повышалась до 336 километров в час.

Постепенно самолет добрался до Урала. Судя по карте погоды, за Уралом мы должны были встретиться с остатками прошедшего грозового фронта. Внося поправку в предсказания синоптиков, я решил на всякий случай набрать высоту еще в предгорьях Уральского хребта. Предосторожность оказалась не лишней. Нам удалось увидеть лишь начало Уральских гор. Середину хребта мы перевалили в облаках и покинули их лишь на высоте 5500 метров. Так нам и не удалось узнать, красив ли Урал сверху.

— Не горюй, полюбуемся горными видами на обратном пути, — прислал мне записку Бряндинский.

Через некоторое время штурман сообщил, что Урал остался позади. Мы шли над облаками. Они сплошной пеленой закрывали землю. Нигде не было видно малейшего просвета. А над нами ярко светило солнце, заливая ослепительным светом облачный океан.

Полет над облаками очень приятен и наполняет сердце летчика ровным спокойствием. Вид их сверху необычен. Они совершенно не похожи на те облака, которые мы видим с земли. Форма их бесконечно разнообразна, и очень трудно классифицировать их хотя бы по основным признакам. Иногда они кажутся грозными, мощными, опасными, иной раз, наоборот, маскируют опасности, ожидающие летчика.

Полет на сухопутной машине над морем всегда опасен. Пилот знает, что в случае отказа мотора вынужденная посадка в воду чревата весьма тяжелыми последствиями. Но если море закрыто облаками и полет проходит над облачностью, то она как бы скрывает морскую поверхность, и полет психологически проходит спокойнее, чем в ясную погоду.

Часто попадают облака, полет над

которыми напоминает путешествие над океаном. Это ощущение усиливается своеобразным освещением движущихся гряд. Иногда по такому океану гуляют облачные валы, чрезвычайно напоминающие морские волны. При взгляде сверху поверхность облаков кажется ослепительно белой. Под самолетом растилается безбрежный океан молочного света. Нередко из океана то тут, то там выпирают облачные горы. По этим возвышенностям легко ориентироваться, держать курс от одного пика к другому, запоминая форму и расположение отдельных вершин. Порой встречаются очень своеобразные образования в виде высоченных наковален. Это — грозовые облака, несущие мощные электрические заряды. В «наковальни» пилоту залетать не рекомендуется — самолет там может изломать, как игрушку. Бывает, наконец, и чрезвычайно разжиженная облачность, напоминающая скорее дымку. Сквозь белесую пелену мутно просвечивает земля, ориентиры сливаются, очертания тускнеют.

Если полет совершается параллельно облачности или летчик идет навстречу облакам, то он видит впереди или сбоку сплошную темную стену, без всяких светлых тонов. Глухая, мрачная, темная стена!

При полете в облаках — ничего не видно. Вокруг — молоко. Ощущение можно сравнить с передвижением по земле в очень густом тумане, когда нельзя различить даже рядом идущего человека. При слепом полете в облаках летчик видит свой самолет примерно до конца крыльев, и на этом дело заканчивается. Обстановка слепого полета очень однообразна, но и весьма напряжена. Но вот впереди молоко становится светлее, как будто его обильно разбавили водой. И на душе становится светлее — знаешь, что облачность кончается и впереди ясная погода. Она еще далеко. Но пилоту весело! А когда слепой полет кончается и впереди ярко сияет солнце, у экипажа на душе радость.словно долго-долго сидел под водой и, наконец, вынырнул на свет божий. Сразу видишь много света, голубое небо, ласковое солнце.

При полете над облаками можно наблюдать интересный оптический эффект. Самолет отбрасывает на облака очень оригинальную тень. По облачной пелене передвигается большой, резко очерченный спектральный круг, а в центре его виден летящий самолет. Очертания машины напоминают настоящий аэроплан.

Однажды мне довелось лететь над облаками, выполняя специальное задание по испытанию самолета. В передней кабине находились инженеры, которым раньше никогда не приходилось подниматься выше облаков. Рейс проходил нормально, тихо, спокойно. Неожиданно я заметил, что сидящие в передней кабине забеспокоились, открыли окна и испуганно указывают рукой вниз. Я встревоженно взглянул за борт и расхохотался: по облакам неслась тень моего самолета. Пассажиры приняли ее за другую машину и опасались столкновения.

Над Уралом мы встретили комбинированную облачность, сочетавшую в себе самые различные формы. Кое-где облака громоздились могучими нескладными вершинами, местами лежали, как слоеный пирог, изредка образуя окна, в которых можно было заметить лежащий ниже облачный слой.

Между пилотом и штурманом завязалась оживленная переписка. Я получил от Саши целое письмо, состоящее из трех пунктов:

— Первое — скорость 307; второе — ветер справа, сзади, слабый; третье — чего дать кушать?

Из пилотской кабины в штурманскую рубку пошел такой же лаконичный ответ:

— Скорость не густо. Нельзя ли ветер усилить? Глоток кофе.

С высоты 5½ километров открывался довольно обширный обзор в стороны. Слева тянулись бесконечные облачные хребты. Прямо перед нами смыкались вершины, настолько грозные, что, казалось, никакому самолету из них не выбраться. Справа тоже громоздились облачные скалы, но несколько иного вида. Похоже, что где-то за углом почище, спокойнее. С большой неохо-

той мы огибали один угол за другим, за каждым поворотом обнаруживали новые горы, отроги новых нагромождений. Постепенно, обходя преграды, мы отклонились на 80 километров к югу от нашей трассы.

— Так и до экватора доберемся! — прислал мне записку Бряндинский. — Что прикажешь делать?

— Нужно обязательно выходить на трассу, — ответил я ему. — Где Обь?

— Не беспокойся, трасса от нас не уйдет и мы от нее тоже. Ты только не отжимай больше вправо. Обь пройдем между Самарово и Кондинском.

Судя по прогнозам погоды, грозовой фронт должен был скоро кончиться. Где-то очень близко нас ждала хорошая погода. Бряндинский догадался, что у меня еще не иссякла вера в предсказания синоптиков, и иронически пожал плечами. Он был прав. Синоптики не учли, что тундра в это время года сильно прогревается солнцем. Мощные восходящие потоки создавали значительную облачность.

Вся территория тундры, лежащая на нашем пути, была закрыта тяжелыми облаками. Из-за грозных разрядов ухудшилась слышимость радиопередачи с земли, усложнилось пилотирование. Облачные нагромождения закрыли путь. Пришлось лавировать между белыми горами, близко подходящими друг к другу. Иногда они смыкались, и волей-неволей нужно было переходить на слепой полет. Между облаками часто сверкали исполинские молнии. Самолет трепало, швыряло, карежило. Наш полет представлял какую-то беготню по длинному извилистому коридору.

Этот отрезок пути потребовал очень сильного физического напряжения. Приходилось непрерывно работать руками и ногами, вертеть штурвал, выправлять крен самолета. Внизу все было темно: значит идет дождь. Впереди непрерывно сверкали молнии широкими, перекрещивающимися между собой полосами. Отчетливо слышны были громовые раскаты, несмотря на рев наших могучих моторов.

НАД СИБИРСКОЙ ТУНДРОЙ

Высоко за облаками мы перевалили Уральский хребет и вышли в тундру. Бряндинский с грустью убедился, что из-за непроницаемой облачности ему не удастся даже краешком глаза разглядеть село Кондинское — последний населенный пункт на этом этапе маршрута. Дальше, на расстоянии нескольких тысяч километров не предвиделось ни одного селения. Мне и самому хотелось посмотреть на село Кондинское. Жизнь летчика довольно беспокойная: может быть, придется еще раз пролетать в этих местах, и знать, как выглядит сверху этот поселок, не мешало.

Как все летчики, я запоминаю и представляю себе города, бухты, любую местность так, как они выглядят с воздуха. В памяти остаются общие очертания, линия реки, залива, планировка города, крупные строения, характерные признаки, змейки железных и шоссейных дорог. Все это привычно коллекционируется в памяти летчика, служит потом точным ориентиром. А точная ориентировка в полете имеет чрезвычайно большое значение. Легко ориентироваться при рейсах над территорией Европейской части Союза. Там очень часто попадаются железные дороги, и если летчик плохо разбирается в карте, он может просто взять курс по железнодорожной магистрали и лететь над ней до конечного пункта. В полете пользуются и многими другими видами ориентировки, вплоть до снижения, позволяющего прочесть название железнодорожной станции или крупную вывеску. К слову, можно упомянуть еще об одном способе определения местонахождения самолета, который называется ориентировкой по местным жителям. Этот «метод» заключается в следующем: летчик приземляется, вылезает из самолета, спрашивает у первого встречного, где он находится, отмечает это место на карте и затем летит дальше. В полете на восток такой вид «ориентировки» был исключен не только потому, что полет был беспосадочным, но и в силу полной безлюдности тундры.

В нашем распоряжении оставались

методы аэронавигации по исчислению пройденного пути, астрономическая и радиориентировка. Отличный штурман Александр Бряндинский великолепно владел всеми достижениями современной аэронавигации и в любой момент точно знал, где мы находимся.

Иногда в редко встречающиеся проветы нам удавалось увидеть землю. Внизу тянулись сплошные болота, все было залито водой. Бряндинский попробовал сравнить карту с землей и безнадежно махнул рукой — ни на земле, ни на карте не было ничего примечательного. Между бесконечными болотами изредка обрисовывались русла небольших речек. Все они, как близнецы, были похожи одна на другую, но, тем не менее, имели разные названия. Каким-то особым чутьем Бряндинский различал эти однотипные речки. Вот он прислал записку:

— Внизу маленькая речка Назы.

Потом присмотрелся, рассмеялся и послал новую записку:

— Ну, что ты хочешь? На этой речке даже пляж есть!

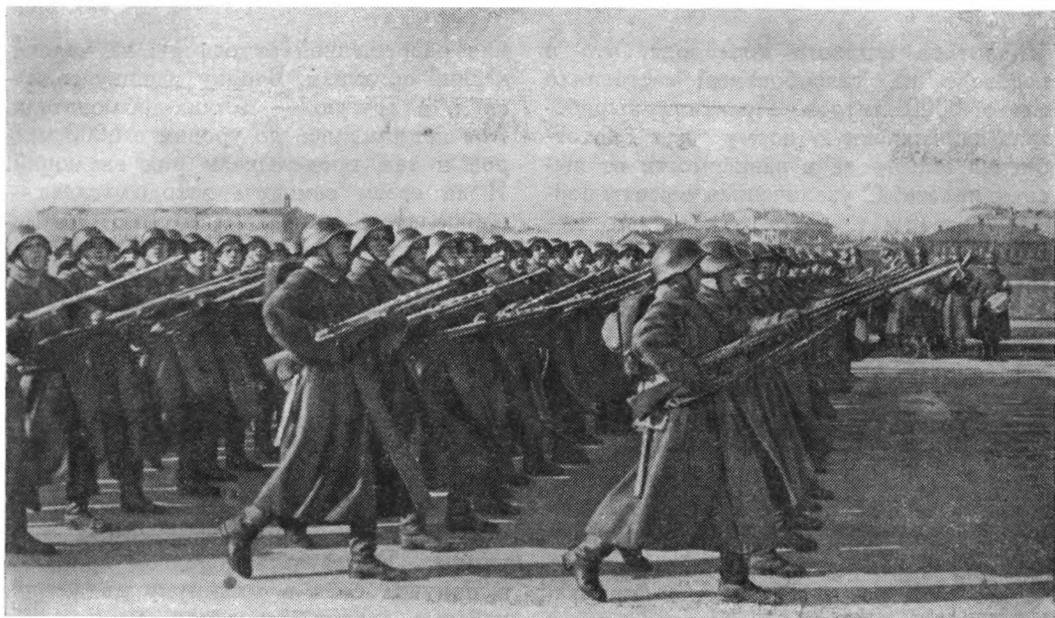
Полет над тундрой протекал довольно однообразно. Машина неслась вперед со скоростью 285—300 километров в час, но об этом можно было узнать только из записей штурмана. Каждые сто километров были похожи на сотни и тысячи пройденных раньше. Сравнить было не с чем. Лишь Бряндинский через определенные промежутки времени присылал весточки с точным указанием оставшегося позади расстояния. Записи поражали предельной профессиональной строгостью:

— Когда будет Енисей? — спросил я его.

— Через 3 часа 07 минут: в 19 часов 12 минут по московскому времени, — ответил Бряндинский.

Забегая вперед, можно сообщить, что Енисей был пройден действительно точно в указанное время, без единой минуты опоздания (а ведь в течение каждой минуты мы пролетали 5—6 километров).

Приближался вечер. О его наступлении мы могли судить только по дифферблату часов. Природа никаких признаков окончания дня не давала. В небе

Первая Московская Краснознаменная стрелковая дивизия.

попрежнему ярко светило солнце, в кабине было тепло, сумрачных теней не наблюдалось. И вот далеко, далеко впереди я увидел две совершенно прямые и абсолютно параллельные речки. Ровно, как бы прочерченные линейкой, они тянулись с севера на юг, начинаясь из двух точек, расположенных на одной широте. Я не мог понять, в чем дело. Таких прямых рек в природе не бывает. Может быть, это каналы? Но откуда взяться в малонаселенной тундре геометрически правильным каналам? И только когда мы подлетели ближе, положение разъяснилось: на берегу небольшой речки горело два огромных костра. Дым ровной лентой тянулся по ветру к югу.

Увидев огонь, я почувствовал голод и попросил Брядинского послать мне что-нибудь перекусить. Весь провиант находился у него под рукой. Саша отломил мне ножку аппетитной курицы, зажаренной за несколько часов до нашего отлета. Я поблагодарил, но едва начал есть, как аппетит пропал. Хотелось только пить. Полет все время совершался на большой высоте, мы непрерывно пользовались кислородными при-

борами, и от кислорода сильно сушило язык и гортань.

— Дай пить, — попросил я Брядинского.

Он отвинтил крышку термоса, налил горячего чая и протянул мне. Я выпил, но спустя недолгое время меня опять начала мучить жажда. Избегнуть жажды можно было только одним путем: закрыть кислородный шланг. Но это было равносильно самоубийству.

На большой высоте воздух очень разрежен, и человеку для нормального дыхания кислорода нехватает. На высоте 5,5 километра давление примерно вдвое меньше, чем у поверхности земли. Вдыхая в себя тот же объем воздуха, что и на земле, человек получает лишь половинную порцию кислорода. Если подняться еще выше, — дышать еще труднее. Недостаток кислорода немедленно сказывается на человеческом организме. Движения становятся вялыми, наступает апатия, сонливость. Продолжительное кислородное голодание ведет к смерти.

Рассчитывая пробыть на большой высоте около суток, мы взяли с собой значительный запас живительного газа —

10 литров жидкого кислорода, что в переводе на газообразный составляло около 8000 литров. Практика выработала определенную норму для потребления кислорода в зависимости от высоты полета. С увеличением высоты порция возрастает. Сама аппаратура довольно проста. В кабине устанавливается баллон, заключающий в себе жидкий или газообразный (под давлением 150 атмосфер) кислород. От баллона идет металлическая трубочка, переходящая в шланг, соединенный с маской, которую летчик надевает на лицо. В сеть включен прибор, автоматически дозирующий подачу кислорода в зависимости от высоты. Прибор соединен с манометром и индикатором потока. Манометр показывает давление, а следовательно — и количество кислорода в баллоне, индикатор — скорость потока. Начиная полет на высоте, летчик включает прибор и вдыхает кислород.

Обычно я пользовался приборами с газообразным кислородом. Жидкий кислород я взяла с собой в этот полет впервые и главным образом потому, что он позволял сэкономить на tare (баллонах) около 80—100 килограммов, а на перегруженной машине приходилось учитывать вес каждой детали. Перелет показал, что жидкий кислород вполне пригоден в длительных рейсах и очень удобен для пользования.

Многим кажется, что вдыхать кислород неприятно. Это неверно. Лишь первые глотки обладают особым специфическим вкусом, который трудно характеризовать словами. Но проходит одна-две минуты — и человек дышит совершенно нормально, не замечая ни привкуса, ни запаха, забывая о том, что пользуется не обычным воздухом, а находится на концентрированном кислородном питании. Если пробыть на высоте долгое время без кислородного прибора, голодать, а затем приложиться к шлангу, то сразу ощущаешь живительную силу полнокровного дыхания. Как будто полными глотками пьешь из чаши бодрости, вкушаешь живительный экстракт.

Полеты на высоте требуют большой тренированности. Мне приходилось проводить серию опытов по изучению влия-

ния разреженной атмосферы на человеческий организм. В одну машину садился я, в другую — летчик-наблюдатель. Мы поднимались до уровня в 6000 метров и там проделывали ряд эволюций. Я на своем самолете заходил слева — наблюдатель направлял пулемет на меня. Я заходил справа — он повертывал пулемет в другую сторону. Однако через несколько таких заходов нетренированный летчик выдыхался и сидел, как тряпка, не прикасаясь к пулемету. Будь это в настоящем воздушном бою, я мог делать с ним все, что угодно.

На большой высоте нужно внимательно следить за собой, делать как можно меньше движений, причем самых экономных. В результате долгой практики я приучил себя к минимуму движений, избегаю резких поворотов, не оглядываюсь, работаю, главным образом, глазами. Основное внимание обращено на кислородный прибор. В нем — успех всякого высотного полета. Если кислородный прибор откажет, нужно немедленно снижаться, тем самым зачастую прекращая перелет.

История высотных полетов знает немало случаев внезапного отказа кислородной аппаратуры. Очень часто это ведет к обморочному состоянию летчика. Неуправляемый самолет камнем падает вниз, и авария почти неизбежна. Весьма показательным был в этом смысле полет летчика М. Алексеева на побитие рекорда высоты с коммерческой нагрузкой. Когда самолет Алексеева находился на высоте около 10 тыс. метров, у него внезапно прекратилась подача кислорода. Алексей потерял сознание. Неуправляемая машина опустилась носом вниз, перешла в пики и с огромной скоростью неслась к земле. На высоте около 2 тысяч метров сильнейшим напором воздуха прорвало обшивку передней кабины. От резкого хлопка воздуха Алексей частично пришел в сознание. Однако оно было еще настолько затуманенно, что он забыл выпустить шасси и посадил машину на брюхо фюзеляжа. Только большой летный опыт, выработанный автоматизм движений, спас его от неминуемой катастрофы.

Аналогичный случай произошел и со мной во время одного тренировочного полета в 1936 году. По рассказам товарищей я знал, что обморочное состояние при недостатке кислорода наступает внезапно. Поэтому я всегда очень внимательно следил за работой кислородного прибора. Обычно подача кислорода прекращается при замерзании прибора. И вот на высоте 9 тыс. метров я заметил, как заметалась стрелка индикатора. Мгновенно сообразив, что прибор начинает шалить, я круто повел машину вниз. В течение нескольких секунд, которые потребовались для того, чтобы подача кислорода прекратилась окончательно, я успел снизиться на 3 тыс. метров. На высоте шести километров я мог находиться уже без кислородного прибора.

Каким-то путем об этом происшествии стало известно товарищу Сталину. Через несколько дней я был в Кремле, просил разрешения на очередной рекордный полет. Товарищ Сталин спросил:

— А как у вас с кислородным прибором? Нужно назначить специальную комиссию, которая все проверит перед отлетом.

Тщетно пытаюсь сообразить, откуда товарищ Сталин узнал об этом происшествии, я, помолчав, ответил, что будет всего лучше и надежнее, если все проверю сам.

— Хорошо, — сказал товарищ Сталин. — Только проверьте все как следует.

И, готовясь к полету на Восток, мы уделили большое внимание кислородному оборудованию. Все приборы подверглись тщательным испытаниям в самых различных условиях. Мы знали, как зависит успех полета от работоспособности экипажа, и стремились сделать максимум возможного для того, чтобы сохранить свои силы для выполнения порученного нам дела. Во время всего полета я непрерывно смотрел за приборами, контролирующими работу кислородной аппаратуры. Подлетая к Енисею, мы с удовлетворением убедились, что аппарата работает исправно, запас кислорода обеспечивает продолжение пути на большой высоте.

Могучая сибирская река Енисей явилась своего рода географическим рубежом нашей трассы. До Енисея тянулась однообразная, болотистая, унылая тундра. За водным рубежом характер местности резко изменился, появились зелень, лес. Начиналась великая сибирская тайга.

— А хорошо сейчас в лесу, Володя? — спросил меня Бряндинский. — Картина куда приятнее, чем в тундре. Впрочем и там не такие страшные места: когда-нибудь люди жить будут. Вот даже на полюсе жили, а в тундре все-таки теплее.

На слиянии Подкаменной Тунгуски и Енисея острый глаз Бряндинского заметил какое-то незанесенное на карту жилье, состоящее из двух-трех домишек. Он немедленно послал мне об этом радостную записку. Сразу стало веселее. Реального проку от этого селения не было никакого, но все же приятно знать, что вот здесь, где-то неподалеку, живут люди. В тундре же мы летели от реки до реки. Промелькнет внизу какая-нибудь речка — и с нетерпением ждешь другую, — вода там единственное проявление жизни.

Бассейн Енисея был открыт. Мы отлично видели и небо и землю. Прошло много времени — и впереди снова вырисовалась стена облаков. Сначала их было мало, затем больше, больше, и, наконец, земля опять скрылась под густым надоевшим одеялом. Лишь изредка в окнах мелькали горные кряжи.

Весь дальнейший путь лежал над горной страной. Хребты сменялись новыми хребтами, однообразными, похожими друг на друга. Земля, еще недавно ровная, как скатерть, сморщилась, коробилась исполтинскими складками. К этому времени самолет израсходовал значительную часть бензина, стал гораздо легче, и мы легко набрали высоту в 6,5 тысячи метров. Полет продолжался на этой высоте, но и ее еле хватало для того, чтобы итти над облаками. Иногда приходилось лететь в облаках или лавировать между облачными горами. Солнце то показывалось над нами, то просвечивало между двумя сло-

ями облаков, то пряталось за молочную завесу.

Размахивая руками, Бряндинский обращал мое внимание на северную сторону. Я посмотрел влево: все нормально, облака тянулись, доколе хватал глаз. Тогда Саша прислал мне записку:

— Налево погода — мечта пилота!

И впрямь казалось, что стоит отлететь влево на несколько километров — и облачный плен кончится, начнется сносная обстановка, где можно лететь, отдыхая. Впечатление было обманчивым. В поисках хорошей погоды нам пришлось бы, вероятно, дойти почти до Ледовитого океана.

НОЧЬ НАД ОБЛАКАМИ

Самолет летел вперед, каждый занимался своим делом. Время шло незаметно. Велико же было мое удивление, когда штурман сообщил, что приближается полночь. Глянул на солнце — оно еще достаточно высоко. Очевидно, я настолько втянулся в режим полета, что не ощущал реально, сколько времени мы находимся в воздухе, хотя каждый час получал от штурмана записку:

«За столько-то часов пройдено столько-то километров».

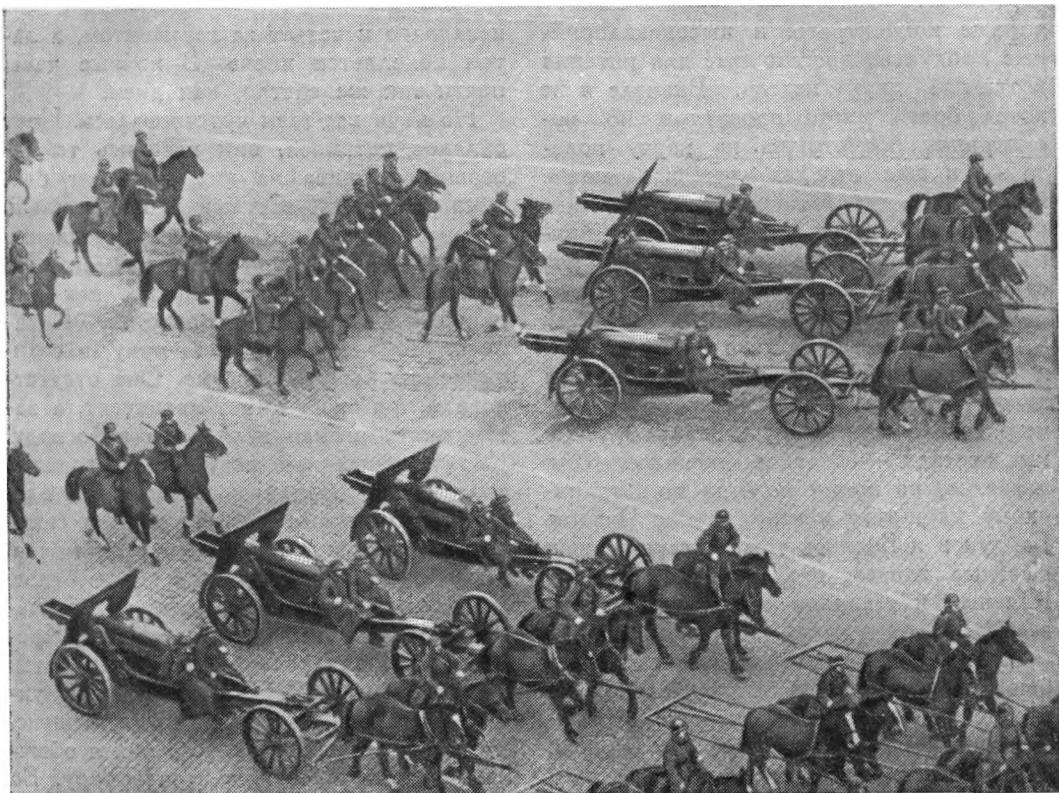
Материальная часть вела себя отлично. Выражаясь авиационным языком, можно сказать, что мы вошли в установившийся режим полета. Моторы работали точно и четко. Звук их работы был ровный и однотонный. Стрелки всех приборов застыли на тех местах, где им положено быть. Курс сохранялся неизменным, количество оборотов также. Установился определенный режим и работы: ровное самочувствие, спокойная уверенность, отсутствие нервного напряжения. Оба мы составляли одно целое с самолетом, работали в унисон со всем оборудованием.

Судя по подсчетам Бряндинского, за двенадцать часов мы пролетели около 4 тыс. километров. Средняя путевая скорость от Москвы составляла 322 километра в час, на последнем этапе она доходила до 350 километров. Жизнь на корабле шла размеренная и неторопливая. Работы хватало и летчику, и штур-

ману. Пилоту приходилось вести самолет, крутить штурвал, действовать педалями, непрерывно следить за бесчисленным количеством приборов. А их немало: счетчик оборотов, масляные и бензиновые термометры, манометры, бензиномеры, альтиметр, искусственный горизонт, креномер, индикатор кислородного прибора, компасы нормальный и гиромангнитный и прочее, прочее. Конечно, я не фиксировал сознательно внимания на стрелке каждого прибора. Все это делалось механически, привычно. О наблюдении за приборами даже писать как-то неудобно. Прочтет летчик эти слова и скажет: тоже нашел о чем говорить, ведь все это делается между прочим. Совершенно верно.

Для земного человека непонятно, как это человек успевает уследить сразу за двумя десятками приборов да еще вести машину. В полете нужно уметь не только сосредоточивать, но и рассредоточивать внимание. Это удается не сразу и требует большой практики. Я помню, какие муки мне пришлось испытывать во время обучения летному искусству. В авиационных школах ученика приучают к пользованию приборами постепенно. Будущего пилота вначале обучают умению вести самолет по горизонту так, чтобы нос не ходил вверх и вниз. Потом вводят следующий элемент — устранение кренов. И молодой летчик сразу ощущает огромную нагрузку. Когда же обязывают наблюдать за третьим прибором, начинается сплошная беда. Пилоту говорят, что нужно следить за тем, чтобы мотор давал 1.500 оборотов, самолет шел прямо, не сваливаясь в сторону, без крена, не зарывался. Молодому учелу предстоит непочтатый край работы. Только установишь обороты — самолет начинает снижаться, выправишь — винт раскрутился, сбавишь обороты — машина клюнула. Учел ловит горизонт, устанавливает режим работы мотора — самолет тем временем встал на крыло. Устранил крен — машина успела отклониться в сторону.

Постепенно летчик привыкает координировать движения, рассредоточивать внимание, следить за всем полетным хо-

Артиллерия на параде.

зайством. Но спросите у летчика, трудно ли летать в хорошую погоду? Он удивится, скажет, что в хорошую погоду можно даже подремать. Он не ощущает объема своей работы, хотя она велика и разнообразна. Все делается механически, привычно. Когда хочешь обойти облако, то в это время не думаешь, что нужно давать правую ногу. Это выполняется автоматически. Усилие требуется только тогда, когда либо полет производится в ненормальных условиях, либо нужно сделать неправильное движение.

Но было бы пустым бахвальством сказать, что привычное наблюдение и привычное пилотирование не является работой. И в нашем, например, полете работы было вполне достаточно. Кроме пилотирования, я непрерывно контролировал деятельность штурмана, все время следил по карте за движением самолета, высчитывал скорость, вел элементарное исчисление пути. За мою многолетнюю

авиационную жизнь мне очень редко приходилось летать со штурманом. Во всяком полете навигацией занимался я сам. И сейчас, высоко ценя мастерство Бряндинского и полностью доверяя ему, я все же по привычке вел штурманские расчеты.

Не меньше работы было и у Бряндинского. Огромное внимание он уделял ориентировке. В течение всего пути ему почти ежеминутно нужно было вести расчет курса, определять местонахождение самолета. Много времени отнимала радиосвязь с землей, прием и передача различных радиogramм, получение метеорологических сводок. Помимо всего прочего, он выполнял обязанности буфетчика, так как весь провиант находился в штурманской рубке. Мы взяли с собой термосы с горячим кофе и чаем, жареную курицу, поросенка (по особому заказу Бряндинского), бутерброды с икрой, колбасой и маслом, яблоки. В аварийном запасе лежали раз-

личные концентраты и высококалорийные продукты, достаточные для питания в течение двух недель. Вначале я не хотел брать много продуктов, но посмотришь, посмотришь на карту полета — и еще на два дня подкинешь. Взяли мы с собой также кастрюли, чайник, ножи, примус. Все это могло пригодиться в случае вынужденной посадки.

Впрочем, ни мне, ни Бряндинскому есть не хотелось. За все время полета я съел половинку яблока и крошечный кусочек курицы, Бряндинский тоже ничего не ел. Отсутствие аппетита в дальних полетах — явление обычное. Как известно, во время полетов по Сталинскому маршруту и через полюс Чкалов, Байдуков и Беяков тоже оставили свои съестные запасы нетронутыми. Громов, Юмашев и Данилин также не хотели есть.

Но пили мы много. За 24 часа пребывания в воздухе я выпил маленькими глоточками не меньше литра кофе. То и дело я посылал Бряндинскому записки с требованием дать глоток кофе или чая. При очередном запросе мы наблюдали интересный физический эффект: открыв новый термос, Саша отвинтил крышку, вынул пробку, и из термоса ударил фонтан жидкости. Термосы заливали на земле, при нормальном давлении, а сейчас мы летели на высоте 6 километров, где атмосферное давление много меньше. В результате жидкость с силой выбросило в воздух, а Бряндинский, несмотря на 20-градусный мороз, слегка ошпарил руки.

Так за различными делами наступила ночь.

Много ночей мне пришлось провести в воздухе, но такой не было еще никогда. Самолет шел на высоте 5½ километров над землей. Ее поверхность была скрыта облаками. Они, как декорации, громоздились вокруг нас — слева, справа, спереди, ниже и выше линии полета. Мы неслись вперед по извилистому коридору на восток, прорезая ночь, навстречу дню.

На той широте, где мы находились, ночи в полном смысле этого слова в летнее время года не бывает. Солнце

ненадолго исчезает за горизонтом, а затем появляется вновь. В ночные часы почти так же светло, как днем.

Но ночь все-таки чувствовалась. Цвет облаков потемнел, они казались темно-серыми. Справа на юге горизонт был темный, слева — светлый и прозрачный. Солнце медленно, страшно медленно опускалось вниз, за край земли. По световому следу было видно, как оно движется за линией горизонта. Казалось, стоит опустить туда руку, и солнце можно вынуть обратно. Оно отсутствовало примерно минут пятьдесят, а затем опять вышло гулять по небосводу.

С наступлением ночи стало гораздо холоднее. Отправляясь в полет, мы оделись очень тепло, так как кабина самолета специального отопления не имела. На нас было надето шерстяное белье, фуфайки, замшевые костюмы на беличьем меху, на ногах меховые сапоги. Кроме того, я взял с собой меховые боты, которые обычно одеваются поверх унтов. Боты эти — старые, заслуженные, весьма неприятного вида. В них я обычно летал на высоту, в стратосферу. Во время испытательных полетов мне довелось познакомиться с самой разнообразной обувью, приспособленной и специально сделанной для высотников. Я убедился, что почти все специально сделанное для высотников никуда не годится. Эти приспособления конструировались и шились людьми, не имеющими никакого понятия о сверхнизких температурах и больших морозах. Многие меховые вещи выглядели очень изящно и в них не стыдно было показаться даже в театре. Но на большой высоте ноги в таких элегантных меховых полуботинках мерзли. Тогда я взял огромные боты, сшитые домашним образом из густого бараньего меха. В них и прошла вся моя высотная деятельность. Даже при 60-градусном морозе ногам, обутом в эти боты, было тепло, как в печке. Боты я запасливо захватил с собой и на Восток.

В дневные часы полета мы не чувствовали холода. Правда, термометр, прикрепленный снаружи штурманской кабины, показывал 20 градусов ниже нуля. Но внутри самолета было сравни-

тельно тепло. Солнце на высоте прогревает очень сильно. Я снял кожаную меховую куртку и летел в одной фуфайке, теплый шлем заменил простым, меховые перчатки отложил в сторону. Мои знаменитые боты лежали на полу кабины. Но как только солнце опустилось за горизонт, в кабине стало холодно. Пришлось натянуть меховую куртку, надеть меховые перчатки и меховой шлем. То же проделал и Бряндинский.

Восход был исключительно красив. Я даже пожалел, что в составе экипажа нет художника, который мог бы запечатлеть на холсте эту замечательную картину, уверен, что никто на земле не видел таких чудесных красок, такого изумительного зрелища.

Впереди по курсу мы заметили яркий огонь. Я обратил на него внимание Бряндинского.

— Что это такое?

— Огню тут не место. Это самолет с опознавательными знаками, — ответил Бряндинский.

На самом деле то была планета Венера. В силу какого-то своеобразного преломления лучей она казалась колоссальной величины.

Утро начиналось чудесное. Облака окрасились яркими тонами. Они просвечивали, как фарфор, верхний слой их казался ажурным. Небо было ярко-синего цвета. Солнце так же медленно, как опускалось, начинало свой дневной путь. И соответственно с высотой солнца у нас поднималось настроение. На душе становилось светлее, радостнее.

— Обрати внимание: солнце восходит в неполюженном месте, — предупредил меня штурман.

В более южных широтах — в Москве, Ленинграде, Киеве, Одессе, Свердловске — солнце восходит на востоке и оканчивает свой путь на западе. У нас оно взшло на севере, строго перпендикулярно к линии полета, слева по крылу. Мы как бы нагнали солнце. Все это чародейство происходило на далеком северо-восточном крае Азиатского материка, в расстоянии многих тысяч километров от Москвы.

К БЕРЕГАМ ТИХОГО ОКЕАНА

Самолет приближался к району Витима, к бассейну великой сибирской реки Лены. Я попросил Бряндинского запросить Хабаровск о состоянии погоды. Через несколько минут Саша получил малоутешительный ответ: Хабаровск был закрыт сплошной многослойной облачностью, нижний край которой находился от поверхности земли всего в 300 метрах. При этих условиях самолет мог выйти безукоризненно точно к Хабаровску только с помощью радиоконпаса. Ошибаться мы не имели права: стоило немножко отклониться от Хабаровска — и самолет оказался бы на чужой территории. Этого нам — по вполне понятным соображениям — не хотелось. Для наших полетов пока вполне хватает своей земли.

«Москва» неслась над гористой страной. Внизу все было закрыто облачностью и туманом. Казалось, что мы летим над морем, переполненным молоком. Лишь в отдельных местах молочная поверхность темнела серыми пятнами. Там, очевидно, скрывались вершины сопек. Точно определить их высоту мы не могли, но думаю, что она была около 3—4 километров.

Солнышко опять нас ласково прогрело. Я скинул меховую куртку и шлем, Бряндинский жаловался, что ему уже и в фуфайке жарко. Разогрелся он, собственноручно говоря, не столько с помощью небесного светила, сколько от избытка работы. Я попросил его попробовать поймать на радиоконпас Хабаровскую станцию. Спустя две минуты Бряндинский сообщил, что она находится пока еще вне досягаемости прибора.

Мы продолжали лететь на восток. Каждый час я выпивал глоток кофе и с такой же регулярностью принимал таблетки «кола». «Кола» — это особый препарат, приготовленный из ядра южноамериканского ореха. Он применяется в качестве тонирующего средства для предупреждения и борьбы с усталостью при длительных полетах. Раньше я никогда не употреблял «колу». У меня сравнительно часто бывали полеты продолжительностью в 10—12—14 часов.

Мой организм уверенно справлялся с наступлением усталости. Но суточного полета мне еще не приходилось делать. Врачи, снаряжавшие нас в дальний рейс, горячо рекомендовали «колу», обещали прямо чудодейственные результаты. Летчики отзывались о лепешках скептически. Валерий Чкалов, например, говорил, что ел таблетки пачками без всякого вреда и пользы для организма. Бряндинскому тоже приходилось пользоваться «колой», но и он отзывался о ней без особого уважения. Я все же решил испытать ее действие на себе. Врачи советовали принять первую таблетку через восемь часов полета и дальше продолжать прием ежечасно. Я так и сделал.

Сейчас я являюсь самым горячим сторонником «колы». В результате приема таблеток у меня было совершенно ровное самочувствие. Утомления не чувствовалось, спать абсолютно не хотелось. В последние два часа полета обстановка была настолько напряженной, что я забыл о «коле». Перед посадкой почувствовал усталость. Но все же меня хватило на сутки. Обычно же при дальних полетах усталость наступала после 10—12 часов пребывания в воздухе.

Бряндинский во время рейса не принимал «колы» и, примерно, через 20 часов потерял работоспособность. Тогда Александр Матвеевич сдался. Он попросил у меня одну лепешечку, потом вторую, затем третью. Прошло полчаса, и Саша был прежним.

После перелета мне пришлось провести в одной авиационной части большую работу по обучению молодых летчиков высотным и дальним полетам. Группе пилотов предстоял полет продолжительностью в 12 часов. Я рекомендовал им пользоваться «колой». Применение ее дало отличные результаты. Сейчас «кола» становится популярной в кругах московских летчиков. Насколько мне известно, ее стали применять и в военноморском флоте, при ночной работе в больницах, родильных домах. Охотно пользуются «колой» и журналисты, которым зачастую приходится просиживать в редакции ночи напролет.

Шли часы, летели километры. Мы миновали уже бассейн Лены, вступили на территорию Восточной Азии. В это время я получил от Бряндинского записку:

«Володя, ты уже 17 часов ведешь машину. Дай мне на полчаса. А ты выйди из самолета, погуляй, разомнись...».

В штурманской рубке находилось второе управление. Бряндинский умел пилотировать. Мне страшно захотелось передать ему на несколько минут штурвал, а самому, если не выйти из самолета, то действительно хоть размяться, вытянуться, немного отдохнуть. Но в это время самолет летел в облаках, пилотирование было связано с большими трудностями. Решил перетерпеть, вывести машину в чистое небо и лишь тогда уважить просьбу штурмана. Когда облачная мышеловка кончилась, я разрешил Бряндинскому принять штурвал. Он незамедлительно воспользовался моим разрешением.

Саша вел машину минут двенадцать. Но это время мне показалось часом. За несколько минут я буквально отдохнул, размялся, покурил, написал Бряндинскому несколько записок, осмотрелся вокруг. Полюбовался природой. Больше всего меня радовало, что руки свободны. В полете они все время заняты: непрерывно ворочаешь штурвал, двигаешь секторы газа, возишься с картой. А тут — делай руками, что хочешь. Я на мгновение даже позавидовал штурману: до чего у него хорошая работа — руки подвижны. В эти минуты я себя чувствовал пассажиром. Сажу и бездельничаю. Очень хорошо!

Правда, безделье было относительным. Я все время следил, правильно ли Бряндинский ведет машину, посматривал за приборами, но все же отдохнул отлично, использовал предоставленную мне возможность процентов на четверста. Через двенадцать минут я снова взялся за управление и не отпускал его уже до конца полета.

Дальше все шло, как прежде. Летели в облаках, над облаками. Штурман вел астрономическую ориентировку, связывался по радио с землей, принимал и

Конница на параде.

передавал радиোগраммы. Для читателя, возможно, все эти перечисления довольно скучны: ну, летели в облаках, за облаками, ничего не видели, что тут интересного? Мне кажется, что понять всю прелесть и сложность дальнего полета над невидимой землей читатель может после того, как сам научится летать, и если ему не придется вести машину по дальневосточной трассе, то пусть он хотя бы пролетит по ней в качестве пассажира. За обилие впечатлений могу поручиться.

Слепой полет — довольно трудное и утомительное занятие. При полете в облаках летчик может доверять только показаниям приборов. Он обязан не верить себе, своим ощущениям, своим впечатлениям. Пилот должен быть машиной, автоматом. Нарушение этого правила ведет к беде.

Впервые я по-настоящему узнал этот железный закон слепого пилотирования в 1934 году. Мне было дано задание совершить длительный беспосадочный полет по маршруту Москва — Евпатория — Мариуполь — Бердянск — Москва. Мы пробыли в воздухе 17 часов, при чем 10 часов шли в облаках. Дорога на юг протекала при сравнительно

сносной погоде. Но обратный путь лежал сплошь в облаках. Лишь изредка сквозь верхний слой просвечивало солнце. Наступали сумерки.

И вот, где-то на середине обратного пути, мне показалось, что с правой стороны сильно задувает. Значит, самолет идет в ненормальном положении. Смотрю на приборы — все в порядке. Я теоретически знал, что в таких случаяхлагается верить только приборам. Но чем больше об этом думал, тем, казалось, сильнее начинало задувать справа. Сейчас уверен, что это было результатом переутомления, самообманом.

Дует все сильнее и сильнее. Решил чуть-чуть выправить самолет (разумею подсказывал, что выправлять нельзя, а надо верить приборам, но чувство оказалось сильнее). Выправил — скорость продолжала расти. Потянул штурвал на себя — скорость продолжала возрастать. Стрелка альтиметра пошла влево. Высота падала. Что делать? В самолете четыре человека, все без парашютов, а машина стремительно падает в облаках вниз. Вдруг началась вибрация хвоста. Дело совсем плохо.

Через несколько секунд мы вывалились из облаков. Тут я моментально по-

нял все. Самолет шел совершенно правильно. Мне показалось, что заносит хвост. Я выправил машину и тем самым перевел ее в неправильное положение. Машина начала беспорядочно терять высоту. Постепенно скорость снижения увеличивалась, и мы падали вниз все быстрее и быстрее. Наконец, скорость возросла настолько, что началась вибрация хвостового оперения. Если бы облачность была очень низкой, то мы врезались бы в землю, так и не успев разобрать, в чем дело. Вот к чему приводят в слепом полете личные ощущения летчика.

Изучая после барограмму полета, я увидел все происшедшее, запечатленное на ленте прибора. Ровная линия барограммы внезапно обрывалась. Следовал большой провал, и дальше опять—ровная линия. В течение нескольких секунд мы тогда потеряли около полутора тысяч метров высоты.

С той поры мне приходилось много летать вслепую, но уж никогда больше не терял веры в приборы. Постепенно исчезали и всякие наносные впечатления. И сейчас, при полете на восток, мне уже не казалось, что задувает слева или справа, что самолет клюет носом или, наоборот, лезет вверх. Я вел машину по приборам, привычно уподобляясь автопилоту. Мне уже не нужно было делать над собой никаких усилий, чтобы заставить себя верить приборам.

В 23 часа по московскому времени самолет миновал Бодайбо. Как и все другие пункты нашего маршрута, этот город находился где-то под облаками, мы его не видели, и узнал я об этом воздушном раз'езде лишь из записки Бряндинского. Привычно посмотрел на карту, сравнил показания Бряндинского со своими наблюдениями. Они сходились. В распоряжении штурмана находилась подробная навигационная карта. Я взял в полет большую школьную физическую карту Советского Союза и ориентировался по ней довольно точно.

Москва внимательно следила за ходом перелета. Мы дважды получили предложение повторить некоторые наши радиogramмы, искаженные, очевидно, во время приема или передачи. Предложе-

ние о повторении текста было подписано тов. Ворошиловым. Его внимание тронуло нас и ободрило.

Когда мы по расчету времени пролетали над шоссе, связывающим Большой Невер с Якутском, я вновь попросил Бряндинского поймать на радиокompас Хабаровск. До него оставалось около 1 тыс. км. Попытка вновь не увенчалась успехом. Александр Матвеевич недоуменно пожал плечами, но подумал, что из-за большого расстояния прибор, очевидно, еще не улавливает волны радиостанции. Прошел час. «Москва» продолжала путь на восток, прямо на Хабаровск. В 2 часа 07 минут 28 июня самолет прошел над Зеей. От столицы СССР нас отделяло по прямой 5.492 километра, по фактически пройденному маршруту — 5.920 километров. По моему настоянию штурман снова и снова искал хабаровский радиомаяк. Через некоторое время он вынужден был констатировать, что маяк в Хабаровске не работает. Я был несказанно удивлен.

Навигационный план завершения нашего перелета строился с твердым расчетом на помощь хабаровского маяка. Мы знали, что погода может нас подвести, скрыть Хабаровск, и в этом случае радиокompас должен был вести самолет точно к дальневосточной столице. По радиокompасу мы доходили до Хабаровска, пробивали над ним облачность и дальше по долине реки Усури шли к Владивостоку. Перед стартом из Москвы я трижды спрашивал организаторов перелета о готовности хабаровского радиомаяка. Все давали клятвенные заверения, что маяк проверен, испытан и в любую минуту готов к нашему обслуживанию. На деле оказалось иное. Радиокompас устроен таким образом, что улавливает волны определенной длины, скажем—от 50 до 100 метров, затем идет мертвый сектор, волны которого компас не воспринимает, дальше следует опять приемный диапазон. Хабаровские радиотехники умудрились передавать сигналы радиомаяка на мертвой волне.

Продолжать полет до Хабаровска в таких условиях было слишком рискованно. На протяжении 5 тыс. километров,

летя все время вне видимости земли, мы могли уклониться от курса на 100 — 150 километров в сторону. В иной обстановке эта ошибка была бы незаметной, пустяком.

Возле границы она могла оказаться гибельной.

Тогда я принял решение: итти прежним курсом на восток, дойти до свободных от тумана берегов Татарского пролива, там определиться по береговым ориентирам и вернуться обратно под облаками. Мы находились в полете уже 20 часов и принять такое решение было нелегко. Нам предстояло сделать большую петлю. Проще было решиться пробить облачность с весьма гадательным результатом. Но успех предприятия, безукоризненное выполнение задания нам были слишком дороги, чтобы рисковать неудачей и компрометацией большого начинания. Самолет продолжал путь на восток, к Тихому океану.

К тому времени пилотирование вслепую мне удалось основательно надоеть. Мы выработали почти три четверти запаса бензина, машина стала легче, и я решил подняться до высоты 6 тыс. — 6.500 метров, выйти, наконец, из облаков и лететь под солнцем нормальным способом. Поднялись на 6.000 метров. Вскоре облачность впереди начала поворачиваться.

— Циклон? — коротко осведомился Брядинский.

— Да, — ответил я.

— Не забыть бы отметить его порядковый номер, а то к ним так и привыкнуть можно, — меланхолично заметил штурман.

Облачность имела очень своеобразный характер. Казалось, что нам нужно забраться по отлогому склону на высокий холм. Что поделаешь — мы забирались. Крутизна склона увеличивалась. От вялого набора высоты я перешел к интенсивному подъему, лез вверх, как на горный хребет. Стрелка альтиметра отметила, что самолет находится в 6.500 метрах от поверхности земли. Затем высотомер показал 7 тыс. метров. 7.200!

А облачность все время поднимается

и поднимается. Лезем выше. 7.500... 7.700.

Ух, наконец, на вершине!

Облака лежат внизу ровным покровом. Так прошли десять минут. И вдруг облачный хребет, на который мы так упорно взбирались, внезапно оборвался. Как будто его обрезали ножом. Никогда в жизни мне не приходилось наблюдать такого явления. Облака обрывались сплошной, совершенно отвесной стеной. Лишь внизу, где-то на высоте 2.000 метров, виднелся новый слой. Позади же нас осталась ровная стена темной облачности, высотой в пять километров.

Мы немедленно снизились до уровня 5 тыс. метров. Вверху ярко сияло солнце, облака были где-то далеко-далеко под машиной, и казалось, что их и вообще нет.

Начинался новый этап перелета. Это сказалось, прежде всего, психологически. До той поры мы летели без всяких забот. Стремление было только одно — итти вперед. А сейчас начались думы: как лететь дальше, где выйдем, когда повернем обратно, хватит ли горючего до Владивостока, раз придется терять время на полет к океану. По расчетам мы находились где-то вблизи Амура. Решили немного снизиться, чтобы поймать какой-нибудь просвет, окошко в облаках.

Впереди увидел темное пятно. Это не было окно; просто там толщина облачного слоя была меньше, чем в других местах. Прицелившись к пятну, начал снижаться по спирали. Оно было небольшим, чуть заметным, и я очень боялся его потерять. Ищи потом другое в облачном океане.

— Под облака и по маршруту? — догадался Брядинский.

Я кивнул головой. Наконец, самолет снизился до сакраментального пятна. Ныррем, как в воду. Слой облачности оказался тонким. Проскочили его быстро. Внизу — новый слой облаков. Пошли над ним и вскоре увидели в разрыве землю. Оба повеселели. Уж очень долго мы летели, не видя земли.

«Ну, теперь дома!» — прислал мне записку Брядинский.

Александр Матвеевич был слишком оптимистически настроен.

Для нас наступала самая жаркая пора. Надо снижаться, уточнять местонахождение, добираться до конечного пункта. Летим над землей. Никаких поселков, никаких признаков жизни. Больших возвышенностей не видно. Вероятно, мы находимся где-то в долине Амурса, но севернее или южнее Хабаровска — сказать трудно. Если севернее — хорошо, если южнее — очень, очень плохо.

Ворозить было некогда, и мы возобновили полет на восток. Шли под своими сопками.

Начинались отроги хребта Сихотэ-Алинь.

Горы заросли густой травой; земли совсем не видно.

Штурман пристально вглядывался вперед.

Начался дождь. Видимость резко ухудшилась. Облачность прижимает к сопкам. Вершины скрываются в облаках.

Начинаем лавировать, гулять между сопок. Курс держим прежний — на восток.

Путешествие было довольно рискованным.

Скорость полета в это время достигала 400 километров в час, и самолет мог врезаться в какую-нибудь лесистую гору.

Но, как бы то ни было, мы продолжали путь к Тихому океану. Наконец, — дошли. Едва впереди показались берега, Бряндинский немедленно уточнил местонахождение самолета. Мы находились около мыса Терпения в Татарском проливе, примерно на 50-й параллели. Этот мыс имеет характерные очертания и спутать его с другим — очень трудно.

— Сие — океан! — почтительно доложил Бряндинский.

Как только выяснилось, где мы находимся, я немедленно повернул машину обратно.

Моря мы так и не увидели — нельзя было терять ни минуты. Это было в 5 часов 40 минут утра по московскому времени.

На обратном пути наблюдалось чрезвычайно интересное явление. Самолет шел под облаками на небольшой высоте по ущельям хребта Сихотэ-Алинь. На стеклах кабины вдруг появились красные пятна. Долго мы ломали голову над их происхождением. Решили даже, что идет красный дождь. Наконец, Бряндинский опустил одно окно, подхватил красную жидкость на тряпочку и стал внимательно ее рассматривать. Оказалась — мошкара. Ее было так много, что она создавала полную иллюзию дождя.

В 7 часов 21 минуту 29 июня мы прошли над Хабаровском. Послали приветствие трудящимся города и повернули на юго-восток. Погода была довольно приличная.

Немного подбалтывало. Чувствовалась усталость. Взяли курс к конечному пункту перелета — району Владивостока.

— Сколько точно до Спасска? — спросил я Бряндинского.

— Отсюда 440.

Погода вскоре опять ухудшилась. Началась очень сильная болтанка. Машину подбрасывало вверх, затем она проваливалась вниз. Мы шли вдоль советской границы. Справа тянулась широкая Уссури.

Видно было, как по ней плыли рыбацкие лодки очень своеобразной формы.

Вылетая из Москвы, я обещал долететь до района Владивостока, пробыв в воздухе сутки. Мы предполагали спуститься где-нибудь вблизи города. К концу полета Бряндинский вымотался. Он все чаще и чаще предлагал мне: дай садиться.

Но сутки еще не кончились.

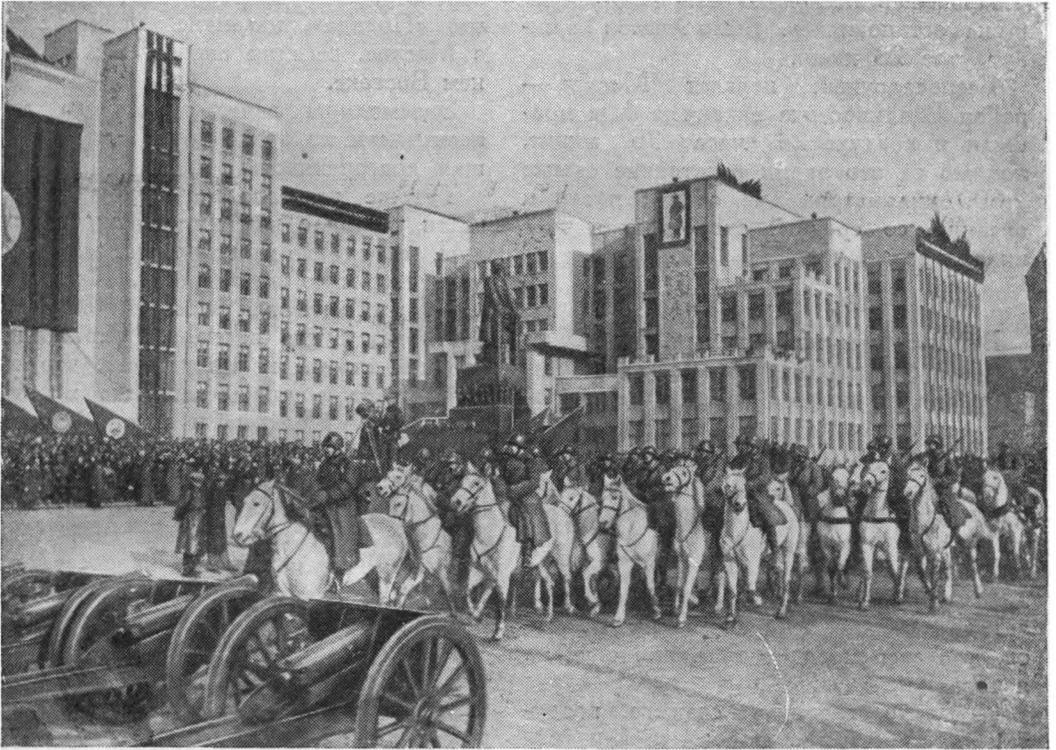
Оставалось тридцать-сорок минут до полных 24 часов, и я решил лететь дальше.

Саша прислал очередной намек о посадке:

— До суток всего 27 минут!

— Хочешь, в Имане сядем? — спросил я его.

— Очень хорошо. А то я собирался сесть на первой попавшейся сухой елке, — ответил штурман.

Парад войск Минского гарнизона 7 ноября 1938 г.

В 8 часов 32 минуты утра прошли над Иманом. Сделали круг над городом. 24 часа истекали. Место для посадки было неважное. Да и до суток оставалось еще четыре минуты.

— Дай карту Хабаровск—Владивосток, — потребовал я.

Штурман передал детальную карту. Сравнив маршрут со сводкой погоды, решил садиться в Спасске.

Сделав круг над полем, мы увидели, что внизу был выложен крест — запрещение посадки. Сделали и второй круг — крест не убирают, посадочного знака не выкладывают. Снизились, прошли на малой высоте, осмотрели все, чтобы определить, почему не разрешают посадку. Ничего подозрительного не заметили.

Потом мы узнали, почему посадка была запрещена. И когда мы прилетели в Спасск — нам выложили крест, желая показать, что мы должны садиться по

соседству. Объяснить это по радио не додумались.

Опустил шасси. Обычно это делается с помощью сжатого воздуха, но во время полета весь сжатый воздух выдохся.

Пришлось крутить шасси вручную. Работа после суточного полета показала утомительной.

Из Москвы самолет вылетел перегруженным. Соответственно нагрузке амортизация шасси была сделана очень жесткой для того, чтобы успешно выдержать большой вес самолета при взлете. Мы садились уже на пустой машине. Амортизация оставалась прежней, ибо в воздухе ее не ослабишь. Поэтому требовалось посадку делать очень нежно.

Это удалось экипажу. Самолет после приземления ни разу не подпрыгнул, ни на один момент не отделился от земли.

Пробежав несколько сот метров, машина остановилась. Было 9 часов 12 минут утра 28 июня.

Беспосадочный перелет Москва — район Владивостока закончен. Мы пробыли в воздухе 24 часа 36 минут, покрыв за это время расстояние свыше 7.600 километров (не считая петли к океану) со средней скоростью в 307 километров в час.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вылезли мы из самолета. И только тогда я ощутил, как сильно устал. Лег на траву, вытянулся во весь рост. Подумал: блаженны люди, которые могут так отдыхать. Трудно было сделать малейшее движение. Казалось, можно, не шевелясь, пролежать несколько суток.

Со всех сторон к самолету бежали люди. Жара стояла превеликая. Пыль затмила солнце. Мы хотели отдышаться, а оказывается — нельзя. Попросил я товарищей:

— Дайте глотнуть свежего воздуха!

Все деликатно отошли в сторону, окружив самолет плотным кольцом. Я залез под крыло и лег на травку. Вскоре ко мне присоединился и Бряндинский. Лежим, блаженствуем.

А окружающие терпеливо стоят, молчат, ждут.

Спустя несколько минут Бряндинский обнаружил бешеную работоспособность. Он встал, переложил все вещи в закрывающуюся часть самолета, вынул из кабины свежие номера «Правды» и роздал присутствующим. Люди смотрели и не верили.

Обычно газета получалась на этом аэродроме через десять-двенадцать дней после выхода. Когда один из привезенных нами номеров «Правды» попал ответственному работнику Приморского обкома, тот усумнился в достоверности издания:

— Это, — говорит, — опечатка. Газета наверняка прошлогодняя!

Нарочные и добровольцы в тот же день развезли номера «Правды» по всей Приморской области. И многие, пожалуй, не столько удивлялись нашему

перелету, сколько тому обстоятельству, что «Правда», накануне печатавшаяся в Москве, сегодня оказалась на Дальнем Востоке.

Экземпляры зачитывались до дыр, переходили из рук в руки как величайшая драгоценность.

Тут же на аэродроме командование части устроило нам импровизированный душ, остроумно приспособив для этой цели грузовую автомашину. Наслаждение мы испытывали невыразимое. Усталость как будто пропала. Стоим под горячей струей и рассуждаем, что вот сейчас можно опять занимать места в фюзеляже «Москвы» и лететь обратно. Случайно я взглянул на свои руки и поразился: оказывается, в полете я натер себе штурвалом здоровенные мозоли. Вот так благородная профессия! Когда я работал грузчиком в Новороссийском порту, тогда мозолям полагалось появляться, но сейчас...

Нас пригласили в столовую. Я попросил бумагу, карандаш и немедленно написал несколько телеграмм. Первую — товарищу Сталину, вторую — руководителям партии и правительства.

Мы сообщали о выполнении задания, о том, что оправдали оказанное нам доверие.

Есть ничего не хотелось. Но, как и прежде, мучила страшная жажда. Я выпил не меньше пятнадцати стаканов чая и фруктовой воды. Александр Матвеевич тоже ничего не ел, а только пил. Утолив жажду, мы запросили пощадь:

— Пустите спать!

Для нас приготовили отличную комнату, украсили ее полевыми цветами, принесли туда все лучшее убранство из всех квартир начальника состава. Эту заботу я смог оценить по достоинству лишь на следующий день. Сначала ничего не заметил. Зашел в комнату, увидел кровать, плюхнулся на нее — и меня не стало. Уснул мгновенно.

Иначе чувствовал себя Бряндинский. Он переживал какой-то непонятный нервный подъем и спать не мог. Александр Матвеевич тихонько вышел из комнаты, поговорил с приехавшими из Хабаровска и Владивостока журнали-

стами, отдал распоряжение об осмотре самолета, рассказал командирам и бойцам части о ходе перелета и лишь потом лег. Я же спал, как мертвый. Меня фотографировали, поворачивали с боку на бок. Я ничего не чувствовал.

Спустя семь часов мы проснулись. Нам принесли пачку телеграмм. Первым пришло приветствие от товарища Сталина и руководителей партии и правительства. В нем говорилось:

«Горячо поздравляем вас с блестящим выполнением правительственного задания.

Героический перелет Москва—Хабаровск — район Владивостока, покрывший свыше 7600 километров труднейшего пути в течение 24 часов и 36 минут, вписывает новую замечательную страницу в историю советской и мировой авиации.

Трудящиеся Советского Союза гордятся вашей победой.

Обнимаем вас и жмем ваши руки».

Мы были горды и взволнованы, получив это приветствие, дорогое сердцу каждого летчика, каждого советского человека.

Сначала я прочел телеграмму, потом Саша выхватил ее у меня из рук и снова огласил вслух. Затем мы прочли ее вместе.

Через несколько минут нас позвали к телефону. Народный комиссар авиационной промышленности Михаил Моисеевич Каганович передал нам поздравление от Советского правительства, расспросил о ходе перелета, условиях рейса, нашем самочувствии, состоянии материальной части. Он предложил нам не торопиться обратно, отдохнуть как следует, поглядеть Дальний Восток.

После начался поток телеграмм. Работники связи буквально «зашились». Мы пробыли в Спасске два дня, и за это время местный телеграф выполнил годовой план. Я помню, какими дикими глазами посмотрел на нас приемщик, когда мы дали ему телеграмму в «Правду», кратко рассказывавшую об итогах нашего перелета. С журналистской точки зрения корреспонденция была не-

большой. Она состояла всего из полутора тысяч слов. Но Спасский телеграф от роду не отправлял такой длинной реляции.

Выполнив свои гражданские корреспондентские обязанности, мы опять зашли в столовую. Есть попрежнему ничего не хотелось. Снова я выпил около двух литров различной жидкости и ушел спать. Спал часов шесть. Проснувшись, почувствовал себя абсолютно отдохнувшим, свежим, как огурчик. Усталости как не бывало.

Мне доложили, что, судя по предварительному осмотру, самолет находится в полном порядке. Его поставили в ангар, слили и замерили остаток горючего. В баках оставалось около полутонны бензина. Этого запаса нам хватило бы еще на семьсот-восемьсот километров пути.

Накануне отлета из Москвы товарищ Сталин во время беседы в Кремле спросил меня:

— А обратно поездом?

Я ответил:

— Нет, зачем же, аэропланом скорее.

Я заявил, что разборка и перевозка самолета на большое расстояние неизбежно скажутся на его качестве, займут много времени, и попросил разрешения вернуться обратно все-таки воздушным путем. Товарищ Сталин дал свое согласие. Поэтому, когда мы прилетели в Спасск, я немедленно вызвал из Москвы инженеров-орденоносцев Петрова и Семенова и моториста Грузинцева, готовивших «Москву» к полету на Восток. Эти товарищи отлично знали конструкцию машины, не раз снаряжали мой самолет в дальние рейсы, и я был уверен, что материальная часть в их руках всегда работает безотказно. Получив телеграмму, они в тот же день вылетели из Москвы в Иркутск, там пересели на курьерский поезд и неслись к Спасску.

Тем временем мы знакомимся с Дальним Востоком, побывали во Владивостоке, Ворошилове, осмотрели корабли Тихоокеанского флота, береговые укрепления, выходили в море на торпедных катерах. Убедились воочию, что советские границы находятся на креп-

чайшем замке, а защита наших дальневосточных рубежей — надежная, полная и весьма активная.

Вернувшись в Спасск, мы тщательно осмотрели самолет. Он находился в отличном состоянии. Решили перелететь в Хабаровск. Там обслуживание квалифицированное. 4 июля «Москва» опустилась в Хабаровске. Нас встретили очень торжественно и гостеприимно. Мы выступали на митинге, купались в Амуре, играли в шахматы и на бильярде.

Местные организации предоставили в наше распоряжение не только легковые автомобили, но и самолеты. Воспользовавшись их любезностью, мы слетали в Комсомольск-на-Амуре. Это — чудесный новый город. Днем и ночью не затихает стройка. Работа кипит всюду: в тайге, на строительных площадках, на улицах. Побывали мы на заводах молодого города, в домах, съездили в пионерский лагерь. И, конечно, поговорили по телефону с Москвой. Как шагнула советская техника! Всего 24 часа потребовалось для того, чтобы долететь от Москвы до района Владивостока. Спустя несколько часов мы разговаривали по телефону со столицей. Говорили по телефону с Москвой и из Владивостока. Прилетаем в Комсомольск и где-то в перерыве между двумя митингами нас зовут к телефону: у аппарата Москва.

Вернувшись в Хабаровск, мы начали готовиться в обратный путь. Петров, Семенов и Грузинцев проводили у самолета дни и ночи. Из Москвы ежедневно поступали сводки о погоде. Информировали нас и местные синоптики. Началась неразбериха. Москва сообщает, что завтра летной погоды не будет, местные метеорологи уверяют, что лучшей обстановки ждать нельзя. Через день история повторяется, но в обратном порядке: Москва обнадеживает, а старожилы огорчают. Справедливости ради должен отметить, что прогнозы, присылаемые из Москвы начальником главной аэрометеорологической станции В. И. Альтовским, были точнее и чаще совпадали с действительной обстановкой.

Наконец, ждать надоело. Я назначил

вылет на 13 июля. Альтовский сообщил, что условия полета на протяжении первых трех тысяч километров будут очень тяжелые, а дальше начнется некоторое улучшение погоды.

В 1 час 33 минуты утра 13 июля самолет «Москва» взял курс на запад, к столице Советского Союза. Настроение было отличным. Мы опять находились в воздухе.

Нам предстояло пробиться через несколько мощных циклонов. Первый из них находился вблизи Хабаровска. Пришлось сразу после старта набирать высоту. Поднялись на шесть километров, затем добавили еще тысячу метров, еще пятьсот. И все же облака были выше нас!

Облачные нагромождения заставили нас уклониться от прямого пути, уйти вправо, к северу. Постепенно мы дошли почти до прииска Незаметного. Земля была скрыта сплошной бесконечной облачной пеленой. Лишь два раза в просветы удалось увидеть тайгу и покрытые вечным снегом горные вершины.

«Довольно крутить, лови радиомаяк Иркутска, пойдем на прямую!» — послал я записку Бряндинскому.

Александр Матвеевич, поколдовав несколько секунд, дал мне курс на Иркутск, и мы вошли в облака, сомкнувшиеся плотной стеной на нашем пути к юго-западу. Отыскав в эфире волны Иркутского маяка, Бряндинский настроил радиокompас. Заданный курс и стрелка прибора строго совпадали. Это было еще одним ярким доказательством блестящего навигационного искусства штурмана перелета.

Летим вслепую. Со всех сторон туманная мгла. Лишь недвижно застывшая стрелка радиокompаса указывает точное и безошибочное направление. Отлично придуманный и приятный прибор!

Нам очень хотелось увидеть Байкал. Было обидно: летали на Дальний Восток, туда и обратно, а Байкала не видели. Мы знали, что вершины гор, окружающих великое сибирское озеро, доходят до 4 тыс. метров. Опустившись на три километра — до 4.500 метров,

На тактических занятиях

я прекратил снижение: неровен час вмажем в какую-нибудь гору.

Чем ближе находится самолет от радиомаяка, тем более чувствительной становится стрелка радиоконписа. Она чутко реагирует на малейшие отклонения от курса. По чувствительности стрелки можно с известной точностью судить о расстоянии до конечного пункта. Когда стрелка начала колебаться очень сильно, я решил, что мы находимся где-то недалеко от Иркутска и вступили на территорию Байкала. Решаем снижаться. 4.000 метров. Все в порядке.

Ни гор, ни земли не видно, идем в облаках. Вышли из облаков. Но и под нами облака. Кругом — белое.

Случайно я оглянулся и поразился: сзади видны вершины гор, очертания горных хребтов, окружающих северную часть озера. Оказалось, что вся поверхность Байкала была закрыта сплошной облачностью, точно вписанной в берега озера, берега же были открыты. Потеряв еще 1000 метров, мы, наконец, увидели воду. Озеро — пустынное, не за-

метно ни пароходов, ни лодок. Начало сильно болтать. Самолет несся вперед меж скалистыми берегами с северо-востока на юго-запад.

В 10 часов 20 минут утра на высоте около 3 тыс. метров мы прошли над Иркутском. Передали привет трудящимся города. В баках оставалось горючего в обрез. Мы решили все же взять курс на Новосибирск, но около Красноярска тщательно прикинуть остатки, быстро подумать и, если бензина окажется очень мало, сесть в Красноярске.

Как и предсказывали синоптики, погода за Иркутском улучшилась. Мы шли на небольшой высоте: 3.500—4.000 метров. Прошли траверз Красноярска. Подумали. Бензина, как будто, должно хватить до Новосибирска. Решили лететь дальше. Каждый сто километров Бряндинский сообщал мне остаток горючего.

Я старался вести машину с идеальной точностью, чтобы не пережечь ни одного лишнего килограмма.

Перед отлетом из Хабаровска мы разговаривали по телефону с Москвой

М. М. Каганович спросил, когда считываем быть в Новосибирске. Посоветовавшись с Бряндинским, я ответил:

— Ровно через четырнадцать часов!

В 15 часов 35 минут самолет «Москва» появился над Новосибирском. Сделав круг, пошли на посадку. Мы ошиблись на две минуты: перелет затянулся на этот срок. Бензина в баках не осталось.

На следующий день в 3 часа 06 минут утра «Москва» снова взмыла в воздух. Обстановка благоприятствовала перелету. Альтовский предупреждал, что к вечеру погода испортится, и торопил. Дул попутный ветер. Скорость превышала 400 километров в час.

Когда мы находились, примерно, в районе Татарска, я заметил, что из правого мотора вылезает шомпол, крепящийся капот. Все аэродромы между Новосибирском и Казанью были размыты продолжительными дождями. Сесты и исправить повреждение — негде. Решили лететь вперед, строго наблюдая за шомполом: может быть, он застрянет и позволит добраться хотя бы до Казани. Но шомпол вылезал все больше. Это грозило серьезными неприятностями: как только шомпол выпадет — капот раскроется. Дальше последует авария.

Делать нечего — надо возвращаться в Новосибирск. На душе творилось чорт знает что: теряем впустую время, хорошую погоду, попутный ветер. Прилетели обратно на знакомый аэродром. Сели. Мягким словом помянули моториста, готовившего машину к вылету. Оказывается, он закрепил и законтрил шомпол, но контровка проволока оказалась слишком мягкой и в воздухе лопнула. Эта проволока была «последним винтиком» в самолете, играла самую незначительную роль и... подвела. Вот какое значение имеют «последние винтики» в авиации.

А Новосибирск был доволен нашей неудачей. Местные организации срочно зовали общегородской митинг. Попросили нас выступить, доложить о перелете, встретиться с трудящимися. Согласились. Выступили. Доложили. Нас

забросали цветами, закармлили фруктами и шоколадными конфетами.

На следующий день погода испортилась. Синоптики сдержали слово. На восточных склонах Урала, в районе Свердловска зародился мощный циклон. Лететь на прямую можно было только на большой высоте, а кислорода у нас не осталось. Тем не менее мы решили стартовать и обойти циклон с севера, где-нибудь около 60-й параллели.

В 2 часа 31 минуту утра 15 июля мы снова поднялись в воздух, взяв курс на Тобольск. В районе станции Чаны встретили могучий грозный фронт. Шли в облаках. Средняя скорость составляла около 300 километров в час. Началась сильнейшая болтанка. Самолет бросало из стороны в сторону с такой силой, что приборы давали неправильные показания и ориентироваться по ним было невозможно. Положение усложнялось. Нужно было немедленно решить, что делать дальше. Продолжать полет вслепую при ненормальном состоянии приборов — нельзя. Пробиваться вверх без кислорода — самоубийство. Мы летели на высоте 4.500 — 5.000 метров и то ощущали результаты кислородного голодания.

— До Урала далеко? — спросил я Бряндинского.

— Через несколько минут достигнем хребта, — ответил штурман.

— Лови на радиоконпас Свердловск!

Я решил снизиться, пройти под облаками до Свердловска и попробовать там перескочить хребет. Начинаем пробиваться вниз. Молочная мгла тянулась с 5 тыс. метров до самой земли. Я уже потерял всякое терпение. Так можем врезаться в землю, даже не увидев ее. Лишь на высоте буквально в 20 метров мы вышли из облаков. Бряндинский уловил волны Свердловского радиомаяка. Он находился от нас строго на юге. Это открытие тоже было неприятным. К центру Уральской области нам предстояло лететь вдоль самого хребта, параллельно горному кряжу, ежеминутно рискуя машиной.

Летим на высоте 15 — 20 метров. Внизу лес. Сильнейший ливень. Болтает так, что машину ложит почти на

крыло. Промелькнули железная дорога, большие дворы, постройки. Затем все исчезло.

Деревня, другая. Характер местности немного изменился. Начали попадаться холмики. Встретили мы их без особой радости. При скорости в 400 километров встреча с возвышенностью нас не прельщала.

Видимость отвратительная, все скрыто дождем. Вдруг перед самым носом самолета появилась радиомачта. Я еле успел увернуть в сторону. Радиокompас вывел нас точно к передатчику. Значит мы в Свердловске.

Пытаюсь определиться, летим над какими крышами домов, пугая население. Маленькая площадка, большие лужи. Делаю круг, второй, третий. Придется садиться, в такую погоду через хребет не перевалишь.

— Погоди, Володя! Очень уж тут противное место для посадки. Пойдем дальше, неподалеку, — предлагает Бряндинский.

— Куда лететь?

Штурман дал курс. Так как амортизация самолета была попрежнему очень жесткой, то я решил при посадке тормозами не пользоваться. Самолет бежал очень долго, и стало ясно, что длины аэродрома нехватит. Впереди уже виднелись какие-то строения. Надо было уходить на второй круг. Даю газ. Самолет отделяется от земли, и вот в последний момент послышался треск. Значит, за что-то зацепили!

Тревожный взгляд на приборы. Обороты не снижаются. Следовательно—моторы целы. Видимо, повреждено шасси. Приказываю Бряндинскому определить, в чем дело. Он ищет, смотрит и докладывает:

— Все в порядке.

— Посмотри ноги!

— Все цело. Лишь помят патрубок правого мотора.

— Смотри еще!

Машина делает круг за кругом. Бряндинский чуть не вывалился из кабины, осматривая нижнюю часть самолета. Никаких повреждений не заметно, ничего тревожного штурман не обнаружил. Тем не менее я решил посадку делать

очень осторожно, опасаясь какой-нибудь каверзы с правой стороны шасси. Пришлось открыть закрылки и сразу включить тормоза.

Самолет нормально приземлился, пробежал несколько сот метров и остановился.

Подбегают люди в кожаных пальто, мокры до нитки. Мы вышли, но дорожки вымочились и тоже мгновенно промокли. Тщательно осмотрели самолет. Никаких повреждений нет. Действительно, помят только патрубок правого мотора. Видимо, при взлете обо что-то ударились.

Не отходя от машины, я попросил дать мне карту погоды. Мне сообщили, что лететь нельзя. Урал закрыт сплошной облачностью до самой земли. А я, разговаривая из Новосибирска по телефону, обещал Москве к вечеру опуститься на столичном аэродроме!

Нам предложили поехать в город отдохнуть. Мы отказались. Привели нас в какую-то комнату, расположенную в штабе аэродрома. Бряндинский улегся на кровати, я на диванчике. Устали оба, вымотались. Но не спится и не лежит. Какой отдых, когда надо в Москву лететь.

Наконец, уговорили друг друга полежать часок. Через несколько минут Бряндинский посмотрел в окно и вскозь заметил:

— Кажется, становится светлее!

Я немедленно соскочил с дивана. Дождь льет попрежнему, как из ведра. Нигде ни малейшего просвета. Легли опять. Затем мне показалось, что за окном становится светлее. Так каждые несколько минут мы вскакивали и подходили к окну.

Потом поглядели друг на друга, расшмеялись и решили:

— Отдохнуть не удастся, пойдем на аэродром.

Техники выправили патрубок, поставили его на место. Но лететь было нельзя. Облака нависли сплошным мешком, дождь лил, не переставая. И вдруг мы заметили в одном месте легкое просветление. Я решил, что там вверху либо чистое небо, либо прослойка. Вскочили в самолет и взмыли в воздух. Ок-

ружающие даже запротестовать не успели. Пробиваясь между слоями облачности, набрали высоту в несколько километров.

Нам важно было выбраться вверх не в сплошных облаках. В гористой местности набирать высоту вслепую не рекомендуется.

Поднявшись на 4½ тысячи метров, взяли курс на запад. В облаках перевалили Урал. Над европейской равниной погода была более благоприятной. Дул сильный попутный ветер. В разрывы увидели землю. Мелькнул какой-то городок. Бряндинский моментально определился. Это были Вятские Поляны. В 16 часов 10 минут прошли Казань. Оттуда взяли курс на Москву. Из Арзамаса Александр Матвеевич передал радиограмму:

«Рассчитываю быть в Москве в 18 часов 22 минуты».

Около Владимира неожиданно отказал правый мотор. До Москвы осталось 180 километров. Неприятное осложнение. Конечно, самолет и на одном моторе дотянет до конечной цели, но придет с опозданием. Начинает пошаливать и левый мотор. Вдруг, так же внезапно, правый мотор заработал, а левый почти совсем сдох. Потом правый мотор опять обрезал.

Его работа мне не нравилась еще в конце перелета на Восток. В Хабаровске пришлось сменить одну деталь двигателя, которая оказалась не в порядке. В Новосибирске я созвал у двигателя целый консилиум технических специалистов. И вот сейчас он все-таки подвдид.

Пришлось сбавить обороты, уменьшить скорость. Быстро прикинув расположение лежащих на пути аэродромов, я начал продвигаться вперед от площадки к площадке. Последние десятки километров мы шли зигзагами. Движение очень напоминало путь пьяного человека, ковыляющего от одной стороны улицы к другой. Так протянули до Щелкова. От Москвы нас отделяло несколько минут полета. Все-таки я не решился лететь на прямую. Там правый мотор оборвал в третий раз. Но в тот момент, когда самолет подлетал к Цен-

тральному аэродрому им. Фрунзе, двигатель опять заработал.

18 часов 30 минут 15 июля мы сделали посадку. Путь был закончен. На столичном аэродроме нам организовали торжественную встречу. 18 июля в нашу честь был устроен прием на даче у товарища Молотова. Там присутствовали товарищи Сталин, Каганович, Ворошилов, Калинин, народные комиссары, Герои Советского Союза, авиационные конструкторы.

Отдохнув несколько дней, мы принялись за свою обычную работу. Я занялся испытанием новых самолетов. Бряндинский уехал в командировку. А через два месяца мы узнали, что Александр Матвеевич Бряндинский погиб при исполнении служебного долга.

Тяжело, очень тяжело было услышать эту страшную весть. Погиб замечательный человек, преданный партии и своему народу, ушел из жизни великолепный мастер летного дела, чудесный друг и товарищ. Смерть застигла его молодым, в полном расцвете сил и таланта. Он не мыслил себе жизнь вне авиации, вне любимого дела.

Трагический случай оборвал прекрасную жизнь. Никогда уже больше Александр Матвеевич не проложит курса советским самолетам, не поедет советские машины по безбрежным воздушным путям. Но жива советская авиация, не угасли силы советских летчиков и штурманов. Мы будем водить воздушные корабли нашей могучей страны с такой же точностью, искусством и беззаветной отвагой, как водил их Герой Советского Союза комбриг Александр Матвеевич Бряндинский.

ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ АВИАЦИИ

Меня часто спрашивают о перспективах современной авиации, о возможностях советских самолетов. Достижения авиационной промышленности и успехи самолетостроения развиваются и ширятся буквально с каждым днем. То, что вчера казалось невозможным, сегодня становится свершившимся фактом. То, что намечается сегодня, осуществляется завтра.

На параде.

Еще вчера казалась гигантской скоростью в 250—300 километров в час. Сейчас самолеты с полной боевой нагрузкой дают скорость в 400—500 километров в час. Пройдет очень незначительное количество времени, и мы будем свидетелями скоростей порядка 600—700 километров в час.

Так же эволюционирует и понятие о предельной высоте полета. В 1937 году английский летчик Адамс установил международный рекорд высоты полета на самолете—16.640 метров. Состояние советской авиационной техники дает возможность побить рекорд Адамса, и притом весьма значительно. В ближайшие год-два самолеты достигнут высоты 18—20 километров. На недосыгаемую ныне высоту подымутся не единичные рекордные экземпляры, а ее освоят и транспортные машины.

Уже сейчас гражданская авиация стремится, вслед за военной, подняться как можно выше от земли. На боль-

шой высоте можно развить большую скорость, там меньше сказываются различные метеорологические невзгоды. Я считаю, что в скором времени транспортные самолеты будут летать несколькими этажами. Выше всех (за чертой 14—15 километров) пойдут почтовые машины, которые обычно обслуживаются одним пилотом. Летчика гораздо проще обучить пользованию кислородным прибором, чем пассажира. Они будут доставлять письма и газеты со скоростью 600—700 километров в час. Несколько ниже полетят мощные грузовые аэропланы. Оборудованные специальными высотными моторами, они с огромной быстротой будут перебрасывать различные грузы из одного конца страны в другой или из государства в государство. Еще ниже (примерно на высоте 10—12 километров) полетят пассажирские машины с герметической кабиной, изолирующей людей от влияния разреженной атмосферы. Их скорость

будет также порядка 600—700 километров в час. Наконец, на уровне 3—4 километров пройдут трассы пассажирских машин обычного типа. Но даже и на этой высоте эксплуатация воздушного транспорта будет намного рентабельнее, чем сейчас.

Несколько лет назад казалось технически неправдоподобным соединить беспосадочным рейсом Москву и Северную Америку. Перелеты Чкалова и Громова блестяще продемонстрировали полную реальность трансарктической связи. Многие полярные летчики в своих высказываниях указывали, что недалеко то время, когда по трассе, прорубленной советскими героями, смогут пойти десятки пассажирских и почтовых самолетов. На островах Ледовитого океана возникнут промежуточные аэродромы с бензиновыми базами, ремонтными мастерскими и гостиницами для пассажиров.

Регулярная линия—это коммерческое предприятие. Беспосадочный перелет требует огромного запаса горючего. Это значит, что самолет будет не в состоянии взять на борт пассажиров или значительный груз. Рентабельнее разделить трассу на несколько участков с тем, чтобы, не перегружая машину большим количеством горючего, перевозить коммерческий груз. Следовательно, нужны промежуточные базы.

Подходя с этой точки зрения к организации регулярного трансарктического воздушного сообщения, многие предполагают, что трасса, соединяющая Москву с Северной Америкой, будет разбита на несколько этапов. Наиболее удобным путем между двумя континентами полярники выдвигают такой маршрут: Москва—Архангельск—остров Рудольфа—Северный полюс—острова Патрика—Медвежье озеро—Сиэтл—Сан-Франциско. В промежуточных пунктах, помимо нормального аэродромного оборудования, должны быть установлены и радиомаяки. Большинство намеченных пунктов уже сейчас оборудовано всем необходимым. После постройки авиабаз на Северном полюсе, островах Патрика и Медвеьем озере и проведения соответствующей организационной и технической подготовки линия Москва—

Сан-Франциско может быть сдана в эксплуатацию.

Организация постоянной базы на Северном полюсе при современном развитии техники и на нынешнем этапе освоения Арктики не представляет значительных трудностей. Задача может быть решена несколькими способами. Можно организовать авиационную базу по типу папанинской экспедиции, но придав высаженной группе транспортные средства. Как только дрейф льдов отнесет базу на несколько десятков километров к югу, она, пользуясь имеющимися в ее распоряжении транспортными средствами, возвращается обратно к полюсу. Так как база будет постоянно передавать по радио свои точные координаты, то отклонение ее на небольшое расстояние от полюса практического значения не имеет. Самолеты трансарктической линии всегда сумеют ее найти. Можно использовать в качестве базы мощный дирижабль, снабженный большим запасом горючего и продовольствия. Все эти вопросы наша техника может решить быстро и четко.

Метеорологические условия полета над Полярным бассейном вполне удовлетворительны. На случай вынужденной посадки в Арктике имеется достаточное количество ровных и сравнительно удобных ледяных полей. Как известно, во время воздушной экспедиции на Северный полюс советские самолеты сделали 13 посадок на лед. Все посадки прошли благополучно.

Открытым полярники оставляют лишь вопрос о выборе линии. Может быть, экономически выгоднее окажется прокладывать трансарктическую трассу не через Северный полюс, а избрав иной вариант. Можно, например, проложить путь по такому маршруту: Москва—Свердловск—Омск—Иркутск—Ногаево—Анадырь—Ном (на Аляске)—Сиэтл—Сан-Франциско. От Москвы до Хабаровска работает регулярная линия «Аэрофлота». От Хабаровска до Анадыря часто летают самолеты полярной авиации. Этот участок надо лишь оборудовать маяками, аэродромами, гостиницами. Остается освоить сравнительно небольшой стрезок пути

от Анадыря до Нома на Аляске, который, как известно, связан более или менее регулярной линией с остальными пунктами северо-американского побережья Тихого океана.

Я лично считаю более целесообразным проложить трассу между Москвой и Нью-Йорком с востока на запад: через Скандинавию, Исландию, Гренландию и Атлантический океан.

Как известно, все попытки организовать регулярное воздушное сообщение на самолетах из Европы в Америку до сих пор терпели фиаско. История авиации знает много случаев перелетов из Америки в Европу, но в обратном направлении ни один полет не увенчался успехом. Этому мешают постоянные, очень сильные ветры, дующие с запада на восток. Тем не менее я считаю вполне осуществимым в настоящее время беспосадочный перелет через Атлантический океан с востока на запад в Нью-Йорк, притом не из Европы, а из Советского Союза — из Москвы.

Расстояние между Москвой и Нью-Йорком определяется примерно в 7.500 километров. Напомним, что тот же самолет «Москва» в рейсе на Дальний Восток прошел свыше 7.600 километров (не считая полета к океану) и мог лететь еще 700—800 километров. Горючего можно взять больше, лететь на солидной высоте. Весь путь между столицами двух крупнейших государств займет около 30 часов летного времени.

Современное состояние советской авиационной техники позволяет осуществить в любой момент такие грандиозные беспосадочные перелеты, как, скажем, полет от Москвы через Африку и Атлантический океан до Южной Америки или из Москвы через Иран, Индийский океан и Австралию в Южную Тасманию. Длина маршрута этих перелетов составляет около 10 тыс. километров.

Еще в 1934 году Герой Советского Союза М. М. Громов вместе с летчиками И. Т. Спириным и А. А. Филиным продержался в воздухе на самолете «СССР-25» 75 часов, покрыв за это время без посадки 12.411 километров. За истекшие годы советская авиацион-

ная промышленность добилась больших и крупных успехов. Она в состоянии предоставить в распоряжение советских летчиков машины, обладающие не меньшими данными и качествами, чем самолет «СССР-25».

В последнее время повсюду обращают большое внимание на освоение техники полетов с доливкой горючего в воздухе. В определенном, заранее условленном пункте навстречу рейсовому самолету поднимается другая машина, представляющая собой летающую цистерну. Скорости двух самолетов уравниваются. Обе машины идут в одном направлении одна над другой. Из самолета-цистерны опускается шланг, принимаемый идущим внизу самолетом дальнего рейса. В воздухе происходит переливка бензина из самолета-цистерны в баки рекордной машины. После этой операции шланг подтягивается, самолет-цистерна возвращается на базу, а вторая машина продолжает свой путь. Таким образом, пополняя в воздухе запасы горючего, теоретически представляется возможным лететь без посадки десятки и сотни часов.

Перспективы практического использования этого способа чрезвычайно заманчивы. Еще в 1936 году известный летчик-высотник и парашютист Виктор Евсеев выступил на страницах «Правды» с конкретным предложением организовать беспосадочный полет самолета от западных границ СССР до Чукотки и обратно, с пополнением машины горючим в воздухе в нескольких заранее определенных пунктах. Осуществление такого предложения дало бы возможность покрыть беспосадочным рейсом расстояние до 20.000 километров.

Сейчас представляется вполне реально провести, пользуясь этим способом, беспосадочный рейс вокруг земного шара. Самолет, вылетевший из Москвы, может пополняться горючим, скажем, в таких пунктах, как Хабаровск, Фербенкс на Аляске, Нью-Йорк, после чего пройдет без посадки над Атлантическим океаном, пересечет Западную Европу и опустится в Москве. Подобный рейс даст возможность значительно сократить продолжительность кругосвет-

ного перелета, так как даже при самой совершенной организации аэродромной службы посадки в пути и заправка горючим занимают значительное время.

Возможно осуществить и такой заманчивый беспосадочный рейс с заправкой самолета горючим в воздухе с летающей цистерны: Москва — Лондон — Мадрид — Капштадт (Африка) — Сидней (Австралия) — мыс Горн (Южная Америка) — Рио-де-Жанейро — Нью-Йорк — Чикаго — Джуно (Аляска) — Петропавловск-на-Камчатке — Москва, т. е. пройти над территорией всех стран земного шара.

Еще более замалчиваемым, но также вполне реальным и осуществимым в наши дни, является кругосветный беспосадочный перелет через два полюса. Маршрут его может быть разработан, например, в таком варианте. Самолет вылетает из Москвы на север. Над островом Рудольфа производится первая заправка горючим с летающей цистерны. Самолет перелетает через Северный полюс и вторично пополняется горючим над Аляской. Третья заправка производится над Калифорнией или Мексикой. Самолет следует к югу. Очередные порции бензина он получает над Южной Америкой, откуда держит путь через Южный полюс либо на Новую Зеландию, либо на Австралию. Оттуда до Москвы уже... рукой подать.

Впрочем, современная техника позволяет совершить кругосветный беспосадочный перелет и без пополнения горючим в воздухе. Великий летчик нашего времени Валерий Павлович Чкалов мечтал о побитии мирового рекорда скорости полета вокруг «шарика», как он образно называл нашу планету. Такой скоростной беспосадочный перелет можно осуществить на специально построенном самолете, оборудованном герметической кабиной. Полет должен происходить на высоте около 10 тысяч метров, где никакие метеорологические невзгоды не будут мешать экипажу вести корабль по точно намеченному пути. В качестве авиационного двигателя следует применить дизельный мотор, потребляющий меньше горючего и не теряющий своей мощности в разреженной атмосфере.

Вообще в ближайшие годы мы будем свидетелями применения новых типов авиационного двигателя. Бензиновый мотор обладает многими недостатками, в том числе чрезмерной прожорливостью, легкой воспламеняемостью и т. д. На смену ему уже идут дизельные двигатели, паровые и газовые турбины. Они дают ряд очень крупных преимуществ по сравнению с двигателем ныне принятого типа и несомненно вытеснят его из производства.

Можно предвидеть и скоростные кругосветные перелеты, совершаемые в минимальный промежуток времени. Я считаю, что недалеко то время, когда можно будет провести перелет вокруг земного шара в течение 24 часов. Протяжение такого рейса (не по экватору, а по обычно принятому маршруту: Нью-Йорк — Париж — Москва — Хабаровск — Нью-Йорк) составляет меньше 30 тыс. километров. Как показал рекордсмен 1938 года американский летчик Говард Юэ, это расстояние уже сейчас можно покрыть за срок меньше четырех суток при средней скорости полета в 300 километров в час. Но ведь современные самолеты в состоянии летать значительно скорее, обеспечить большую быстроту передвижения. Поднявшись же в стратосферу, самолет удвоит свою скорость. Можно не сомневаться, что в самом недалеком будущем подобный однодневный перелет вокруг света будет совершен.

Советский Союз располагает лучшими в мире самолетами, замечательными кадрами авиационных конструкторов, летчиков, штурманов, механиков. Крепя и демонстрируя мощь и силу советской авиации, пилоты социалистического государства будут неустанно работать, прокладывая в воздухе новые Сталинские маршруты.

★

Перелет самолета «Москва» из Москвы на Дальний Восток показал, что советские аэропланы в состоянии покрывать без посадки большие расстояния, соединять в кратчайший срок любые пункты громадной территории Советско-

го Союза. Успех полета «Москва» так же, как и трансарктические перелеты экипажей Чкалова и Громова, ярко продемонстрировал огромные достижения советской авиационной промышленности. Материальная часть, моторы, все авиационное оборудование, сделанное на советских заводах, работает четко, точно, надежно, безотказно.

Советские самолеты являются грозной и могучей силой. Японские захватчики, спровоцировавшие бои у озера Хасан, убедились в этом на собственной шкуре. И любой другой враг, который попытается испытать мощь Советского Союза, будет также разбит вдребезги. Великая воздушная армада Советской страны уничтожит противника, где бы он ни прятался, как бы далеко ни находился.

На встрече в Москве экипажа самолета «Родина» секретарь ЦК ВКП(б) товарищ Л. М. Каганович говорил:

«Мы окружены капиталистическими странами, среди которых имеются крайне агрессивные фашистские элементы, провоцирующие войну с нами. Именно поэтому мы заботимся, чтобы наши самолеты летали бы далеко и высоко. Мы не претендуем на чужие земли, но если кто посмеет претендовать хотя бы на самый малый кусочек нашей земли, то мы сумеем настичнуть его нашими самолетами и отогнать любого агрессора от нашей священной советской земли. Вот почему мы стремимся, чтобы наши самолеты летали далеко и высоко. Мы хотим, чтобы наши самолеты летали быстрее, чтобы врага, который посмеет посягнуть на нашу землю, уничтожать на его же территории».

В этих немногих фразах с исчерпывающей полнотой и ясностью дана оценка тенденции развития советского самолетостроения и задач советской авиации. Мы знаем, что в любую минуту должны быть готовы к защите священных границ социалистической родины.

Советские летчики, как и вся Советская страна, помнят замечательную речь народного комиссара обороны СССР, маршала Советского Союза товарища К. Е. Ворошилова во время октябрьского парада 1938 года на Красной площади:

«...Но если наглядных уроков на озере Хасан недостаточно, если враг в состоянии забыть сокрушительную силу советского оружия и героизм красных бойцов и их командиров, мы должны им сказать: господа, то, что вы получили на Хасане — это только «цветики», а «ягодки», настоящие «ягоды» еще впереди. Всякому беспокойному или наглому врагу, безразлично где бы и когда бы он ни осмелился сунуть свой нос на нашу землю, придется отвезать этих советских «ягодок». Пусть помнят те, кому забывать не следует, что мы совсем не обязаны всегда ограничивать действия наших войск районом, на который воровски и нагло нападает враг. Наоборот, нам сподручнее и легче громить врага на его собственной территории. Так оно и будет — на всякое нападение и удар мы будем отвечать тройными ударами всей мощи нашей доблестной Красной Армии».

Советские летчики и советские самолеты настичнут врага в любом месте земного шара, доставят полновесные «ягодки» туда, куда прикажут партия и правительство.

Горный поход

ЛЕВ ШАПИРО

★

1

Троекратное красноармейское «ура» прокатилось по ущелью. Взлетели барашковые шапки ингушей. Провожавшие отряд члены правительства Чечено-Ингушетии уселись в автомобили и уехали. Старые партизаны повернули коней и поскакали к своим аулам.

Начинался самый трудный участок похода. Узкая тропинка вилась по краю обрыва. Глубоко внизу неумолчно гудела Аса, вода яростно билась о камни и закипала белой пеной. Карликовые сосны висели на скалистых стенах ущелья.

Отряд вытянулся зеленой цепочкой. Впереди шел капитан Дьяконов — командир отряда, за ним комиссар Челохсаев. На них, как и на всех участниках похода, были теплые костюмы. Орден Красной Звезды и флажок депутата Верховного Совета СССР на груди Челохсаева глубоко вдавились в клетку стеганого ватника.

Припекало полуденное солнце. Тропинка была усеяна камнями.

Красноармейцы шли с полной выкладкой, с винтовками, с ручными пулеметами и рюкзаками. Станковые пулеметы, походная радиостанция, запасы продовольствия и фуража находились на вьюках.

Где-то в середине цепочки раздался короткий крик. Отряд остановился. Красноармеец свисал с обрыва, уцепившись за камень. Винтовка и тяжелый

рюкзак тянули его вниз. Пока подбежал Дьяконов, два бойца, подхватив неудачника под руки, уже подняли его. Красноармеец встал на ноги, привычным движением расправил куртку под поясом и попытался улыбнуться. Дьяконов трогал его плечи, спину.

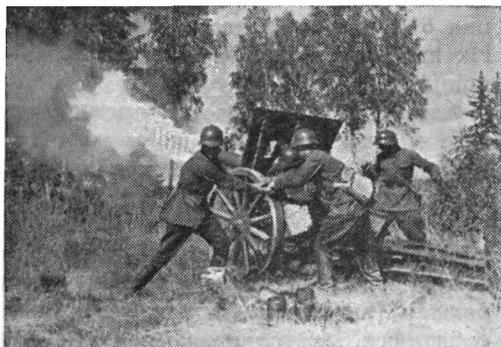
— Ну, как? — спросил командир. — Не ушиблись?

— Да нет, товарищ командир, просто маленькая физзарядка.

— Знаете, уж лучше обойтись без такой физкультуры. Осторожнее надо, вы не на шоссе.

Дьяконов вынул из кармана маленькую записную книжку и что-то отметил в ней. Он пошел теперь сзади. Правильно ли сделали, выделив в отряд красноармейцев, никогда не бывавших в горах, не прошедших специальной тренировки? Асинское ущелье — только начало. Впереди — неизученные опасные ущелья и перевалы. Правда, в руках у людей альпенштоки, на ногах — высокогорные ботинки с острыми шипами. Но Дьяконов дважды взбирался на Казбек и знает, какие опасности подстерегают человека в горах. Отряд идет с полным вооружением. Не только бойцы, но и командиры не бывали в горах и в трудные моменты могут не найти нужного решения. А тут еще прикомандированные — кинооператоры, писатели, журналисты...

Неожиданно отряд остановился. Дьяконов быстро прошел вперед. Тропинка упиралась в узенький мостик, который не внушал доверия. А река в этом месте

Орудие
на огневой позиции.

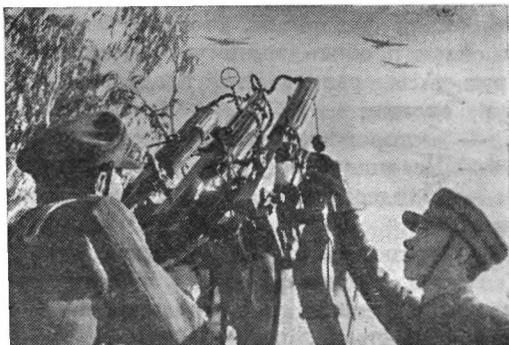
была глубока. Дьяконов сел в седло и тронул своего испытанного коня. Гнедой тонконогий красавец, всю жизнь ходивший под седлом, носил кличку «Ездок». Вместе с хозяином он дважды побывал на Казбеке. Сейчас он прыдал ушами, косил глаза на бурлящую воду, но шел вперед, ступая осторожно, как будто боялся замочить ноги. Копыта срывались со скользких округлых камней. «Ездок» выгнулся всем корпусом против течения и вышел на другой берег.

— Здесь переходить! — крикнул Дьяконов. — Каждый всадник переводит вьючную лошадь!

Все видели, с каким трудом перебрался через реку испытанный конь командира. Непривычные к бурным рекам лошади сорвутся, и бешеная вода разобьет их о камни... Комиссар находился в середине отряда. Тропинка была занята, и проехать по ней вперед он не мог. Челохсаев направил своего коня прямо по обрыву. Конь спускался боком, раздирая сухой кустарник, цепляясь шипами подков за малейший выступ. Внизу Челохсаев взял в руку повод вьючной лошади и потянул ее за собой. Повод натягивался, вот-вот он вырвется из руки комиссара или его самого вытянет из седла. Но Челохсаев стиснул колени, пригнулся к луке и прижал руку к груди. Барахтаясь, падая и вытягивая морды, лошади медленно выбрались на берег.

— Здесь переходить! — повторил Дьяконов. — Держаться левее.

Тропинка круто свернула, и за поворотом открылась зеленая поляна. Здесь уже весело дымил походная кухня, по-

Зенитчики ведут огонь
по самолетам «противника».

вар стучал по столу длинным ножом, кроша капусту. Жители ближайших аулов встречали отряд. Как и на всех привалах, сразу же образовался круг, в центре которого стояли старые партизаны. Они рассказывали о своих встречах с Серго, о том, как не пускали денкинцев в горы...

На берегу Асы Дьяконов собрал командиров. Он сидел на земле, высоко подняв колени. На коленях лежала раскрытая записная книжка. Всякое, даже самое незначительное, событие в походе находило отражение на ее клетчатых страничках. Сейчас Дьяконов смотрел в книжечку и коротко перечислял:

— У одной лошади набита холка. Почему? Потому что передняя подпруга не была подтянута и седелка болталась. Ветеринарный вьюк тянется в хвосте, а должен итти с пулеметным взводом...

— О чем все это говорит? — спросил Дьяконов и сам ответил: — Это говорит о том, что у нас слаба дисциплина.

Неожиданно он протянул руку и взялся за куртку командира взвода.

— А вы до сих пор пуговицу не пришили. Хороший пример для бойцов...

— Товарищ командир, — попытался оправдаться комвзвода, — все время шли...

— Не надо, — перебил его Дьяконов. — Пока я здесь говорил, вы могли пять пуговиц пришить. Это не помешало бы вам слушать меня...

Как всегда в горах, ночь упала неожиданно, и сразу стало темно. Потянуло острым холодом. Темнота сжимала нас со всех сторон. Словно светлячки, перебежали с места на место огоньки элек-

трических фонариков. Но они были не в силах пробить темноту. Перекрывая шум Асы, раздавались предупреждающие окрики:

— Осторожно, справа камень!

— Всадники, пригнуть головы!

— Придержаться вьюки,—крутой порожок.

— Узкое место, слева камень.

Крики подхватывались, перекидывались по цепочке и замирали где-то в глубине ущелья.

Скалы нависали над нами, закрывая небо. Часто раздавалась команда: «Минутка!», и мы останавливались, опираясь на альпенштоки, чтобы отдышаться.

Молодой чеченский поэт Нурдин шел рядом со мной. Обычно словоохотливый, легко восторгающийся, сейчас он молчал. Темнота угнетала его. Неожиданно он толкнул меня:

— Посмотри!

Впереди на кусочке неба между двух скал зажглась звездочка. Она робко вспыхивала и снова гасла.

— Это моя звезда,—восторженно продекламировал Нурдин.

— Нет, это звезда моя, я сразу ее узнал,—сказал кинооператор Борис.

— Вы ошибаетесь, товарищи,—сказал кто-то сзади,—это наша звезда.

Мы хотели видеть того, кому принадлежали эти слова. Но уже начали раздаваться недовольные, нетерпеливые голоса: «Почему задержка? Что случилось?».

И мы снова пошли вперед. Вдруг ущелье озарилось ярким неровным светом. Мельчайшие камешки вырисовывались на тропинке. Запахло горячей смолой. За поворотом на большом валуне величественными кострами горели две сосны. Искры рассыпались высокими фонтанами. Наши тени плясали и прыгали на скалах.

Навстречу отряду ехал ингуш.

— Светло, товарищи? — улыбаясь, спросил он. — Эту иллюминацию мы устроили специально для вас. Ну, скоро придем на место. Два километра осталось.

Конечно, осталось не два километра, а гораздо больше. Вообще, представле-

ния о расстояниях у горцев своеобразны. Их километр в три-четыре раза больше принятого.

Как бы там ни было, а через полтора часа мы вышли к большому каменному зданию на берегу реки, и электрические лампочки приветливо встретили нас, покачиваясь под ветром. Здесь живут и учатся ингушские дети. В просторных комнатах интерната было тепло, нас провожали любопытные, живые взгляды ребятишек. Нестрожно, но радостно кричали они «ура». В большом зале собрались ингуши, под гармошку плясала молодежь. Нам жали руки, обнимали по ингушскому обычаю, усаживали на сдвинутые к стенам скамьи.

Плечистый старик в широкой шапке встал на скамейку и рассек воздух ремненной плеткой. У старика не было передних зубов, но слова его звучали четко.

...Русский царь забирал у нас землю, выгонял нас в горы, на камни. У нас не было хлеба, мы были темными и дикими людьми. Это видели наши вожди, и они прислали к нам Серго, чтобы кончить такую жизнь. Серго жил вместе с нами. Вместо хлеба его едой была трава, вместо воды он утолял жажду снегом и льдом, а подушкой ему служили камни на скалах. У него была вера в народ, и поэтому народ верил ему. Серго учил нас жить по-настоящему, учил бороться за хорошую жизнь. Я увидел вас и сказал себе: сегодня я снова вижу Серго. Он был моложе меня, но был мне отцом, потому что знал больше меня и учил меня жить. Вы все — сыновья Серго, и я называю вас своими братьями. Трудный путь предстоит вам. Но ваш отряд носит имя Серго, а все, что называется его именем, не может не победить. Ржавчина раз'едает сталь, и сталь превращается в землю. Скалы и камни выветриваются и превращаются в пыль. Но имя Серго и слава Серго никогда не пропадут, пока будет жить человек на земле...

Старик сошел со скамейки, простой и величественный. Он, конечно, не думал, что сложил песню о замечательном человеке, о сердце и воле прекрасного большевика.

2

В феврале тысяча девятьсот девятнадцатого года Терская республика оказалась отрезанной от Советской России. Серго Орджоникидзе собрал остатки красноармейских частей, организовал отряды ингушей и владикавказских рабочих и сдерживал натиск белогвардейских полчищ. Фронт растянулся на двадцать пять километров. У красных не было патронов, у ингушей были кремневые ружья их дедов, боровшихся еще под знаменами Шамиля. Голодные, разутые красноармейцы, необученные военному делу ингуши семь дней героически сражались против вооруженного до зубов врага. Силы были неравны. Терек был отрезан от Советской России. И Серго Орджоникидзе, как мудрый большевистский полководец, решил отступить, чтобы спасти народ для будущих боев, чтобы собрать силы и победить. Он отвел свои отряды в горы, куда не осмеливались заходить денкиндцы. Тесные ущелья, узкие тропинки вдоль крутых обрывов, густые леса делали горную Ингушетию неприступной. Серго ездил по аулам, беседовал со стариками, которые пользовались непререкаемым авторитетом в народе. В Орджоникидзе ингуши видели средоточие лучших человеческих качеств и своих надежд на свободную, счастливую жизнь. Эта жизнь вставала перед ними в ярких и страстных речах Серго. Но Серго не ограничивался рассказами, он учил бороться с оружием в руках за неизведанную прекрасную жизнь...

Аул Датых лежит в долине за двойной цепью гор. Сюда собирались организованные Серго партизанские отряды. Серго долго жил в Датыхе, обучая ингушей военному делу.

Бойцы и командиры осмотрели домик, в котором двадцать лет назад жил замечательный полководец революции. Они жадно слушали рассказы стариков о далеких и трудных днях девятнадцатого года.

За последней саклей аула раскинулась большая поляна. Стоя на холмике, Серго руководил обучением партизан в пешем и конном строю, сюда он любил

приходить в свои свободные часы. Подолгу сидел он под деревом, задумчивый, сосредоточенный, подперев ладонями голову. В двухстах метрах от холмика поднималась невысокая скала. Глинистые напластования лежали косыми желтыми слоями. Среди глины, темным островком величиной с карманные часы, прорастал мох. Серго часто стрелял из маузера в эту естественную мишень. Старики утверждали, что они не помнят случая, когда бы Серго промахнулся.

— Давайте проверим,— сказал Челохсаев, — достойно ли наш отряд носит имя Серго Орджоникидзе.

Первым выстрелил комиссар. От черного пятнышка на скале взвилось едва заметное облачко пыли.

— Ну-ка, дай невоенному, — сказал писатель. Он выстрелил и тоже попал. Винтовка перешла к отделенному командиру Обожину. Низкорослый, ладный и крепкий, он приложился. Винтовка казалась неотделимой от его тела. Старики прищелкнули языками, а молодые восторженно следили за стрелявшим.

— В самую середину! — крикнул молодой ингуш и, не в силах сдержать себя, схватил винтовку.

— Я пастух, — сказал он, — но стрелять тоже умею. Только из боевой никогда не стрелял.

Он выстрелил и попал.

Боевой азарт охватил присутствующих. Сюда собрались все жители аула. Стреляли красноармейцы и пастухи, командиры и парикмахеры, политруки и конюхи. Стреляли старики и молодые. Стреляли русские и ингуши, осетины и чеченцы, украинцы и евреи.

Нурдин подошел к старику, молчаливо наблюдавшему происходящее. Старик стоял, скрестив на груди руки, и пристально вглядывался из-под кустистых седых бровей в каждого стреляющего. Нурдин сказал:

— Попробуй, отец, и ты.

Старик сверкнул глазами, медленно поднял винтовку и выстрелил.

— Попал! — восторженно крикнул Нурдин. А старик, исполнив просьбу, молчаливо вернулся на свое место, и только чуть заметная улыбка заиграла в уголках его тонкого рта.

— Такое время, — тихо сказал он, как бы самому себе, — такое время, что и старики не стареют.

— Ну, товарищи, — весело сказал Челохсаев, — не зря мы с вами носим имя Серго... А теперь пора собирать-ся.

— Еще одну минуточку, — закричал Борис.

Он все время бежал с аппаратом возле стрелявших, снимал и с колена, и в упор, и лежа. К нему привыкли и перестали его замечать.

— Одну минуточку, — повторил Борис, уложил аппарат в футляр и взял винтовку. Он выстрелил, и над черным кружочком взлетело облачко пыли.

Жители аула стояли на холмике, провожая глазами удалявшийся отряд. Он уже скрылся за горами, но еще долго слышна была его песня:

На земле, в небесах и на море
Наш напев и могуч, и суров...

3

Полуразрушенная древняя церковь стоит на пригорке. Над входом высеченные из камня святые подняли мечи. Их обязанностью, очевидно, было охранять вход в церковь, но давно уже вход завален камнями, нет ни дверей, ни ворот, цементный пол покрыт толстым слоем слежавшегося навоза. Говорят, что во время деникинщины партизаны держали здесь своих лошадей, и никому в голову не приходило, что в старой церкви, охраняемой святыми с поднятыми мечами, спокойно стоят партизанские кони...

От аула Лягжи до Гули можно идти двумя дорогами. Обе они недостаточно изучены. Дьяконов разбил отряд на две группы. Одна пошла по Цоринскому ущелью, другая — по ущелью реки Таба-чоч.

Голубой лед лежит на берегах, только посредине реки узкой лентой чернеет вода. Летом здесь зеленеют кусты барбариса, боярышника, шиповника, а в густых зарослях много дикой малины, сочной и сладкой. Сейчас на голых кустах торчат короткие веточки, усыпанные прозрачным рубиновым барбарисом.

Терпкие ягоды вяжут язык и десны.

Обледеневшая тропинка резко свернула в сторону и пошла на крутой подъем. Ноги лошадей стали скользить. Несколько раз мы пытались подняться по тропинке, но безуспешно. Тогда Челохсаев направил всадников по реке. Лошади испуганно цеплялись за кромку льда. Лед трещал и раскалывался, рассыпаясь во все стороны прозрачными осколками. Кроме своего постоянного груза, каждый всадник вез винтовку или ручной пулемет. Красноармейцы долго не соглашались отдать оружие, но им предстоял нелегкий подъем, а в подобных случаях, сказал Челохсаев, боец может доверить свое оружие товарищу.

Начал падать мелкий густой снег. Стемнело. Красноармейцы поднимались по крутой обледеневшей тропинке. Туго набитые рюкзаки тянули книзу. Местами приходилось ползти на четвереньках, цепляясь руками за едва заметный выступ, за примерзший камешек. На высоте двухсот метров тропинка вдруг пропала. Отвесная стена терялась под снегом. Что делать? Внизу — река, мостов нет, переходить вброд по колено в ледяной воде — перспектива не из приятных. Решили все же спуститься, перебраться на другой берег и пробиться к Гули сквозь кустарники. Главное — направление известно: все время вверх по течению. Спускаться было куда труднее, чем взбираться наверх. Трикопи, эти миниатюрные нептуновские трезубцы, густо насаженные на подметки, не сдерживали тяжести тела. Мало помогал и альпеншток, наконечник его скользил и срывался. Командир, шедший впереди, вдруг осел и пополз вниз, с каждым метром все быстрее и быстрее.

— Товарищ командир, держитесь, упирайтесь альпенштоком!

Но командир уже скрылся из виду. Через несколько секунд снизу донесся его голос:

— Эй, садитесь на лед и съезжайте. Совсем не опасно.

Все последовали его примеру. Когда внизу проверили людей, оказалось, что нехватает одного бойца.

— Сергей, — кричали внизу, складывая руки у рта трубкой, — эй, где ты?

— Тут я, — послышалось сверху, — на горе.

— Почему не сходишь? Задерживаешь.

— Не сойти мне, — кричал Сергей, растягивая каждое слово. — Шипов на ботинках нет. Сорвусь я.

— Что ж это за безобразие такое, — возмутился кто-то. — Красноармеец называется! Эй, Сергей, брось это дело, не гулять сюда пришел.

— Не могу я, товарищи, — убеждал сверху Сергей. — У вас на ботинках шипы, а на моих подошва гладкая. Оружием и жизнью своей рисковать не имею права. Ясно вам? Вы не ждите меня, идите.

— Вот чудак, как же нам без тебя итти?

Командир снял рюкзак, взял с собою одного красноармейца, и они стали подниматься по тропинке, по которой только что с таким трудом спустились...

Семнадцать раз мы переезжали Табачоч. От лошадей валил густой пар. Всадники были покрыты снегом, словно халатами для зимней маскировки. Снег сыпал глаза и таял на ресницах. Когда мы добрались до Гули, было уже совсем темно. По единственной улице аула навстречу нам шел Осман Чопанов — уполномоченный обкома партии и Совнаркома Чечено-Ингушетии. Его сопровождали жители аула. Они приветствовали нас и взяли наших коней под уздцы.

— Почему так поздно? — беспокойно спросил Осман. — Я уже проводника выслал вам навстречу. Где же остальные?

Лохматые псы с громким лаем перекачивались по снегу, увертываясь от лошадиных копыт.

— Давно ушел проводник? — спросил Челохсаев. Он уже жалел о том, что оставил пеших на половине пути. Кто знает, что может случиться.

В железной печи кунацкой комнаты весело потрескивали дрова, ботинки сразу оттаяли, и земляной пол размок под

Посадка на самолет

ногами. Скинув шлемы и ватники, мы потягивались всем телом и дрожали.

— Холод выходит, — улыбнулся Чопанов...

Проводник с трудом поднялся на вершину скалы и остановился: красноармеец деловито раскапывал снег короткой лопатой. Он откинул шлем на затылок и часто вытирал рукавом лоб. В снегу темнела глубокая яма. Невдалеке лежал мешок, на нем винтовка.

— Что делаешь? — спросил ингуш.

Красноармеец вздрогнул от неожиданности и быстро поднялся, отступив на шаг и подняв лопатку как бы для удара.

— А ты кто такой? — спросил он.

— Я Гули. Чопанов послал. Гули итти надо.

— Сергей, — послышалось где-то совсем близко. — Где ты?

— Мы тут, — весело ответил Сергей, обнимая ингуша. — Давайте сюда, товарищи. За нами пришли.

Все снова поднялись по тропинке, и проводник повел их к аулу, протаптывая в снегу узкую дорожку.

Когда красноармейцы вошли в комнату, они сразу же начали рассказывать о том, как струсил Сергей.

— И совсем не струсил, — обиделся Сергей. — У вас ботинки подбиты триконями, а я определенно сорвался бы. И винтовку, и вещи, и себя угробить на таком месте — плевое дело. Спальный мешок у меня есть, продукты есть, винтовка и патроны при мне. Я и три дня могу продержаться. А вы бы за мной, если не ночью, так завтра утром определенно пришли бы. Верно? Верно. Так чего зря языком трепать: струсил, трус. Даже нехорошо получается, товарищи.

— Я тоже думаю, что Сергей правильно сделал, — сказал Обожин. — Если б он сорвался...

Обожин не закончил фразы и вышел.

Оставшиеся еще долго спорили: что должен был сделать Сергей, и каждый старался сказать, как бы он поступил в подобном случае.

Хозяин сакли, Паци, отозвал Чопанова в сторону и шопотом спросил:

— Вы куда думаете ходить? Мелхесты?

— Да, в Мелхесты пойдем.

Паци сокрушено покачал головой.

— Что такое, Паци?

— Нехорошо. Дороги в Мелхесты нету. Ты говоришь: сюда трудная дорога? Эта дорога — проспект против той, куда пойдете.

4

Недалеко от аула Гули, под высокой горой стоит белый камень. На камне красной краской выведена косая надпись: «Вечная память».

В тысяча девятьсот девятнадцатом году здесь был похоронен военный комиссар Терской республики Яков Бутырин.

... Медленно переступали быки. Скрипели сани. Опустив непокрытую голову, за санями шел Серго. Несколько ингушей сопровождали его. В ауле было тихо и пусто. Сани остановились у под-

ножья снежной горы. Люди подняли тело, лежавшее на сером фэртэ, положили под голову подушку, поправили одеяло, открывшее желтый лоб. Серго взялся за край ковра. Два человека опустились в яму. Они посадили тело по мусульманскому обычаю к левому краю могилы лицом на восток и поставили под углом несколько досок, чтобы земля не давила умершего. Густой снег быстро покрывал доски. Все стояли вокруг могилы, и стало так тихо, что слышен был мягкий шелест снежинок, падавших на пушистые воротники, на шапки.

Земля застучала по доскам. Над могилой быстро вырос черный бугор. Старик-ингуш взялся за высокий тонкий шест, поднимавшийся над бугром.

Он сказал торжественно:

— Умер боевой человек. Он был русским, но он воевал за свободу нашего народа. Он был героем, и над могилой этого человека мы поставим высокий памятник, памятник герою, давшему клятву погибнуть, но не покориться врагу. Мы клянемся тебе, Серго, на могиле героя, что будем драться за свободу, не жалея своей жизни...

Серго молча обнял старика. Все медленно пошли к аулу. Снег уже покрыл могилу, и только высокий шест показывал место, где похоронили человека.

А в тысяча девятьсот двадцатом, навсегда прогнав денкинецев с Терека, Серго приказал перевезти останки Бутырина в город Владикавказ. Военный комиссар Терской республики был похоронен вторично, с воинскими почестями. Гроб везли на лафете, торжественно и грозно пели оркестры, и ружейный салют прозвучал над могилой, как боевая клятва.

... Жители Гули свято чтут память человека, боровшегося за счастье их народа. Ясным утром стоим мы у белого камня. Говорит старый партизан Хизыр, говорит комиссар Челохсаев. Потом наступает тишина. Два красных флажка трепетно бьются над нами. Снежные вершины пылают под чистым утренним солнцем.

Крутизна под'ема доходила до двадцати семи градусов. Подтаявший снег набивался между триконей, ноги тяжелели. Приходилось часто останавливаться и выковыривать снег остриями альпенштоков.

Отряд поднялся на гору Гуль-Гуль. Местные жители считают ее горкой, первым подступом к перевалу Кюри-Лам, который предстоит нам преодолеть. Этот перевал был раньше, до образования Чечено-Ингушской республики, естественной границей между Ингушетией и Чечней.

Мы вышли в шесть часов утра, а к четырем часам дня прошли только половину пути.

Неожиданно налетела метель. Поднялись тучи колючего снега. Мы опустили шлемы, но глаза, щеки и нос остались во власти обжигающего ветра. Кинооператоры как будто не замечают метели. Они ложатся в снег то на спину, то на живот, бросаются под ноги идущим, направляя объектив аппарата в небо; они приседают на корточки, на одно колено и трещат своими аппаратами. Для них поднимающаяся метель — замечательные кадры: метель и солнце! Солнце сквозь снежную пелену! Тяжелые ботинки бойцов тонут в снегу!..

Справа — отвесная скала, слева — километровый обрыв, покрытый толстым слоем снега.

— Ногу ставьте осторожнее, — часто напоминает политрук Лимарев, — тут и сорваться недолго.

Все притихли, усталость дает себя чувствовать. Да и ветер такой, что рта не раскроешь. Внизу под нами раскинулся сказочный снежный город. Вершины гор, словно крыши башен. Под ними перекатываются и кипят облака. Острые пики, как утесы, вздымаются над пенистым облачным морем. Все круче, все быстрее клубятся облачные валы.

Ветер гонит их в нашу сторону. Только бы успеть уйти...

Впереди послышался глухой стук падающего тела. Мул «Яшка» упал спиной к обрыву. Тяжелые вьюки тянут его вниз.

Полевая сумка и сетка с сеном сорвались с крючков и покатались по снежному склону. Четыре человека, забыв об опасности, бегут по краю обрыва, балансируя, как пожарники на скате крыши.

— Куда, Сергей? У тебя ведь шипов на ботинках нет.

Но Сергей не отвечает. Сейчас не время раздумывать, ведь погибает лошадь и радиостанция!

Четыре человека уже подбежали к «Яшке» и подпирают его спину плечами. Он дрожит всем телом. Пулеметчик почти лежит, упираясь каблуками в снег, и держит «Яшку» за хвост. Лимарев наматал уздечку на голую руку. Рука вздулась, посинела, вот-вот Лимарев выпустит повод из рук, «Яшка» откиннет голову и, придавив красноармейцев, покатится вниз.

— Ящики, ящики снимайте! — напрыгаясь, закричал Лимарев.

Не высвобождая плеч, левыми руками красноармейцы приподняли ящики. Сверху подхватили их и сняли с крючков. «Яшка» глубоко вздохнул, раздувая бока. Ноги его были плотно прижаты к тропинке. Он все еще мелко дрожал, в его больших умных глазах был страх.

— Яшка, Яшенька! Ну поднимайся, родной!

Это сказал Лимарев — политрук пулеметного взвода и парторг всего отряда. Красноармейцы уперлись в спину животного ладонями и на вытянутых руках приподняли его тяжелое тело. «Яшка» медленно подтянул ноги к животу и вскочил.

Он врос копытами в снег и так стоял несколько мгновений, как будто не веря тому, что под ним твердая почва. Раздувая ноздри, прядая длинными ушами, он боязливо косился на пропасть.

Пока мы возились с «Яшкой», подтянулся весь отряд.

— Развьючить лошадей! — приказал Дьяконов. — Вьюки вынести на себе!

Дьяконов разбил отряд на четыре самостоятельные группы. Три красноармейца во главе с инструктором аль-

пинизма Балабановым ушли вперед. Перед ними встала ледяная стена. Крутизна доходила до семидесяти градусов. Подняться на нее невозможно. И Балабанов, скрючившись, одной рукой упираясь в тропинку, ледорубом начал прорубать ступеньки. Одна, две, три.

Работа подвигалась медленно, а ветер засыпал ступеньки снегом...

Давно уже наступили сумерки, но мы как-то не заметили темноты. По скользким ступенькам вытаскивали вьюки на гребень перевала. Белье прилипло к телу, пот катился по лицу, забирался за воротник и тонкими струйками пробегал по ноющей спине. Дьяконов вывел наверх своего «Ездока» и спустился вниз. Командира видели всюду, он следил за развьючиванием, поднимался на вершину и каждый раз приносил на спине новый вьюк. На лице его выступили красные пятна, от лица шел пар, словно после горячей бани.

Он торопился сам и торопил других: наступает ночь, а путь предстоит еще долгий.

Но в этой торопливости не было суеты, распоряжения были четки и разумны.

Обожин шел, не выпуская поводка. Он пятился, свободной рукой шарил под снегом и цеплялся за всякую неровность, чтобы не оступиться.

— Проводите ладом, — часто кричал он шедшим сзади. Он охрип. Горло пересохло, язык стал шершавым и чужим. Соблазнительный снег лежал кругом, но кушать снег запрещено. Обожин часто облизывал сухим языком потрескавшиеся губы и с жадностью глотал морозный воздух.

Высокий Макарихин согнулся под тяжестью пулеметного станка. Лицо его покрылось потом. На ватнике проступили черные пятна.

Дьяконов подошел к нему и протянул руку.

— Дайте станок!

Макарихин остановился.

— Нет, товарищ командир, — сказал он, улыбаясь. — Разрешите не выполнить. Я в Орджоникидзе сказал,

что никому станка не отдам, сам пронесу. А своему слову я хозяин.

Снизу донесся голос Лимарева:

— Что же мы, товарищи, не справимся с таким делом? Справимся, и лошадей спасем, и имущество. Выберемся — и быть не может!

Он ташил на себе какой-то ящик и, останавливаясь, каждый раз произносил несколько фраз, неизменно заканчивающихся словами: «и быть не может».

Эти слова были его любимой формой утверждения...

6

Все вьюки втащены на гребень перевала. Лошади выведены наверх. Отряд отдыхал. Тяжелая усталость разлилась во всем теле. Я почувствовал: если сяду, не смогу поднять ноги. И я один уйду вперед. Хорошо побыть одному, еще раз перебрать в памяти все детали пережитого, не ставшие еще воспоминаниями. Но мозг отказывается работать. Мысли путаются, отдельные картины сливаются, наплывают одна на другую... Глубоко внизу клубятся облака, «Яшка» падает и летит вниз, и облака подхватывают его, и он подпрыгивает на облаках, как цирковые прыгуны на американском батуте, и зеленая палатка радиостанции разрывает стягивающие ее ремни, и раскрывается, и летит, надуваемая ветром, как парус в открытом море... В каждом человеке с детства заложена тяга к героическому.

Где же героическое? Я иду один, мне некого спасать и не с кем бороться.

Даже метель улеглась. Глухая ночь окружает меня. Синий снег лежит кругом.

Ни человека, ни огонька, ни жилища. Куда итти?

Внезапно возникает мысль о том, что я делаю последние шаги. Ноги отказываются держать отяжелевшее тело. Они передвигаются все медленней и медленней. Наконец, совсем останавливаются.

Так... Здесь я опущусь на снег, усну,

мне станет тепло и приятно. Бесславная, глупая гибель... Зачем я оторвался от отряда?

При мысли об отряде я вдруг тихо смеюсь. Сентиментальный мальчишка! Все эти красивые слова о смерти, ведь они же из книг! Вот так на страницах книг умирают одиночки в Аляске, на Клондайке и Юконе... Я оглядываю снежную пустыню и замечаю впереди черное пятно. Я заставляю себя двигаться и вскоре догоняю троих красноармейцев.

— Какого взвода?

— Пулеметного. Не узнаете? Мы вместе с вами «Яшку» поднимали.

— А взвод где?

— Сзади. Нас вперед послали.

— Можем вперед двигаться?

— Конечно, можем.

Снег попрежнему синий, но пустыня превратилась в обычный снежный склон, на котором темнеют глубокие следы. Часа два тому назад здесь прошел альпинист Балабанов, а за ним комиссар и хозяйственный взвод.

Все, что мы видим, не вызывает мыслей о смерти.

Странные световые пятна лежат на горах, и мы понимаем, что где-то, невидимая нами, всплыла луна. Мы мало говорим. Однотонно поскрипывает снег.

Ничто не вызывает желанья присесть, лечь в снег и уснуть. Мы должны во что бы то ни стало добраться до аула.

За снежным склоном чернеет провал. За провалом снова встают горы.

Откуда-то снизу донесся приглушенный собачий лай.

Ура! Значит скоро аул.

Но к ущелью, откуда слышится лай, дороги нет. И мы продолжаем идти по следам. Лай удаляется. Начавшиеся было оживленные разговоры смолкают.

— Чорт те што! — сокрушенно сказали сзади.

Я начинаю рассказывать о том, как в феврале девятнадцатого года в метель и мороз здесь проходил Серго. Мы забываем останавливаться на отдых, вопросы следуют один за другим. Мои спутники идут тесно, стараясь не

Н-ская артиллерийская часть на маневрах.

пропустить ни одного слова. А я счастлив, что знаю много о замечательном человеке, и рассказы о нем наполняют бодростью сердца моих спутников. Прошли два, а может быть, пять километров.

В наступившей на мгновение тишине снова донесся до нас собачий лай. И мы увидели внизу яркую точку электрического фонарика.

— Наши!

Еще быстрее пошли мы вперед, но дорога вдруг пропала. Перед нами была черная пропасть. Светлая точка продолжала передвигаться глубоко внизу.

— Эй, кто там? Как спуститься?

Фонарик остановился, и мы услышали:

— Сворачивайте направо, садитесь на снег и с'езжайте.

Мы так и сделали и через несколько минут уже стояли у сакли. На камне, обхватив голову руками, сидел старший лейтенант.

— Куда идти?

Он молча указал нам на саклю. Мы были удивлены такой молчаливой встречей и приписали это усталости лейтенанта.

Но он, оказывается, уже знал о том, что нам стало известно значительно позже.

В комнате лежали, сидели, стояли, опираясь на винтовки, красноармейцы и командиры. Железная печка раскалилась. В комнате было душно. На узком подоконнике коптил фитилек масляной лампы. Огромные тени дрожали на

стенах, на потолке. Жадными глазами я осматривал комнату. В ту минуту я, может быть, в первый раз за всю свою жизнь испытал чувство зависти. Я завидовал всем, кто лежал на нарах. Лежать — и больше ничего не надо. Я не понимал, где командование предполагает разместить нас. Ведь в этой комнате нет даже и третьей части отряда, а уже негде повернуться. Неужели же снова надо будет куда-то итти? Нет, я не двину ногой, я здесь останусь, и никакая сила не заставит меня итти.

Окутанный морозным облаком, в комнату вошел Челохсаев. Он оглядел красноармейцев и спросил:

— Отогрелись, товарищи?

Затем снял шлем, стряхнул с него снег и снова надел.

— Как лошадь, товарищ комиссар? — спросили из глубины комнаты.

— Лошадь поднялась. Но трудно сказать, сможет ли она двигаться дальше.

Все повернули головы в сторону комиссара.

— Какая лошадь? Что с лошадью? Упала? Где? — слышались тревожные голоса.

Челохсаев рассказал о том, как в темноте на крутом обледенелом спуске в пропасть сорвалась лошадь с вьюком. Коммунист Шамала, врубаясь в ледяной склон, часто повисая на ненадежном клюве ледоруба, спустился в пропасть. За ним спустились красноармейцы.

Вьюк был спасен. Лошадь пострадала, но поднялась, и сейчас ждут, пока подойдет ветфельдшер. Комиссар не сказал о том, что он первый бросился за сорвавшейся лошадью, он скатился вниз, оборвав на себе одежду, исцарапав лицо и руки.

— Я только-что узнал, товарищи, — закончил свой рассказ Челохсаев, — что мы потеряли еще одну лошадь. Она сорвалась в пропасть на гребне перевала, там, где мы втаскивали вьюки. Ее не смогли удержать. На ней, правда, не было вьюка, но...

Мы поняли, почему так молчаливо вострелил нас лейтенант. Он тогда уже

знал о гибели лошади. Тяжелая потеря!

Комиссар вышел, но через минуту вернулся.

— Весь отряд здесь. Все люди целы и здоровы. Имущество в порядке. Сейчас двинемся к месту ночевки.

Кто медленнее, кто быстрее, но все поднялись и вышли во двор. Я даже не вспомнил о своем решении никуда не уходить из этой комнаты.

Красноармейцы проверяли и подтягивали вьюки, то здесь, то там вспыхивали электрические фонарики.

Дьяконов острием альпенштока освобождал копыта «Ездока» от сбитого, крепкого, как камень, снега. «Ездок» послушно поднимал ногу и следил за хозяином, изгибая шею. За время похода живот у него подтянулся, резче обозначились ребра, и ноги стали еще тоньше.

Дьяконов ладонью разглаживал свалывшуюся шерсть на шее коня. «Ездок» вытянул морду и лизнул ладонь командира.

— Сахару хочешь?

В кармане у Дьяконова был запас этого лакомства. «Ездок» тихо заржал, разгрызая сахар.

Отряд двинулся дальше.

К двенадцати часам ночи мы достигли хутора Каратог, где расположились на ночлег.

Это был первый чеченский аул на нашем пути.

Сакля прилепилась к стене разрушенной древней башни. В тесных комнатах, на полу, словно сардины, лежали закутанные в спальные мешки красноармейцы. Поднялись поздно, когда солнце уже переползло хребет и позолотило запыленные крохотные оконца. После вчерашнего похода надо было хорошенько выспаться, дать отдохнуть всему телу. Сонные, взлохмаченные, вылезали из спальных мешков и, быстро одевшись и скатав мешок, спешили освежиться родниковой водой. С засученными рукавами, с открытыми шеями, согнувшись, стояли под легким солнечным морозцем. Кожа на шее, на руках краснела, как обожженная. От мою-

щихся шел светлый пар, как от пригретой солнцем весенней земли.

В первую очередь осмотрели оружие, почистили его и смазали. Затем во всех взводах политруки провели политзанятия — проработку постановления Центрального Комитета партии о постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)». Это было второе политзанятие в походе. Но на всех привалах, на ночевках, в пути проводились беседы, короткие митинги. Политработа, как говорил Челюхаев, в походе принимает новые формы.

...Мы сидим в комнате, где двадцать лет назад жил Серго. Железная кровать покрыта белым одеялом, высокая подушка не смята. На маленьком столике стоит керосиновая лампочка. При свете этой лампочки Серго просиживал ночи, исписывая своим крупным уверенным почерком листы полевой книжки. Недавно хозяйка сабли передала в Музей революции в Москве чемодан, который у них оставил Серго.

Высокая старуха смущенно стоит у железной печки. Голова ее повязана легким платком. Женщина подперла рукой острый подбородок. Она не понимает, о чем должна говорить. Да, у нее жил Серго, она готовила для него еду. Но разве это можно назвать едой? Она плохо принимала гостя, и ей стыдно сейчас об этом говорить. Время было тяжелое, черное время. Она тогда ничего не понимала, но ее муж Габис сказал, что гость — очень большой и важный человек. А она не могла его принять, как следует, не могла угостить свежей бараниной, маслом и пшеничным чурком. Если б сейчас он приехал!..

Старуха приносит небольшой фанерный ящик и вынимает из него отрез коричневой шерсти. Это прислали ей в подарок из Москвы. Она смущена: ведь она ничего не сделала.

Женщина замолчала. В комнате наступила тишина.

Чопанов тихо спросил о чем-то старуху. Она вскинула голову и заговорила неожиданно быстро. В голосе ее слышалась обида. Да, она обижена. Двадцать лет назад, когда к ней приезжал

большой гость, она не могла принять его, как полагается, и все эти двадцать лет ее гнетет чувство обиды. Сейчас у нее есть все: и баранина, и пшеничная мука, и масло, и сыр, и чурек, и курица. Она может принять самого дорогого гостя. Пусть приедет к ней Сталин, пусть приедет Ворошилов — она покажет, как живут сейчас в Каратогее! Но у нее опять обида: приехали такие дорогие гости и ничего не ели, спали на полу. Ей недолго осталось жить, и она хочет в последние свои годы освободиться от тяжелого чувства обиды...

Чопанов успокоил старуху. Мы перешли в другую комнату. На низеньком столе дымилась огромная миска с супом, высокой стопкой лежали на тарелках пышные лепешки — чэбльгиш. Горячее масло золотилось в низких чашечках. Мы обмакивали лепешки в масло и ели вкусный суп. Хозяйка стояла у двери, лицо ее светилось довольством и гордостью.

Вечером Дьяконов и врач Реутин обходили все сабли, где разместился отряд.

Они вошли в комнату, и Реутин спросил:

— Как себя чувствуете? Потертости есть?

— Нет потертостей, — в один голос отвечали все.

— Ладно, ладно, — засмеялся Реутин, — а ну-ка, снимите ботинки.

— Знаете, — говорил Дьяконов, пока доктор осматривал наши ноги, — вот так все время отвечали бойцы и командиры, а доктор не верил. Не может быть, чтобы в таком длительном и трудном походе никто не натер себе ноги. Он осмотрел всех. Что же вы думаете? Хоть несерьезные, но потертости были, и если бы их не предупредить, то могли быть неприятные последствия.

— Вы посерьезнее отнеситесь к этому делу, — сказал Реутин, закончив осмотр. — Все здоровы в отряде?

— Больных нет, но сегодня почувствовал себя плохо Герасимов.

— Что такое?

Мы боялись неожиданностей. Если что-либо случится с кем-нибудь из

участников, результаты похода будут омрачены. И уж, во всяком случае, оценку «отлично» отряд не получит.

— Ничего особенного, — успокоил нас Реутин, — обычные признаки горной болезни. Он ни за что не соглашается остаться, говорит, что дойдет, и настойчиво просит не оставлять его. Не знаю, — закончил он, взглянув на Дьяконова, — вот сегодня вечером решим, как быть.

Приносят колбасу, сыр, яблоки, чеснок, консервы. Все это надлежит упрятать в мешки и не трогать до особого распоряжения. Это так называемый неприкосновенный запас на случай, если всех или кого-либо из нас застигнет в пути несчастье.

7

Никто не знал, когда и как дали им клички. Но все называли их Дамками. У них было одно имя на двоих, потому что всегда они ходили вместе и были до удивления похожи одна на другую. Рыжие, лохматые, с короткими ушами, большие, как немецкие овчарки. Во время ночевки в интернате повар вылил остаток супа. Дамки набросились на него. Они жадно глотали жирные куски мяса, и в течение нескольких минут на земле осталось только влажное пятно. После этого Дамки пошли за отрядом. Как ни звал их хозяин, как ни пытался поймать, они все же удрали от него. Теперь всякого, кто был одет не в военную форму, Дамки встречали угрожающим рычаньем и близко к отряду не подпускали. К нам же они относились с необычайной любовью, с послушанием и покорностью.

Они всегда забегали вперед, выскакивали на возвышенности и с видом победителей, помахивая хвостами, ждали, пока подойдет передовая группа.

Нас пять человек. С ледорубом, кирками и лопатами мы идем впереди. Подъемы крутые, и места тропинки до того узки, что приходится рубить скалы киркой. Иногда мы ледорубом скалываем лед, оставшийся на тропинках от замерзших родников. Здесь мало де-

ревьев, ущелье уже и скалы мрачнее. Ветер свежий, молодой. Его можно глотать, его можно пить, как родниковую воду.

Солнце стояло высоко, когда на вершине скалы мы увидели группу хевсуров. На них были широкие рубахи с пестрыми узорами, вышитыми крестом. Висевшие на спинах шкурки зверей были не столько украшением, сколько свидетельством меткой стрельбы охотника. Хевсуры подняли вверх руки, завидев нас, и закричали: «Ваша!». Они остались ждать отряд, а мы продолжали путь.

В стенах ущелья узкие просветы, как будто кто-то пропилил скалы. На одном из поворотов мы слышали грозное рычание Дамок. Навстречу бежали белые псы. Мы отогнали их. За поворотом показался аул. Это был Шатиль — первый хевсурский аул на нашем пути. Со стороны Чечни, откуда мы пришли, видна была стоявшая на возвышенности крепостная стена. Десятилетиями разжигалась вражда между ингушами и хевсурами. Жизнь заставляла горцев строить свои аулы в виде крепостей. На стороне, обращенной к Грузии, у стены террасами расположились сакли с тростниковыми балкончиками, со странными и страшными для непривычного человека лестничками, мостиками и переходами. В ауле стояла тишина. Все жители вышли навстречу отряду. Ребятишки подходили к нам, сначала робко, нерешительно, потом все смелее. Они разглядывали нас. Они впервые видели Красную Армию.

Долгие годы царское самодержавие травило хевсуров, уничтожало этот вольнолюбивый, воинственный народ за непокорность. Неграмотные, загнанные в дикие горы, усталые хевсуры умирали, но умирали гордо, не сдаваясь. Сейчас хевсуры получили возможность учить своих детей. В Хевсуретии есть больницы и родильные дома. Все больше и больше приобщаются хевсуры к социалистической культуре и начинают жить общей жизнью со всеми народами Советского Союза.

Ребятишки были одеты в такие же костюмы, как и взрослые. За спиной у

одного мальчика висела коричневая шкурка, в руках он держал самодельный лук и стрелы. Идрис воткнул в снег альпеншток и, взяв за руку мальчика, отвел его на 25 шагов.

— Стреляй, — сказал он.

Мальчик понял. Он натянул тетиву, стрела ударилась об альпеншток и упала. Мальчики спешили наперебой показывать свое искусство в стрельбе из лука. Стреляли они прекрасно. Тонкие стрелы с медными кольцами и железными наконечниками летели вверх на сто метров и падали совершенно отвесно.

Мы быстро подружились и стали понимать друг друга. Мальчики показали нам естественный грот в скале, как будто вырубленный, в форме готического окна. Они отогнали своих псов, никак не мирившихся с нашими Дамками. Но, как только показались первые красноармейцы, мальчики бросили нас и побежали навстречу отряду.

Председатель Душетского райисполкома за полтора года своей работы впервые посетил Шатиль. Он проехал верхом 135 километров и преодолел горный перевал, большую часть года покрытый снегом. Старый Гигия, самый уважаемый человек в ауле, долго разговаривал с председателем о том, как устроить лучше встречу, где разместить отряд и какую еду приготовить.

— Нам стыдно, — говорил Гигия, — мы очень отстали. Я был в Тбилиси и понял, что мы еще почти дикий народ. Как сможем мы принять нашу Красную Армию? Это ведь такие гости!

Гигия осматривал помещение, заглядывая во все углы. Его узкую спину, сгорбленную восемьдесятками лет легкой горной жизни, можно было видеть всюду. Попыхивая своей длинной тростниковой трубкой, он то перекладывал сено, постеленное на каменном полу, то затыкал тряпкой щели в оконных рамах.

На хевсурах были праздничные одежды и боевое оружие: круглые железные щиты с дырами и зубринами, старинные кривые сабли, сточенные наполовину; они свободно ходили в по-

На зимних тактических занятиях
N-ской части.

трескавшихся черных ножах, стянутых множеством медных хомутиков.

Председатель райисполкома открыл митинг у строящейся школы. Он сказал о том, что Шатиль впервые видит Красную Армию, впервые шатильцы видят армию, пришедшую не взysкивать налоги, не забирать скот и не выгонять хевсуров с их земель. Они видят армию, которая несет мир и радость и защищает все, что создано великой партией, великим народом для счастья всех людей, населяющих советскую землю.

От имени отряда выступил Чопанов. Его речь была горяча и искренна. Много лет хевсуры не могли жить мирно с чеченцами и ингушами потому, что царские офицеры и генералы намеренно натравливали один народ на другой. Сейчас рядом стоят ингуши и хевсуры, украинцы и чеченцы, русские и осетины...

Дьяконов уже проверил коновязи и сейчас стоял в стороне от стола. Он держал в руках свою записную книжку

и доказывал Реутину, что рюкзаки в условиях горного похода непригодны. Он показывал доктору многочисленные записи.

— А вот о ботинках надо тоже серьезно подумать, — сказал он, закрывая книжечку. — Почему у красноармейцев было столько, хоть и незначительных, потеростей? Потому что задник не прошит и подкладка сжимается. Набьется снег, кожа намокнет, а потом сохнет. И — готово.

— Признаться, я не догадался, — сказал Реутин.

Хевсуры смешались с красноармейцами, с чеченцами и ингушами. Обнявшись, они выстроились полукругом и, не понимая друг друга, широко и радостно смеялись.

В этой группе был и Герасимов, у которого после перехода не осталось и следа от горной болезни.

Наш фотограф Сандро сегодня особенно суетился. Сандро был грузин и неоднократно говорил нам, что в Чечено-Ингушетии он себя чувствует не совсем свободно, потому что не знает языка. А вот когда придем в Хевсуретию и в Грузию, он такие снимки сделает, что «только держись». Ни разу мы не видели его скучным, бездействующим. Он всегда был чем-нибудь занят. Чаще всего он копался в своем черном мешке, перезаряжая аппарат. Снимал он много, делал до ста снимков в день.

— Понимаете, такой поход не скоро повторится, надо все детали зафиксировать, — говорил он.

Сейчас он бегал возле группы обнявшихся и смеющихся людей, бесконечно щелкал аппаратом, приговаривая:

— Хевсуры и ингуши обнимают друг друга. Исторический момент!..

Мы заняли приготовленное для нас помещение. От каменных стен тянуло холодом. В оконные рамы задувал ветер, и в комнате стоял пар от дыхания. Но на полу лежало мягкое душистое сено, а у нас с собой были теплые спальные мешки.

Вечером на берегу Аргуна мы разложили костер и подвесили над огнем котелки с водой. Пока закипит чай, поем песни. Вокруг костра все больше крас-

ноармейцев и командиров. Здесь почти весь отряд. Песни звучат все громче, все уверенней. Высокое пламя встает над рекой. Искры летят к небу и превращаются в звезды. Звезды засыпают нас.

Распрягайте, хлопцы, кони,
Та й лягайте спочивать,
А я пиду в сад зэлэный,
В сад крыныченьку копать...

Украинскую песню сменили волжские частушки. Воспользовавшись паузой, Макарихин запел:

Эх ты, ноченька, ночка темная,
Разгони ты печаль-заботушку,
А на зорьке за работу,
За работу веселей.

Мягко подхватывают десятки голов:

Приходи вечер, любимый,
Приласкай и обогрей.
Ведь не даром за рекою
Пел на ветке соловей.

Макарихин поет, закрыв глаза. Горит костер. Песни плывут над аулом.

Знакомую песню можно петь и думать о другом. В этот вечер каждый собирал в своей памяти все, что видел. Обожин сидел возле костра и смотрел на огонь. Вдруг он перестал петь и, чуть прищурив глаза, сказал задумчиво, как будто самому себе:

— Приеду в часть и сразу письмо начну писать. Про все, что узнал и видел. И про ингушей, и про хевсуров, как раньше жили и как теперь живут. Про то, как встречали нас и радовались. Про Орджоникидзе напишу, как он здесь в то страшное время проходил. И про горы, про всю эту красоту. Напишу так, что старики мои порадуются — вот где их Петька бывал. На неделю писать хватит, две тетрадки напишу...

Старики жили в Свердловской области, в Исерти. В 1928 году отцу на заводе оторвало руку. Семья была большая, пенсии не хватало на всех. Петр стал работать. Он работал гонщиком на таратайках, как несовершеннолетнего его не допустили к другой работе. Поз-

же он стал чернорабочим, затем грузчиком. Потом пошел учеником на трактор «Сталинец», быстро освоился и стал трактористом. Вот и вся биография командира отделения Обожина. Обожин закончил всего два класса школы, но на последней инспекторской проверке по политзанятиям он получил оценку «отлично». Невысокого роста, крепко сбитый, весь какой-то ладный, уверенный, он любит иногда помечтать.

Сидя у костра, слушая песни, он мечтал о том, как придет на свой родной завод в Исерть, как встретят его старики. Конечно, мать обнимет, положит голову на его плечо и всплакнет от радости. А отец подойдет и повернет его несколько раз одной рукой, критически оглядывая. Старик будет молчать. Но глаза молчать не заставишь, они засветятся довольством и гордостью за сына...

Спеты песни, выпит чай. Костер догорел, и тлеющие уголья присыпаны голубым пеплом.

Совсем поздно в комнату, где расположились командиры, пришел старый Гигия. Спина его выпрямилась, он казался выше, чем днем. Старик рассказывал, как в двадцатом году хевсурь увидели впервые Красную Армию. Что это была за армия? Голодные, разутые, с отмороженными ногами, красноармейцы пытались перейти в Грузию, чтобы оттуда попасть в Советскую Россию. Они умирали, и никто не мог помочь им... Старик много говорил о впечатлении, которое произвел на жителей Шатиля наш отряд, и в заключение сказал:

— Вы — наша защита. Вы должны нас хорошо защищать. Значит, вы должны хорошо стрелять. Вот мы и хотим проверить, как вы стреляете.

Он задорно подмигнул Дьяконову и ждал ответа.

— Что же, постреляем, — сказал Дьяконов, — только и вы покажите свое уменье.

Гигия понял, улыбнулся и ушел, оставая в комнате горьковатый привкус табачного дыма.

Соревнование состоялось на другой

день в Хевсурском ущельи, в нескольких километрах от аула. Хевсурь стреляли сидя, упираясь в колени локтями. Все были довольны. Но больше всех радовался 12-летний мальчик, внук Гигии. Челохсаев разрешил ему выстрелить. Он уселся на землю, как взрослый, но не мог удержать винтовку. Ему помог сидевший рядом хевсур. Мальчик долго целился и после выстрела не сразу отнял винтовку от плеча. Не сразу поверил в свою победу, но, когда раздались аплодисменты, гордо улыбнулся и довольный отошел в сторону.

8

Перевал Датвис Джари был помечен в нашем плане, как самый трудный участок перехода. Вот он высится впереди, покрытый снегом: два верблюжьих горба и между ними седловина. По этой седловине нам предстоит завтра пройти.

Взводы проверяют снаряжение, укладывают на вьюки, обеспеченность всем необходимым. Много разговоров вызывает вопрос о том, какой взвод должен завтра идти впереди. Итти впереди всего отряда на самом трудном участке перехода — большая честь.

За время похода подано одиннадцать заявлений о приеме в комсомол. Завтра на вершине перевала должно быть комсомольское собрание. Кто из одиннадцати достоин быть принятым в комсомол в такой торжественной обстановке? Еще в начале похода были заключены договора на социалистическое соревнование. Особенно страстно соревнуются отделения Черновола и Обожина. Вначале первенство держало отделение Черновола, но затем отделение Обожина отвоевало первое место. А через некоторое время первое место было снова присуждено отделению Черновола. Итоги соревнования подводятся ежедневно, и о результатах знает каждый боец...

Утро выдалось ясное, солнечное. Задолго до выступления отряда пулеметный взвод вышел на берег Аргуна.

— Вот, — сказал Лимарев, протягивая руку к перевалу, — эту гору нам

нужно перейти. Мы, пулеметный взвод, все время шли вперед. И сегодня будем первыми, — и быть не может! Как, товарищ Макарихин, донесете станок?

Макарихин сдержанно улыбнулся, прищурил и без того узкие глаза и в тон политруку ответил:

— Донесу, товарищ политрук, — и быть не может!

Из сакли выходит Дьяконов. Он оглядывает горы, реку и замечает пулеметный взвод. Быстро спускается на берег.

— Смирно!

Дьяконов подходит ближе. Походка у него легкая, размеренная. Он как будто не чувствует тяжести грубых ботинок.

— Товарищ капитан, пулеметный взвод...

— Здравствуйте, товарищи!

— Здравствуй-те! — в один голос отчеканивают пулеметчики.

Дьяконов задает несколько вопросов, осматривает вьюки.

— Скоро выступим, — говорит он, вынимая часы. И неожиданно резко выкрикивает:

— На вьюки!

Пулеметчики бросаются к разобранному пулеметам. Дьяконов следит за секундной стрелкой.

— Готово!

Пулеметы на вьюках, пулеметный взвод готов к движению.

— Не плохо, товарищи, — говорит Дьяконов, объявляя число секунд, — нам сегодня не раз придется на себе переносить пулеметы. Ноги у всех в порядке?..

Резкий ветер встречает нас у подножья перевала. Отряд остановился. Реутин с огромной консервной банкой проходит вдоль отряда.

— Пожирней! Пожирней! Не жалейте!

Мы смазываем лица гусиным салом, опускаем шлемы.

— Вперед!

Рыхлый и сыпучий, как песок, снег доходит до колен. Он набивается в ботинки, за гетры. Итти тяжело. Но

здесь нет опасных тропинок, ледяных скатов. Иногда дорога встает отвесно, и тогда вьюки мы переносим на себе. Макарихин попрежнему никому не дает станок пулемета.

— Сам вынесу.

Обожин оглядывает свое отделение, на «минутках» освобождает копыта коня от набившегося снега. В наиболее трудных местах он сам проводит своего «Енота». Он часто повторяет, обращаясь к бойцам, свое обычное:

— Проводите ладом!

Чем выше мы поднимаемся, тем яростнее становится ветер, ярче сверкает снег. Вершины, как бы облитые голубоватым стеклом, пылают под солнцем. Стоит поднять веки, и перед глазами встает багровая пелена. Дьяконов приказывает надеть всем очки. В первую минуту сквозь густые стекла ничего не видно. Постепенно глаз привыкает, и день превращается в ночь. На синем снегу движутся длинные черные тени. Блестят темнобронзовые, смазанные жиром лица...

Радиовзвод первый взшел на вершину. В 11 часов 35 минут радист передал радиограмму:

«Москва. Кремль.

Вождю народов товарищу Сталину.

Народному комиссару обороны СССР маршалу Советского Союза товарищу Ворошилову.

Во имя социалистической родины и славной памяти большевика Серго Орджоникидзе отряд участников большого высокогорного перехода Орджоникидзе — Тбилиси пробился через неприступные скалы Ингушетии, Чечни, Хевсуретии и прошел героический путь Серго.

24 ноября отряд преодолел наивысшую точку перехода — перевал и вершину Датвис.

Шлем пламенный красноармейский привет.

Мы готовы выполнить любое задание партии и правительства по защите своей родины.

Да здравствуют дорогие товарищи Сталин и товарищ Ворошилов».

Пока радист отстукивал ключом свои точки и тире, комсомольцы провели собрание. На снежной вершине, под ярким солнцем Обожин, Макарихин и два других красноармейца коротко рассказывали свои биографии. Они были из разных концов нашей необъятной родины. Неодинаковы были пути этих людей в жизни, но жизнь привела их в Красную Армию, сдружила и породнила. И светлым праздником их юности явился этот солнечный день...

Отряд выстроился на вершине. Дьяконов стал впереди, поднял пистолет:

- В честь нашей славной родины!
- В честь нашей великой партии!
- В честь мудрого Сталина!

Прогремел троекратный салют. И сразу же несколько голосов запели:

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов...

Могучий гимн поднялся и поплыл над высокими неприступными горами.

9

— Теперь бы еще на Казбеке побывать, — мечтательно произнес Обожин.

— Так сразу и на Казбек? Там, говорят, под'емы почище наших будут.

— Какие под'емы? Нам вот говорили, что Датвис-Джари — самый трудный перевал. А мы его прошли легче, чем Кюри-Лам. Нам, по-моему, теперь никакие горы не страшны.

— Море по колено? — спросил подшедший Челохсаев.

— А что, товарищ комиссар, разве трудно? Здесь в это время года никто не проходит, а мы прошли. Пулеметы станковые в этих местах никогда не бывали, а мы пронесли, наши артиллерийские кони никогда в горах не были, а мы их провели, да еще с вьюками. И сами с полной выкладкой идем. Разве не так?

— Так... А только рано итоги подводить. Думаете, впереди мало трудностей? До Тбилиси еще сколько дней пути, и все по горам, по ущельям. Вы говорите: море по колено. Вот встретится по пути горная речка, и воды в ней по шиколотку, а перейти не так просто.

Этот разговор происходил на привале, вскоре после перехода Датвис-Джари. И вечером того же дня на партийном собрании после доклада Лимарева о достижениях отряда, о передовиках слово взял Челохсаев. Он сказал о зазнайстве. Это может привести к демобилизационным настроениям, и тогда, даже на более легких, чем пройденные, участках пути, мы можем потерпеть поражение. Потом выступил Дьяконов и записями из своей книжечки подтвердил опасения комиссара. Только недавно Дьяконов был принят в сочувствующие и еще не совсем свободно держался на партийном собрании. Выступление было для него радостным и строгим экзаменом. Каждый раз, выступая, он внутренне собирал себя и старался не выдать своего волнения. И сейчас он говорил сдержанно.

Да, отряд хорошо прошел на ответственных участках, но люди забывают о том, что впереди еще много трудностей...

Что греха таить — каждый из нас, если и не высказывал открыто, то все же считал, что самое трудное пройдено, что теперь ничто не страшно. Мы, мол, закалены и испытаны. Но прав оказался комиссар. От Датвис-Джари до Тбилиси семь дней пути. На этом участке не было снежных перевалов, обрывов и узких тропинок, но не раз приходилось перетаскивать на себе вьюки, выбираясь на крутые под'емы, переходить Аргун по тонким качающимся бревнышкам и поддерживать лошадей на отвесных спусках...

В Борисахо — центре Хевсуретии — отряд остановился на дневку. Утром во всех звздах происходили собрания. Обсуждали пригодность нашего снаряжения для горных переходов. А вечером в просторной и теплой комнате дома отдыха собрались командиры. Они рассказывали о красноармейских собраниях. Каждое предложение надо было проверить, обобщить и представить командованию.

Мы привыкли видеть Дьяконова на коне, в походе, среди снега и гор. Сегодня он сидел за столом, покрытым скатертью, и слушал командиров. Тща-

тельно выбритые щеки блестели. Светлые волосы гладко причесаны. Лицо его казалось совсем молодым. Глаза Дьяконова были какие-то прозрачные; в солнечную погоду казались бледно-голубыми, а в сумерки становились серыми. Сейчас, когда он поднимал голову и взглядывал на выступающих командиров, глаза его под электрическим светом приобретали стальной оттенок.

Перед ним на столе лежала раскрытая записная книжечка. Дьяконов был доволен. Все, что говорили командиры, совпадало с его предварительными заключениями. В горном походе рюкзак надо заменить обычным красноармейским ранцем, а спальным мешок приспособить к нему, как скатку. Задник на ботинках надо прошивать, чтобы подкладка не сжималась. Говорили еще о триконях, что они густо поставлены, и сбитый снег трудно выколачивать. Десятки предложений внесли командиры и красноармейцы. Книжечка Дьяконова наполнилась новыми записями...

Первого декабря отряд вышел из Мцхета — древней столицы Грузии. Солнечная республика встретила нас мелким осенним дождиком. Тяжелое небо нависло над горами. Сизый туман окутал мрачную громаду старого монастыря.

Там, где, сливаясь, шумят,
Обнявшись, словно две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь...

Ватные костюмы отяжелели под дождем. Широкий асфальт Военно-Грузинской стал черным и блестел, как лакированный. Альпенштоки мерно выстукивали шаг: «левой! левой!».

Послышался густой рокот мотора, и через минуту показался самолет. Он шел низко, разрезая крыльями серую марлю дождя.

Несколько дней тому назад такой же самолет сбросил отряду на парашютах два мешка яблок. Яблоки были крупные, сочные, их хватило с избытком на всех участников похода, и даже лошади в тот день получили после обычной порции овса и сена «сладкое». Сейчас самолет описал над отрядом два круга. Видно

было, как человек, сидевший в задней кабинке, выбросил руку. Под самолетом завихрились, затрепетали белые квадратики. Они медленно оседали и, словно чайки, плыли над бледно-зеленой водой Куры. Они залетали на берег, на дорогу и засыпали отряд. Вытягивая руки, участники похода ловили их и жадно читали приветствие Северо-Кавказского военного округа.

Реку перерезают бетонные сооружения Загэса. Бронзовый Ленин вздымается над водой. Его рука провожает нас...

К вечеру отряд прибыл в Тбилиси. На площади Героев было тесно от собравшихся. Части тбилисского гарнизона, школьники, студенты, трудящиеся столицы Грузии окружили нас, и отряд затерялся в огромном и теплом человеческом море. Как и полагается, были приветственные и ответные речи, встречающие кричали ставшее привычным для нас: «ваша!». Но больше всего смущали нас красные полотнища: «Привет участникам героического перехода», и цветы. Цветов было много, пышных и ярких живых цветов. Девушки пробивались сквозь толпу и подносили букеты красноармейцам и командирам. Фотографы сновали вокруг трибуны и щелкали фэдами. Напористый корреспондент поставил Дьяконова и Челохсаева рядом, заставил повыше поднять букеты. Он отбежал. И уже было собрался щелкнуть, но вдруг что-то заметил и подскочил к Челохсаеву.

— Чуть ниже, прошу вас, не закрывайте цветами орден...

Митинг закончился поздно. Мы проходим по улицам замечательного города, мимо высоких зданий с тонкими белыми колоннами и воздушными балочниками. В окнах домов видны голубые, оранжевые, розовые абажуры. Теплый жилой свет мягкими бликами спадает на тротуары.

На узкой улице, вдалеке от центра города, стоит маленький домик. Скромная вывеска говорит о том, что здесь когда-то была подпольная типография. Типографию организовал и в ней работал Иосиф Виссарионович Сталин.

Мы осторожно ставим ноги, стараясь не исцарапать пол железными шипами своих ботинок. Торжественная тишина наполняет комнату. Ровный голос женщины не нарушает тишины, он звучит где-то в стороне. Сколько героизма, изобретательности и терпения проявили люди, создавшие типографию! И хорошо, что женщина рассказывает об этом простыми словами, скупое, без пафоса.

Был получен участок и разрешение на постройку дома. Пришли рабочие и вырыли котлован. Их рассчитали и своими силами прорыли котлован в глубину еще на четыре метра. На этой глубине устроили комнату для типографии, сделали потолок и засыпали его сверху землей. Никто бы не подумал, что дно котлована лежит на потолке типографии. Пригласили новых рабочих, и те вырыли неподалеку от котлована глубокий колодезь. Рабочих рассчитали и позвали новых. Эти вырыли другой колодезь и тоже были рассчитаны. Работая ночью, подпольщики засыпали сверху второй колодезь, а внизу прорыли два подземных хода: один—в типографию, а другой—к открытому колодезю. В типографию можно было попасть, спустив в

открытый колодезь веревочную лестницу и пройдя подземным ходом. Когда все было готово, снова пригласили рабочих, и они поставили на готовом котловане обычный окраинный домик. А в домике поселилась женщина. Здесь печатались прокламации. Отсюда во все уголки города доносился призыв к борьбе. Никогда бы не узнать про эту типографию жандармам, но выдал провокатор. Правда, он знал только, что домик связан с типографией, но как пройти в нее—не знал. Жандармы обыскали все уголки, сорвали пол, обстучали каждый сантиметр стен и в ярости взорвали домик. Случайно один жандарм заглянул в открытый колодезь и бросил в него зажатую бумагу. Не долетев до воды, бумага ушла в сторону, ее затянуло в боковой ход. Вот и все. Подпольная типография была раскрыта.

Мы не заметили, как женщина закончила свой рассказ. Никто не двинулся. Молчали.

— Да,—неожиданно сказал кто-то,— вот в каких условиях наши вожди подготавливали революцию. А нас всюду встречали, как дорогих гостей, и нас же называют героями...

Ювелиры¹

АЛЕКСАНДР КУЗНЕЦОВ

★

КЕСАРЕВИЧ

Берег, у которого стояла пристань, круто поднимался, образуя высокий холм. На вершину холма шла мощеная булыжником дорога. Она делила холм пополам. На одной стороне, среди елок и берез, стояли церковь и серый поповский дом, а на другой, против церкви, возвышалось новое здание электроподстанции. От нее в разные стороны тянулись нити проводов. Ниже, на уступе холма, приютилась будка бакаенщика.

На берегу, у самой пристани, были сложены в бунты тюки и бочки; стоял сарай, крытый брезентом, валялись несколько бревен и перевернутый вверх дном старый рассохшийся баркас.

Пароход дал три гудка, ударил плечами. Взметнулись платочки и кисти рук, которые не опускались до тех пор, пока видны были провожаемые. Платочки мелькали все реже и реже, словно потушили, и, наконец, когда пароход отошел уже далеко, совсем погасли.

Солнце заливало реку. Река сверкала. Берег был полон жизни. По дороге на холм поднимались группы молодежи. Молодежь встречала пароход. Юноши в косоворотках и майках окружали гармонистов; девушки в безрукавых шелковых и батистовых платьях рядами шли сзади. Они пели под аккомпанемент гармошек. Песня их уносилась по Волге в

знойные дали, отдавалась в прибрежных лесах...

Я стоял на мостках дебаркадера и собирался пойти за молодежью. Вдруг над моим ухом грянул бас:

— Вам не на ту сторону? Отваливаем!

Я оглянулся. Передо мной стоял седой старик. На голых плечах и у кистей загорелых рук выступали узлы мускулов. Плешивая голова была обожжена солнцем. Вместо бороды спускались длинные и жидкие пряди волос. Туловище его прикрывала майка, заправленная в штаны.

Ноги старика утопали в подшитых валенках. Кто-то фыркнул. Старик, уловив впечатление, произведенное им на приезжих, шутливо топнул валенком:

— Не узнал? Ай, ай, ай!..

С Волги донесся лай автомобильного рожка. Старик поддернул штаны и заторопился:

— Ну, если вам на ту, — отваливаем!

— Что это за деревня, дедушка?

— Пожни, внучёк, — четко выговаривая ё, сказал старик.

Снова раздался лай рожка. Старик по-мальчишески, вприпрыжку, побежал к парому. Я припустился за ним.

Паром отходил. Когда мы добежали, он был уже от мостков в полутора метрах и разворачивался кормой. Попасть на паром было невозможно. Но старик с разбега прыгнул к парому и ухватился было за перила его; однако сорвался и ухнул в воду.

¹ «Ювелиры» в ближайшее время выходят отдельным изданием.

— Кесарич утоп!

Паром между тем, тяжело сотрясаясь под действием какой-то чудовищной машины, закрыл кормой то место, куда ухнул старик.

Стоявшие на мостках замерли, ожидая трагического конца. Старик не показывался.

Десяток секунд прошел, полный напряженного ожидания. Какой-то чудак с парома крикнул:

— Кесаревич, ау!..

— Ау, дьяволы! — загудел над водой бас.

Старик вынырнул с другой стороны парома и вплавь бросился за судном. Паром двигался медленно. В два-три взмаха старик догнал его и уцепился за большой деревянный руль. По рулю он взобрался на кормовую будку парома и встал в позу циркового актера, закончившего трудный номер. Эта веселая выходка вызвала дружные аплодисменты пассажиров.

Кесаревич приветливо махнул им мокрым валенком.

С берега кто-то крикнул:

— Сколько лет тебе?

— Девятнадцать! — ответил старик.

— Шестьдесят... ой! — донеслась поправка с парома.

Босоногие мальчишки, у которых неудача Кесаревича пробудила восторг, визжали, смеялись и выкрикивали обидные, с точки зрения мальчишеского молодечества, предложения и остроты.

Стоявшая рядом женщина цыкнула на них:

— Как вам не стыдно! А если бы дедушка утонул?!

— Да, утопишь его, как бы не так! — заголосили мальчишки.

— Его ни в огне не сожжешь, ни в воде не утопишь. Он Волгу два раза без отдыха переплывал на-спор! Жена у него молодая!

Из гурьбы выступил мальчуган, очевидно, предводитель курносый:

— А вы кто такие? — спросил он.

Вид его был строг. И, если бы на его вздернутый носик посадить роговые окуляры, он совсем был бы босоногим профессором.

Подмышкой у мальчика торчал плоский прямоугольный ящик.

— Мы робинзоны, — в тон мальчугану ответил я.

— Это как же? — недоверчиво переспросил босоногий профессор. — Был Крузо Робинзон, а вы что же?..

— А я совсем другой Робинзон — Робинзон Петров.

Мальчуган испытующе покосился на меня. Но в это время с высоты упал на землю гуд мотора. Мальчишки, задрожав головы, с криком бросились ему навстречу.

Из-за холма вырвался самолет и пошел над Волгой.

Пассажиры разбрелись. Я отошел от пристани и, сбросив платье, решил купаться. Вода приятно ласкала тело.

Когда выходил из воды, — на берегу сидел тот же босоногий «профессор»: он склонился над раскрытым ящиком и что-то спешно черкал. Завидев меня, он закричал:

— Не выходите! Нырните еще разок! Да ну же, нырните! — приказал он, заметив мою растерянность.

Мальчуган оказался художником. Он набросал карандашом оригинальный рисунок.

Для этого рисунка я позировал под именем Робинзона.

ТЕЛЕГРАММА

Дорога лежала меж полей. Жара была необычайная. От полей несло, как из печи.

Дорожная пыль обжигала ноги. Босоногий художник (звали его Петькой) старался шагать мелко и часто.

Начиналась уборка.

Темнеющими гребнями стоял вытербленный лен, возвышались ржаные сулоны. А за ними из-за берез выплывал громадный купол.

— Вон и наше Сидоровское! — воскликнул Петька.

— Церковь? — спросил я, указывая на купол.

— Нет, склад машинно-тракторной станции, бывший собор. Странное сооружение, — по-взрослому говорил мальчуган, — купцы строили двадцать лет, да

так и не достроили. Религиозная община открыла этот собор только в 1929 году. А вскоре, по требованию населения, он был закрыт. Передали собор МТС. Открывали собор известные жулики, бывшие прасолы, староста и попы. Разбежались, подлецы...

Он говорил непринужденно, хорошо разбираясь в сельских делах.

О Сидоровском рассказывал с энтузиазмом. Петя был пионером и на «отлично» окончил шестой класс сельской школы.

— Наше Сидоровское такое село, какого нет во всем Советском Союзе! Да и в мире-то, говорят, нет таких сел, — убежденно говорил он.

Я усмехнулся.

— Не веришь? Сам увидишь. У нас, брат ты мой, такие штуки могут делать — закачаешься! А село стоит на горе, внизу речка Шача, а от Шачи заливные луга. Весной над ними разливаются Волга, как море. А на берегу моря получается Сидоровское. Я большую картину пишу; да остановка за кистями. Кисти все исписал, а кистей нет в нашем магазине. Плохие кооператоры! — решительно махнул он рукой. И после паузы продолжал: — Картину я хочу такую написать, чтобы ахнули в Ярославле, чтобы все влюбились в наше Сидоровское. Да кто же его не любит! У нас теперь все в колхозе. Не вступает только дед Анисим. Ему сто лет. Но мы и его втянем!

Он делал ударение на слове «мы», отчего нос его и все лицо становилось еще задорнее.

Мы вошли в село.

— Вот и правление, — сказал мальчуган. — Заходите ко мне, картину посмотрите. Я живу вон в том доме, над обрывом. Заходите обязательно!

Я обещал, и художник помчался домой.

Поднявшись по лестнице во второй этаж, я открыл дверь в кабинет председателя промколхоза «Новый труд». Громкий хохот и шум остановили меня на пороге.

За столом стоял, как я узнал после, председатель колхоза. В руках у него была бумажка.

— Ой, умора! — сквозь хохот вскрикивал человек маленького роста. Он вырвал из рук председателя бумажку:

— Дай-ко, я еще посмотрю на этих идиотов. Посевная идет, а тут телеграмма:

«Немедленно грузите уральскую звезду, броши, серьги, кольца камнями тчк всякое промедление отгрузки влянет бытовое обслуживание».

— Ой, не могу! — снова залился маленький. — Комбайну на хобот серьги нужны, ха-ха-хи! Трактору на коленчатый вал колечко с бирюзой, ха-ха-хи!

Вместе с ним смеялись и другие. Сдерживался только председатель, и совершенно серьезным оставался человек, сидевший на подоконнике.

Мне показалось, что смех даже оскорбляет его.

— Что же тут смешного? — спросил он и поднялся с подоконника.

— Ты больно смешлив, Сергей Иванович, а над чем смеешься? Над собственным производством. Не уважаешь ты своего дела!

Маленький безнадежно махнул рукой:

— Да что ты там ни говори, а нашему ювелирному делу крах приходит. Скоро оно совсем заглохнет. Кому нужна эта роскошь?

— Какой это чудак тебя надоумил?

Маленький ответил резко:

— Читай Большую Советскую Энциклопедию!

— Не сочиняй, — засмеялся Иван Петрович.

— Ученые писали, Иван Петрович, — без обиды заметил маленький.

Иван Петрович вспылал:

— Ты читать читай, Сергей Иванович, да прикидывай и собственными мозгами. Не подставляй голову, как порожний котелок, — могут туда и хламу набросать. Думай — вот что!

— А мы-то разве ни уха, ни рыла не понимаем! — горячо возразил Иван Петрович и опроверг цифрами и фактами вздорное утверждение. Он говорил убежденно, со знанием дела. По тому, как его слушали, видно было, что он пользуется в колхозе большим уважением.

И я был рад, когда он вызвался довести меня до места ночлега.

Изба, где я должен был остановиться, находилась на противоположном конце села — с добрый километр. И пока мы шли, я расспрашивал Ивана Петровича о ювелирном промысле. Иван Петрович был старожилом села Сидоровского, потомственным кустарем. И прадеды, и деды, и отец, и сам он занимались ремеслом. Иван Петрович был гравером по стали.

— Наше ювелирное дело, — говорил он, — заслуживает ныне гораздо большего внимания. Мы до сих пор работаем кустарно, а нам давно нужны машины.

Ювелирные изделия не роскошь! То, что десяток лет тому назад у нас считалось роскошью, ныне стало потребностью.

Роскошь! Все, что вы слышали сейчас на сей счет, — пустая болтовня! Конечно, в прежнее время, при господстве помещиков и капиталистов, дорогие ювелирные изделия для народа были роскошью. Народу нехватало не только на украшения, но на одежду и на хлеб. Зато господствующие классы увешивали его дешевыми крестиками и образками. Село Красное производило их несметное множество.

Образок тоже был своеобразным украшением, хотя и не тем, о котором мечтал народ. А народ давно мечтал о хорошей жизни!

Правда, в девятнадцатом и двадцатом годах кольцо, брошь, филигранный подстаканник тоже считались недопустимой роскошью. А человек, посвящавший им время и внимание, высмеивался как последний мещанин и обыватель. Тогда народу было не до украшений. Народ боролся за хлеб, боролся против «своих» и иноземных капиталистов. Да и кто мог думать об украшениях, когда решался вопрос: жизнь или смерть! Тогда наши ювелиры делали скобы, топоры, самоварные трубы, ведра, совки и прочие грубые вещи. А теперь не то. Человечек хочет, чтобы его окружали красивые люди... я говорю не только о внешности людей, а, так сказать, о душе... и красивые вещи!

Иван Петрович сорвал семенник одуванчика и дунул на него. Стайка окрыленных семян легко поднялась в воздух и понеслась над обрывом, постепенно снижаясь, наподобие крошечных парашютиков.

— Телеграмма, видите ли, привела их в смятение! — продолжал Иван Петрович. — Хохот вызвала: как можно, чтобы недостаток серьги и «уральской звезды» отразился на бытовом обслуживании. Да, разумеется, никто не бросит из-за этого весенний сев или уборку. Но народ сегодня требует украшений. Он трудится, он счастлив, он отдыхает, веселится и любит красивые вещи. Поэтому он наступает на горло торгующим организациям, когда у них нет изящных предметов украшения.

Нам надо больше делать красивых вещей.

Следует совершенствовать наше производство, чтобы вещи были дешевле и доступнее.

Иван Петрович с увлечением рассказывал все, что знал о ювелирном промысле своего района.

Он сообщил мне о существовании книги, в которой будто бы изложена вся история Красносельского района, района ювелиров.

Было уже довольно поздно, когда Иван Петрович пожелал мне «спокойной ночи» и, тряхнув руку, сказал:

— А книгу обязательно прочтите. У вашей хозяйки она есть.

Он еще несколько раз напомнил мне об этой книге, которую читал им, ребятам, его отец, да перед смертью кому-то отдал.

Гостеприимная Александра Сергеевна Коломина уже знала о постояльце и приготовила постель в сенях.

— И не жарко, и мух меньше, — сказала она и засуетилась у самовара.

Я поблагодарил хлопотливую старушку и спросил о книге.

— Была, была такая книга, — сказала она. — Покойный муж все читал. Сама-то я плохо разбираю книжки. А муж читал. Вся история и жизнь наших ювелиров в ней описана. А как помер муж, и книга пропала: небось, утащил кто-нибудь... Да вы завтра зайдите к Але-

ксандре Александровне Кулейкиной. У нее должна быть.

Сквозь дыру в крыше сияла далекая звезда.

Я лежал в постели. Голова была переполнена впечатлениями дня. Перед глазами всплывали и уходили Кесаревич, босоногий художник Петя, Иван Петрович с его рассказами, Волга, парход...

Во всем этом, казалось, разрозненном и случайном, было что-то общее, связывающее в одно целое и Кесаревича, и художника Петю, и Ивана Петровича, и Волгу, и даже книгу, которую я завтра непременно найду.

В ПОИСКИ...

Вскочив в телегу, Петя дернул вожжи:

— Н-но, Сокол, трогай!

Колеса телеги загромыхали, завывая пылью. Мы направлялись в деревню Дербылки. Эта деревня также издавна славится производством ювелирных изделий, и в ней, как меня уверяли, я непременно найду книгу об истории ювелиров.

Поиски книги в Сидоровском не увенчались успехом.

Взрослые были заняты на полевых работах. В провозатые мне достался художник Петя, чему я был рад. Мы с ним крепко подружились с первого же дня знакомства. Петя знал о своем селе не меньше взрослых. Себя он давно считал взрослым: ему шел пятнадцатый год.

Он ходил в школу. Но все взрослые мечтают учиться, а родители тоже ходят с книжками и учатся: мать в школе ликбеза, а отец на курсах повышения квалификации. Так что школа перестала быть признаком детства.

Телега прогромыхала по мосту над речкой и выкатилась в заливные луга. Отсюда открывалась прекрасная панорама Сидоровского. Она-то и легла основой в картину юного художника. Петя и сейчас не мог сдержать своего восхищения.

— Оглянитесь, оглянитесь, — сказал он, — вот отсюда я начал рисовать мою картину.

Село раскинулось над обрывом, вымытым Шачей и вешними волжскими разливами.

В центре села высилась церковная колокольня и кирпичные стены бывшего собора.

— Похоже? — спросил Петя, имея в виду свою картину.

Я уклонился от прямого ответа, чтоб не обидеть художника. В его картине село выглядело совершенно иначе. Похожими были только высокая набережная, березовые рощи да голубое небо, по которому плыла стайка легких облаков. Ни колокольни, ни крестов бывшего собора не было в картине; зато на самой набережной возвышались несуществующие двухэтажные корпуса, мимо которых двигалось праздничное народное шествие.

Художник, видимо, угадал мои мысли и сказал:

— Правда, в натуре пока нет производственных корпусов; и дома серые да мелкие в большинстве, и собор торчит — все не как у меня. Так ведь это временно! Если все так, как есть, нарисовать — картина быстро устареет. Вы не думайте, что я все выдумал зря. Все, что у меня нарисовано, будет у нас в селе. Об этом мечтают все — значит, будет.

Признаться, я был поражен этим доводом. Петя в картине осуществлял мечты взрослых; этим мечтам ничто не мешает осуществиться.

Художник еще долго смотрел на Сидоровское, как бы отыскивая изъяны не то в своей картине, не то в объекте для картины. Лошадь шла шагом. Солнце пекло. Но в лугах пробежал еле заметный ветерок и не было так жарко, как в селе.

Дорога, заросшая травой, не пылила. Вырываясь из-под телеги, она разматывалась, как лента.

В траве стрекотали кузнечики. Над лугом носились стрекозы, блестя слюдой крылышек; порхали разноцветные бабочки.

Удаляясь, село Сидоровское еще долго виднелось над высоким берегом Шачи.

В Сидоровском я впервые познако-

мился с местным ювелирным производством.

С первого взгляда оно показалось мне игрушечным. Например, один из цехов назывался «калач».

«Калач» — известная серьга. Так она называется потому, что похожа на калач. В Сидоровском делают «калач» золотой, серебряный и медный.

В цеху «калач» сидоровского промколхоза за общим столом сидят человек тридцать — почти исключительно женщины. Здесь не слышно ни грохота машин, ни визга станков. Если прислушаться, — доминирующим является звук, похожий на «тише», — звук, требующий тишины.

Он производится маленькими пилками, наждачной бумагой и воронилками. Здесь идет точка на брусу отштампованного калача, скобычка, покладка припоя, пайка, сушка, шавовка, сборка шарнира, полировка.

Прокатка медной ленты, штамповка и прессовка «калача» производятся в штамповальном и прокатном цехах.

Черная металлическая полоска — обреза, мимо которой мы прошли бы, не заметив ее, превращается здесь в сияющий «калач» — серьгу.

В качестве сырья в сидоровский промколхоз привезли свыше тысячи тонн износившихся автомобильных радиаторов. Из меди этих радиаторов выделялись миллионы изящных колец с камешками и без них, брошек, заколок, «калачей», «варшавской осыпи», «уральской звезды», «незабудки» и других ювелирных изделий.

Одной только «уральской звезды» сидоровский промколхоз выпускал два миллиона штук в год — по 6 тысяч звезд в день.

Цех «уральской звезды» занимает большой двухэтажный дом. Дом делится на несколько различных цехов. Работают на «уральской звезде» 90 человек, также исключительно женщины. Мужчины выполняют более тяжелую работу — прокат, прессовку, штамповку.

Цех «уральской звезды» держит переходящее красное знамя, полученное за постоянное перевыполнение плана. Это

знамя в развернутом виде стоит в отделе покладки припоя. Под знаменем сидит колхозница, бабушка Александра Александровна Кулейкина — песенница и плясунья. Несмотря на свой преклонный возраст, она ежедневно перевыполняет норму в 4 тысячи штук и считается среди молодых своих коллег «заводиловкой».

Она знает такую массу песен, и старинных, и советских, что всех их, кажется, никогда не перепоешь и не перекажешь.

...Телегу неожиданно трянуло и заколыхало на обломках кирпичей, накиданных кем-то на дорогу. Мы ехали берегом Волги мимо развалин.

Среди горы битого кирпича поднимались останки полуразрушенной колокольни. Рядом с развалинами, окруженный березами и липами, стоял двухэтажный каменный дом.

Крыша дома была ободрана, торчали толые балки и перекрытия, стекла в окнах были выбиты, двери — сорваны. Дом был, как видно, давно заброшен.

— Что за развалины?

— Да Яблонная Пустынь, — сказал Петя и, не заставляя себя просить, начал рассказывать о Яблонной Пустыни, где жили разбойники и фальшивомонетчики. Мальчишки, которым нечего делать, и до сих пор находят в этих развалинах фальшивые золотые. И поп был разбойник, и попадья, и дякон, и староста.

Петя рассказывал все, что слышал об этих местах от взрослых, преимущественно от отца, и закончил свой рассказ легендой о дьяволе и дьяволятах, которые будто бы жили тут в образе попа и церковной челяди.

Народ когда-то жил здесь безгрешно, никак не поддавался на соблазны сатаны. Отчаявшись привести людей ко греху «законным» путем, сатана, будто бы, задумал построить церковь и сделаться попом. Для осуществления своего коварного замысла сатана выбрал это пустынное место, построил церковь. И через церковь начал заманивать народ в ад. А народу, когда тут были ярмарки, приезжало тысячи. Чорт служил обедни и

говорил проповеди. И ни один поп, ни даже бог не могли распознать в новом попе чорта.

— Да и то сказать, — заключил Петя, явно копируя взрослых, — что поп, что чорт — одного поля ягоды. И уж только когда сам народ попер всех попов, то и чертям стало тошно!..

Легенда не лишена была известной доли остроумия.

ЦАРСКАЯ ДЕРЕВНЯ

В Дербилах я прожил несколько дней, но разыскиваемой книги не нашел. Она, говорят, на другой стороне Волги, — не то в Коробове, не то в Подольском...

Деревня Коробово, Красносельского района, находится в 18 километрах от села Красного. Истари деревня Коробово считалась нищей. Здесь жили так называемые белопащцы — потомки Ивана Сусанина.

Три с лишком века тому назад крестьянин села Деревеньки Иван Сусанин, спасая отчизну от польских интервентов, пожертвовал своей жизнью.

Начало семнадцатого века в истории русского народа известно под именем «смутного времени». Польские паны вторглись на русскую землю, стремясь поработить русский народ. Они захватили даже Москву. Насилия и грабежи польских захватчиков обрушились на русский народ.

Тогда весь народ поднялся на борьбу против врагов родины — польских интервентов и их пособников. Ненависть к угнетателям нашла яркое выражение в многочисленных восстаниях, вспыхнувших по всей стране.

Испугавшись народного гнева, бояре пытались договориться с польскими интервентами. Они хотели отдать страну на произвол польского королевича Владислава. Изменники-бояре заявляли: «Лучше служить польскому королевичу, чем быть побитыми от своих же холопей».

Народ героически боролся как против интервентов, так и против бояр-изменников. В 1612 году народное ополчение

под руководством Минина и Пожарского изгнало польских интервентов из пределов Московского государства.

Однако некоторые шайки польских интервентов еще оставались на русской земле.

Одна из таких шаек появилась зимой на родине Сусанина в деревне Деревеньки. Польские паны заставили Ивана Сусанина вести их отряд. Иван Сусанин завел поляков в непроходимый лес и был изрублен рассвирепевшими врагами. Сусанин умер, как великий патриот своей родины.

Он спасал родину, облегчал народу борьбу против иноземных угнетателей и поработителей.

Царские историки пытались исказить образ народного героя Сусанина. Царизму было выгодно окутать густой ложью подлинный образ народного героя Ивана Сусанина.

Триста с лишком лет назад царь Михаил Федорович пожаловал свою дворовую пустошь Коробово дочери Сусанина особой грамотой: «того Богдашка Собинина жене его, вдове Онтониде, с детьми ее с Данилком да с Костькою в вотчину и в род неподвижно».

Все цари при восшествии на престол считали своим долгом даровать коробовским белопащцам ту или иную льготу или вольность.

Впоследствии, роюсь в архиве, я «раскопал» правду об этой царской деревне.

Коробовцы были освобождены от всех податей, налогов и повинностей. Свыше 200 лет они пользовались указом царя Михаила, воспреещающим въезд в деревню представителям местной административной власти: Коробово управлялось непосредственно по царским указам, а впоследствии министерством двора.

Отдельные крестьяне, прослышав об этой деревне, могли представлять ее цветущей и богатой.

— Уж наверное эта деревня всем деревням деревня!

Но царские милости приносили только несчастье.

Они были рассчитаны не на благо народа, а для рекламы.

«Несмотря на все заботы российских царей, и в настоящее время, — писал краевед в 1913 году, — село Коробово дает общее впечатление небогатого, скорее даже бедного, селения. Все дома деревянные, небольшие. Встречаются избышки с волоковыми окнами, несмотря на то, что более или менее старых домов нет».

Краевед не мог скрыть горькой правды. Царские «милости», сковывая подлинного труженика, развязывали руки лишь попу и разным любителям легкой наживы.

В Коробове, которое не занималось ювелирным промыслом, еще в пятидесятых годах прошлого столетия была обнаружена крупная шайка фальшивомонетчиков.

Дело дошло до вмешательства министра двора. С согласия царя он 23/X-1859 года написал решительное отношение министру внутренних дел Ланскому:

«Потомки Ивана Сусанина, белопащцы села Коробово, Костромской губернии, находящиеся в непосредственном ведении Министерства Императорского двора и одаренные льготами и преимуществами, из'явшими их от всех податей и повинностей, а также от в'езда местной полиции в их селение, дошли до таких беспорядков в своей жизни, кои не могут быть далее терпимы. Предупредительные меры увещаний от имени Его Императорского Величества, построение в селе Коробове православной церкви и никакие другие средства не могли исправить коробовских хлебопашцев, коих беспорядочная жизнь служит только соблазном для соседних жителей.

... По Всеподданнейшему моему докладу о таковом распространившемся зле между коробовскими белопащцами, последовало Высочайшее повеление переселить при содействии губернского начальства несколько человек наиболее виновных в другие удельные имения с лишением дарованных преимуществ, а остающихся в селе Коробове белопащцев подчинить наблюдению начальника губернии при непосредственном управлении удельной конторы; за сим губернскому начальству впредь по всем про-

ступкам и преступлениям, подлежащим на общем основании следственной и судебной власти, в преследовании беглых, притонодержателей и вообще во всех случаях, требующих формального следствия, не считать село Коробово из'ятым от действий общих для всех законов, но не останавливаясь исполнять законные в сем отношении обязанности, уведомляя Министра Императорского Двора к сведению»...

Так расправился с коробовскими вольностями царь-«освободитель», который, к тому же, не забыл приема, оказанного ему, в свое время, коробовцами. Когда Александр Второй посетил село Коробово, «то большая часть белопащцев не только не вышла встречать царя, но намеренно отправилась в лес или поле».

В Коробове надолго была водворена военная команда. Ей было поручено наблюдать за выселяемыми белопащцами. Четырнадцать семей были назначены к выселению. Вой поднялся в деревне. Начальник губернии доносил министру двора о слезах раскаявшихся белопащцев, об общей коленопреклоненной молитве за здоровье всемилостивейшего государя. Рапорт его был составлен в следующих словах: «Когда же протоиерей коробовской церкви читал молитву, я был очевидцем не только слез, но и рыданий не одних переселяемых, но и остающихся в селе Коробово белопащцев».

Начальник губернии ошибся. Эти слезы не были слезами раскаяния. Они скорее были выражением бессильной злобы и протеста.

Белопащцы Никита Ильин и Сильверст Андреев пошли в Санкт-Петербург к царю искать защиты. Их поймали, выпороли и первыми сослали в Сибирь по этапу.

Потомки Ивана Сусанина под плетью шли тысячи верст на каторгу. Это ли не благодарность самодержца?

В 1913 году деревню Коробово собирался посетить Николай II.

Старые обиды кое у кого уже покрылись дымкой забвения, стерлись новыми царственными подачками. Перед проездом в Кострому Николай наградил все

село специально сшитыми раззолоченными кафтанами. А староста сверх того получил парадный цилиндр, от которого, до самых пяток, спускались две парчевые ленты с тяжелыми кистями. В своем костюме и цилиндре староста напоминал павлина.

В намеченный день высочайшего приезда от Коробова до самого Плеса дорога была устлана домашними коврами.

Однако, решение Николая казалось для двора неслыханно смелым и даже безрассудным. Это решение находили игрой с огнем. Но Николай представлял себе эту деревню картинной, и, благодаря задариванию, верноподданнической.

Царя настойчиво отговаривали. Государь колебался, но продолжал настаивать на первоначальном решении. Тогда ему подали фотографию деревни Коробово, которой триста лет покровительствовала династия. Царь увидел беспорядочную гурьбу серых изб, риг и овинов, крытых соломой, кое-где развалившихся. Они шерились к небу острыми колыями крыш и мигали императору подслеповатыми оконцами...

Николай отложил фотографию и сказал, что он давно был согласен с мнением не терять драгоценного времени. К тому же эта высадка ничего нового не даст.

Высадка в Коробове не состоялась. Царь подарил белопашцам икону в золотой оправе и отдал распоряжение:

— Всей деревне построить одинаковые дома и выкрасить их в голубую краску!

За четыре года до крушения монархии было построено в Коробове три голубых дома: попу, дьякону и церковному старосте.

Белопашцы были приглашены в губернский город для встречи своего монарха. В тот же день они избрали делегацию под главенством старосты Андрея Феофанова и отправили ее в Кострому.

★

Цари «осыпали» коробовцев «милостями и льготами», но не предоставляли

земли. Пригодные для пашни участки почти целиком находились в руках двух-трех богачей. К тому же «при всей скудости участков белопашцев, — писал в 1912 году костромской краевед, — часть жалованной земли до сих пор лежит под болотом. Никто в отдельности не решается на очистку и осушение его, целым же обществом они никогда не могут согласиться сделать этого, потому что всякий боится, что его обделят при разделе».

Коробовцы пользовались многими «свободами», вплоть до полного самоуправления. Не было только одного — свободы от монархии, от помещиков, капиталистов. И все «свободы» шли прахом. Да иначе и быть не могло. Что такое свобода без земли? Что такое свобода при сохранении власти сохи и косули? Какая это свобода, когда человек боится человека: боится, что его обделят, оборуют!

Только при советской власти, отдавшей крестьянству на вечное пользование всю землю, давшей тракторы, комбайны, жнейки, молотилки, льнотеребилки, а главное, создавшей колхозы, в которых никто не боится осушать болота обществом, — только при советской власти Коробово получило настоящую свободу.

Ныне коробовцы, колхоз «Красный фронтвик», распоряжаются всей землей. Они собирают урожай сам-15 — 20 с той же земли, которая во время царских «милостей» в 1913 году дала лишь сам-2 и 3.

Родина, за которую отдал свою жизнь Иван Сусанин, стала социалистической. Советский народ живет богато, радостно и счастливо.

Колхозный строй положил конец вековой нищете.

СТРАНИЦЫ НЕУЛОВИМОЙ КНИГИ

Мы взбирались по склону из ложины глубокого оврага.

Цепляясь за сучки и корни, я едва успевал за директором колхозной кролиководческой фермы.

Тропка извивалась среди зарослей ольшаника, рябины и шиповника. Ме-

стами она поднималась почти отвесно. В серой глубине оврага, уже погруженного в сумерки, шумел ручей; на кролиководческой ферме, где мы только что были, тяжело гавкал пес.

Мы остановились на краю оврага. Желая похвастать, директор сказал:

— Удобно мы ферму расположили в долине: ручей, обилие одуванчика, щавеля и всякой всячины, любимой этими насекомыми.

Директор называл кроликов насекомыми. Я хотел обратить его внимание на нездоровую сырость в овраге. Но у меня незольно вырвалось восклицание:

— Нет, видимо, не найти ее!..

Я искал книгу, о существовании которой впервые узнал в селе Сидоровском.

В поисках книги я обошел не менее полутора десятков деревень и сел этого района ювелиров: Сидоровское, Степурино, Дербилки, Густомесово, Подольское, Коробово, Сунгурово, Кузнецово, Здемирово, Даниловское, Аферково, Вакрино и другие; наконец, село Красное. Я облазил чердаки, архивы, расспрашивал почти всех стариков, у которых могла оказаться эта легендарная книга. Но книги так и не нашел.

Все слышали о ней, даже читали ее, а где она—никто сказать не мог. Старики посылали меня из деревни в деревню, из села в село: «уж там-то, у того-то она непременно сохранилась». Книга становилась неуловимой, загадочной. И это еще сильнее разжигало желание найти ее во что бы то ни стало.

В каждой деревне мне рассказывали частицу книги, словно она для каждой деревни имела свою страницу или главу.

В книге, будто бы, рассказывалось об историческом прошлом народа, населяющего этот район, сообщалось о чудесных подвигах местных жителей в борьбе с татарскими набегами; доказывалось происхождение названий сел и деревень. Место, на котором стоит ныне Красное, было, будто бы, настолько залито кровью после одного сражения с татарами, что сделалось совершенно красным, отсюда и получило свое на-

звание. Село Здемирово называется со слов: «Буде zde мир», произнесенных русскими войнами после заключения перемирия между враждующими сторонами.

Из этой чудесной книги, будто бы, можно узнать о времени возникновения здесь ювелирных промыслов: в этом пункте истории Красного и района больше всего разногласий.

Одни утверждают, что ювелирный промысел существует 200 лет и был занесен сюда пленными шведами. Другие считают, что начало промысла положено в селе Сидоровском, которое принадлежало графу Орлову—фавориту Екатерины II. Граф отправил своего сидоровского холопа Яшку Осинина в Москву для изучения ювелирного ремесла. Впоследствии Осинин открыл в селе Сидоровском первую чеканную мастерскую.

Большинство же относит возникновение промыслов к более раннему времени. Утверждают, что основание ювелирному промыслу в Красносельском районе положено новгородской вольницей. Это предположение очень близко к истине. Среди новгородцев, которые имели обширные связи с Западной Европой, уже были к тому времени искусные мастера «резать резь всякую».

Село Красное было когда-то вотчиной бояр Романовых, а затем стало поместьем Годунова. В 1592 году Борис Годунов выстроил в селе каменную церковь и подарил красноселам большой колокол. Годуновская церковь стоит в селе, как исторический памятник, и по сей день.

Позднее Красное принадлежало другу А. С. Пушкина князю П. А. Вяземскому.

«По многонаселенности, промышленности и торговле,— писалось в журнале «Живописная Россия»,— село Красное считается одним из первых в губернии, далеко во всем этом оставляет за собою многие заштатные и уездные города Поволжья».

В сельской библиотеке я перечитал книгу В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». В этом бессмертном труде Владимир Ильич приводит Крас-

ное в качестве примера капиталистической мануфактуры:

«Село Красное Костромской губернии и уезда — одно из тех промышленных сел, которые являются обыкновенно центрами нашей «народной» капиталистической мануфактуры. Это большое село (в 1897 г. 2.612 жит.) носит чисто городской характер, жители живут как мещане и земледелием не занимаются (за весьма немногими исключениями). Село Красное — центр ювелирного промысла, охватывающего 4 волости и 51 селение (в том числе Сидоровскую волость Нерехтского уезда) и в них 735 дворов и около 1.706 работников».

Изучение местного края увлекло меня. Бродя по деревням, беседуя с местными старожилками, я узнал так много интересного, будто уже прочел ту книгу, которую так тщетно разыскивал.

— А мне думается, — сказал директор-кроликовод, — никакой книги и не было! Я ее не читал.

Мысль эта показалась мне неожиданно правдоподобной. Я хотел поверить в нее и стал искать ответа на вопрос:

— Как, однако, могла сложиться легенда о существовании книги?

— Ну, и хлопот задали вы себе с этой книгой! — сказал кроликовод. — Да плюньте, не ищите!.. Просто вообразили, передавая воспоминания и рассказы стариков. Приведите сюда стариков-ювелиров, почитайте с ними надписи на этих полуразрушенных памятниках, и они расскажут вам ту книгу..

Тропка вела нас в село через старое кладбище. Лет 50 назад оно было обсажено плотным строем молодых березок. Ныне березки превратились в могучие деревья и высоко подняли свои вершины над старыми могилами.

На кладбище было тесно. Могилы вплотную примыкали друг к другу. Там и тут валялись и торчали полуразрушенные мраморные, кирпичные и деревянные памятники, с вылинявшим золотом надписей. Тщеславие и горе, унижение и бахвальство, щегольство и нищета — нашли яркое отражение на кладбищенских плитах.

Надписи на черном, голубом, красном и сером мраморе еще хранили

имена прежних властителей жизни — купцов и прасолов. В корявых надписях памятников отразилась женская доля. Эти камни с надписями, высеченными грубо и безграмотно, стоят рядом: «Здесь покоится тело рабы божьей Марьи, первой жены купца Захарова», «Здесь покоится прах рабы божьей Александры, вьтарой жены купца Захарова». И нет о них, рабах божьих и купецких, иной памяти!

— Это проклятое прошлое мы навсегда превратили в кладбище! — бросил кроликовод трафаретную фразу. Но она дышала жизнью.

Я начинал осызгать правдивость неожиданного открытия: книги никогда не было. Но живы старики. И они несут в сердце своем горькую память о прошлом. Они иногда рассказывают молодежи печальные истории своей жизни, поют грустные песни прошлого — о бродягах, тюрьме и арестантах. А если случится песня о вольной птице, о соловье, так непременно — соловей в клетке.

Мы вошли в село. Оно раскинулось на гребне холма. С улиц села виднелась широкая гладь Волги. Пристани Волги, буксир, тянувший баржи, были охвачены пламенем догоравшего солнца. От садов, лесов и полей хлынули на село волны вечерней прохлады.

— Эй, милые! Голубчики!.. — грянул вдруг знакомый голос.

В ближайшем доме с шумом распахнулось окно; из него показалась седая голова старика.

— Эка благодать в мире вольном! — сказал старик. — А у нас и окна закрыты!..

— Кесаревич! — обрадовался я.

И, поблагодарив директора фермы, бросился в избу.

КРЕСТ

Крест — орудие казни в древнем мире. Пригвожденные ко кресту умирали с голода.

Энциклопедический словарь

В избе сидело несколько человек. На столе шумел самовар. Хозяйка, поставив на стол блюдо витушек, заваривала чай.

— Милости просим, — сказала она.

Кесаревич поставил мне табурет рядом со своим и принялся рассказывать о нашей первой встрече на пристани.

За чаем завязался оживленный разговор.

Больше всех говорил Кесаревич. Он был необыкновенно бодр и весел. Кесаревич не жаловался на недостаток сил, как это бывает с людьми в его годы, часто и раскатисто хохотал, широко растягивая выпуклые губы большого рта.

Почти каждую фразу Кесаревич сопровождал поговоркой:

— Да что ты, калина-малина...

Разговорились о производстве крестов.

Если Сидоровское известно посудой и чеканщиками церковной утвари, Аферково и Варкино — цепочниками, Подольское — брелочниками и браслетчиками, Дербяки — супирщиками, то Красное истари знаменито производством крестов. Кресты и образки делало почти все село. Таков в прошлом был социальный заказ.

Самовар перестал шуметь. Разговор настолько оживился, что часто говорили все разом, перебивая друг друга: каждый имел что рассказать.

Молчал только один человек. Это был Кесаревич. Как только заговорили о крестах, он отвернулся к окну и упорно не хотел принимать участия в беседе. Это меня удивило. Мне много рассказывали о Кесаревиче, как об искуснейшем крестовике. Его знали почти в каждой деревне района.

До Великой Октябрьской социалистической революции село Красное навоняло Россию нательными крестами и образками. В разные концы империи их отправляли миллионами. Главными производителями «святой» продукции считались прасолы В. Н. Чулков, И. А. Кондырев и М. А. Романов. Они специализировались на крестах и образках и имели обширные связи почти со всеми монастырями империи.

Монастыри были основными заказчиками. Они беззастенчиво грабили суеверное, безграмотное население. Наряду со свечными и кружечными «доходами», наряду с мошенической торгов-

лей маслом из «неугасимых» лампад, продажа крестиков и иконок святых была одной из главных статей монастырского дохода. Продавались образки и крестики в пять раз дороже себестоимости.

«Божественная» продукция внедрялась во все слои населения. Ассортимент ее был исключительно разнообразен. Кресты, например, делались 40 рисунков и названий: православный, старообрядческий, женский, мужской, лютеранский, мощевой, «хохлацкий» и т. д. и т. п.

Замысловатый «хохлацкий» нательный крест достигал величиной почти двух вершков и весил три золотника. Рассылался этот крест в Ахтырку, Белую Церковь, Киев, Кременчуг, Зеньков, Екатеринослав, Полтаву и другие города.

Видимое место в производстве занимали мощевые кресты — итальянское изобретение. Они были паяными, с открывным распятием, наподобие медаллона. Внутри креста делались полочки для кусочков «святых мощей». Эти кресты ходко шли во время открытия мощей и непрерывно отправлялись в Палестину, Иерусалим. Там их начиняли песком с Голгофы и продавали за бешеные деньги. Особенно преуспевал Василий Николаевич Чулков. Это он привез в Красное итальянскую новинку, поставил ее производству у себя в мастерской и приобрел громкую известность.

Чулков был организатором знаменитого сбора «в дар Иерусалиму». Он собрал от красноселов бесплатно 10 тысяч серебряных крестиков для раздачи христианскому населению Палестины. Крестики Чулков отправил на имя великого князя Сергея Александровича — попечителя христианского Палестинского общества — и стал известен самому царю.

Искусно выжимая копейки из красносельских кустарей, Чулков построил на сельском кладбище церковь и приобрел у старух титул «благотетеля».

«Благотетель» был церковным старостой, торговал просфорами. Каждую утреннюю службу ходил он по церкви со сбором, нес большое блюдо. И вся-

кий примечал, если мастер не положит ему на блюдо — выгодной работы «благодетель» не даст.

Он говорил резко, с ударением и расстановкой:

— Иван! Надо почище отделявать товар. Последний раз говорю!

Иван дрожал. На пальцах хозяина сверкали кольца, на груди — медаль церковного старосты и значок «Союза русского народа», на животе — золотая цепь золотых часов.

Чулков прежде, чем прижать и украсть, помолится. Зато другой «крестовый король», Кондырев, был жуликом без всяких прикрас. Воровал без молитвы, а при неудаче материл всех святых, бога и богородицу.

Третий крестовый воротила, Романов, пуще Кондырева был похабник и к тому же злой, как чорт. Раз подхватил Романов большой заказ на образки великомученика Пантелеймона. Этого святого на селе звали зубным врачом. Пантелеймон «заговаривали» зубы. Ходкий был святой. Романов заказал штамп образка Пантелеймона. Нужно было пригнать и испытать штамп. Мастера ладили, ладили — ничего не выходило. Тогда Романов полез сам:

— Только смотри, когда вертеть — махну рукой...

Спустился вниз к бойне, начал прилаживать. И привязалась муха. Крутится у носа. Он сдунет ее, она отлетит, а потом снова вьется и снова садится на нос. Романов хотел схватить муху: махнул рукой. Наверху заметили сигнал и крутнули. Бойня грохнула по штампу и разбила его вдребезги.

Романов со зла напрочь откусил себе палец по первый сустав. Он был жаден.

Во время работы Романов безостановочно ходил вдоль мастерской, словно конвойный, наблюдал за работой подведомственных ему арестантов: чтоб не засиделись, не заговорились. Если самому некогда — жену вышлет смотреть.

Романов добывал бестамовенное серебро и плавил его тайком. Во время плавки наглухо запирались ворота, все входы в дом: ни урядник, ни становой не могли проникнуть. Местные власти

и полиция были куплены этими «рыцарями креста и иконки».

...Кесаревич вдруг встал и начал благодарить за угощение, собираясь домой.

— Да что ты, дядя, — бросился к нему племянник, — не обижай!

Кесаревич снова сел к окну. Разговор возобновился.

В 1903 году в Сарове, Тамбовской губернии, открылись «мощи» преподобного Серафима Саровского. Красное было завалено заказами на кресты, образки, ризки и тому подобную продукцию — верный доход при поповском спектакле. Одна женская Дивеевская пустынь, где Серафим был первым угодником, дала красноселам миллионный заказ. Эта пустынь была знаменита идиоткой Оринушкой и, кроме образков, заказала крупную партию ризок Оринушки. Ризки Оринушки имели «чудодейственную» силу и хороший сбыт среди бесплодных и рожениц.

Дивеевская идиотка Оринушка «предсказала» Николаю II, что императрица родит наследника. Случилось так, что Александра вскоре действительно родила мальчика. За это Оринушка при жизни была причислена к лику святых.

К требованиям рынка старались принаровиться. Перед открытием мошей на каждом кресте выстукивался фокусом Серафим с медведем. Выпускались кольца с надписью по голубой и синей эмали: «во имя отца Серафима Саровского». Делали перстни с накладкой, изображавшей преподобного Серафима, из рук кормящего медведя.

Несколько дней работали честно — серебряный крест. А потом погнали фальшивый. Клейма ставили дома на чердаке. Управляющий пробирной палатой Снарский сам приносил Кондыреву клеймо палаты: он получил хорошую взятку. Фальшивые кресты и образки от Кондырева увозили возами. Кресты шли ходко, а вот образков оказался избыток. Монахи предложили купцам взять образки обратно в качестве серебряного лома по 12 рублей за фунт вместо 16. Просили только за серебро, оставляя купцам переплаченные за работу деньги. Но купцы наотрез отказа-

лись от своего «серебра»: образки были мельхиоровые и стоили всего по 60 копеек фунт.

На Серафиме Саровском прасолы жили колоссальные деньги. Романов построил двухэтажный каменный дом с высокой каменной оградой и чугунными воротами. Кондырев также купил каменный двухэтажный дом.

— Отец Серафим за усердие награждал!

— Да уж, — неожиданно заговорил Кесаревич, — от трудов праведных не наживали палат каменных.

Он повернулся. Все замолчали, ожидая, что он скажет. Кесаревич начал рассказ.

Семилетнего мальчишку, оставшегося без родителей, привели к прасолу. В комнате прасола лежал огромный пес. Морда пса покоилась на вытянутых лапах. Увидев чужих, пес не шелохнулся и только повел глаза на хозяина, словно спрашивал: что делать?

— Возьми мальчика в мастерскую. Он без призора совсем, — робко сказал человек, приведший мальчишку.

— Да куда мне его, на что он мне! — отрезал прасол.

— Ведь собаку кормишь! — осмелел проситель.

— Так ведь собаке-то бросишь кость, она и грызет. А мальчонка человек — ему не бросишь. Нет, не надо.

— Значит, лучше бросить мальчишку на улице, чем кинуть ему кусок?

— Да что ты привязался!

Пес поднялся на передние лапы и зарчал.

— Ну, уж ладно, оставь мальчишку. Только смотри ты у меня, — пригрозил прасол мальчишке, — чтоб не баловать, ни-ни!

— Спасибо, благодетель, спасибо, — раскланялся проситель и поспешно исчез за дверью, оставив мальчишка.

Так Кесаревич начал свою «карьеру». Он был последним представителем целой династии крестовиков. Делал кресты сызмалства. Искусство это перешло к нему по наследству от отца, а отцу досталось от деда.

Отец работал отливные кресты. Производил сотню крестов в месяц. Кресты

были в цене. А сын, с помощью прессы, выпускал за неделю по 17 тысяч медных крестов. У отца крест был литой, толстый, тяжелый — на пятак меди. У сына такой, что в воде не тонул, — тонкий, как папиросная бумага. Отец за каждый крест получал до 10 копеек, а сын за 1000 крестов — 3 рубля: меньше одной трети копейки за штуку. Техника проникала в царскую Россию, и в Красном появился «прец».

Я заинтересовался деталями производства и стал расспрашивать. Кесаревич хотел отмахнуться:

— Да чего тут интересного? Нечего рассказывать!

Но отмахнуться от разговора было нельзя. Кесаревич скинул пиджак, заворочил рубаху кверху. Он вытянул привешенный на гайтане, позеленевший от пота, медный крест и стал объяснять, как его делали. Отец сам «маткой» (матрицей) формовал каждый крест в земле и отливал. Затем вручную набивал рисунок.

Впервые механизмы — «преца» (пресса) — появились сравнительно недавно: лет 60 назад. До этого все делалось вручную. Первый пресс появился у Андрея Чулкова, затем у Африкана Чувилева, наконец, у Василия Чулкова. Кустари взвыли. Целые деревни лишались работы. Деревни Сапирова, Ясюнино до появления прессов специализировались на отливке. Теперь же доходы их резко пошли вниз и вскоре совершенно прекратились. Беднота еще больше нищала и закабалялась. Цены так пали, что целая семья едва зарабатывала на хлеб. Особенно тяжело приходилось женщине. Женщины воронили кресты, получая по 4 копейки с сотни.

Приближалось рождество. До праздника оставалось несколько дней. Кесаревич спешно доделывал шестую тысячу крестов из меди купца Домнина. Купец имел в Красном самый нарядный универсальный магазин и всегда ходил с записной книжкой. В нее он записывал все требования покупателей и немедленно заводил нужный товар. Любил, чтоб у него все было: все приносило доход. Домнин имел связь с заграничными

купцами и торговал бестаможненным серебром и золотом.

Кесаревич торопился доделать заказ, в надежде справить праздник. Он не рассчитывал получить много. Выполняя заказ, Кесаревич брал у купца в счет будущей расплаты и чайку, и сахарку, и мучки; и забрал, кажется, половину заработанного.

Даже если,—рассуждал он,— учесть купецкие накидки за кредит в четверть стоимости товара, все-таки остается получить еще четверть заработанных денег. Праздник кое-как справлю.

Он отделявал уже последнюю тысячу. На каждом кресте было изображено распятие, крытое эмалью. Он шлифовывалась, чаще всего на носу распятого Христа. Кесаревич тогда ругался и, поправляя господень нос, ворчал.

Здесь же, в Красном, снабжавшем крестами и образками всю Российскую империю, вывозившем кресты за границу, — относились ко кресту так же, как к серге, носившей забавное название «Лизавета Егоровна».

Кустари носили крест, не замечая его. Как поп надел при крещении, так и висит он до смерти, если не перепрет и не оборвется гайтан.

В сочельник Кесаревич закончил заказ и понес к прасолу. Выложил перед ним все шесть тысяч крестов: эмалевые распятия их горели под косыми лучами зимнего солнца.

— Вот, Василий Николаич, пожалуй расчет!

Домнин взял счета. Мусоля огрызок карандаша, он считал, черкал и снова считал.

Считал и время от времени бросал вопросы, от которых у Кесаревича разбегались мурашки по спине:

— Муки брал?

— Брал, Василий Николаич.

— Крупу брал?

— Брал.

— Сахару брал?

— Брал.

— Да этого, да того брал, — при- считывал купец. — Наказанье с вами одно. Все в долг да в долг. Наберет, а

потом вот и жди, и терзайся: то ли отдаст, то ли нет...

Купец ворчал и щелкал на счетах. Потом откинул счеты:

— Рупь с четвертью с тебя приходится!

Кесаревич обомлел и еле пролепетал:

— Как же, Василий Николаич, я и не брал столько.

— Ну, ты будешь говорить еще! Есть хочешь, так просишь, а с'ел, и не заметил, что чужое.

— Как же, Василий Николаич, у всех праздник. А я-то что же...

— Вон чего захотел! Я еще праздник ему справь!

Так и пошел Кесаревич домой с пустыми руками. Слезы текли по щекам — не чувствовал. А дома ревел навзрыд. Чтоб не сидеть праздник голодным, пришлось продать женин персидский платок — собственный подарок.

Кесаревич резко оборвал рассказ. Из глаз его текли слезы.

Он прижал к глазам подол рубашки: на гайтане болтался медный тяжелый крест.

— Поздно вечером, — успокоившись, продолжал он, — прибежал от прасола мальчишка и положил на стол две серебряные монетки. «Вот, говорит, хозяин прислал. Поздравляет с праздником. Тут сорок копеек. Хозяин велел двадцать копеек на просфору, да двадцать попам на свято»...

— Я был лучший мастер по крестам, — заключил Кесаревич, — а белого хлеба на столе не бывало. Вот как мы жили!

— На кресте жили, — подчеркнул племянник.

Разговор оборвался. Молча посидев некоторое время и не найдя общей темы для разговора, все заторопились домой.

Боясь оскорбить старика, я осторожно сказал:

— Мне хочется показать художнику ваш крест. Подарите мне его...

— На, на, возьми, пожалуйста, — живо откликнулся Кесаревич.

Он обрезал ножом гайтан и, отдавая мне зеленый от пота крест, сказал:

— Помяни батьку Кесаря, крест его работы, отливной.

Мы вышли. Над селом сияла луна, звенела радостная песня о родине. Кесаревич снова оживился и говорил без умолку. Я проводил его до волжских складов красносельского райпотребсоюза, где он работал сторожем.

Стало понятно, почему Кесаревич вначале так упорно молчал. Позднее я заметил, что старики, когда речь заходила о производстве крестов, старались, если не увильнуть от разговора, то по крайней мере скорее закончить его. Неприятная слава, мучительное прошлое!

ЗАСИДКИ

На чорта крупу драли!
Красносельская присловица

Слава о богатых красносельских ювелирах шла до Парижа и Нью-Йорка. Но богатели не ювелиры. Богатели прасолы и перекупщики. Ювелиры были нищими. И как нищие принимали подачки богатых хозяев. Ювелиры были слепы.

Для подачек был установлен, как годовой праздник, специальный день — 1 сентября. Первый осенний день.

Этот день был праздником эксплуататоров, праздником в честь непревзойденного мошенничества и надувательства. Назывался этот праздник засидками.

В 4 часа дня вверху хлопала дверь. Затем раздавался обычный скрип ступенек под грузной поступью хозяина. Иван Андреевич Кондырев спускался из своих покоев в полуподвальное помещение мастерской, где 15 человек тянули, вальцовали, штамповали и отделывали товар.

На последней ступеньке лестницы хозяин останавливался и кашлял. Все оборачивались. Он стоял, высокий, немного сутуловатый, чисто выбритый. Кондырев был еще красив и носил холеные усы, на концах свертывавшиеся в колечки.

— Ну, ребятки, знаете, какой сегодня день?

Говорил он часто и будто чеканил:

каждое слово у него вылетало, как образок богородицы из-под штампа.

— Знаем, Иван Андреевич, как не знать! — голосили все разом.

— Ну, подите оденьтесь, умойтесь и приходите.

Все расходились. Оставались по жребию один-двое: грели самовар, разбирали хлам, ставили столы, накрывали их холщевой или скатертью.

Засидки у Кондырева были наиболее «культурными». Кондырев считался либералом.

У Чулкова, Романова, Чувиляева и других прасолов мастерские в этот день работали до самого вечера. Мастером домой не отпускали. Они сами бегали за водкой и, не выходя из мастерской, начинали засидки.

Кондырев всех отпускал домой — приодеться и умыться. Иногда, за несколько дней перед засидками, жена хозяина дарила мастерам десятикопеечного ситцу и строго наказывала:

— Смотрите, кофты бабам не шейте! На засидках чтоб в новых рубашках быть!

У Чулкова Василия и у других перед хозяйским угощением все вместе с прасолом читали молитву. А помолвившись, уже выпивали. У Кондырева этого фарисейства не было. Кондырев был безбожник и сквернослов. Но бог ему подавал не меньше.

Часам к 6 вечера ювелиры собирались. В мастерской было подметено, стояли столы, уставленные четвертями водки и всевозможными закусками. Среди стола в блюде лежали яблоки.

Вокруг стола собиралось больше 40 человек. Кроме постоянных 15 мастеров, на Кондырева работали еще человек 35 «домашников» по деревням. Они также приглашались на засидки.

Собирались обычно без опозданий. Рассаживались чинно, перебарщиваясь лишь отдельными вежливыми словами. Унизительные прозвища, которыми был награжден каждый, в этот час забывались. Называли друг друга по имени и отчеству. Это было похоже на затишье перед бурей.

Ровно в 6 часов в последний раз приходила кухарка или сама хозяйка и ста-

вила на стол блюдо с вареньем. Затем появлялся хозяин. Все уж к этому времени сидели на местах бок о бок. От безделья и нетерпения кто вилку шевелил, кто рюмку.

Хозяин снова останавливался на нижней ступеньке лестницы.

— Ну, ребята, — говорил он, — валяйте! Только не деритесь. На дворе не курите. Вина мало будет — берите еще.

— Спасибо, Иван Андреевич! С засидками, Иван Андреевич!..

— Кушайте, кушайте...

Хозяин уходил к себе наверх и не появлялся до конца пиршества. Дворник получал строжайший приказ:

— Смотри, не пить. Следить в оба!

Кондырев входил в гостиную и усаживался в кресло у стола, за которым сидели несколько человек лучших мастеров. Каждый прасол имел таких ювелиров, выделял их из общей среды и приближал к себе. Они были «домашниками»: лучшие мастера работали дома. На засидках прасол угощал их отдельно, в своей квартире. За этим столом Кондырев обделывал дела, заключая с подвыпившими мастерами договора, любовался своей ловкостью, покручивая завитушки усом. Он был доволен делами и, злорадствуя над неудачами недоброжелателей, вспоминал, как ловко поднялся и разбогател.

Отец его — прасол — выгнал сына из дому. Сын был охотником, стрелял по голубям и поджог отцовский дом: горящий пыж попал под крышу. Отец рассвирепел, отсчитал «фармазону» ровно тысячу рублей и попросил больше не беспокоить его.

Как Кондырев разбогател? В ювелирном деле он ничего не понимал, работать сам не умел.

Отцовскую тысячу он разделил пополам. За одну половину купил избу и поселился в ней. А на вторые 500 рублей наделал с помощью отцовских мастеров металлических нашейных крестов и заклеил их дома под серебряные. Сам отвез свой товар в Сибирь, в Ирбит и продал за 36 тысяч рублей. Тридцать тысяч получил наличными и спешно уехал, оставив шесть тысяч рублей в

долгу. Об этом долге он никогда не напоминал ирбитским купцам.

С тех пор не упускал ни одной такой возможности. Он заработал даже «на грехе» собственной жены. Однажды Кондырев застал жену с красносельским попом. Поп затрепетал: он мог лишиться прихода. Кондырев продал попу свое молчание за три тысячи рублей, а жену избил. Жена боялась его и «ходила в струне». Под горячую руку он бил ее нещадно.

— Батюшка мой был жох, — размышлял Кондырев, — мне ли отстаивать!

Он вспомнил засидки у отца. Их собирали значительно скромнее. Старый чорт прижимист был.

Засидки стали обычаем, начало которого даже старики не припомнят. Засидки имели большой экономический и политический смысл. Бесплатной кормежкой и попойкой прасол заманивал и задабривал кустарей, втягивал их в свое дело. Каждый хозяин старался, чтобы мастер ему задолжал. А после этого ему от прасола не вырваться.

За столом вместе с хозяином сидели гравер, эмальер, лучшие ювелиры, которых могли переманить. Перед ними был полон стол закусок и вина. И здесь, и внизу в мастерской идет пир. Каждый пьет и ест сколько хочет бесплатно и почитает Ивана Андреевича благодетелем.

Но Иван Андреевич знает цену своей щедрости, так же как сластолюбивый сельский поп знает цену его молчания.

— Слово — серебро, молчание — золото!

Кондырев улыбнулся и предложил тост.

Выпив, вышел из-за стола и прошелся по комнате. Да, он хорошо знает цену своему бесплатному угощению. Он получит от них за свое угощение... куда там сторицей!

После засидок, с 1 сентября и до пасхи, рабочий день в мастерских прасолов удлинялся на три и четыре часа. Начинали обычно с 5 часов утра и работали до 11 и 12 часов ночи. Иногда же, особенно у мелких хозяев имевших одних мальчишек «в обуче-

нии», работали и до двух часов ночи. Тут же в мастерской и спали. Для учеников также устраивались засидки с повальным пьянством.

Еще хуже было положение кустарей, работавших на дому, по деревням. Здесь мастер, эксплуатируемый прасолом, жестоко эксплуатировал свою семью: жена и дети работали также по 17—18 часов.

Но Кондырев не об этом думал. Он сравнивал свое ведение дела с отцовским и думал о щедрости.

— Я несравненно щедрее старого скряги, — размышлял он, довольный собой. — У меня за столом не 20, а 40 человек! У меня яблоки, у меня варенье в блюде! Зато и работают на меня и днем и ночью.

Кондырев улыбнулся. Каждый мастер, пирующий на засидках, с'ест и выпьет у хозяина, допустим, на два рубля. Это много! А затем 240 дней работает на него по 4 часа сверх всякой нормы. Долг, дескать, платежом красен. Хозяин угостил, а ты поработай, раз угостить не можешь. Таким образом, за двухрублевое угощение ювелир отдавал прасолу слишком 900 часов, целых 39 дней своей жизни.

Кустари-ювелиры нищали с каждым годом все больше и больше. Этого не могли не заметить даже царские чиновники, всеми мерами охранявшие власть прасолов, бога и царя.

Один из таких чиновников, Н. Корбицкий, бывший управляющий пробирной палатой в Красном, в отчете о положении промыслов вынужден был написать следующее:

«... все увеличивающееся количество производства не есть показатель материальной обеспеченности кустика. За последнее время наблюдается характерное явление: пропорционально увеличению производства понижается заработная плата; за то время, как увеличилось вдвое количество проклеянного товара, цены за работу изделий значительно понизились, а на некоторые виды изделий почти втрое. Это дает основание думать, что в настоящее время, хотя производство и увеличилось вдвое, оно

все же в общем окупается одной и той же суммой, несмотря на увеличение количества рабочих рук.

Такое обстоятельство привело кустика к 15—18-часовому рабочему дню и среднему заработку 20—25 рублей в месяц при благоприятных условиях всей семьей. В среднем же семья кустика зарабатывает около 15 руб. в месяц. Заработная плата с 1895 по 1912 год пала на 55,8%. К тому же надо принять во внимание, что жизнь за 17 лет вздорожала более чем в два раза. И чем ниже становится заработная плата, тем больше кустика увеличивает рабочий день и усиливает спешность исполнения. Недостаток отдыха и переутомление сильно отразились на кустиках».

Так писал человек, стоявший на страже бога и царя. Но он не договаривает правды, правды неприятной.

Все прасолы широко практиковали оригинальный способ расчетов с мастерами. Приносит кустика прасолу товара, допустим, на 10 рублей. Прасол принимает товар, но деньгами дает лишь пять рублей: «денег нет». А на остальные пять рублей дает «талонку» в свой магазин. За этот кредит в пять рублей за мастером записывается уже 5 руб. 75 коп. (за кредит взимается 15% с каждого рубля). Но дело на этом не кончается. В магазине, при отпуске по «талонке», цены на все товары повышаются на 25%. Так, дополнительно, дважды грабил кустика прасол в своей лавке или предоставлял эту возможность другому купцу, с которым заключался на этот счет специальный договор.

Всю эту механику Кондырев прекрасно изучил и усовершенствовал.

Внизу что-то грохнуло. Послышался звон битой посуды и брань. Пир подходил к концу и принимал бурный характер. Кондырев вызвал дворника, поспешил вниз.

Трезвые прячут в себе многие обиды и упреки. Засидки начинаются чинно. Все едят, пьют. Говорят мало.

— Иван Сергеевич, подлей!

— Выпьем, Кесарич!

Рот занят: чавкают, пьют. Но понемногу говор усиливается. Хмель бродит. Рюмки становятся малы. Вместо них появляются стаканы. Имена забыты, в ходу только прозвища. Начинаются упреки, споры; поднимается холодный шторм нужды и обид.

— Ты чем вышел-то, чем?

— Ты перед хозяином дьяволишь!

— Знаю, как ты сплавил хозяину фальшивый товар...

— Ну-ну!.. Убью!

Раздается крик. Кто-то кому-то заехал в ухо. По столу, заваленному огрызками, залитому водкой, с грохотом летит бутылка. От посуды рассыпаются осколки. В углу мастерской драка. В эту минуту появляется хозяин с дворником.

Один из мастеров, схватив четвертную, бросается к нему:

— Прохвост, Ванька Кондырев, подкупить хочешь своей жратвой?! Врешь, мерзавец, не проданся!..

Пьяница смаху хлопает четвертной по столу. Кондырев берет его за воротник и выбрасывает вон. Дворник, как котят, выкидывает остальных за ворота, в канаву. Кондырев стоит у порога и приговаривает:

— Спать, спать, голубчик. Приходи опохмеляться завтра!

Второго сентября все опохмеляются. Кондырев дает на опохмелку деньгами. Два дня он никого не подпускает не только к мастерской, но и к дому: пусть выходятся, вытрезвятся. На третий день засидок завязываются традиционные драки — мастерская на мастерскую. Кондыревские дрались с чулковскими. Дрались на потеху хозяевам, кольями и ломами, часто изувечивая друг друга.

На четвертый день животы разгулявшихся мастеров подтягивало. Денег нет, есть нечего. Прасол начинал сгонять ювелиров.

— Пора, пора, голубчики. Поели, попили, — надо поработать!

Чтобы кустари не отбивались от рук, прасолы привечали их жен. После засидок для жен мастеров устраивались «капустники». Собирались жены кустарей у прасола рубить и солить капусту. Отсюда — капустник. Жены ювелиров

бесплатно работали, а прасол угощал. Угощала и спаивала их сама хозяйка.

Многие, однако, вырывались искать счастья. Кое-как, со слезами, начинали работать самостоятельно. Но вскоре положение такого искателя счастья становилось и вовсе невыносимым. Сбежавшего от хозяина поднимали насмех: то же купец! Запасного капитала «беглец» не имел, поэтому не мог оборотиться. Нароботав дома товара, он неминуемо, чтоб сбыть свои изделия, шел к тем же прасолам.

— Не надо ли товару?

ЦЕПОЧКА

Березы шумели...

Ветер сбрасывал с их ветвей воду, прорывался в щели избы и обдавал холодной изморозью. Анна вздрагивала, но не выпускала изо рта раскаляющуюся февки¹.

За маленьким верстаком сидела семья: Анна, золовка и восьмилетняя дочка Анны. Перед каждой из них — копилка, у каждой во рту — февка. Они паяют над копилкой тонкую крестовую цепь. Каждая держит в левой руке кончик растущей цепочки, а правой надевает новое двухмиллиметровое звеньшко, кладет на разрез звеньшка припой и, с помощью февки, направляет пламя копилки на место спайки.

Девочка утомилась и обжигает пальцы. Но пальцы левой руки не выпускают кончик цепочки, а правая надевает новое звеньшко. Губы сжимают горячую февку. Легкие, как меха, подают воздух.

В углу старуха-свекровь правит на шиле кольца цепи. На печи спит большая свекор.

Недавно отпировали засидки. За окном бушует осень. Черная ночь легла на избенку, в окнах которой мечутся и брызжут огоньки: то ярко желтые, то белые, то прямые, то косые.

На дворе кукарекнул петух. Крик его потонул в шуме ветра. Девочка обожгла пальцы, уронила февку.

— Мамк, спать!..

¹ Паяльная трубка.

Мать подняла утомленные глаза. Ей самой давно хотелось лечь. Высокий живот мешал паять. Она была беременна и дохаживала последний месяц. Ребенок часто шевелился. Анна вздрагивала, выпрямлялась и ждала, пока успокоится ребенок. Она бы с радостью и сама легла, но боязнь остаться без куска хлеба не позволяла выпустить февку.

— Погодь, родимая, погодь...

Анна опасливо оглянулась на дверь избы. Ветер засвистел в трубе и грохнул калиткой.

— Погодь, родимая, погодь; услышит сам...

Ветер снова хлопнул калиткой. Из огорода донеслись частые удары молотка.

«Сам» был у плавила и горна: заготавливал металл. Плавил — кирпичная печь с высокой трубой — была сложена за избой в огороде. Называлась эта печь самоплавом. Печь имела поддувало и при плавке не требовала, как прежде, безостановочной работы на мехах.

Расплавив металл, мастер промешивал его и разливал по изложницам на слитки по фунту весом. Потом каждый слиток, чтоб приготовить к волоке, расковывал на наковальне. Фунтовый слиток вытягивался молотком до полутора метров длины.

В избу проникали безостановочные удары молотка. «Сам» работал на наковальне. Молоток умолкал лишь с порывом ветра, относившим звук от избы.

Канидий Ионыч, не выпуская молотка из рук, смахивал пот с морщинистого лба. Он не чувствовал холодного ветра и дождя. Рубашка его примокла к телу. Рукоятка молотка словно приросла к ладони.

Канидий торопился и торопил семью. Без его разрешения не могли лечь спать. Он был хозяином семьи. Женщина, работавшая до преждевременной смерти, не имела в семье кустика никаких прав, была рабой.

В Красносельском районе почти нег старух. Это особенно заметно в тех деревнях, где работали крестовую цепочку. Женщины рано становились старухами

и умирали 30—35 лет. Женщина в семье кустика выполняла тяжелую, изнурительную работу. Стряпая и стирая на всех, она воронила и паяла. От медной февки вываливались зубы. К 20—25 годам женщины, паявшие цепь, совершенно лишались зубов.

Анна боялась жаловаться на беспросветность своей доли. Она считала ее порядком, установленным богом. Так жили все женщины, так жили ее мать и бабушка. Может ли она иначе жить? Анна жаловалась на то, что бог не дает ей силы и терпения. Ей так их не хватает, особенно сейчас. Она завидовала бабам, которые были сильнее и здоровее. Анна знала, что и муж ее втайне завидует мужикам, имеющим более выносливых баб. Она ждала и боялась этого упрека.

Девятый месяц беременности подходил к концу. Она чувствовала себя больной, с трудом мыла пол и стирала. Натаскав воды из колодца, уставала. За пайкой цепочки у нее начинала болеть голова. Ребенок шевелился, Анна досадовала и, положив руку на живот, там, где бился еще не родившийся человек, говорила ему с укоризной:

— Да погодь, погодь, дурень. Не до тебя тут, господи...

Внезапно резко схватило низ живота. С губ готов был сорваться крик. Но в избу вошел Канидий и с грохотом бросил откованные слитки меди. Анна, стиснув челюсти, подавила крик.

Канидий только глянул в сторону верстака, где сидели над копилками сестра, дочка и беременная жена. Не сказав ни слова, он стал налаживать ворот. Старуха, правившая на шиле кольца цепи, несмело заговорила о погоде. Но тут же умолкла: было не до погоды.

Канидий молчал, молчали и все. Он вставил волоку в упор ворота, продел с внешней стороны в самую крупную дыру волоки заостренный конец медного откованного слитка. Взял этот конец щипцами, укрепленными на прочной веревке, протянутой к валу. Затем ухватился за колесо ворота. Веревка натянулась на валу, медный прут взвизгнул в волоку. Щипцы, цепко стиснув конец

прута, медленно тянули его через первую дыру волокни, утончая и вытягивая в толстую проволоку.

Чтоб стать проволокой нужных размеров, медный прут должен пройти все двадцать отверстий волокни. Из двух золотников металла вытягивалась проволока в семь аршин длиной. Десять аршин крестовой цепочки должны весить не более 18 золотников. Мастер ворочал колесо ворота вручную, налегая на него всем телом. Эта работа требовала лошадиного напряжения.

Ворот — примитивный прокатный стан — появился на промыслах недавно. До него медную, серебряную и золотую проволоку для цепочек вытягивали «дубинушкой» в избе, через матицу. Упор для волокни устраивался в полу.

Отец работал через матицу. Канидий приспособил ворот. Упираясь ногами в рукоятки колеса, Канидий смаху повисал на нем всем телом. Проволока вытягивалась медленно, взвизгивая в отверстия волокни.

Приближались зимние ярмарки. Выполнились срочные заказы. Скупщики вились около изб мастеров с утра и до вечера, торопя исполнение. Виноградов, на которого работала семья Канидия, уже много раз напоминал о товаре и корил:

— Горазды были пить на засидках. Можно теперь спать и поменьше. Выспишься — будет время!

Прасол Василий Алексеевич Виноградов специализировался на цепях и цепочках. Он был главным поставщиком цепочки на рынок. В Красном он имел лучшие два каменных дома — нынешние РИК и звуковое кино; имел собственную мастерскую — самую крупную — на 30 человек, да за верстаками по деревням на него работало свыше 200 семей. На него работали десятки деревень округи: Аферково, Вакрино, Прискоково, Метяшиха, Орефинка, Остафьевское, Сажино, Здемирово и другие.

Виноградов торопил. Мастера паяли для него цепи панцырные крестовые, цепи бортовые для часов и овальные, цепи панцырные кучерские с кистями и образечные (три кольца враз), цепи горошчатые немецкой пайки и веревоч-

кой, цепи звенчатые для карманных часов и лампадные, поповские цепи для нагрудного креста и протоиерейские, цепи волосоватые, штифтовые, шотландки и другие. Продукция шла в монастыри, растекалась по десяткам российских городов и модным магазинам столицы.

Виноградовская мануфактура ежегодно поставляла на рынок свыше тысячи верст различной медной, серебряной и золотой цепочки.

Это были версты бессонных ночей и безрадостных дней. Это были версты, спаянные почти исключительно женщинами и детьми.

Деревни не помнят другого такого паяльщика, как Александр Алексеев из Вакрина. За день он напаявал по 19 аршин крестовой цепи, — больше семи верст в год! Это был единственный в своем роде, уникальный паяльщик. Его считали колдуном.

Наивысшей производительностью было 7—8 аршин в сутки. Обычно же работали средние, как Анна Ивановна Ловыгина из Подольского. Она напаявала за год полторы версты крестовой цепочки. За 25 лет она спаяла 35 верст цепочки и за эту четверть века каторжного труда заработала 2.100 рублей.

В стекла оконца брызнул дождь. Ветер нудно завыл в трубе. Девочка снова промахнулась и обожгла пальцы.

— Ма-амк... — тихо протянула она.

Анна вскинула на нее воспаленные глаза и опять чуть не вскрикнула: словно клещами схватило поясницу и сильно резнуло низ живота. «Господи! — подумала она, преодолевая боль. — Неужто так рано?»...

— Ма-амк... — взглядывая в сторону отца, вновь протянула девочка.

— Машутка, ты поди ложись, спи! — неожиданно сказал Канидий, налегая на колесо ворота.

— Поди, родимая, спи! — с радостью разрешила Анна.

Старуха распластала на полу соломенный тюфяк. Девочка ткнулась в него, как подстреленная, и тотчас же заснула.

Анна взглянула на девочку с жалостью и сочувствием:

— Толковая. Вся в отца. В школу бы надо, да...

Она вспомнила Марину Переплетчикову из Красного. Вдова Марина работала прислугой у красносельского прасола и пароходчика Доната Сорокина. Она отдала своего единственного сына Ваньку в ремесленную школу. Марина мечтала выучить сына, чтоб потом он не проклинал матери, чтоб вышел в люди не плоше самого Доната Николаевича, чтоб на старости лет обеспечил и успокоил мать.

Марина недоедала, надрывалась от работы, но платила в школу и кормила сына. А прасол корил ее:

— Не дело ты делаешь, Марина. Из такой бедноты ты отдала его в техническое училище. Жалеючи тебя, говорю. Какая тебе польза? Эка ты купчиха! Отдай Ваньку в пастухи—помощником будет!

Донат Сорокин четко определял участь детей ювелиров.

Советская власть, свергнув иго прасолов, получила тяжелое наследство: целые деревни стыли в невежестве. Вся молодежь Вакрина и других деревень оставалась неграмотной и малограмотной. Молодежь паяла цепь, воронила кресты.

— И то сказать, в школе только озоруют, — размышляла Анна, стараясь найти оправдание тому, что дочка остается неученой. — Не глупей, чай, нас Донат Николаевич. Вот золовка и училась, а уж к чему девке грамота? За муж выйдет, муж, бог даст, будет читать.

Хотя царское министерство торговли и открыло в Красном ремесленную школу, дети кустарей попрежнему поголовно оставались неграмотными как азбучно, так и по ремеслу. Они проходили обучение дома за верстаком, под оплеухами и подзатыльниками родителей. На пайку цепочки ребят сажали уже с шести лет. Они паяли самую тонкую цепочку. Руки взрослых для этого были неуклюжи. Тоненькие пальчики ребенка легко и аккуратно управлялись с мелким звеньшком. Дети паяли цепочки и кормили стариков.

«Вследствие нужды и крайней необ-

ходимости дома в рабочих руках — кустарь не имеет возможности отдавать детей в обучение и платить за них 30 рублей. Работая дома, 8—9-летний подросток (мальчик или девочка) окупит своим трудом свою одежду и пропитание, а за содержание в школе на него надо заработать лишних 30 рублей, одеть его и лишиться помощника.

Ежегодно наблюдается, что от переполненного пригготовительного класса в первом остается только половина. Это хроническое таяние пригготовительного класса объясняется тем, что многие удовлетворяются элементарными сведениями, которые сообщаются в мастерской в первом году обучения, и считают их вполне достаточными для тех примитивных приемов, которые применяются дома. Кустарь вынужден поневоле довольствоваться частью курса мастерской за недостатком средств на образование детей».

Так, в 1910 году, писал министру торговли и промышленности директор красносельской ремесленной школы Мо-настырский.

Даже счастливыцы, попавшие в школу, вынуждены были бросить ее и оставаться недоучками. За тринадцать лет — с 1897 по 1910 год — красносельскую ремесленную школу окончили всего 39 человек: по 3 выпускника в год! К этому нужно добавить, что три четверти учеников школы были не дети кустарей. Это были дети служащих и кулаков.

... Вся жизнь Анне казалась похожей на серую и холодную осень, что шумит за окном, хлещет мелким дождем.

Церковный сторож ударил два часа. — Аннушка, хватит, — взмолилась золовка.

— Погодь, родимая, погодь. Еще хоть по аршину!

«По аршину, по аршину, шину, шину, по аршину...» — каким-то диким плясом пронеслось в голове золовки и зазвенело в ушах. Она запаивала сегодня шестой аршин цепочки. А спать так хочется!..

«По аршину, по аршину, — снова проплясало в мозгу. — В аршине шестна-

дцать вершков, — начал высчитывать мозговой арифмометр, — в каждом вершке тридцать звеньишков цепи... Сколько звеньев запаять в аршин? Множим. Ноль приставляем. Четыреста восемьдесят, — выводил арифмометр, — 480 звеньев, 480 спаек, 480 февок, 480 — это будет аршин!

Раз — звеньишко надето, раз — припой положен, раз — февка дует. Готово! Два — звеньишко надето, два — припой положен, два — февка дует, два — готово! Три — звеньишко надето, три — припой положен, три — февка дует... Осталось четыреста семьдесят семь!».

Руки работали механически. Легкие вбирали воздух и выбрасывали его на припой. Губы перестали осязать февку — она как бы срослась с ними. В голове напряженно работал счетчик: пять — звеньишко надето, пять — припой положен, пять — февка дует, пять — готово! Шесть...

— Ой!..

Изва огласилась диким криком. Копилка невестки грохнулась с верстака и разбилась. Анна с'ехала с табуретки на пол.

Канидий бросил ворот и подбежал к жене:

— Ну, чорт возьми, не во-время!

Свекровь бросила шило, засуетилась. Звякнула ключами от сундука, загремела тазом, побежала за водой, раздула самовар, раскидала белее...

Проснулся и заворчал свекор на печи. Анна истерически завизжала... В избе раздался новый голос — захлебывающийся писк новорожденного.

Роды были легкими. Но Анна обесилела. Глаза ее закатились, а руки раскинулись по полу.

— Ведь теперь, поди, дня два проваляешься, — с укоризной сказал Канидий, стоя над измученной и обессиленной Анной, — баба ты у меня урод!

И как бы извиняясь за вырвавшуюся грубость, разбавил ее упреком:

— Вон Анисья у Лодыгина родить ходит на двор, как до ветру. Родит и сама домой внесет, на печку положит. Не залежится, не бойсь! Вот это баба!

Анна не слышала страшного упрека. Она лежала на полу, как мертвая. Спала.

В оконце брезжило серое осеннее утро.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Пошел старик к синему морю...
Стал он кликать золотую рыбку
А. С. Пушкин.

Несмотря на ранний час, Василий Михайлович Гоголкин сидел за конторкой. Он был крайне озабочен и проворочался ночь без сна. Повинен в том был «мерзавец» Антошка. Антошка не доглядел, Антошка огорчил купца.

За окнами всю ночь бушевала и сейчас плачет осень. Василий Михайлович поднялся, чтобы вернуться в спальню к жене, когда в комнату опрометью вбежал Антошка Четвернин. Он был постоянным шпионом Гоголкина. За это ему дали прозвище «сельский вестник». Каждый прасол имел таких шпионов, обязанностью которых было знать все сельские новости и незамедлительно сообщать их хозяину.

Антошка остановился среди комнаты. С его коротких заплатанных порток стекала вода.

— Василий Михалыч, — крикнул Антошка, — Анна Ловыгина родила...

— Ну, и что же? — сказал купец с напускным спокойствием.

— Дочку родила под утро!

— Ну, и чорт с ней! — крикнул купец. — Мне-то что? В кумовья, что ли, зовет нищета!

— За верстаком родила, Василий Михалыч...

— Дурак! — разозлился купец. — Для чего это ты мне сообщаешь? Рази я повивальная бабка? Рази для этого ты мне, дурак, нужен? Ты мне, дурак, нужен для того, — наставительно заговорил купец, ударяя мясистым пальцем по конторке, — для того ты мне, дурак, нужен, чтобы дело знать, а не ребят принимать. Для этого старухи есть. Ну, хошь бы Анна была моя мастерица, — это бы еще могло меня огорчить. А то ведь и этого нет, она виноградовская. Ну и беги с этой новостью к Виногра-

дову в Красное! Но только помни, за такую твою работу мы концы врозь.

Купец разошелся и читал длинную отповедь провинившемуся холую. Антошка смиренно стоял перед хозяином. Наконец Гоголкин замолчал, прошелся по комнате из конца в конец. Потом сел за контролку и откинул счеты. Кости счетов щелкнули. Антошка вздрогнул.

— За ребятами глядишь, а чего надо, не знаешь и не видишь, — сказал купец. — Терентий Агеев изобрел новый брелок «живую рыбку». Два месяца Агеев втихомолку работает этот брелок. Представители столичных фирм прямо к Терешке направляются... У него отбою нет от заказчиков. Вот тебе мой строгий приказ — разузнать о «живой рыбке», как ее делают. Понял?

— Понял, Василий Михальч...

— Да смотри, будь хитер — Терентий умеет скрывать секреты. Он тебя, дурака, и на пять аршин к верстаку не допустит. Понял?

— Понял, Василий Михальч, — скороговоркой ответил Антошка и поспешил направиться вон.

— Постой! — крикнул купец.

Антошка остановился на пороге. Глаза его трусливо мигали. В бородачке, как заметил Гоголкин, застряла сениная труха и солома.

— Сейчас же пришли ко мне мальчишку Григория Петлина — Леньку!

— Слушаю, Василий Михальч.

Антошка поспешно скрылся за дверью. Купец подошел к окну. За окном вытянулась серая мокрая улица. Косой дождь хлестал землю, ветер срывал с лип последние листья. Улица была пустынная. Купец хотел отвернуться от окна, но заметил удаляющегося Антошку. Он торопливо шагал вдоль улицы. Голые пятки его, омытые в лужах, мелькали часто. Заплатанные мокрые портики прилипли к ногам. Неподпоясанная рубашка была коротка и едва прикрывала спину. Вся фигура Антошки вызывала смех и жалость. Купец вздохнул и сказал с сокрушением:

— Старательный мужичонка, а глупый...

Антошка скрылся за избами. Улица снова опустела.

— В такую погоду хороший хозяин собаки не выпустит, пожалеет, — вспомнил купец народную поговорку, совершенно забыв об Антошке.

Ветер резко хлестнул дождем в стекло и зашумел в щелях рамы. Гоголкин отошел от окна.

Прасол Гоголкин считался человеком добрым. Лицом он напоминал Николая-угодника, как рисовали его на иконах, с кроткими глазами и кругленькой седенькой бородкой. Гоголкин имел торговлю в Петербурге. Однако не щеголял в русских и европейских столицах, как красносельские воротилы Василий Николаевич Чулков, Донат Сорокин или Виноградов. Гоголкин вырос в Подольском, здесь разбогател и окопался, редко навещающая свое петербургское заведение.

Дом Гоголкина, ломая сельскую улицу, стоял в центре села. Он был густо обсажен липами. Липы разрослись и образовали рощу. Эта роща и дом купца были обнесены высокой глухой оградой с крепкими воротами. Дом напоминал крепость. От него растянулись по селу невидимые, словно паучья сеть, нити. По этим нитям текли к купцу богатство и довольство.

Во дворе хлопнула калитка. Псы загремели цепями, выскочив из своих конур. Но, гавкнув для приличия, полезли обратно. Они уже знали этого посетителя.

Робко отворив дверь, Ленька остановился у косяка. Это был сын Григория Петлина — подольского ювелира. Петлин овдовел еще молодым, семья была большая, но помощников не было. Самому старшему его сыну Константину шел четырнадцатый год. Григорий Петлин с нетерпением ждал, когда окончит сельскую школу второй его сын Леонид. Мальчик учился отлично и особенно любил рисование, что несказанно радовало отца. Отец видел в своем сыне хорошего помощника в будущем по части гравировки изделий. И не ошибся.

Как только Леонид окончил трехклассную сельскую школу, отец посадил его рядом с собой за верстак. Двенадцатилетний мальчуган с первых же дней показал чудеса. На сделанном от-

цом брелоке он выгравировал такой цветок, какого еще никто, никогда в округе не делал.

Гоголкин не мог не заметить нового в продукции Григория Петлина. Он спросил об этом, но Петлин не отвечал. Григорий не хотел, чтобы купец насел на ребенка сразу. Он приберегал сына для более выгодного дела.

Заметив остановившегося у косяка мальчугана, купец поманил его. Затем, разглаживая бородку, ласково спросил: — Так это ты цветочки-то нарисовал?

Ленька ответил не сразу. Ему показалось, что купец задумал что-то неладное.

— А ты не бойся, — еще ласковее сказал Гоголкин, — на-ка, вот тебе гостинице.

Купец протянул мальчугану мятлый копеечный пряник. Мальчик осмелел.

— Я еще не то могу рисовать, — уверенно сказал он, — я пароход могу и пушку.

— А церковь можешь?

— И церковь могу.

— И ангелочков с крыльями можешь?

— И ангелочков могу.

— Так вот, Ленька, слушай. Я заказал твоему батьке наделать пасхальных яиц. Ты смотри, чтобы ангелочки на них как следует были сделаны. А с другого бока — «Христос воскрес». Понял? Молодец! Сделаешь хорошо — приходи за гостинцами. На-ка, вот тебе еще пряник...

Жизнь мастеров села Подольского мало чем отличалась от нищей жизни крестовиков села Красного. Между тем здесь, в Подольском, в отличие от Красного, выросли и размножились талантливые самородки — ювелиры Агеевы, Петлины, Рубцовы, Басовы и другие. Они работали главным образом брелоки, различные металлические пояса, гравировали металлические пасхальные яйца.

Покупатель был придирчив к брелокам и требовал оригинальности. Изобретая новый вид брелока, мастер тайком от прасола (прасол обязательно протянет кандалы до талантливого мастера), выпуская изделия на рынок, сбывал бре-

лок прямо столичным агентам, минуя хозяина. Это давало возможность изобретателю «подработать» и временно вырваться из нужды и когтей прасола.

Подольские ювелиры были изобретательны. В этом отношении между ними существовало некоторое, можно сказать, молчаливое соревнование на выдумку и оригинальность. Брелоки, например, делались в сотнях вариантов и рисунков: свисток, царь-пушка, револьвер, бутылка с водкой, тувельки, лира, лодка с парусом, череп, гиря, счеты, нож, сани, скрипка, слон, четыре туза и многие другие. Один придумал «топор в кряже», другой передразнил — «топор в полене». Мастера и сами следили друг за другом. Каждому хотелось хоть на день ухватить счастье. Но счастье всегда в конце концов оказывалось в руках прасола. Прасол шпионил за каждым шагом мастеров. И все зависело от того, насколько рано или поздно будет разоблачен секрет и пущен по рукам.

«Золотая рыбка» Терентию Агееву далась не сразу.

Он тоже ловил счастье. Он тоже придумывал новые брелоки: листок, книжечку и другие. Но все это было не то, не ново, не ходко. Нужно было что-то особенное и по форме и по технике.

Как-то раз его ученик, племянник Васька Агеев принес чудесную книжку. Она называлась «Сказка о рыбке и рыбке». Васька читал ее вслух, а мастер слушал, отложив инструменты. Терентий слушал сказку впервые и был поражен ненасытной завистью старухи, а рыбака все-таки обругал простофилей.

— Ну, кабы это мне, — начал он думать вслух, — старухину зависть я бы послал к чертям. А взял бы у рыбки только то, что нужно. Дом — раз... — и Терентий загнул один палец, — инструмент хороший — два, суконную тройку — три, бабе чугуны и хороший ухват — четыре, еще ситцу на платье и сукна на пальто — пять, корову бы — шесть...

Он размечтался и продолжал по мелочам присчитывать, пока у него хватало пальцев на руках. Васька с восторгом наблюдал за учителем. Когда же

одиннадцатому желанию пальца не хватило, Терентий очнулся и прикрикнул на Ваську:

— Ну, чего рот разел, а работа стоит!

С тех пор многие дни «золотая рыбка», приносящая счастье, неотступно следовала за Терентием Агеевым. В конце концов она превратилась для него в нечто вроде видения, которое, казалось, вот-вот можно ухватить. Задумавшись иногда, Терентий говорил вслух:

— Не может же быть, чтоб ее не было!

Васька начал даже подумывать: «уж не с ума ли сходит хозяин?».

А раз Терентий вышел на берег Волги и сел над обрывом. Он глядел на реку, словно ожидая ответа на свою мечту. Но Волга ничего не могла ему сказать. Она искрилась под лучами солнца и шумела у берега. Из-за острова выплыл пароход. Белый корпус его рельефно выделялся на фоне прибрежных волжских зеленей. Над пароходом взвилась сизокрылая чайка. Все было так, как на новом петлинском эмалированном брелоке. Так вот откуда Петлин взял свой брелок, который на время вытеснил все другие!

Осененный какой-то мыслью, Терентий бросился домой. Ваське он дал незначительную работу и на неделю отпустил домой. Сам же заперся в избе, завесил окна и приказал жене никого не пускать.

Осенью, когда перед зимними ярмарками в село хлынули скупщики из Москвы и Санкт-Петербурга, Терентий Агеев предложил им новый брелок. Столичные представители ахнули. Они безоговорочно заключали договоры с Терентием, отказываясь от изделий других мастеров, в том числе и гоголинских. По селу пошел слух, что Терентий Агеев избрал «живую рыбку». Она шевелится, сама движет хвостом и плавниками. Продавал он свою «рыбку» по 12 копеек за штуку в черновом виде (серебрение и золочение за счет заказчика) и набрал уже на пять тысяч штук.

К рождеству Терентий сшил себе суконную тройку, справил жене пальто и

платье, купил новые чугуны, справил еще кое-какие мелочи.

Гоголинский Антошка из кожи лез, стараясь разузнать терентьевы секреты. Но как, однако, ни бился, ему не удалось даже увидеть работу Агеева над рыбкой.

Антошка прибегал к различным ухищрениям. Под разными предложениями он внезапно оказывался то у окна терентьевой избы, то врвался в избу, и все же ничего не мог увидеть. Окно всегда было занавешено, а в избе, у самого порога, Антошку встречала терентьева жена и сразу давала знать о непрошенном госте. Терентий выходил из-за перегородки — на том дело и кончалось.

Долго скрывал Терентий Агеев секреты производства «золотой рыбки». Она приносила ему довольство и сытость в семье. Долго он работал «рыбку», боясь показать даже Ваське. Последнее время работал и Васька.

«Золотая рыбка» делалась из меди и серебра. Она действительно напоминала живую. Туловище ее изгибалось, хвост и плавники двигались. Штифты, искусно прикрытые тонкой металлической чешуей, были незаметны. Несмотря на всю сложность, «рыбка» была легче всякого другого брелока. Сто штук «рыбки» весили 20 золотников, а сотня других брелоков не меньше 24 золотников. Это был брелок, показавший новую технику и большой талант мастера.

Не видать бы гоголинскому Антошке «золотой рыбки», как своих ушей, если бы не оплошал ученик Терентия Васька. Случайно он выдал производственный секрет брату. Тот, помучившись, сделал брелок не хуже. От него пошло дальше. И попалась «золотая рыбка» в лапы Гоголкина. Мастера Окуневы приспособили ее в «прец». Цены на «рыбку» сразу упали вдвое. Терентий Агеев снова оказался у разбитого корыта.

Терентий долго допытывался, каким образом уплыла «золотая рыбка» из его садка. А когда, наконец, узнал — напустился на Ваську:

— Ты что же рыбку-то показал?

— Да что ты, помилуй... — перепугался Васька.

— Помиловать бы ништо, — расви-
репел Терентий, — да было бы за што!

Ни слова больше не говоря, он отве-
сил Ваське полфунта серебра за работу
и проводил со двора.

— Иди, голубчик, работай самостоя-
тельно. Учись жить!

Васька отчалил от берега. Утлую лод-
ченку его подхватили волны житейско-
го моря; покачали, покачали и прибили
к гоголинской крепости, как и Леньку
Петлина.

НОВЫЕ ПЕСНИ

Воспоминания красносельских ювели-
ров о прошлом держатся одной навеки
запомнившейся оси:

— Было это, когда меня били...

— Да нет, это когда Петруху на ба-
заре оглоблей стегали.

— А не тогда ли, как Ваньку Вику
изуродовали?

Теперь это кажется таким далеким и
невероятным, будто было не на нашей
земле.

Напуганные событиями 1905 года в
Петербурге и Москве, царские оприч-
ники беззастенчиво хозяйничали на селе
и в районе. Каждое слово протеста на-
тыкалось на шашку, оглоблю или кол.
Щегольство хозяев, нищета мастеров,
драки давно уже были сельской обыден-
щиной.

Ювелиры начинали понимать, что на-
стоящее счастье можно вырвать только
борьбой. События, слухи о которых до-
ходили со всех сторон, учили ювелиров.

Избили и арестовали Петруху-«заба-
стовщика». Он распространял револю-
ционную книжку «Царь и лев». Кто-то
передал книжку в волостное правление.
Петруху вызвали:

— Твоя книжка?

— Да.

— Где взял?

— В мусоре, вот там...

— Врешь, сволочь!..

Но ни брань, ни угрозы не помогли
выпытать у Петрухи истину. Только
посадили Петруху, появилась новая
книжка, которую уже прочло почти все
село. Книжка имела заглавие «За веру,
царя и отечество», а рассказывала

о том, как солдат хотел напиться чаю,
а офицер избил его за «неотдание
чести».

Откуда появлялись книжки — никто
не знал. Но они попадались все чаще и
чаще. Все чаще раздавались революци-
онные песни.

В день императорского тезоименитства
мастер Михаил Сергеевич Смирнов не
вывесил флага на своей хибаре. По-
явился пристав:

— Почему нет флага?

— Не считаю нужным.

— Как ты сказал, скотина!

— Виноват, ваше благородие, денег
нет на флаг.

— Чтобы через четверть часа был
флаг!

Через четверть часа Смирнов вывесил
женин фартук. Этот «флаг», разумеется,
сорвали, а Смирнова посадили.

Вся округа стонала от полицейских
репрессий. Особенно свирепствовал си-
доровский урядник Ромашкин, которого
губернские власти ставили в пример
всем урядникам.

Ромашкин был прислан на смену уряд-
ника Крылова — промотавшегося дво-
рянина, пьяницы и щеголя. У Крылова
был такой порядок: делай, что хочешь,
лишь его не касайся, лишь бы он не
знал. Крылов, бывало, запыет и на две-
ри записку наклеит: «дома нет». К это-
му все привыкли. После января 1905
года самодержавие не могло терпеть в
Сидоровском такого «либерала». Уряд-
ника Крылова убрали.

Новый урядник оказался не более
резвым, но зато усердным, исполни-
тельным служакой.

К любому собранию Ромашкин питал
ненависть и рассматривал его как угро-
зу трону. Ретивый был. На всякую тол-
пу летел с нагайкой:

— Что за сборище? Разойдись!

Взятки брал. С ворами и конокрада-
ми был знаком и скоро нажился. Коно-
крад и вор не угрожали существовав-
шему строю. Но всякий глубокий вздох
или вольное слово считались тягчайшим
преступлением. И Ромашкин, не щадя
сил, преследовал их. Он без церемоний
заглядывал в чужие письма, отбирал
подозрительные бумажки.

Ромашкин «насолил» всем. Мастера долго думали, как отомстить ему. Наконец случай подвернулся. Пригласили урядника в гости. Была устроена попойка. Защитник престола напился так, что потерял память. Его вытащили на улицу, обезоружили и раздели. Оружие спрятали. Проснувшись, Ромашкин застался до селу:

— В тюрьме сгною!..

Две недели он тщетно разыскивал шашку и револьвер. Мальчишки издевались над ним, придумывая обидные клички. Ромашкин перешел от угроз к мольбе. Со слезами, дрожа за свою шкуру, он ходил по селу и просил «пожалеть семейство». Сжалившись над ним, ювелиры подбросили ему шашку и револьвер. Но, нацепив доспехи, Ромашкин забыл «науку» и снова стал зверем.

Ромашкину помогал поп. Через старух и богомолку поп выведывал о «забастовщиках», как называли тогда всех, кто поднимал голос протеста. Неудобных хватали и запирали в сарай.

Никогда еще в красносельским и сидоровским ювелирам не приезжало столько гостей — родственников из разных городов, как в эти годы: литейщик Котов — из Ярославля, Абрамов — монтер завода бр. Бромлей в Москве, слесари и ткачи — из Яковлевского, старые и новые знакомые — из Костромы и Кинешмы. Они приносили рассказы о необыкновенных событиях, о борьбе рабочих и крестьян против царя и хозяев.

Уже с год работал в Красном необыкновенный почтальон-весельчак, приехавший из Новгорода. Его всегда видели в людных местах. Он постоянно сыпал прибаутки и рассказы. Откуда у него было столько веселья? А потом поняли Гришу-почтальона и полюбили, как родного. Когда же его выслали из Красного в Сидоровское, а затем и совсем выгнали из этих мест, вся молодежь провозжала его.

Мальчишки любили почтальона за игру в «попа». Часто можно было видеть Гришу среди мальчишек, гоняющих «попа». «Поп» — деревянный обрубок — под десятками метких бит вприпрыжку летал по улицам села. Иногда в Красного его гнали по проселку чуть не до

Здемирова. Во время игры Гриша рассказывал мальчишкам забавные истории про попов и их жульничество.

Когда он пел, у слушателей выступали слезы. Сам же он никогда не плакал, словно у него и сердца не было, а одна мальчишеская удаля. Он знал все любимые песни кустарей. Их было немало. В мастерских петь не разрешалось, а дома было не до песен. Сидели за работой, как придавленные. Случалось, воронильщицы запоют:

Уж ты доля, моя доля,
Доля бедняка.
Гажела и безотрадн,
Тяжела, горька...

Пелась эта песня заунывно, со слезами на глазах. Любимые песни обязательно рассказывали о бродяге, тюрьме и арестантах или клетке. Самой популярной была песня о соловье. В этой песне нашла отражение давнишняя мечта о свободе, глухой протест против вековой кабалы:

Что же ты, соловушко, невесел сидишь.
Вешаешь головушку, корму не клюешь?
Аль тебе, соловушко, клетка не мила?
— Не мила мне клеточка с золотым шестом,
Подайте мне веточку с зеленым листом.
Зеленая веточка сердце веселит,
Золотая клеточка помереть велит...

Гриша знал много новых чудесных песен о людях рабочих и смелых. Он умел без шума собрать интересную сходку, организовать прогулку на лодках. Был зачинщиком собраний и митингов, ездил в Кострому за пропагандистами. Он обучил мальчишек петь «Интернационал». И раз вечером босоногая толпа подняла над улицей села торжественные и призывающие в бой слова:

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов,
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов!

Слова гимна прозвучали набатом. Становой переполошился и безошибочно решил:

— Это дело рук Гришки-почтальона!
Мальчишкам дали трепку, а почтальона выгнали из Красного в Сидоровское.

К этому времени в Красном собралась из прасолов, приказчиков, попов и кулаков во главе с В. Н. Чулковым черносотенная организация; имелось несколько кадетов, была заметная группа эсеров.

Имелась ли тогда социал-демократическая организация в Красном? Пожалуй, нет. Сведений об этом ни устных, ни письменных не нашлось. Но большевики были. И влияние их чувствовалось еще в разрозненных настроениях и действиях так называемых «забастовщиков».

Весной, когда уже сошла вода, из Костромы пришел Иван Маринин. Он работал в костромской чеканочной мастерской В. В. Савельева.

...Это было в воскресный день. Над оврагом, за сельским кладбищем, излюбленным местом гулянья, дымили и шумели самовары, вспыхивали и потухали тоскливые или разухабистые песни. Ювелиры по обыкновению целыми семьями вышли сюда в первый теплый весенний день. Цвела черемуха и ландыши.

Маринин рассказывал об избиениях костромскими черносотенцами и жандармами гимназистов, которые вышли на улицу с пением «Марсельезы». Одну гимназистку, участницу демонстрации, замучили до смерти прямо на улице.

Все возмущались дикой расправой.

— Мы работали, как волы, с раннего утра и до поздней ночи, — говорил Маринин. — Выполняли петербургский заказ — наружные двери из меди с серебряной впайкой «всех святых». Двери делались для новой церкви «Всех святых», которую строили в Питере в память убийства царя Александра II. Строил церковь великий князь Кирилл.

Заказ ответственный. Нужен спешно. Вот хозяин на нас и надел: рабочий день загнул по 14—15 часов, без отдыха. Обращение зверское, все равно что с собаками. Кругом грязь, к самовару с кипяченой водой со всей мастерской сметали хлам и гниль. Пьешь, а вонища тебе в нос прет...

Слушатели сочувственно кивали головами и поддакивали. Положение, о котором рассказывал Маринин, было очень

похоже на положение в мастерских красносельских прасолов.

— Ну, мы сговорились, — продолжал Маринин, — и дружно потребовали от хозяина: во-первых, десятичасового рабочего дня, во-вторых, прекратить издевательства и избиение учеников, в-третьих, вместо пяти лет бесплатной работы, для учеников установить три года, а остальные два платить жалованье, в-четвертых, самовар с кипятком поставить в другое место, в-пятых, соблюдать чистоту в мастерской, чтобы уборщица была...

— Ну, он вас и послал к чорту?! — нетерпеливо перебили рассказчика.

— Угу, — под общий хохот согласился Маринин. — А мы бросили работу!

Смех сразу оборвался. Все насторожились. Кто-то спросил:

— Сами?

— Сами. Перестали работать, и все. Сделай по-нашему — тогда начнем.

— Ну, а он что?

— Хозяин кулачищами махал, грозил. А мы не сдавались. Бастовали две недели. Глядим — самовар переставили. Начали убирать мастерскую. Объявили 10½-часовой рабочий день. Тут Савельев немного ущемил нас. А все остальные наши требования удовлетворил. Матюгаться, конечно, продолжал.

Рассказ Маринина передавался из уст в уста. Победа мастеров над хозяином Савельевым вызывала восхищение и зависть. Выслушав Маринина, Мефодий-«Нужда» сказал:

— Надо и нам объединиться.

А в следующее воскресенье утром явился из Костромы Гриша-почтальон и по секрету известил надежных «забастовщиков» о тайном собрании.

Собрание собиралось на круче, на другой стороне Волги, и было тщательно законспирировано. Никто, даже извещенный о собрании, не знал точно места его. Чтобы попасть на собрание, надо было пройти мимо двух патрулей, которые по установленному паролю указывали дорогу к месту собрания.

С полудня, как-будто для гулянья, парой или в одиночку переезжали кустары на другую сторону Волги — к Пожням. На высоком берегу, где ныне

электрическая подстанция, гуляли кавалер с девушкой. Это был первый патруль. Ювелиры подходили к нему с одним и тем же вопросом:

— Где пройти за грибами?

«Влюбленная пара» показывала путь. По дороге встречался новый патруль, у которого спрашивали:

— Где здесь белый камень?

Патруль указывал тропку, резко меняющую направление.

На круче собрались 70 человек. Собрание открыл литейщик Ярославских железнодорожных мастерских, приехавший к родственникам в Сидоровское. С ним было еще двое приезжих. Они рассказывали о текущих событиях, о стачках, о 9 января в Питере и призывали кустарей к объединению против скупщиков и прасолов.

Это было первое собрание, и здесь впервые многие слышали большевистские лозунги, требовавшие свержения самодержавия.

С речью выступил и красносельский гравер Галкин. Он говорил о ненависти трудящихся к эксплуататорам.

— Настанет день, — заключил он, — мы все встанем на борьбу!

В этот день в Красное прибыли с визитом важные гости — ватага костромских черносотенцев, в лентах и знаках, с духовым оркестром. Навстречу им вышли красносельские черносотенцы. Село искося поглядывало на толпу гостей. Она была пестра: кто был наряден — в котелке и смокинге, а у кого и штиблеты без подметок.

— С Молочной горы! — единодушно решили бабы, запирая окна и сени. Молочная гора в Костроме славилась жуликами и головорезами.

Черносотенцы узнали о тайном собрании «забастовщиков». Но, сколько ни бились, не могли узнать, где оно собирается. В противовес собранию кустарей они устроили в Красном свой митинг.

Эсер Газель выступил на митинге с демагогической речью: «Объединиться в артель под руководством состоятельных, открыть свои магазины в Москве, Санкт-Петербурге»... Речь не вызвала аплодисментов, но и возражений не последовало.

После митинга красносельские «истинно-русские люди» вместе с костромскими гостями разместились в сельском парке. Наставили столов, учинили грандиозный обед с водкой. Водка выставлялась четвертями. Перед обедом грянули великодержавный гимн «Боже, царя храни».

В самый разгар пира появился гравер Галкин со своими товарищами. Он смело вошел в ворота парка. За ним хлынула толпа красноселов. Демонстрация спокойно направилась дальней аллеей вглубь парка.

— Парк, ребята, принадлежит селу, — говорил Галкин, — в нем весь народ гулять должен.

Черносотенцы вначале оторопели. Но, оправившись, глава костромских гостей крикнул:

— Схватить его, сукина сына!

Головорезы с Молочной горы ринулись за Галкиным. В парке поднялась суматоха. Вспыхнула свалка. Схваченный Галкин сопротивлялся.

Раздались сочувственные возгласы.

— Волоки его! — кричал кто-то из толпы.

Это звучало издевательски двусмысленно. К кричавшему бросился урядник:

— Ты кто такой?

— Сорокин, ваша скородь. «Главный» — нешто не узнали?

Галкина избили и посадили в погреб.

РАЗГРОМ КУЛАЦКОЙ БАНДЫ

Ручка телефонного аппарата раскалилась от неистового вращения. От криков «Алло!», «Алло!» у председателя ячейки Ивана Смирнова разболелась голова. Кострома не отвечала.

На линии — обрыв!

Люди, посланные для ремонта линии, не возвращались и не давали о себе знать вторые сутки. Казалось, повреждение давно уже можно было исправить, а между тем...

Председатель не спал пятую ночь. Сон клонил его. Крутнув еще раз ручку телефона, он опустил голову на стол и задремал.

Шли первые дни советской власти в Красном.

Никакими провокациями не удалось потушить движение ювелиров. Никакими эсеровскими махинациями не удалось столкнуть их с правильного пути, по которому повели большевики.

В феврале 1917 года народ свалил ненавистный царизм. Но власть оказалась в руках Временного буржуазного правительства. Оно, как показали первые же месяцы, стояло не за народ, а против народа. В июле Временное правительство расстреляло рабочую демонстрацию в Петербурге, которая проходила под большевистскими лозунгами. Эсер Керенский грозил «железом и кровью» подавить всякие попытки революционного движения.

События от февраля до октября окончательно показали широким массам, что правда на стороне большевиков. Народ собирался под большевистскими знаменами, а в октябре 1917 года сверг Временное правительство, правительство буржуазии. С трибуны Второго Всероссийского Съезда Советов были провозглашены, встреченные ликованием всего народа, великие ленинские декреты о мире, о земле; было образовано Советское правительство.

Рабочие, крестьяне, солдаты создавали свою власть — Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Они очищали Советы от предателей революции — меньшевиков и эсеров, избирали сторонников большевистской партии. По всей России поднимался народ на защиту Советской власти.

Но кое-где, как и в Красном, черные силы контрреволюции еще лелеяли надежду на гибель и падение Советской власти. Кулачество и черносотенцы еще усиленнее готовились к борьбе. Меньшевики и эсеры перешли к организации кулацких мятежей.

Кустари собирались на собрания в доме мастера по меди Сорокина («Главного»), в парикмахерской Сергея Филиппова и в других местах. Собрания происходили по вечерам при занавешенных окнах.

Так продолжалось до марта 1918 года. В матре организовался и был утвер-

жден Костромским губкомом Красносельский комитет партии большевиков.

Комитет организовал собрание по выборам Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Собрание единодушно избрало Совет.

В противовес этому собранию попы Красного, Красных Пожен, Подольского, Исаковского, Николо-Плетни, Николо-Мосты и Здемирова, под руководством Чулкова-Стружкина, организовали крестный ход. Шли с хоругвями, иконами, крестами, пели «Христос воскрес». Кто-то из поповской своры крикнул с провокационной целью:

— Стрелять хотят!

Попы побросали иконы, хоругви и разбежались.

Кустари начали перестраивать свою жизнь на новый лад. В помещении бывшего пробырного управления организовались общественные мастерские союза кустарей-металлистов. Были выпущены первые жетоны — «Карл Маркс» и «В. И. Ленин». Организовался профсоюз кустарей металлистов. Профсоюзная организация собрала у кустарей товар и отправила первый вояж.

Кулачье, чтобы возбудить народ против Советской власти, подготовило новую провокацию. Во второй день пасхи пришло известие, что в Сарапуле зарезали всех красноселов, уехавших за мукой.

— Это наши забастовщики сделали, — кричало кулачье, — это большевики дали телеграмму перерезать их!

За мукой были посланы (еще до избрания Совета) прасолы и торговцы. Их зарезали громилы из красносельской черной сотни, выехавшие за ними с целью ограбления.

Распространяя клеветнический слух, кулачье пыталось организовать погром. Бросились к аптеке Канторовича, сорвали телефон. Кулачье и черносотенцы неистовствовали.

В сентябре 1918 года красносельским комитетом партии и профсоюзом кустарей был организован продовольственный отряд. Отряд был послан вниз по Волге в город Симбирск для продовольственной работы.

За ударную работу отряда красносельские ювелиры получили, по распоряжению Владимира Ильича Ленина, 120 пудов муки. Муку распределили между кустарями.

Красносельский продовольственный отряд принимал активное участие в подавлении кулацко-белогвардейского мятежа под Сызранью. Из отряда не вернулись домой два человека. Белобандитами был изрублен на куски т. Иванов, который и похоронен в братской могиле на площади города Сызрани.

Время было тревожное. В Ярославле вспыхнул белогвардейский мятеж.

Красносельский комитет большевиков решил организовать военную добровольную дружину. Достали в Костроме десять винтовок и ящик патронов.

Работали ночи напролет.

При помощи комитетов бедноты производили реквизицию товаров у торговцев и прасолов. Но многие из них скрылись и попрятали награбленное.

В 1919 году Красная Армия погнала Колчака, дошедшего почти до Волги, громила Юденича. Это ободрило. Но черные силы не оставили надежд на свержение Советской власти. В мае 1919 года стало заметно небывалое скопление «зеленых» вокруг Красного.

Перерыв связи с Костромой казался подозрительным. Ужасная мысль сверлила мозг. Председатель ячейки, превозмогая желание заснуть, поднял отяжелевшую голову от стола и снова схватился за телефон. Кострома не отвечала.

Наконец все выяснилось. В комитет прибежал красноармеец красносел Смирнов, пришедший в отпуск. Смирнов рассказывал, что едва он дошел до Новосельского, — в восьми километрах от Красного, — как к нему вышли двое вооруженных людей. Они предложили:

— Иди в штаб.

— В какой штаб?

— А там узнаешь.

— Привели в штаб. В штабе сидело много знакомых: прапорщик Антонов, Ванька Зотов из Прискокова (его величали командиром прискоковского отряда), торговцы Ион Муромкин, Васька Уткин, Митька Галенов и другие. До-

прашивали. Сказал, что ничего не знаю. Иду, говорю, домой. Прикинулся дезертиром и обещал притти к ним. Лишь бы, думаю, вырваться от бандитов.

То же рассказал и другой красноармеец-отпускник Сергей Сорокин.

Дремоту у Ивана Смирнова как рукой сняло. Чорт с ним и со сном. Председатель собрал комитет, чтобы обсудить создавшееся положение.

К этому времени вспыхнули кулацкие мятежи в селе Шунге, Самети, в Сидоровском, в Коробове. В Сидоровском уже был красноармейский отряд. Поднималось кулачье Красного.

Красносельский комитет послал в Кострому надежного человека с заданием — вызвать отряд для подавления готовящегося мятежа. Одновременно отправили в Сидоровское военного комиссара для переговоров с Костромой. Но вместо отряда Кострома послала в Красное двух чекистов на велосипедах. У деревни Халипино их обстреляли «зеленые». Один из чекистов все же добрался до Красного.

Это было в субботу 12 июля 1919 года, а в ночь на воскресенье начался мятеж.

С вечера большевики собрались в комитете, решили не расходиться. Ночью вышли на улицу. Ночь была темной. Облака затянули звезды: в пяти шагах не узнаешь человека.

В полночь по Коюшенной улице в село вступала банда «зеленых». Бандиты шли без всякого строя и тихо рассыпались по улицам засыпающего села.

Члены большевистской организации скрылись во дворе, составили план действия: надо срочно предупредить всех, переправиться в Сидоровское, во что бы то ни стало вызвать помощь из Костромы. Условились встретиться на Волге, домой не заходить. Смирнов побежал к Рябинину. Но застал только его жену.

— Все убрала?

— Была одна книжка — зарыла.

Побежал к дому Воробьева. Там уже хозяйничали бандиты. Из раскрытых настежь окон неслась брань и крики:

— Где муж?

— Не знаю.

— Где оружие?

— Никакого оружия у меня нет.

— К стенке! — бандит оттолкнул перепуганную женщину в угол.

Начался обыск. Ничего не нашли. Женщину арестовали и увели. Вся шайка направилась прямо к Писанову, живущему через несколько домов. Бандиты заранее узнали адреса коммунистов.

Смирнов пробрался к парткому. У окон уже стояла толпа бандитов. Шел обыск. Но из комитета все было своевременно спрятано.

Задворками и огородами Смирнов бросился к своему дому. Хибарка его стояла почти у самого выхода из села, на скате холма. Бандиты еще не успели добраться сюда. Но едва Смирнов переступил порог избы, как раздался конский топот, резко оборвавшийся у калитки. Смирнов выскочил во двор и, перемахнув через изгородь, нырнул в картофельные гряды. Раздался выстрел. Вскрикнула жена. Прикрываясь темной ночью, Смирнов пополз между грядками. Он ушел в лес и до утра просидел на опушке, наблюдая за селом.

Бандиты бегали по селу с лампами и фонарями. Доносились отчаянная брань, крики женщин и выстрелы. Шли обыски и расправы. Вспыхнул пожар. Горела хибарка какого-то ювелира. Дома оставались только женщины. С ними-то и расправлялись бандиты.

Между тем остальные члены комитета, как условились, собрались у Волги. Отвязав лодку, оттолкнулись от берега. Кое-как переплыв Волгу, втащили лодку на берег и пошли в Сидоровское, чтобы связаться с Костромой. Но едва вышли за Красные Пожни, как выскочила вооруженная группа, раздавался окрик:

— Стой, руки вверх!

Это был патруль красноармейского отряда, стоявшего в Сидоровском. Здесь уже было известно о событиях в Красном. Из Костромы на пароходе плыл отряд.

Утро вставало ясное.

С горы от Красных Пожен хорошо были видны противоположный берег реки и Красное.

Пожар в Красном унялся. Волга тихо катила воды. У избушки бакенщика загорланил петух. Защелкали пичуги. От песчаной косы острова лениво вылетела чайка. Она тяжело взмахивала крыльями. От Волги поднимался пар. Чайка то пропадала в нем, то снова взлетала над ним.

— Пароход сверху! — крикнул Березин.

Писанов взглянул вверх по реке, затем в сторону Красного. Из села скакали к Волге всадники, шли вооруженные люди: бандиты, очевидно, решили дать бой.

Пароход застопорил машину среди Волги. Баржа, буксируемая им, бросила якорь. Бандиты рассыпались в цепь по берегу и открыли огонь по пароходу. С баржи застрекотал пулемет. С Красных Пожен тоже начали стрелять по бандитам. На пароходе произошло замешательство. Тогда на Пожнях, за немением флага, подняли красную кофту. Сигнал поняли. С парохода и баржи ударили по красносельскому берегу пулеметы. Бандиты бросились в прибрежные кусты. Баржа подняла якорь. Прикрываясь пулеметным огнем, пароход подвел ее к пристани. На берег с баржи устремился эскадрон. Бандиты побежали...

Красноармейцы настигали бандитов и рубили их. Кулацкая шайка не ожидала такого скорого разгрома и спешно начала подтягивать «резервы». По деревням и селам носились кулацкие гонцы. В Подольское явился сын попа из Николо-Мосты:

— Если не пойдете — расстреляем.

Но ювелиры были глухи к кулацким призывам. Церковный староста с вилами бегал по селу и грозил:

— Если не пойдешь — заколю.

Он полез было на колокольню, чтобы ударить в набат. Ювелиры стащили его. На помощь бандитам ушли со старостой лишь несколько кулаков.

Кулацкая банда была уничтожена. Красноармейской отряд с помощью трудящихся кустарей полностью очистил район от бандитов.

Ювелиры уверенно взяли за строительство своей жизни.

МЕЧТА — ЖИЗНЬ...

Года полтора я не был в Красном.

Полтора года — срок небольшой. Но перемены, происшедшие в районе за это время, поразили меня. Ювелирное производство настолько развернулось, что ему стало тесно в трех промысловых колхозах. Организовались и прекрасно работали несколько новых промысловых колхозов: Дербилковский, Здемировский, Веселовский, Сапыревский. Они выполняли огромную программу производства ювелирных изделий. Общая производственная программа их превышала 14 миллионов рублей — в три раза больше того, что было полтора года назад.

В селе Сидоровском я зашел к Ивану Петровичу. Он был рад встрече.

Иван Петрович водил меня по селу и неторопливо, по-хозяйски, рассказывал сельские новости; приводил цифры, излагал увлекательные факты.

— Программа утроена, — с гордостью говорил он, — в производстве работают 500 человек. Зарботки в колхозе достигают 600 рублей в месяц. Одних серег («калач», «варшавскую осыпь» и другие) выпустили в этом году около миллиона пар, колец — 750 тысяч штук. Филигранных изделий больше чем на миллион рублей. Это только наш колхоз. Но завтра эти цифры устареют. Через год мы далеко перешагнем их, а через два года они покажутся нам ничтожными.

Он говорил убежденно, полный веры в будущее. Его вера была отражением настроений всего села. Когда он знакомил меня с новыми достопримечательностями села, я невольно вспомнил юного художника Петю и его картину. Год назад она казалась вымыслом, мечтой. А сегодня... Я хотел напомнить о ней Ивану Петровичу, но он сам перехватил мою мысль:

— Помните, — сказал он, — картину Петюшки, в которой он Сидоровское нарисовал? Неправдоподобная была картина полтора года назад. А сейчас?..

Иван Петрович остановился над обрывом Шаши.

— Помните, Петюшка изобразил несуществующие производственные кор-

пуса, клуб, ресторан и т. д. Тогда они существовали только в мечте. А теперь вот они стоят над Шачей — сканно-филигранный, калача, механический, камне-печатный цех. Камне-печатный дает 20 тысяч камней в смену. 20 тысяч камней для супиров, брошей, браслет, серег, «уральской звезды». И все-таки не поспевает за производством. Открыли клуб, звуковое кино. «Петра Первого» показывали пять сеансов подряд — битком народу было.

А вот и ресторан, которого здесь никогда не бывало. Открыли его ко дню выборов в Верховный Совет СССР. У нас в выборах участвовало 98 процентов населения, и все голосовали за кандидата сталинского блока коммунистов и беспартийных, за товарища Дмитрова. Обновляли ресторан старики. Они устроили в нем елку, и первый тост произносил старейший колхозник Иван Флегонтович. Он сказал только два слова: «За дружбу!», и все закричали «ура!»

Наши старики хор организовали. Теперь раз'езжают с песнями по всей области. А в хоре народ в возрасте от 60 до 80 лет. Послезавтра на празднике в Красном выступают.

Можно подумать, что я вас агитирую, — заметил Иван Петрович. — А как тут не скажешь: разве раньше мы могли позволить себе такую роскошь — хор стариков? О веселой песне только мечтали. Была мечта — стала жизнь. Да и все-то стало так — летим вперед, а навстречу все лучше и лучше. И где тут разберешь в наше время, что мечта, что жизнь. Сегодня мечтал — глядь, завтра уж действительность. Мечта — это жизнь.

... Мы пробродили весь остаток дня. Майское солнце утомилось и одним краем присело за дальний гребень леса.

Наутро Иван Петрович поехал со мной в Красное. Он был одним из организаторов назначенного на завтра праздника ювелиров и членом жюри конкурса мастеров. Всю дорогу Иван Петрович рассказывал о том, как изменились, как обеспечены, культурно выросли кустари-ювелиры.

— Недавно приезжаю в Красное, в магазин нужно было. Смотрю, очередь. И очередь необыкновенная: только парни да девки. Хвост — человек двести. Спрашиваю: зачем очередь, граждане?

— Велосипеды привезли!

Ну, думаю, раз за велосипедами такой хвост, значит — хватило бы машин, достаток у народа есть.

На-днях вышла замуж внучка «Главного». Посмотрели бы, что это за девушка. Окончила художественную школу, теперь гравер по цветным металлам. Вышла замуж за тракториста. Чуть ли не полсела пировало на свадьбе.

Кстати, знаете, у «Главного» было семеро детей. До Октябрьской революции все они оставались безграмотными. А советская власть совершенно изменила их положение. Только старший сын «Главного», Иван, не дожил до наших дней. Под Казанью он попал в плен к белым и был насмерть заперот шомполами.

Дочь «Главного» Александра Александровна, когда-то жившая в няньках у прасола Доната Сорокина, ныне работает в Красносельском звуковом кино. Сын — Василий Александрович — прекрасный токарь на заводе «Металлист» в Вичуге, стахановец. Сын — Ион Александрович — артист одного из московских театров и художник. А внуки и внучки «Главного» все до одного учатся. Они не знают, что такое нужда, что такое эксплуатация, что такое черная сотня.

Старик Фролов, участник подавления кулацкого мятежа, написал пьесу о кустарях, руководил драмкружком в профшколе. А наш друг художник Петюшка стал гравером по стали. Теперь вы его не узнаете: вытянулся, возмужал. На празднике выставит новую гравюру...

Рассказам Ивана Петровича не было конца. Незаметно мы оказались на пороге красносельской профтехнической школы. Здесь Иван Петрович неожиданно столкнулся с вихрастым белокурым паренком и оборвал рассказ. Парень деланно развел руками:

— Артист вы, Иван Иванович! — и бросился вверх по лестнице.

Иван Петрович засмеялся. Паренек

ему был хорошо известен: он был учеником инструкторской группы школы, страстным футболистом и музыкантом. На футбольном поле он играл голкипера, в оркестре — на самой большой трубе. За страсть к футболу паренька прозвали «Вратарь Кандидов» — по имени героя известного кинофильма. Настоящее его имя — Вася Осокин — было почти неизвестно. «Вратарь Кандидов» заканчивал школу со званием гравера по цветным металлам. У него в постоянном ходу была неизвестно как зародившаяся присловица:

— Артист вы, Иван Иванович.

Вестибюль школы украшали скульптуры — «Мальчик, извлекающий занозу из ноги», статуи обнаженных мужчин и женщин. Мрамор и гипс статуй придавал классам школы особую торжественность. По стенам были развешаны прекрасные репродукции с картин, гравюр и скульптур классиков резца и кисти, мировых художников.

Завтра в школе открывается праздник ювелиров и выставка-конкурс ювелирных изделий.

Школа, которая в свое время дважды подвергалась опасности черносотенного разгрома, ныне получила все права на творческую жизнь. Если за 13 лет при царизме ее окончили всего 39 человек, то за годы Советской власти из стен красносельской школы ювелиров вышли, получив образование, сотни юношей и девушек. Кроме обычных классов, школа имеет инструкторскую группу, в которой окончательно совершенствуются наиболее талантливые из выпускников для руководящей работы в производстве художественных изделий.

Инструкторская группа также готовится к празднику ювелиров. Каждый хотел участвовать в конкурсе. Молодые граверы, эмальеры, посудчики, художники, будущие мастера сканно-филигранного дела думали над конструкциями, чертили, разрабатывали новые виды художественных изделий. Их конструкциям и рисункам были чужды кустарные взгляды на свое ювелирное дело. Каждый работал индивидуально, но щедро пользовался коллективным советом и помощью. Молодые ювели-

ры — жизнерадостные и задорные — горели желанием скорее приложить свои знания на деле.

Ювелирное производство Красносельского района и самое село Красное резко меняли облик.

Свою долю в преобразовании села вкладывала и Волга, перестраиваемая большевиками. С семьями, скарбом и домами оседали здесь переселенцы из затопляемого моголо-шекснинского междуречья. Только за год в селе было построено свыше 100 домов. Новые люди вливались в сельское хозяйство и ювелирное производство, охотно склонялись в сторону талантливой ювелирной молодежи.

КОНФЛИКТ

Из дверей мастерских и профтехнической школы люди хлынули во двор. Обширный двор зашумел разноголосицей.

Был перерыв на обед. Люди разбились на кучки.

Всеобщее внимание привлекла к себе группа у сарая. Там завязался жаркий спор. Спорщиков тесным кольцом окружили мастера и ученики. Кому нехватало места в кругу, поднимались на цыпочках с чурбанов. Особенно любопытствовали ученики профтехнической школы. Вихрастый «Вратарь Кандидов» залез на высокий сучок тополя и оттуда время от времени бросал реплики. У тех, кто их слышал, они вызывали смех.

В середине круга шумел Иван Иванович — старик, бывший крестовик, потомственный красносел.

— Чорта мы так заработаем! — кричал он хриплым басом, ожидая поддержки.

Но поддержки не было. Наоборот, старый крикун напоролся на резкий отпор. Противостоял ему молодой мастер, воспитанник красносельской ремесленной школы, а ныне бригадир комсомольской конструкторской бригады Николай Грусливый. Уловив секунду, когда старик от безостановочного крика закашлялся, Грусливый сказал:

— То ли дело прежде у Романова или Кондырева: наладил образок богороди-

цы — хлопай да хлопай прецом. Ни ума, ни уменья не надо.

— Ты меня не тыкай Романовым, — оборвав кашель, захрипел Иван Иванович, — молод, не знаешь.

— Я говорю, прежде проще было...

— Замолчи, молокосос, — рассвирепел старик, — тебя еще не было, а я уже боролся против романовской кабалы.

— А теперь против кого борешься?

— Против тех, кто дело портит.

— Это кто же портит? — раздалось сразу несколько голосов.

— Да хоть бы Грусливый, вот кто.

Это вызвало бурю и сразу оттолкнуло большинство аудитории от старого крикуна. «Вратарь Кандидов» крикнул:

— Ну и артист ты, Иван Иванович. Прямо комик!

Все засмеялись. А сидевший на чурбаке, рядом со спорщиками, пожилой мастер заметил:

— Не забывай, Иван Иванович, Грусливый не один, целая комсомольская бригада. Ее выдвинул весь колхоз.

Но старик не унимался. Мало ли что колхоз выдвинул! Изобретатели — подумаешь! А денежек по 400 рублей в месяц им подавай. А за что, спрашивается? Конструкторы сопливые. Мы жизнь-то прожили, учены. Нечего нас учить. И без конструкторов работали не плоше...

Ему возражала уже не только молодежь, возражали и пожилые мастера. Кто-то предложил «разъяснить» Ивану Ивановичу о работе конструкторского бюро. И старого крикуна потащили в корпус.

Конструкторское бюро в колхозе было создано в 1937 году. Его призвали к жизни повышенные требования народа на изящные изделия. Задачей бюро было разрабатывать новые виды изделий, новые рисунки. Во главе конструкторского бюро колхозники поставили недавно окончившего красносельскую ремесленную школу талантливого комсомольца Грусливого, потомственного ювелира. В помощники ему дали не менее способных мастеров — Дерябина, Блесткина и Ремизову.

Молодежь опрокинула старые кустарные представления об ювелирном деле. За короткое время она, учитывая запросы трудящихся, разработала десятки изящных видов продукции и среди них — три фасона французского растяжного браслета для часов, оригинальные филигранные пряжки, застежки, портсигары, подстаканники и т. д.

Новые сложные виды продукции сначала шли туго в производстве. Конструкторская бригада Грусливого смело взялась за повышение квалификации работников художественного цеха и подготовила квалифицированный костяк.

Бригада проявила себя всюду, где требовалась рационализаторская мысль.

Колхозники-ювелиры вскоре почувствовали пользу от конструкторского бюро. Но некоторые, вроде Ивана Ивановича, жившие еще прежними отсталыми навыками, ворчали:

— Подумаешь, конструктора. Мы руками работали. На машине и мальчишки могут...

Ворчунны были обижены тем, что молодые их обогнали и начинали учить.

Иван Иванович никак не мог освоить нового ювелирного браслета для часов, предложенного конструкторским бюро. В руках молодых мастеров работа кипела, а он целый день сидел и едва собирал один экземпляр. Сказывалась старая привычка: работать, не думая. Да и водка изрядно мешала. Ежедневная выпивка вошла в обиход еще у Романова и сейчас давала себя чувствовать. Оправдания же собственным неудачам искал не там, где нужно.

Еще утром, во время работы, он заикнулся о «сопливых конструкторах», а вошедший в цех заведующий производством Василий Токмаков услышал. Подошел к старому кустарю, посмотрел на работу и ласково спросил:

— Тяжело, что ли, Иван Иванович?

— Да смотри, Василий Митрич, — сердито ответил старик, — какого черты наворочено: выкрутасы, тонкости. Разберись тут. Такой браслет рублей тридцать будет стоить — кто покупать будет? Разве он пойдет теперича?..

Сделал вид, что не заметил улыбки

Токмакова и продолжал развивать свои доводы:

— Теперь буржуев нет, кому нужна такая драгоценность. Нужно делать попроще, подешевле. А что наши комсомольцы выдумывают? Для народа надо делать, а не для буржуев, которых у нас нет.

— Для народа и делаем, Иван Иванович. На десятки тысяч рублей народ заказал нам этих новых браслетов.

Токмаков (давно ли Васькой был!) говорил наставительно, будто с мальчишкой, и улыбался. Улыбка его показала Ивану Ивановичу ехидной. К разговору прислушивались и другие мастера. Ивану Ивановичу думалось, что он выражает общее настроение, и он говорил... А Василий Токмаков неожиданно положил руку на плечо старому кустарю:

— Тебе, может, трудно, Иван Иванович? Может, тебя к прецу перевести? Там тебе знакомое дело.

Кровь прилила к вискам. Ласковость и снисходительность Васьки были хуже ножа острого. Хотелось отрезать так, чтобы в порошок стерся Васька, но сдержался. Колыхнув плечом, освободился от руки начальника и, решительно поднявшись, громко, чтобы все слышали, заявил:

— Переводи к прецу.

Он и сам знал, что не прав. Просто не справлялся с новым делом. Учиться было стыдно, а признаться в том, что не способен к новому делу, не хотел.

Услышав нарочито громкое заявление Ивана Ивановича, кто-то фыркнул, и весь цех заговорил на разные лады. Иван Иванович встал из-за верстака и направился в прессовальную. В общем гомоне ему еще чудились слова сочувствия и сожаления, что вот, дескать, он, старый мастер, покидает цех. Но едва он переступил порог, как за спиной грянула песня:

Потому что у нас
Каждый молод сейчас
В нашей юной,
Прекрасной стране ..

Будто его в цехе никогда и не было. Иван Иванович глянул в цех из притвора.

Пели, не отрываясь от работы, почти все. Сидели за верстаками одни «мальчишки» да «девчонки». Старше 35 лет, наверное, и нет тут никого. Разве вон Пимен: он постарше даже Ивана Ивановича. Иван Иваныч глянул в сторону Пимена и сердито плюнул. «Старый чорт», усердно ковыряя инструментом, тоже раскрывал рот и выводил тенорком:

Каждый молод сейчас...

В полуподвальном помещении пресовального цеха не было так сзетло и уютно, как наверху в художественном цехе. Стены чернели от машинного масла и металлической пыли. Там и тут лежали груды заготовленной для пресования медной и мельхиоровой ленты. На деревянном полу валялись обрезки металла, кое-где торчали наросты грязи. Сверху из художественного цеха доносилась песня. Иван Иванович тихонько подтянул, по опомнился и сдвинул брови. Разлилась горечь: отстал, молокооссы обскакали. Кое-как доработал до обеденного перерыва и тут дал волю обиде: нарочно на дворе выкрикивал о «сопливых конструкторах». Кричало сердце, не ум.

О конструкторском бюро шла слава. Но Иван Иванович сюда даже не заглядывал — самолюбие мастера не позволяло первому итти к «мальчишкам». Сейчас его тащили в помещение конструкторского бюро, и он не сопротивлялся: любопытно взглянуть, тем более, не сам идет — тащат.

Миновав прокопченную паялку, толпа мастеров, увлекая Ивана Ивановича, ввалилась в узкую комнатку и застряла в дверях. Конструкторская бригада выложила перед старым кустарем новые образцы продукции—результат творческой мысли. Искусно отделанные образцы сияли. Все еще ворча и бранясь, Иван Иванович ощущивал образцы, и сердитые складки на его лице разглаживались. Образцы ему нравились. Все наблюдали за старым ворчунюм, любопытствуя, к чему он придерется. Придаться было не к чему, и в глубине души Иван Иванович восхищался искусной работой молодежи. Он хотел выра-

зить свое восхищение, но самолюбие взяло верх. Иван Иванович пренебрежительно отстранил образцы и обвел комнату взглядом, желая найти выход из создавшегося положения.

Рядом с верстаком стояло кресло с плюшевой спинкой и ободранным сиденьем. Пружины кресла, как острые ребра, уперлись в рваную мешковину, из дыр которой торчали пучки мочала. За ободренным письменным столиком, на котором лежали сияющие ювелирные изделия, стоял безногий стул. В переднем углу торчала грязная швабра и какие-то доски. На шпингалетах давно немытого окна были развешены мотки проволоки.

Иван Иванович тряхнул кресло, из которого повалилось мочало, и крикнул:

— Что, дьяволы, за порядком не следите! Али это не колхозная мастерская?

— Через неделю, Иван Иванович, к капитальному ремонту приступим.

— Надо каждый день за порядком следить, — отрезал Иван Иванович, — не у Романова...

И вспомнил, что у Романова они «пикнуть не смели» и «ходили по одной половнице». Он рванул стул, отбросил швабру и, растолкав толпу, направился во двор.

Вслед старику раздалось несколько шуток не обидных, но и малоуместных.

ПРАЗДНИК ЮВЕЛИРОВ

Эко морюшко широко,
Экий славный наш народ!
Из Каспийского по Волге
Пароход в Москву плывет.

Оркестр грянул краковяк.

От неожиданности девушки вскрикнули. Но тут же, подхватив подруг, вихрем понеслись в танце по дорожкам школьного сада. Юноши стаей бросились в круг танцующих девиц, лихо притопывая, выкидывая коленца, рассыпая чечетку...

Праздник начался раньше, чем предполагалось.

Собравшийся народ не стал ждать официального открытия.

На праздник съехались все участники

конкурса ювелиров—мастера Красного Сидоровского, Подольского и других сел.

Назначенный в здании школы праздник, по настоянию большинства, был перенесен во двор. Сюда же осторожно вынесли и витрины с конкурсными экспонатами.

Витрины пока были плотно закрыты холстом. Около них дежурил член жюри.

Во дворе наскоро были сколочены подмости для президиума и показа художественной самодеятельности. На подмостках уже стоял стол, накрытый кумачом.

В тени деревьев буфет услужливо выставил различнейшие яства, лакомства, пиво и воды.

Открытие витрин было назначено на два часа дня.

Жюри еще вчера познакомилось с конкурсными изделиями, обсуждало результаты конкурса на закрытом заседании.

Наконец все устремились к витринам. Полотно, закрывавшее их, было снято. На подмости, к столу президиума, вышел председатель.

— Товарищи, — сказал он, — сегодня мы проводим первый в своей жизни творческий конкурс ювелиров. Это для нас большой праздник, праздник ювелирного искусства, свободного творчества.

Вспомните, чем было наше кустарное производство до Октябрьской революции.

Возможен ли был тогда подобный конкурс-праздник? Нет.

Но допустим, что такой конкурс мог состояться. Что бы прежде вы представили на него? На каких изделиях стояло бы ваше имя?

Крест и церковная цепь, отчаянная борьба мастеров за кусок хлеба и алчная погоня хозяев за прибылями давили наше творчество, глушили творческую мысль.

Наша сегодняшняя работа и жизнь отличаются от прежних, как небо от земли. Но не думайте, что мы достигли совершенства. Самое интересное еще впереди.

Мы только что получили следующую телеграмму:

Горячо благодарим вас за подарки, прекрасные изделия вашего замечательного труда. Эти изделия — наглядное подтверждение того, что славные кустари Ярославской области могут снабдить трудящихся нашей страны изящными высококачественными изделиями и предметами домашнего обихода. Боритесь за то, чтобы ваше производство росло и крепло, чтобы марку изделия ярославских кустарей знала и уважала вся наша Советская страна.

А. Стаханов, М. Дюканов.

Всеобщие рукоплескания оборвали вступительную речь председателя.

— Эта телеграмма, товарищи, — продолжал он, — обязывает нас отнестись критически к представленным на конкурс экспонатам, подойти с повышенными требованиями. Только суровая требовательность к себе может высоко поднять марку наших изделий...

Витрины были полны драгоценностей. Солнце играло в золоте и серебре изящных изделий. На конкурс были представлены сотни вещей новых фасонов и рисунков. Ювелиры соревновались на оригинальность, изящество и качество изделий. Конкурс должен был выявить новые лучшие образцы для массового производства.

Здесь было все для украшения: от изящной филигранной женской сумочки до запонки; все для стола: от серебряной столовой и чайной ложки до эмалированного блюда и подноса.

За стеклами витрин блестели изящные брошки, пудреницы, чернильные приборы, браслеты, запонки, ножи для разрезания книг, колье, диадемы, очешники ювелирной работы, кулоны, кольца, рамки, медальоны, портсигары, кубки, филигранные подстаканники и другие посудные изделия. За каждым из них был виден мастер, индивидуальность которого отразилась или в ажурном плетении, или в способе наложить рисунок, или в особенностях эмальерных работ.

Против каждого изделия стояла фамилия его автора.

Тут были представлены мастера всех красносельских промколхозов.

Разглядывая содержание витрин, один из гостей восхищенно воскликнул:

— Молодцы, красносельцы! Таланты!

Особое место в витринах занимали изделия конструкторской комсомольской бригады Грусливого. Она представила на конкурс около 50 образцов. Среди них выделялась настольная пудреница «Кремлевская башня». Это была искусная в миниатюре копия Спасской башни Кремля с красной звездой на шпилье, с часами и даже с боем кремлевских часов. Ажурная сахарница работы Грусливого, сделанная в виде цветущего луга, напоминала красносельские луга. Ландыши, ромашки, гвоздика, васильки, анютины глазки и травы в тончайшей оправе, вылитые из эмалей соответствующих цветов, казались живыми...

Тематика изделий была увлекательна: ее диктовала сама жизнь. Чеканный поднос с рисунком на тему перелетов Чкалова и Громова в Америку, пряжки и нож для книг с изображением героической папанинской станции «Северный полюс», подстаканник «Авиация», граюры Ленина, Сталина, Пушкина, Героев Советского Союза, пограничников и т. д.

На мое плечо опустилась рука. То был Иван Петрович.

— А помните, — сказал он, — сцену в правлении, когда мы только встретились? Помните телеграмму, вызвавшую смех? Помните доводы о гибели ювелирного дела в нашей стране?

Я все отчетливо помнил. Иван Петрович подчеркнул свою мысль:

— У нас теперь такой потребитель — только успевай. Раньше могла покупать только буржуазия, а теперь покупает весь народ.

— Тише! Тише! — раздалось вдруг с подмостков.

Говор умолк. Жюри объявляло свое постановление. В нем говорилось, что конкурс должен рассматриваться, как первый этап, что он лишь начало большой работы, что такие конкурсы-праздники надо проводить ежегодно.

Высшие премии жюри присудило старому мастеру из Подольского промкол-

хоза Василию Афанасьевичу Агееву, мастерам — Грусливому, Дерябину, Ремизовой, Мазовой, Ситниковой, Ивановой, Жердеву, шлифовальщику камней Бурдину и другим. Список премированных был длинным.

Каждая фамилия мастера-победителя встречалась аплодисментами и громом оркестра.

Едва закончилось чтение протокола жюри, как на подмостки вышел Василий Афанасьевич Агеев. Он был расстроган и речь свою начал взволновано:

— Шестьдесят лет я прожил, — сказал он, — с семи лет пристал к ювелирному ремеслу. Десятилетним мальчишкой меня выгнал мастер со двора за то, что я неосторожно разболтал секрет «золотой рыбки». Наскитался я после этого и натерпелся не меньше, чем каждый из наших ювелиров-стариков, которые гнули спины для купцов.

Работали мы, ребята, как волы. Вещи наши славились, но о нас никто не знал. Фамилий наших не писали.

Василий Афанасьевич рассказал об одном талантливом мастере из Подольского. Мастер работал на купца Маклашина. Маклашин выставлял его изделия в витринах лучших ювелирных магазинов Петербурга, Москвы, Одессы, Киева, Варшавы и других городов. Однажды Маклашин выставил изделия на всероссийской выставке в Петербурге. Купец рассчитывал получить награду. И не ошибся. Награда действительно была присуждена за изделия подольского ювелира-самоучки. Награду должен был получить купец. Но на этот раз выставочная комиссия стала искать фамилию подлинного автора изделий. И нашла.

На каждой вещи кустарь ставил свой именник: чуть видимые глазом инициалы. Это требовалось купцам не для того, чтобы увековечить имя автора, а как гарантия против возможного надувательства. По этим инициалам комиссия нашла подлинного автора. И вот подольский кустарь получает однажды из Питера бумажку, извещающую о том, что он награжден серебряной медалью и 25 рублями «на поощрение

искусств». В той бумаге была приписка: «по получении от вас стоимости медали она будет вам выслана немедленно». А так как денег у мастера не было, то и медали он не получил.

Купец Маклашин, узнав, что комиссия присудила премию не ему, а мастеру, страшно обиделся:

— Как же это так, — пристал он к кустарю, — вещь ты делал из моего серебра, за работу я тебе заплатил, следовательно, она моя собственность, а награду получаешь ты? Кем же это такие законы писаны?..

— Да уж не знаю, — робко ответил мастер.

— То-то не знаешь, — корил его купец, — через меня в люди выходишь. Благодарить должен.

Двадцать пять лет работал на Маклашина мастер. Его вещи были премированы на всемирной выставке в Париже. Но славу и деньги на этих вещах зарабатывал купец.

— Чужое, ребята, время было, не наше, — заключил Василий Афанасьевич, обращаясь к молодежи.

От имени молодых ювелиров выступил секретарь комсомольского коллектива. И совсем неожиданно выскочил на трибуну заведующий сельскохозяйственной секцией промколхоза.

— Наблюдая наш общий праздник, — сказал он, — я не могу молчать. Не забывайте нас. К празднику сельхозсекция колхоза полностью закончила весенние работы. Все вспахано и посеяно машиной. Руками только запускали моторы. Сев выполнили на «хорошо». Поздравляю с праздником. В промколхозе у нас каждый имеет корову. Кроме того, на МТФ 201 голова крупного скота. Стада свиней, овец и коз против дореволюционного выросли в несколько раз. Еще раз, граждане, — с праздником. Мы уборку проведем на «отлично».

Сбивчивую речь его встретили аплодисментами. Он сошел с подмостков, вспотевший и довольный.

Оркестр заиграл вальс. Закружились пары. Школьный двор захлебнулся веселым шумом народного гулянья. Танцы чередовались с выступлениями коллективов художественной самодеятельности. Каждый колхоз считал своей честью проявить себя на празднике. Вы-

ступали частушечники, гармонисты, плясуны, балалаечники, пастухи-рожочники, хоры, скрипачи. Особым успехом пользовался хор сидоровских ювелиров-стариков, в котором пела Александра Александровна Кулейкина. Старая работница колхоза под дружные рукоплескания исполняла новые частушки.

Такие народные гулянья-праздники в Красном ныне не являются редкостью. Они особенно многолюдны и веселы бывают весной. Играет музыка, звенят песни.

Однажды в самый разгар весеннего веселья раздался крик:

— На Волгу! Едут!..

Гуляющий народ бросился к реке. Мы были также увлечены всеобщим порывом и мчались по дороге к берегу.

Из-за острова вверх по реке быстро поднимались невиданные еще на Волге суда. Они шли из Горького на канал Москва—Волга. Это были первые красавцы теплоходы. Народ следил за их постройкой, ждал их появления на Волге. Ликующая толпа растянулась по берегу.

Я вспомнил новую петюшкину гравюру. Тема ее была необычна. Художник изобразил красивый город на берегу широкой глубоководной реки. Громадный морской пароход стоял у пристани. Матросы, которым были знакомы океанские ветры и бури, гуляли по набережной с красносельскими девушками. Под гравюрой была вырезана подпись: «В городе Красном, проездом из Черного моря в Балтику».

Гравюра — мечта.

А Иван Петрович словно угадал мои мысли.

— Ювелиры неотделимы от общего под'ема нашей страны, — заметил он. — Расцветая, Волга открывает перед ювелирами прекрасные перспективы, несет еще больше...

Последних слов его я не расслышал. На берегу восторженно кричали «ура». Красавцы теплоходы, возглавляемые теплоходом «Иосиф Сталин», проходили мимо. С них заметили ювелиров и отвечали приветствиями.

Над теплоходами и над селом свободно реяли красные флаги.

Академик А. Н. ТОЛСТОЙ

Академик М. А. ШОЛОХОВ

Академик И. К. ЛУППОЛ

К молодым писателям¹

АЛ. ТОЛСТОЙ

★

Каждый из нас, когда хорошо пишет, — пишет то, что ему хочется. Это я подчеркиваю. Произведение искусства рождается от желания что-то создать, написать, а не только оттого, что человек считает, что он должен что-то написать. В этом различие между импульсами искусства и науки. Наука — это: познание, опыт, сумма опытов, идея, открытие. Искусство — это опыт личной жизни, рассказанный в образах, в ощущениях, — личный опыт, претендующий стать обобщением.

Опыт каждого из нас говорит: процесс писания — это процесс преодоления. Преодолеваешь материал, преодолеешь и самого себя.

Процесс писания все время прегражден препятствиями, через которые вы должны перелезть. Вам все время трудно. Не бывает никогда, ни у кого, чтобы было легко писать, чтобы «лилось из-под пера». Писать всегда трудно, и, чем труднее, тем лучше выходит.

Как перелезть через эти препятствия? С уверенностью можно сказать только одно: из всех возможных решений художественной задачи нужно выбрать то, которое для вас самого интересно, которое вас наиболее увлекает.

Иными словами, каждое ваше художественное положение вы должны проверять на вашем собственном отворачивании: противно вам это писать или нет? Если вам писать противно, скучно,

не пишете, — это все равно получится скверно, фальшиво. Пишите только тогда, когда вам этого хочется, когда это вас самого увлекает.

Говорю это к тому, что у молодого, у неопытного писателя бывает часто, что он с отвращением, без энтузиазма, лезет через препятствия на пути создания произведения. Через препятствия нужно не лезть со скукой, а лететь открыленно.

Это нужно поставить во главу угла: искусство — тот процесс созидания образов, когда самому художнику интересно создавать, необыкновенно интересно, иногда даже интереснее, чем читателю читать. Действительно, бывает, что писатель с увлечением пишет, а читатель без увлечения читает. Это значит только то, что у писателя нет еще опыта передачи, но все же он — на правильном пути.

Искусство, как и наука, — познание жизни. Наука познает истину путем опыта (направляемого идеей ученого). Чем больше опытов, фактов, тем точнее будет научный вывод. Если бы опытных фактов для какого-нибудь научного исследования накопилось бесконечно много, тогда и вывод приблизился бы к абсолютной истине.

Искусство для своего обобщения не стремится к количеству опытов. Искусство стремится к поискам характерного факта... Вы встречаете человека, говорите с ним, и вы чувствуете, что на основе этого человека вы создаете тип эпохи. Возможен такой случай? Возможен.

¹ Стенограмма выступления на конференции молодых писателей национальных республик 30 декабря 1938 г.

Искусство, я повторяю, основано на малом (сравнительно с наукой) опыте, но на таком, в котором уверенность художника, «наглость» художника, вскрывает обобщения эпохи. Когда Достоевский создавал Николая Ставрогина, тип опустошенного человека, без родины, без веры, тип, который через 50 лет предстал перед Верховным Судом СССР как предатель, вредитель и шпион, — я убежден, — Достоевский пользовался для этого не столько записными книжками, сколько внутренней уверенностью.

Я не говорю, отнюдь не говорю, что не нужно наблюдать жизнь и не нужно пользоваться записными книжками. Я говорю только, что нельзя наблюдать безразлично (регистрировать факты), но нужно искать в жизни прототипы ваших обобщений.

Вы спросите — на каком основании вы, наблюдая такого-то, решаете, что этот человек дает вам материал для создания типа эпохи? Отвечаю честно: не знаю. Вы можете и ошибиться. Дерзайте. Психический, умственный, эмоциональный аппарат художника еще не изучен. Когда-нибудь его изучат. Будьте дерзки и уверены в себе. Вам кажется — из ваших наблюдений и ощущений, — что вы создаете тип эпохи. И если в этом создании вы не лжете и не кривите, если вы окрылены, — в 99 случаях из 100 вас ждет художественная удача.

А вот тащиться по проторенным дорожкам, с ужимками и улыбками, примеряться, отдергивать руку, когда горячо, слушать направо и налево и так далее, — это не искусство, это ремесло, вредное и бессовестное ремесло.

Художник должен быть дерзким, окрыленным великими идеями нашей советской эпохи. И пусть его ждут ошибки. Ошибки — необходимый художественный опыт по пути создания великого.

Дерзание всем нам нужно в себе носить и утверждать.

Много тяжелых причин вело к тому, что наше искусство еще до сих пор не дало тех результатов, которые оно должно было дать. Над нашим искусством

«потрудились» вредители всяких фронтов.

Так, тайной задачей «руководства» РАПП'а было: опорочение советского искусства перед советским народом и перед всем миром. Вредительство мешало нашей литературе достичь тех мировых результатов, которых она должна была достичь и которых она несомненно достигнет. Только литература народа, строящего социализм, может подняться до мировых высот. Дерзания нашей революционной эпохи должны прозвучать в литературе, как дерзания искусства. И они прозвучат несомненно, потому что в нашей стране писатели окружены всенародным почетом, любовью и вниманием партии и правительства. С каждым годом расцветает литература всех народов, населяющих Советский Союз. Недаром среди награжденных писателей мы встречаем представителей многих национальностей.

Искусство — вещь хрупкая. Удары сознательных вредителей и бессознательных головоотяпов всяких марок и стилей — подхалимов и прочее — наделали в искусстве серьезные опустошения. Это нужно понять и как можно решительнее и смелее ликвидировать наше художественное и культурное отставание.

Мы должны развязать наши творческие силы. У нас для этого есть все материальные и духовные возможности. Все талантливое у нас должно развиваться и найдет место на страницах нашей печати.

Среди вас есть начинающие писатели, которым не безынтересно было бы проследить путь старого писателя.

По этому поводу я хотел бы рассказать кое-что о себе. Рассказать свои сомнения, падения, отчаяния, восторги и прочее.

Лет с 15—16 я начал писать стишки. Плохие стишки. Во время революции 1905 года писал революционные стишки, тоже не слишком важные. О писательской деятельности я тогда еще не думал.

Но меня всегда привлекало содержание творческого процесса: вот — передо мной — тетрадь, перо, чернила. Что-то

возможно, вот-вот где-то близко, но еще не выходит. Едва только начнешь претворять в слова свои ощущения, воспоминания, мысли, — все блекнет на бумаге.

Так продолжалось довольно долго. Однажды летом в Крыму один поэт читал свои прозаические переводы с французского. Меня поразила яркость и четкость образов. Мне захотелось написать в подражание слышанному. Я начал с подражания, т. е. я уже нащупал какую-то канву, какую-то тропинку, по которой я мог отправить в путь свои творческие силы. Но пока еще это была дорожка не моя, чужая.

И потоки моих ощущений, воспоминаний, мыслей пошли по этой дорожке. Спустился полгода я напал на собственную тему. Это были рассказы моей матери, моих родственников об уходящем и ушедшем мире разоряющегося дворянства. Мир чудаков, красочных и нелепых. В 1909—1910 гг. на фоне наступающего капитализма, перед войной, когда Россия быстро превращалась в полуколониальную державу, — недавнее прошлое — эти чудаки предстали передо мной во всем великолепии типов уходящей крепостной эпохи. Это была художественная находка.

Я написал свою первую книжку «Заволжье». Обо мне начали много писать. И я решил, что я писатель. Но я был неучем и дилетантом. Я хорошо не знал ни русского языка, ни литературы, ни философии, ни истории. Не знал ни своих возможностей, не знал, как наблюдать жизнь.

К своему оправданию должен сказать, что все это я понимал и предчувствовал, что мне грозит. А грозило мне то, что дальнейшие мои литературные опыты будут ниже этой первой «находки».

Так и случилось. После книжки «Заволжье» я заметался, — искал тему, стиль, стремился наблюдать жизнь, но для плодотворного наблюдения у меня еще не было ни опыта, ни подходящего орудия.

Результатом был ряд слабых рассказов. С воспоминаниями я покончил (кроме «Заволжья» — романы «Хромой

барин» и «Чудаки»), а современность еще не чувствовал, изображать ее не умел.

Я отлично сознавал свою беспомощность. Но не знал, с какого конца начинать, чтобы поправить дело. В томное время (1911—1912 гг.) зарядок тематических, зарядок идейных, таких, какие получаете вы, — у нас не было.

Мы, молодые писатели, формировались во времена глубочайшей реакции и интеллигентского разложения.

Настала война. Всколыхнулся человеческий мир. И всех нас разметало, как щепки по волнам. Молодые писатели, которые толком ничего не знали, кроме литературных салонов, вдруг очутились среди народных страстей и народного гнева.

Так началась наша школа и моя частности. Передо мной раскрылась жизнь, в которой я был уже не посторонним наблюдателем, глядящим из окошка на улицу, я был в самой гуще ее, и передо мной встал грозный вопрос о том орудии, которым можно превращать глыбы жизни в ее отображения в искусстве.

В то же время это же орудие должно было служить и для формирования самого себя, потому что процесс искусства всегда двойной. Художник растет вместе со своим искусством. Его искусство растет вместе с тем народом, который он изображает. Художник растет вместе с героями, над которыми он работает.

Что же это за орудие? В данном случае это язык, на котором говорит твой народ.

Тогда я впервые понял, что я русского языка не знаю. Почему я пишу фразу так, а не эдак. Выбираю те слова, а не эти. В чем законы языка? Какой здесь критерий? Красиво? Но это еще ничего не говорит, красиво! Эстетический критерий — фикция, поскольку он оторван от действительности, от жизни народа, от его истории.

Я начал изучать народный русский язык по сказкам, песням, по записям «Слова и Дела», т. е. судебным актам XVII века, по сочинениям Авваку-

ма. Я начал слушать его в жизни. Я начал понимать, в чем секрет языка.

Французские символисты говорили, что мысль можно выразить только одной единственной фразой, и нужно найти эту фразу.

Этими-то единственными, законченными фразами и должен оперировать художник. К этим единственным, законченными фразам он должен стремиться: к алмазному языку.

Как же приблизиться к алмазному языку? Как найти его? Законов этого языка нет. Грамматики такого языка нет, и сочинить ее нельзя.

Но такой алмазный язык существует.

Речь человеческая есть завершение сложного духовного и физического процесса. В мозгу и в теле человека движется непрерывный поток эмоций, чувств, идей и следуемых за ними физических движений. Человек непрерывно жестикулирует. Не берите этого в грубом смысле слова. Иногда жест — это только неосуществленное или сдержанное желание жеста. Но жест всегда должен быть предугадан (художником), как результат душевного движения.

За жестом следует слово. Жест определяет фразу. И если вы, писатель, почувствовали, предугадали жест персонажа, которого вы описываете (при одном непременно условии, что вы должны ясно видеть этот персонаж), вслед за угаданным вами жестом последует та единственная фраза, с той именно расстановкой слов, с тем именно выбором слов, с той именно ритмикой, которые соответствуют жесту вашего персонажа т.е. его душевному состоянию в данный момент.

Из этого выходит: во-первых, что вы, писатели, всегда должны галлюцинировать, т.е. научиться видеть то, что вы описываете. Чем отчетливее вы будете видеть призраки вашей фантазии, тем точнее и вернее будет язык вашего произведения.

Это путь к созданию алмазного языка. Это язык фольклора нашего народа, это язык зрячих, видящих и полнокровно чувствующих.

И во-вторых. Народный язык, алмаз-

ный язык всегда рассказывает о жесте полнокровного движения, максимального движения, отчетливого движения. Искусство не терпит приблизительности, неясности, недоговоренности. И это в особенности приложимо к нашему советскому искусству — социалистическому реализму.

Язык создается для каждого данного мгновения, в котором типичный человек в типичной обстановке испытывает максимальное напряжение чувств и производит жест, движение (пускай только угадываемое), которое выражается в ритмике той или иной фразы.

Таким образом язык восходит к глубоким социальным основам жизни.

Как услышать этот язык? Его нужно увидеть. Это закон для писателя, — создавать произведения путем внутреннего видения тех предметностей, которые он описывает.

Стало быть, нужно в себе выработать эту способность видения. Нужно над собой работать в этом отношении.

Как работать? Наблюдать окружающую жизнь, общаться с людьми, думать, читать и познавать. И самому, с максимальным напряжением, участвовать в строении жизни. Вообще говоря, хлопот у писателя полон рот. Писать — нелегкая вещь.

Нужно приучать себя к наблюдению. Полюбить это дело. Наблюдать — всегда, все время, делать обобщения, угадывать прошлое и настоящее человека по жесту, по фразе и т. д.

Так у художника, у писателя постепенно накапливается впечатление, и в какой-то момент какая-то встреча дает толчок его уверенности, его дерзости: схватить воображением тип. Если вы спросите: почему же ты думаешь, что это именно и есть тип нашей эпохи? — он ответит: потому что я уверен в этом, потому что я испытываю глубокое художественное волнение. И, ответив так, он будет прав.

Каким образом люди далекой эпохи получились у меня живыми? Я думаю, если бы я родился в городе, а не в деревне, не знал бы с детства тысячи вещей, — эту зимнюю вьюгу в степях, в заброшенных деревнях, святки, избы,

гаданья, сказки, лучину, овины, которые особым образом пахнут, я наверное не мог бы так описать старую Москву. Картины старой Москвы звучали во мне глубокими детскими воспоминаниями. И отсюда появлялось ощущение эпохи, ее вещественность.

Этих людей, эти типы я потом проверял по историческим документам. Документы давали мне развитие романа, но вкусовое, зрительное восприятие, идущее от глубоких детских впечатле-

ний, те тонкие, едва уловимые вещи, о которых трудно рассказать, — давали вещественность тому, что я описывал. Национальное искусство — именно в этом, в запахах родной земли, в родном языке, в котором слова как бы имеют двойной художественный смысл — и сегодняшней, и тот впитанный с детских лет, эмоциональный, в словах, которые на вкус, на взгляд и на запах — родные. Они-то и рожают подлинное искусство.

Ш. Н. Дадияни

Ш. Н. Дадияни

★

В Тбилиси только что торжественно отпразднован 45-летний юбилей артистической и литературной деятельности народного артиста Грузинской республики, писателя-драматурга, депутата Верховного Совета СССР, орденоносца Шалва Николаевича Дадияни.

Как режиссер и постановщик (им было поставлено около ста пьес) Дадияни работал, главным образом, над грузинской классикой.

Только при советской власти талантливый художник получил возможность свободно творить как писатель и драматург.

В настоящее время на сценах тбилисских театров идет несколько пьес Дадияни, среди которых особой любовью

зрителей пользуется написанная им в 1937 г. пьеса «Из искры» — на тему борьбы грузинских рабочих за создание большевистских организаций в Грузии и Закавказье. В этой пьесе Дадияни нарисовал яркими красками образ основателя и первого руководителя большевистских организаций в Закавказье — товарища Сталина.

В 1923 году, в день 30-летнего юбилея литературной и общественной деятельности Ш. Н. Дадияни, ему было присвоено звание народного артиста Грузинской республики.

За выдающиеся успехи и достижения в развитии советской художественной литературы Ш. Н. Дадияни 31 января 1939 года награжден орденом Ленина.

★

Красная Армия и художники

А. ГЕРАСИМОВ

Заслуженный деятель искусств.

★

Лучшее творческое вдохновение ведущих советских мастеров изобразительного искусства отдано Красной Армии.

Это понятно, иначе и не может быть, потому что сила и мощь Красной Армии — в глубокой, теснейшей связи с народом, великим неиссякаемым источником подлинного художественного вдохновения.

Красная Армия — родное, самое любимое детище советского народа, плоть от плоти рабочих и крестьян, — армия, подобной которой еще не было в истории человечества.

Красная Армия «является орудием утверждения власти рабочих и крестьян, орудием утверждения диктатуры пролетариата, орудием освобождения рабочих и крестьян от ига помещиков и капиталистов. Наша армия есть армия освобождения трудящихся». (Сталин).

Эта армия живет общей жизнью с народом, связана с ним тончайшими кровными нитями и является благотворным источником для всякого искреннего художника.

Героическое прошлое Красной Армии и ее славное настоящее пленяют творческое внимание подлинных художников, которые получили от Октябрьской революции почетное право служить своему народу, запечатлевать в художественных образах его великие деяния.

С первых моментов своего существования Красная Армия привлекла творческое воображение художников, рас-

крыла перед ними глубочайшие идеи, сложнейшие драматические ситуации, высоту человеческих чувств и увлекательность романтического вдохновения.

Наперекор господствовавшему на тогдашнем изофронте вкусам и теориям, находившимся в плену формализма и беспредметничества, Красная Армия потребовала ясного, простого, правдивого, реалистического языка, пластичности образов, эпической силы повествования, свойственных былине, сказанию, легенде.

Это требование реалистической трактовки образов действительности было категорическим и непреложным для всякого художника, соприкасавшегося с тематикой Красной Армии.

Всякая попытка нереалистической трактовки этой темы была обречена на полный провал.

Первым откликом художников на запросы Красной Армии было создание нового жанра искусства — революционного плаката.

Лучшие образцы революционного плаката первых лет Октября, созданные художниками Моором, Дени, Черемным и др., были связаны с оборонной тематикой, они поднимали дух народа и мобилизовали его на защиту пролетарской революции от интервентов и белогвардейцев.

Непрерывная, органическая связь и дружба Красной Армии с художниками имела огромное художественно-воспитательное значение для роста и развития

всех отраслей советского изобразительного искусства. Эта связь не только помогла освободиться от формалистических выкрутасов, не только явилась огромным стимулом для роста кадров реалистических мастеров, но научила трудному умению радостного, глубокого и полнокровного отражения в искусстве жизни страны и ее любимого детища — Красной Армии.

Перед художниками встала задача создания больших тематических произведений, которые со всей полнотой и глубиной показали бы нашу замечательную жизнь и наших замечательных людей.

Героические дела Красной Армии, пронизывающие ее глубокий патриотизм и беззаветная преданность делу Ленина — Сталина стали для художников источником неограниченных творческих возможностей и дали им неиссякаемую веру в мощь и действенность их искусства.

И не случайно первое объединение художников-реалистов в первые годы Октября — Ассоциация художников революционной России (АХРР) — одну из своих первых выставок отдала показу героических боевых действий Красной Армии.

Новая выставка АХРР, организованная через год, уже полностью была связана с 5-летием Красной Армии.

АХРР ясно отдавала себе в то время отчет в том, что в борьбе за создание реалистического искусства, понятного и близкого массовому новому зрителю, тема Красной Армии будет наиболее родной, волнующей и увлекающей.

Выставкой к 5-летию РККА была установлена организационная связь художников с Красной Армией.

В итоге 15-летнего творческого сотрудничества эта связь не только воспитала художественный вкус бойцов и командиров Красной Армии, не только выдвинула таких художников, как М. Б. Греков, но и в конечном результате создала такие произведения живописи, которые определили собою рост и развитие всего изобразительного искусства страны.

Теперь, в начале третьего десятилетия Октября, можно сказать, что все лучшие достижения нашего изоискусства являются в то же время подлинными художественными документами величайшего народного героизма, раскрывшегося в действиях масс, в поступках отдельных людей — героев.

★

Еще в 1920 году, — вспоминает М. Б. Греков, — К. Е. Ворошилов, тогда один из вождей героической Первой Конной армии, на совещании по поводу докладной записки художника о картинах на темы гражданской войны сказал: «У нас должны быть и армия, и искусство».

В этот один из труднейших моментов жизни Советской страны К. Е. Ворошилов своими замечательными словами определил пути развития советского реалистического искусства, как бы наметил программу практической работы художников с Красной Армией, давшую в наши дни такие ошутительные и ценные результаты.

В истории советского изобразительного искусства навсегда должны запечатлеться незабываемые, волнующие слова приказа наркома обороны, который от имени Красной Армии в день смерти М. Б. Грекова отметил заслуги этого первого художника, полностью отдавшего свое творческое вдохновение и пафос художественному прославлению великих дел и подвигов защитницы родной страны — Красной Армии.

«... Греков в своих прекрасных полотнах, — говорилось в приказе, — запечатлел незабываемые бои гражданской войны и по праву занял выдающееся место в советской батальной живописи... Он старался показать только историческую правду, как он видел ее собственными глазами, и он знал, что эта правда настолько прекрасна, так насыщена подлинным героизмом восставших масс, что она не нуждается ни в каком искусственном приукрашивании. И поэтому полотно художника Грекова, с их беспредельными южными степями, охваченными революционным пожаром,

красными всадниками, в дыму кровавых схваток мчащимися навстречу смерти и победе, — навсегда останутся ценнейшими, живыми документами суровой и великой эпохи классовых битв»¹.

Эти строки приказа определили не только заслуги М. Б. Грекова, но они как бы рассказали о методе реалистического отображения в искусстве жизни Красной Армии, отметили ценные стороны этого отображения и уточнили изобразительные задачи художников, работающих для Красной Армии и вместе с ней.

Крупнейшее значение для развития советского изобразительного искусства имела выставка к 10-летию Красной Армии. Она укрепила организационно-творческие связи художников с Красной Армией, установила первостепенную важность показа героических боевых действий и вместе с тем усилила художественное звучание оборонной темы.

Эта выставка расширила общие рамки оборонной темы, включив в нее и боевые эпизоды, и мирную жизнь, и культурно-просветительную и политическую деятельность Красной Армии, ее неразрывную связь с жизнью всей страны, мощную технику и непреклонный дух ее бойцов.

Лучшие произведения выставки к 10-летию Красной Армии показали новые элементы советской батальной живописи, внесли в традиции этого определенного изобразительного жанра новое содержание, стремясь воспитывать в зрителе чувство любви к социалистической родине, самоотверженность и героизм.

Произведения этой выставки, выдержавшие самое трудное для искусства испытание — испытание временем, принадлежат художникам: М. И. Авилу — «Прорыв польского фронта под Казатином», М. М. Берингову — «Ледяной поход Балтфлота», Ф. С. Богородскому — «Матросы в засаде», А. А. Дейнека — «Оборона Петрограда», Б. В. Иогансону — «Узловая станция», П. И. Котову — «Чонгарский бой»,

В. В. Крайневу — «Подходят к деревне», В. С. Пшеничникову — «Гибель Чапаева», Г. Г. Ряжскому — «Борьба за транспорт», Г. К. Савицкому — «Стихийная демобилизация», П. М. Шухмину — «Приказ о наступлении», К. Ф. Юону — «Проводы рабочих отрядов». В эту серию работ надлежит включить также и портреты вождей и командиров Красной Армии.

Работы отмеченных художников дают ясное представление о широте и емкости понятия советской батальной живописи, ее настойчивом стремлении к развороту темы и показу ее в композиционно-сложной форме картины.

Такое стремление к созданию картины, как одного из труднейших и ответственных жанров искусства, явилось дополнительным, ценным качеством растущей советской живописи, вступившей в Октябрьскую эпоху без всяких традиций в этой области, потому что за последние десятилетия картина, как ведущая форма изобразительного искусства, исчезла из творческой практики русских художников.

Красная Армия, во всей сложности ее жизни, со всей психологической насыщенностью ее работы, с огромным охватом действительности, включающей и полные драматизма боевые эпизоды, и лирику мирного строительства, явилась лучшим и богатым источником, из которого щедро могли «черпать вдохновение» советские художники, начавшие борьбу за реалистическую картину.

Перед ними было такое огромное «поле наблюдения», с такими изобразительными возможностями и ситуациями, какие вряд ли могла бы придумать сама пылкая творческая фантазия и которые требовали для своего художественного «вмещения» именно строгих и продуманных форм картины.

Эти обстоятельства, соединенные с глубокой органической народностью Красной Армии, невольно заставляли каждого искреннего художника обязательно стать на определенное время «баталистом».

Такой батализм требовал от художников обязательного выделения лучших моментов его творческого вдохновения

¹ Приказ НКО СССР № 74 от 29 ноября 1934 г.

для отображения жизни и быта Красной Армии, именно в картине, располагающей для этого наибольшим количеством изобразительных возможностей и средств.

В результате этого и были созданы художественные произведения, которые на сегодняшний день составляют золотой фонд советского изобразительного искусства и вместе с тем поднимают на новую высоту идейную живопись.

Одновременно с борьбой за картину, в которой почетная и ведущая роль принадлежала оборонной тематике, для успеха которой так много дала внимательная заботливость к художникам К. Е. Ворошилова, много также было сделано и в области повышения качества портретной живописи, раскрытия психологических характеристик изображаемых лиц.

Лучшие образцы советского портрета тесно связаны с теми, кто создавал Красную Армию, кто ее политически воспитал и воспитывает, кто вдохновлял ее в минувшие героические дни и кто, оснащая передовой техникой, готовит к победам в грядущей схватке, которая из-за слепоты и дерзости фашистских агрессоров, поджигателей войны, может разразиться каждую минуту.

Выставка, организованная к 15-летию Красной Армии, выкристаллизовала все элементы, укреплявшие и развивавшие рост и процветание советского изобразительного искусства.

Работы М. И. Авилова — «Приезд И. В. Сталина в Первую Конную», И. И. Бродского — «Выступление В. И. Ленина на проводах частей на польский фронт», И. Э. Грабаря — «В. И. Ленин у прямого провода», Б. В. Иогансона — «Допрос коммуниста», А. В. Моравова — «Выступление В. И. Ленина перед кронштадтскими матросами», Г. Г. Нисского — «Советский флот в иностранных водах», Н. М. Ромадина — «Чехословаки в Самаре», С. В. Рянгиной — «Годен», В. С. Сварога — «А. М.

Горький и К. Е. Ворошилов в тире ЦДКА», П. П. Соколова-Скаля — «Вторые сутки в бронепоезде» и «Братья», Г. М. Шегаля — «Горская молодежь на призыве в РККА» являются бесспорными художественными документами, подтверждающими значение и роль Красной Армии в творческом формировании наших художников и в качественном росте всех разделов советского изобразительного искусства.

Последние выставки — панорама «Штурм Перекопа» и «XX лет РККА и Военно-Морского флота» — еще свежи в памяти зрителей, и лучшие их произведения настолько широко освещены печатью, что можно только отметить дальнейший рост мастерства отдельных живописцев, выявление новых кадров молодых художников, развертывание дальнейших возможностей в области создания полноценной тематической советской картины и появление нового, за последнее десятилетие забытого, изобразительного жанра — панорамы.

Юбилейные военные выставки сыграли большую роль в общем развитии изобразительного искусства нашей родины.

Их главная задача — показать народу в ясных, понятных и глубоко реалистических образах сущность, значение, деятельность и историю Красной Армии, ее вождей, командиров и ее бойцов — в основном выполнена. Они стали своеобразным творческим рапортом инициатору военных выставок и другу советских художников наркому К. Е. Ворошилову.

В них художники нашей страны рапортовали о своих мыслях и чувствах и желании создать яркие, живописно-эмоциональные народные произведения, в которых во всей полноте была бы развернута жизнь Красной Армии, зорко и неусыпно охраняющей наши рубежи, и жизнь нашей социалистической родины, идущей к новым победам и дальнейшему расцвету под руководством гениального ленинца — великого Сталина.

Эдуард Багрицкий

К ПЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ

А. ЕВГЕНЬЕВ и Б. РУНИН

★

I

У многих больших поэтов можно найти одно лирическое произведение, в котором раскрывается вся полнота творческой индивидуальности художника. Для Эдуарда Багрицкого таким своеобразным поэтическим кредо является «Последняя ночь». Здесь отразился тот перелом в его биографии, который определил судьбу поэта.

В летнюю ночь 1914 года решались судьбы его сверстников. Сквозь неповторимую голубизну и прозрачность этой ночи виднелось зарево мирозой войны и революции. Ему было тогда только семнадцать лет, но это уже было прощание с юностью, полное смутных предчувствий, неясных ощущений грядущего.

Не следует, однако, думать, что уже тогда в сознании Багрицкого оформились отчетливые представления о надвигающихся событиях, или со всей решительностью сложились твердые убеждения относительно своего жизненного пути.

Может быть, в ту ночь он впервые глубоко задумался, и перед ним раскрылась вся неуловимая прежде сложность жизненных явлений. Это было, быть может, первое серьезное раздумье над тем, что ожидало впереди его ровесника.

Вот тут я пелая:
Погибнет ночь
И вместе с ней отпадет
Обломок мира, в котором он
Родился, ходил, дышал.

Впечатления этой ночи оказались настолько яркими и значительными, что они проявились много лет спустя с замечательной художественной силой.

«Последняя ночь» — это последняя ночь весны, когда поэт впервые почувствовал всю полноту ощущения жизни, когда он сказал себе: «Вот первые журавли!»

Над пылью, над молодостью моей
Раскатывалась труба...

Позади были одесские каштаны, соленая нежность моря, мир обычаев и привычек, биндюжники с Базарной улицы и первые юношеские стихи. Впереди были годы борьбы и поисков, фронтовая жизнь, работа в Югросте, литературное признание и жестокая неоступная болезнь.

Позади была Одесса.

★

Ранние стихи Багрицкого переполнены экзотической мишурой и романтическими атрибутами, которые в изобилии насаждались в предвоенной поэзии эпигонами акмеистической школы. В те годы широкое распространение получила кафешантанная поэзия доморощенных северяниных и гумилевых. Литературная борьба акмеистов и символистов нашла свое искаженное отражение среди поставщиков поэзии для посетителей кафе Робина и Фанкони. Поэтические особенности различных литературных направлений утрировались без всякой меры и в таком преувели-

ченном виде становились обязательными канонами для молодежи.

Но в отличие от многих современников у Багрицкого это тяготение к экзотическому реквизиту, которое сказывалось в его ранних стихах, нельзя свести к простому подражанию. Многие здесь объясняет сама жизнь Одессы, — этого шумного южного города, с его ясным солнечным небом, крупной гаванью, морскими ветрами, богатыми витринами магазинов, привозными колониальными фруктами, разноплеменным говором и особым веселым, жизнерадостным нравом подвижных одесских жителей.

За бронзовой статуей Ришелье тянулись не только богатые дома негоциантов и спекулянтов, не только роскошные кварталы Дерibasовской, но и грязные убогие жилища Молдаванки, Канатной, Ремесленной.

Здесь в бедной еврейской патриархальной семье родился в 1895 году Эдуард Георгиевич Багрицкий.

Здесь протекало тяжелое, безрадостное детство поэта, тот период его жизни, о котором он сам говорил, что не может вспомнить ни одного хорошего дня. Его окружал затхлый тесный мир, который иссушал всю радость детского бытия. Багрицкий, выросший в этой обстановке, рано почувствовал себя отверженным. Контрасты большого международного порта отразились на его психике, как контрасты между законами уродливого быта, в котором «все навыворот, все — как не надо», и нереальным миром романтических мечтаний. Так проявилось одно из многих противоречий, лежащих в основе процесса формирования его поэтического мастерства.

Тогда это было противоречием между жизненной практикой и рано определенной литературной приверженностью.

От кликушества отцов, стремившихся внушить юноше прочность своего грубого практицизма, он переносился в необъятный мир природы, к таинственному средневековью, в далекие исторические времена Карфагена, туда, где

За пыльным золотом тяжелых колесниц,
Летящих к пурпuru спящих подножий,

Курчавые рабы с натертой салом кожей
Проводят под уздцы нубийских кобылиц.

Тогда были в моде женские псевдонимы, и Багрицкий помещал в 1915 году подобные стихи за подписью Нина Воскресенская в сборниках с чрезвычайно характерными названиями: «Серебряные трубы» или «Авто в облаках». Здесь был напечатан его «Суворов». В следующем году Багрицкий печатается в альманахе «Седьмое покрывало», а в 1917 году его стихи появляются в альманахе «Чудо в пустыне», куда, между прочим, вошли отрывки из «Войны и мира» В. Маяковского. У Багрицкого того времени сказывается даже дань футуризму: «дегенеративные тучи», «месяц, повисший, как оранжевая сосиска».

Критика, усматривая родство в названиях «Авто в облаках» и «Облако в штанах», считала Багрицкого одним из «бурлюченков», иронически называя их затею неудавшейся заоблачной экскурсией.

Маяковский казался в то время Багрицкому то озверевшим зубром в блестящем цилиндре, то вселенским спортсменом в оранжевом костюме, то божественным сибаритом с бронзовым телом, то Полководцем Городов. «Гимн Маяковскому» (1915 год) заканчивался следующими словами:

Я, ненавидящий Современность,
Ищущий забвения в математике и истории,
Ясно вижу своими все же вдохновенными
глазами,
Что скоро, скоро мы сгинем, как дымы.
И, почтительно сторонясь, я говорю:
«Привет тебе, Маяковский!»

Но все это наносное декадентство оказалось для Багрицкого мимолетным. Уже в таких его дореволюционных стихах, как «Славяне», «Враг», и особенно «Осень» и «Песни», проглядывает будущий автор «Птицелова», «Контрабандистов» и «Победителей».

II

Революция окрылила Багрицкого, поставила перед ним новые цели, повела по новым широким путям.

Эдуард Багрицкий

С нее начинается основной этап настоящей творческой жизни поэта.

Его жизненные горизонты расширяются. Он уже не юноша, он сталкивается с жизнью не как наблюдатель, а как практик, уезжает в действующую армию на персидский фронт, а после революции, в 1918 году вступает в партизанский отряд им. ВЦИК. Нашли огромные социальные сдвиги, происшедшие в жизни всей страны и в судьбе самого Багрицкого, прямое отражение в его творчестве тех лет? Ведь он уже работал в милиции, раз'езжал

с агитпоездом «III Интернационал», работал инструктором политотдела Отдельной стрелковой бригады. А образы, которые волнуют его, попрежнему уводят в далекое прошлое.

Он пишет многочисленные листовки, где не только в прозе, но и в стихах раз'ясняет рабочим и крестьянам всю необходимость напряженной борьбы с бандами Деникина, призывает к укреплению Красной Армии.

Но лирическими героями попрежнему остаются веселый птицелов Дидель, беспутный странник Уленшпигель. Как

могла сохраниться вся эта поэтизация бродяжничества — «фламандской школы пестрый сор» — на фоне гражданской войны и разрухи?

И пред ним, зеленый снизу,
Голубой и синий сверху,
Мир встает огромной птицей,
Свищет, щелкает, звенит.

Дело в том, что исторические персонажи прошлого, появляющиеся в стихах Багрицкого, воплощают в себе глубоко демократические тенденции мировоззрения поэта. Вряд ли Багрицкий в то время ощущал революцию, как сознательный пролетарий, понимая самую суть социального переустройства мира. Может быть, он искал в революции преимущественно начала плебейского протеста. Во всяком случае он всем своим существом приветствовал ее народный демократический характер. Романтически восприняв революцию, он обращался к прошлому в поисках образов для выражения своих чувств. Но это не было бегством от действительности, как может показаться на первый взгляд. Романтические герои Багрицкого были теми «духами» прошедшего, через которых он осмысливал настоящее, а может, и будущее. В противоположность аристократическому герою до-революционной поэзии, Багрицкого привлекает «фальстафовский фон». Впоследствии это с особенной яркостью сказалось в его замечательных переводах из Бернса — в «Веселых нищих».

Продолжая рассматривать эту линию творческого развития Багрицкого, можно установить, что все эти образы из «Джона ячменное зерно», из «Песни о рубашке», все персонажи вроде Тиля Уленшпигеля, вальтерскоттовского разбойника, птицелова Диделя, ронсаровского пастуха, в основе своей были порождением народа, народного творчества, и это сделало их столь близкими Багрицкому.

За изысканностью капитанов, которые, обнаружив бунт на борту корабля, рвали из-за пояса пистолеты, рассыпав драгоценное золото брабантских манж, мы узнаем звериное лицо аристократа, встретившегося в страшной клас-

совой схватке лицом к лицу с трудовым людом, знаменем и вождем которого был Тиль Уленшпигель. Багрицкий поет Уленшпигеля. Швею, изнемогающую от непосильного труда. Разбойника, заставляющего содрогаться графства. Короли из «Джона ячменное зерно» оказывают простыми крестьянами. Здесь мы сталкиваемся не только с так называемой «романтизацией» крестьянской жизни, но и со стремлением возвеличить и прославить трудового человека — единственного короля и хозяина на земле, утвердить его бытие. Классовое различие романтики капитанов и Тиля Уленшпигеля — очевидно. Это — полюсы. Два принципиально различных начала, борющиеся не только в жизни, но и в стихах.

Вот почему Багрицкий находил себя в революции, уподобляясь жизнерадостному гезу, носителю свободолюбивого духа народов Фландрии.

Веселый странник, он, как я, быть может,
Невнятно налевая, сочинял
Слова еще невыдуманной песни...

Пусть, как и тот бродяга, я пройду
По всей стране, и пусть у двери каждой
Я жаворонком засвищу и тотчас
В ответ услышу песню петуха!..
Певец без лютни, воин без оружия,
Я встречу дни, как чаши, до краев
Наполненные молоком и медом.

В революции он находил то, что ему было особенно дорого, — природу, ветер, песни и свободу.

В заключительной речи на съезде писателей Горький говорил об отклонениях от «математически прямой», о своейвольности мысли и чувства «литератора, который пытается найти свободу творчества вне строгих указаний истории». Он объяснял эти отклонения «тем, что наши эмоции — старше нашего интеллекта, тем, что в наших эмоциях много унаследованного...».

В революции все было новым и неизведанным, но чувства воплощались в привычных образах, реализовались в издавна знакомых персонажах. Вот почему оказались так уместны гравюры современника Уленшпигеля, Альбрехта Дюрера, на обложке книги советского поэта.

Антология Н. В. Гербея «Английские поэты в биографиях и образцах», изданная еще в 1875 году, стала настольной книгой Багрицкого не потому, что его привлекало достоинство помещенных там переводов «Баллады о Виттингтоне» или «Веселых нищих», а потому, что они явились стимулом для выражения органических стремлений поэта. Романтизм Багрицкого с самого начала получил определенную социальную окраску.

Ему самому было слишком знакомо это желание пройти по всей стране свободным менестрелем.

III

В двадцатом году Багрицкий пишет первую свою большую поэму «Трактир». Ей предшествовала утерянная ныне поэма «Харчевня», отдельные элементы которой вошли в позднейший вариант.

К теме «Трактира» Багрицкий возвратился впоследствии в 1926 году. И это не случайно. Оба раза поэт ставил перед собой и разрешал в художественной форме наиболее волновавшие его философские вопросы. Отсюда — различный акцент обоих вариантов.

В 1920 г. — это уяснение своего романтического мироощущения, проблема назначения поэта, его отношения к окружающей жизни и борьбе.

Романтическое начало неизбежно сталкивалось в сознании Багрицкого с прозаической повседневностью. Это противопоставление сказывается уже в посвящениях: в первом — ироническом и во втором — романтическом. Горечью проникнуты слова, восхваляющие одиноких неудачников, которые в жажде свободы, как дар, хранят свое земное право голодать трижды на день. Независимость сохраняет для поэта драгоценность первоначального восприятия вещей. Сытое довольство угрожает ему успокоением, утратой творческого волнения, размеренностью домашней лирики. Так намечается тема.

Поэт наделен слухом совы и сердцем, отбивающим лад слагающейся песни. Но он лишен очага и пищи. Его жалобы

услышаны на небе — и он попадает в трактир, название которого звучит, как символ: «Заезжий двор «Спокойствие сердце». Стихи забыты ради еды.

В опубликованном варианте концовка поэмы была изменена. Певцом овладевает отвращение к пище. Мечты о любимой работе, о земных дорогах и «голоде, который обучил его стихам», заставляют певца с проклятиями покинуть постылое небесное блаженство.

Поэма предваряет целый ряд особенностей поэзии Багрицкого, получивших впоследствии дальнейшее развитие. Здесь намечена тема, которая проходит через все творчество Багрицкого, обостряясь иногда до болезненности. От «Трактира» (1920) до «Человека предметья» (1932) угроза быта, засывающая трясина ничтожной обыденности проходит как лейтмотив его поэзии. Это настроение во многом определяет характер романтизма Багрицкого, объясняет его тяготение к живой природе — к тем образам, которые дали повод, с чьей-то легкой руки, к многочисленным разговорам о пресловутом «биологизме».

Мелкому, будничному, домашнему Багрицкий противопоставлял свое романтическое мироощущение. Подняться над мещанскими заботами, презреть дешевые, но соблазнительные удобства, побороть это «спокойствие сердце» — вот единственно правильный путь для певца. Иначе — гибель.

Но это лишь одна сторона «Трактира». Наряду с отвлеченной символикой поэмы в ней слишком много земного, осязаемого, предметного. Уже здесь сказывается пристрастие Багрицкого к фламандскому полнокровию образов, к почти физической осязутимости вещей, к воспеванию плотских радостей жизни. Он подчеркивает свое стремление к живописной изобразительности, к яркому, красочному натюрморту, спелым плодам, пышному изобилию снеди. Отказывая певцу в сытом покое, Багрицкий отнюдь не проповедует аскетизма.

И улица плывет передо мною
В сиянии разубранных витрин.
Там розовая стонет ветчина,

Подобная прохладному рассвету,
И жир, что обволакивает мясо,
Как облак, проплывающий в заре.
О, пирожки, обваренные маслом,
От жара раскаленной духовой,
Коричневым покрытые загаром!
Вас нежный сахар инеем покрыл —
И вы лежите маслянистой грудой
Средь ржавых груш и яблок восковых...

Есть в жизни много вещей, которые стоит воспеть так вдохновенно. Не следует только забывать о борьбе. Она — главное. И поэт готов драться с тем миром, где его обволакивает покой. С небес он стремится на землю, где остались товарищи. Огромный мир в туманах и сияниях, поросший деревьями и обрызганный водой, зовет его покончить с постылым сытым уютom.

По своему построению, по характеру развертывания образов «Трактир» напоминает театр символистов, в частности лирические драмы Блока. В этой связи хочется вспомнить об одном стихотворении, относящемся к тому же периоду. Багрицкий обладал не только большим вкусом, но и необычайной чуткостью к явлениям литературы. Силу Маяковского он оценил уже в 1915 году. Багрицкий не мог не выразить своего отношения и к другому замечательному поэту — Александру Блоку. Но если «Гимн Маяковскому» представляет собою манерную, надуманную декламацию, где некоторые строчки звучат теперь почти юмористически, то стихи, обращенные к Блоку, написанные 6 лет спустя, повидимому, под впечатлением его смерти, насыщены зрелой мыслью и пониманием тех решительных выводов, которые сделал для себя Блок после революции.

От абстрактной отвлеченности первого решения темы «Трактира» вариант 1926 г. отличается большей конкретностью и определенностью. Здесь отчетливо названы время и место действия.

Из окна поэт осматривает ночную Москву в час, когда неизвестные пьяницы, проклиная и хрипя, заканчивают день склерозными раками и желчью пивной. Москва встречает десятый час.

Перезванивают провода, кошки выходят на свидание за трубой, вор идет

на промысел — начинается ночная возня.

Самый отбор образов, их эмоциональная окраска передают грусть и шемящую тоску одинокого поэта. Только ему десятый час не сулит милой встречи, «ничего не приносит в дар: ни чая, пахнущего женой, ни пачки папирос». И даже «антенны подрагивают в ночи от холода чуждых слов». В картинах неповской Москвы он видит страшное наступление быта, который угрожает его романтическим устремлениям, посягает на мечтания поэта, давит на его свободу художника. И то, что казалось в годы военного коммунизма поэтичным и радужным, теперь представляется «оголтелой жратвой». «Рычи, желудочный сок!»... — гневно восклицает поэт. Фламандская жизнерадостность сменяется мучительным кошмаром охотнорядского буйства.

И прямо из прорыва плывет,
Плывет
Витрин воспаленный строй;
Чудовищной пищей пылает ночь...

★

Даже апельсины кажутся поэту ядрами, наполненными взрывчатой кислотой. Даже рыбы становятся чешуйчатыми мечами, которые отсекут голову и руки, если не заплатить за эти яблоки, ветчину, пирожки и торты. Все это не для него. А в дверях, как воплощение врага, как призрачная персонификация быта, стоит атлет, и «погибшая кровь быков и телят цветет на его щеках...». Эти образы закрыли собою все остальное, они разбухли в сознании поэта до чудовищных масштабов.

Страдания поэта заканчиваются «наградой», которая ему досталась в результате просьб, прозвучавших в его обители голодных вдохновений. Он не хотел прослыть кабацким гением, но все же отправляется в этот фатальный заезжий двор «Спокойствие сердец». Его путешествия в небеса сопровождаются грустной песней, о которой в ремарке сказано: «Неизвестно, кто поет: ангелы или беспризорные». Песня разбивается на знакомых мотивах из

«блатного эпоса», уличного фольклора. Опять возникают большие образы все той же пищи, которую поэт находит в небесном приюте. Теперь они выражают предельное отвращение:

Голландский сыр, как сифилитик, в язвах
И в оспинах, откуда нежный гной
Стекает на расписанное блюдо.

И поэма заканчивается словами небесного гонца, который предлагает поэту любой кусок, считая яства единственной и самой прекрасной наградой.

В поэме отразился тот мучительный кризис романтизма Багрицкого, который он переживал в период нэпа. Этот кризис был полностью преодолен уже в «Думе про Опанаса». Верные пути были найдены. Революция направила романтизм Багрицкого в область реального, действительного, но отголоски этой внутренней борьбы продолжали еще сказываться, противоречие между романтической мечтой и непонятной действительностью неоднократно обострялось, отражаясь в таких произведениях, как «Стихи о соловье и поэте» или «От черного хлеба и верной жены...».

IV

В творчестве Багрицкого период с 1920 до 1925 года, до переезда в Москву, остался мало известным читателю и совершенно неосвещенным в литературе. Произведения этих лет можно распределить по двум большим циклам. Сюда относятся раздел политических стихотворений и стихи о море. Багрицкий печатался тогда в различных периодических изданиях, в «Одесских известиях», в газете «Моряк». В 1922 году он начал вести литкружок «Потоки Октября», занимаясь с рабочими-поэтами железнодорожных мастерских.

В этот период Багрицкий находился на пути к жизненному, реальному пониманию революции, в которую он вошел, окруженный не только романтическими птицеловами и разбойниками, но и со стихами, где непосредственное отражение нашли революционные события, проходившие перед псэтом. Здесь речь

идет о стихах, объединенных в цикл «Октябрь».

Войдя в революционную действительность полноправным хозяином своей темы, Багрицкий конкретизирует образы эпохи, изображая людей и события в их непосредственном облики. Февральская революция, Октябрь, фронты гражданской войны, образ вождя — все эти огромные темы входят в круг проблематики творчества Багрицкого в таких произведениях, как стихи о Ленине, «Февраль», «Первое мая», «Большевики». Можно не без оснований говорить о некоей пролетаризации романтического героя, которая наметилась уже в тот период творчества Багрицкого. Фронтвики и матросы, сохраняя черты романтичности, приобретают живую связь с современной поэту действительностью. Ленинские слова становятся для Багрицкого высшим проявлением человеческой справедливости.

Бунтуют фронты...

Над землей снеговой
Покой наступает суровый,
Чтоб грянуло громче
Над сонной землей
Владимира Ленина слово!..

В стихотворении, посвященном IV конгрессу Коминтерна, Багрицкий выводит в качестве действующих лиц суданского негра, ирландского рудокопа, фламандского ткача, носильщика из Шанхая, т. е. образы, которые сохраняют для поэта романтическую привлекательность, но обретают уже совершенно новые социальные черты, отчетливо выраженную классовую принадлежность.

В морских стихах Багрицкий поет море, волны, корабли, рыбачий труд. Наряду с романтизацией рыбачьего труда и легендарных открывателей новых земель поэт говорит и о чернорабочих моря, о героях, которые в годы поэтической юности Багрицкого были скрыты от него эстетским флером предвоенной поэзии. Через каравеллы Колумба и цусимские корабли Багрицкий шел к мятежному «Потемкину», к образу революционного моряка — механика Андре Марти, поднявшего в 1919 г. восстание на кораблях французской чер-

номорской эскадры в защиту Советской России. В творчестве позднейших лет морские стихи нашли свое концентрированное выражение в таких вещах, как «Арбуз» и «Контрабандисты».

Багрицкому часто казалось, что он уже не поэт, а матрос на греческом дубке:

Свежий ветер
Закипает брагой,
Сердце ударяет о ребро...
Обернется парусом бумага,
Укрепитя мачтою перо.

Обращаясь даже к таким отвлеченным образам, как Летучий Голландец, Багрицкий явственно ощущал необходимость идти вровень с временем, ставя в этой поэме вопрос: «Нужна ли моя поэзия пролетариату?». Этот вопрос, впрочем, Багрицкий ставил перед собой всегда. Он был своеобразным ориентиром в сложном творческом пути поэта.

V

Страшась, как огня, засасывающей трясины быта, Багрицкий силой своего поэтического воображения уносился в широкие морские просторы, вместе с Диделем странствовал он по неизведанным странам, стремился вырваться в безграничный мир природы, испытывал неодолимое желание, шагнув через знакомый порог, уйти туда, где ветер, «звероподобные кусты», «пронзительный дождь». Но ему несносен «огонь олопецкой звезды» и эта неприветливая и большая природа, где все «проклятое» — болотное, ночное, колдовское — лезет на поэта, и он снова хочет вернуться «в добротный запах дома, в дымок младенческого сна...».

В «Происхождении» мы слышим те же мотивы («Дверь! настезь дверь!...»), которые еще раньше звучали в «Весне» («А там, над травой, над речными узлами, весна развернула зеленое знамя...»), выраженные здесь в такой откровенной обнаженной форме, в какой они не проявлялись, пожалуй, до сих пор нигде. Сложный и многообразный мир природы здесь поворачивался к поэту своей биологической стороной и,

сохраняя высокую степень поэтичности, казался Багрицкому кристаллищем звериных инстинктов.

Багрицкий навсегда остался романтиком. Но, совершенствуясь и двигаясь вперед, поэт постоянно чувствовал необходимость обновления романтики, приближения ее к сегодняшнему дню. Все его творчество в целом выражает сложный процесс эволюции от псевдоромантической шелухи к революционному романтизму, к утверждению романтической индивидуальности, сознающей себя членом огромного коллектива. Внутреннее преодоление былых увлечений придавало его стихам особую напряженность, яркую эмоциональную насыщенность.

Круг друзей поэта постепенно расширялся. Работники любимых профессий сменяют литературных героев.

Механики, чекисты, рыбоводы,
Я ваш товарищ, мы одной породы.

В стихотворении «Встреча» рассказывается, как старые друзья поэта — Уленшпигель и Ламме — помогают ему преодолеть былые настроения одиночества и сомнения. Но уже скоро Багрицкий увидит источник оптимизма в обветренном и запыленном читателе, встреченном «чорт знает где, на станции ночной», в молодом гидрографе, подстерегаемом басмачами и выслеживающем новые тропы. Это уже совсем новые для поэта встречи.

Так, вытерев ладони о штаны,
Встречаются работники страны.

Постепенно сбрасываются архаические украшения романтического наряда, отмечаются атрибуты традиционного романтизма. Родившийся, как отрицание душевного быта, как стремление уйти прочь из мира собственнического мещанства, романтизм Багрицкого постепенно приобретает широкое общественное звучание и по праву занимает свое особое место в реалистической советской поэзии.

Этот сложный процесс эволюции романтизма нашел свое блестящее проявление в «Думе про Опанаса». Этот же процесс отразился и в «Победителях».

Рыбовод из «Победителей» предстает перед читателями как самоотверженный энтузиаст, покоряющий силы природы.

Вставай же, дитя работы,
Взволнованный и босой,
Чтоб взять этот мир, как соты,
Обрызганные росой.

Романтический герой принимает черты общественного современного человека, входя в природу, как полновластный ее хозяин. Рыбоводческие стихи Багрицкого неоднократно давали повод к обвинению поэта в «биологизме» и прочих страшных грехах. Отталкиваясь от «Весны» и, в силу установившихся традиций, приписывая особенности этих стихов позднейшим произведениям Багрицкого, критика усматривала здесь лишь продолжение, а не развитие начатой поэтом линии. Многие не видели в тот момент качественного различия этих стихов, заключающегося, например, в том, что если в «Весне» человек входил в природу, чтобы покорить ее звериным инстинктам, то в рыбоводческих стихах он входит в природу для того, чтобы покорить ее силы на благо человеку. Там лирический герой сохранял черты романтического индивидуализма, здесь он становится общественным человеком, хотя и работает одиноко. Рыбоводческие стихи написаны через год после «Весны», но качественное их отличие резко бросается в глаза.

VI

В 1926 году Багрицкий заканчивает работу над основным своим произведением — «Дума про Опанаса». Через несколько лет появляется либретто оперы, написанное на ту же тему. Не ограничиваясь углублением и детализацией характеров, уже выведенных в поэме, Багрицкий осложняет интригу, вводит в оперу новых персонажей: сподвижницу Махно, Рансу Николаевну, невесту Опанаса, Павлу, шире показывает солдатскую массу, пишет стихи, рассчитанные на вокальное исполнение. Самый факт возвращения поэта к теме Опанаса свидетельствует о том, что эту тему он считал важнейшим делом своей жизни.

Здесь Багрицкий в полную меру раскрыл всю силу своего огромного поэтического таланта. Это целый этап, который в творчестве поэта проходит под знаком Шевченко. В творчестве великого украинского поэта Багрицкий нашел глубоко ему созвучные ноты, черты того благородного романтизма, который казался Багрицкому утерянным. Дело здесь заключается не в подражании Шевченко, а в умении Багрицкого проникнуть в сущность поэзии Шевченко и найти там свое. Можно во многих строках обнаружить влияние, которое оказал на Багрицкого Шевченко. Можно найти в поэме и глубокие следы увлечения русским народным творчеством, и, в частности, «Словом о полку Игореве». «Дума про Опанаса» — произведение, взошедшее на дрожжах лучших традиций русской поэзии, глубоко и всесторонне усвоенных Багрицким, это подлинная вершина его творчества, одно из самых органических и цельных произведений в современной русской поэзии. Романтическое восприятие мира сливается здесь в неразрывное целое с высоким одухотворенным реализмом.

Опанас выступает перед читателем как трагический герой. В его судьбе переплелись судьбы тех хлеборобов, которые, руководствуясь лишь звериным инстинктом собственности, замыкались в своем узеньком мире, не замечая грандиозной ломки общественных отношений, проходившей у них перед глазами. Кажущаяся аполитичность Опанаса превращает его в непримиримого и злобного врага революции и подлинных тружеников земли, всех тех, кто, оставив пашни, ушел на фронты гражданской войны. Стремление Опанаса к земле, являющейся для него символом сытого благополучия, превращает честного труженика, каким он был раньше, в тупого исполнителя чужой вражеской воли, в зверя, потерявшего человеческое обличие, в убийцу.

Ноты высокой гражданственности и сознания общественного долга, нашедшие такое сильное выражение в творчестве Шевченко, звучат и в поэме Багрицкого. Образ коммуниста Иосифа Когана, выведенный в поэме и в ли-

бретто оперы, — один из наиболее сильных и ярких образов большевика в советской поэзии. Для Багрицкого он — не просто действующее лицо большой человеческой драмы, а человек, в котором олицетворяется все лучшее, все передовое, все самое близкое поэту.

Вся поэма звучит как согласный и мощный оркестр, сопровождающий трагическую партию Опанаса. В этом оркестре властно и сильно звучат ноты любви к родине, которые сливаются с темой Иосифа Когана. И когда взволнованная музыка поэмы сменяется мощным звучанием труб бригады Котовского, несущего освобождение земле, — высокое пафосное напряжение поэмы достигает высшей степени накала. Багрицкий говорит со своим читателем мужественным языком высокой человеческой страсти, вселяет уверенность в непоколебимую и светлую правоту того дела, за которое отдал свою жизнь Иосиф Коган.

Сцена допроса у штабного, где Опанас открыто рассказывает о черной своей измене и о предательском убийстве Когана, не реабилитирует героя. Наоборот, — эта сцена еще ярче показывает пропасть, в которую скатился Опанас, презревший кровные интересы своей родины, своего народа и видевший лишь узенький кусок черной, плодородной земли, свою хату, свое хозяйство.

Такой может стать судьба каждого, кто не захочет отличить друзей от врагов, кто попытается спрятаться в раковину мещанской аполитичности, отгородиться от вихря революции ненадежной и шаткой ширмой буржуазного индивидуализма.

Особую значительность приобретает в этой связи финал поэмы. Красноармеец, возвращающийся на побывку к дому по тем местам, где был убит Иосиф Коган, скажет, обращаясь к нему:

Ты глядел в глаза винтовке,
Ты погиб, как надо!..
И пойдет через равнину,
Через омут зноя,
В молодую Украину,
В жито молодое...

.....
Так пускай и я погибну
У Попова лога
Той же славною кончиной,
Как Иосиф Коган!..

VII

Багрицкий безжалостно преодолевал свой книжный романтизм юношеских лет. От романтизма, обращенного в прошлое, через романтику гражданской войны он шел к социалистическому реализму, к поэзии глубокого идейного содержания. Наблюдая с позиций обывательского благодушия этот трудный и порой мучительный процесс творческой эволюции поэта, часть критики тянула его назад, пыталась снова нарядить в пестрое оперение, не дать ему окунуться в «прозу».

«— Да, вы линяете, милейший мой!» — восклицали эти люди, для которых романтизм являлся лишь средством домашнего благоденствия, наряду с бромом и слабительным. Для Багрицкого же это погибшее перо старой романтики знаменовало победу. Пусть оно кружится над становищем соседа, как трофей, оставленный врагу, пусть ветер разносит пестрые клочки, — поэт знает, что для него пришло время суровой зрелости, нового оперения. И если еще недавно в «Разговоре с комсомольцем Дементьевым» он не без грусти расставался с уволенным за выслугой лет пресловутым вороном из Эдгара По, то теперь, в 1930 году, он решительно обращается к романтике современных человеческих страстей, напряженной социальной борьбы.

Так Багрицкий приходит к изображению одной из самых героических фигур нашего времени — к образу железного рыцаря революции Феликса Дзержинского.

В «Думе про Опанаса» — трагическая развязка. Коммунист Иосиф Коган погибает в бою. Победный марш труб бригады Котовского на какую-то секунду прерывается, чтобы снова потом загреть с новой торжественной силой. Прекрасная жизнь Иосифа Когана остается для Багрицкого выражением всей его положительной программы, тем внутренним центром поэмы, который дает возможность читателю проникнуться мировоззрением поэта.

В «Уленшпигеле», написанном в 1918 году, — та же тема. Но тогда те-

му смерти Багрицкий решал иначе, извлекая из своего сердца звуки умиротворения и покоя:

«Спокойно спи, товарищ, довольно пел ты, выспаться пора!».

Тема смерти определяет для Багрицкого его активное отношение к жизни. Воплощение этой мысли в «Уленшпигеле» — лишь первый этап в эволюции темы, которая привела поэта к единственно правильному решению. В «ТВС» решение этой темы такое же, как в «Опанасе». «Умри, побеждая, как умеря», — говорит, обращаясь к поэту, Феликс Дзержинский.

В «ТВС» вновь разрешается тема, дважды поставленная в «Трактире». Стихи эти написаны в годы творческого перелома, когда творчество сопровождалось внутренней борьбой, когда поэту приходилось драться «с этой бандой символов и знаков», когда «каждый образ кажется проклятым и каждый звук топчется вперед». Это были годы обострившейся болезни, лишившей Багрицкого общения с любимой природой. Но тем значительнее выводы, которые он делает для себя в этом произведении.

Болезнь сообщает всем окружающим предметам враждебный характер. Раскаленный зной царапает больные бронхи. Жара, повисшая над землей, зовет погрузиться в сонную прохладу. Она рождает расслабленность, тянет к бездействию, парализует волю. Мир кажется колючим и едким.

Камни — углы и дома — углы;
Трава до оскомины зелена;
Дороги до скрежета белы.

Кажется, что раздраженное восприятие совершенно лишило поэта силы сопротивления — оно тянет его к покою. Но здесь, как бы продолжая давнишний разговор, появляется Феликс Дзержинский — человек, вся жизнь которого была напряженным преодолением трудностей и являла собой образец борьбы и непримиримости. В его словах звучит призыв встать вровень с временем, научиться нести тяжелый груз работы, уметь без сожаления относиться к врагам:

О, мать революция! Не легка
Трехгранная откровенность штыка.

Образ пламенного большевика возвращает волю к победе. Общее настроение стиха выражает теперь спокойную уверенность. Земля представляется поэту в ожидании больших дел, готовая к стуку молотков первой пятилетки.

Маяковский мечтал встретить смерть «так, как встретил смерть товарищ Нетте», — в бою. Багрицкий хотел умереть, как Иосиф Коган, — в бою, как Феликс Дзержинский, — побеждая. Большая советская поэзия при всей разности стилистических особенностей отдельных ее представителей проникнута большой философской темой: утверждением жизни, отданной народу. Сравнение Багрицкого с Маяковским, кажущееся неожиданным, тем не менее закономерно. «Не досыпая, не долюбя», ушла молодость Багрицкого и его сверстников. Маяковский, который «свое земное не дожил, на земле свое недолюбил», даже в периоды тяжелых жизненных потрясений был убежден в том, что недолюбленное будет наверстано «звездностью бесчисленных ночей». Читатель, который сопоставит финалы поэмы Маяковского «Про это» и Багрицкого «Смерть пионерки», при всей разнице инструментовки, услышит одно вдохновенное оптимистическое звучание, которое у Маяковского найдет потом конкретизованное и остро политическое выражение в поэме «Хорошо». В стихотворении «Товарищу Нетте — пароходу и человеку» тема жизни и смерти поворачивается той же стороной, что и у Багрицкого. Взять у жизни все, что она может дать, дать людям все, чем сам располагаешь, и, когда придет конец, — умереть, побеждая.

Жизнь Феликса Дзержинского для обоих поэтов стала образцом прекрасной жизни человека, бойца, большевика.

Умереть стоя, умереть, побеждая, — таково одно из генеральных направлений философской лирики Багрицкого. Может быть, в «Смерти пионерки», являющейся заключительной частью трилогии, в которую, помимо нее, входят «Последняя ночь» и «Человек предместья», эта тема получает свое самое полное, самое закон-

ченное воплощение. Поводом для одного из наиболее оптимистических произведений Багрицкого явился факт трагический, который под пером иного поэта мог прозвучать, как дешевая, слезливая мелодрама.

«Смерть пионерки» — этап философской возмужалости поэта, плод устоявшейся и зрелой мысли. Чем тверже, чем определеннее мировоззрение поэта, тем большим испытаниям стремится подвергнуть он свое чувство, чтобы доказать его непоколебимость, мужественную и суровую прямоту. «Смерть пионерки» и является таким испытанием чувств, закаленных раньше, в боевые и грозные годы гражданской войны.

Ноты глубочайшей человеческой нежности, высокого одухотворенного страдания звучат уже в первых строфах этой маленькой по размеру и огромной по значимости поэмы. В шуме надвигающейся грозы в ярком сиянии лета развертывается сюжетная канва поэмы.

В раскатах грома умирающей Валентине слышатся властные слова призыва, обращенные к ней: «Валя, будь готова!» И в момент, когда в прозелень лужайки хлынули капли теплого летнего дождя,

Тихо подымается,
Призрачно-легка,
Над больничной койкой
Детская рука.
«Я всегда готова!»
Слышится окрест.
На плетеный коврик
Упадает крест.

В страшной тоске припала мать к изголовью умирающей Валентины. Поэт чувствует и прекрасно передает огромное горе матери. Он глубоко ей сочувствует, но «постылые и скудные» слова о богатом приданом, о крестике, который может дать исцеление, разбиваются о мужественное и недетское сопротивление Валентины, девочки в красном галстуке, которая стоя встречает смерть. Ее последний пионерский салют воспринимается читателем не как поза, а как искреннее человеческое движение, идущее от большого мужественного сердца, от того же самого неутомимого желания жизни, которое отличает и самого поэта.

Все немногочисленные события, послужившие материалом для этой поэмы, получают глубоко психологическое подкрепление в необычайно острой, выразительной поэтической форме. Здесь нет развития сюжета: поэма кончается тем, с чего она началась: Валя умирает. Внутренняя динамика поэмы заключается в философском развитии темы, в напряженности чувства, которое ищет выхода из больничных стен в «мир, открытый настезь бешенству ветров».

В творчестве тех поэтов, которые легко расставляют слова, заостряя их аккуратной рифмой, чувство всегда развивается по гладкой поверхности, не встречая никакого сопротивления. Может быть, поэтому оно звучит так невыразительно и приглушенно, и слова, написанные иным поэтом, воспринимаются лишь как ряд звонких, но пустых созвучий. У Багрицкого чувство всегда проходит через испытания, которые не выдуманы поэтом, а возникают из жизни. В «Смерти пионерки» Багрицкий всю поэтическую страстность, необыкновенную силу и темперамент своей творческой природы направляет на то, чтобы передать читателю чувство глубокого человеческого сострадания к участи ребенка, обреченного на смерть в самом зените цветущего, прекрасного лета. Ни на одну секунду поэт не ослабляет трагичности жизненного конфликта, каждой строчкой своей поэмы подчеркивая беспредельность горя.

Тем большую силу и выразительность приобретают заключительные строки поэмы. Ее оптимистический финал исполнен огромной внутренней силы и настоящей жизненной правды. Молодость, которая водила в сабельный поход соратников Багрицкого, жива и, пройдя страшные испытания, обрела способность не отмахиваться от несчастья, а побеждать его. Мужество молодых укрепляется сталью и свинцом. Такое мужество непобедимо и огнеупорно. Протест против смерти не привнесен в поэму извне, он рождается прежде всего в самой героине Багрицкого, мечтающего, чтобы в этом крохотном теле «навсегда пела наша молодость, как весной вода».

Отсутствие в поэме динамической сюжетности развязки делает естественным переход от высоко пафосных строк к мягким и нежным стихам, становящимся все тверже и решительнее к концу поэмы:

За оградой пеночкам
Нынче благодать,
Вот и все!
Но песня
Не согласна ждать.
Возникает песня
В болтовне ребят,
Подымает песню
На голос отряд.
И выходит песня
С топотом шагов
В мир, открытый настежь
Бешенству ветров.

Песня становится у Багрицкого своеобразным выражением активного начала, знаменем жизни. Песня, рассказывающая о горе, побеждает его. С песней входит в мир молодость. Это внутреннее слияние художника с творчеством, глубокая органичность поэтического мышления, невозможность выразить свое отношение к жизни иначе, чем в стихотворной поэтической форме, — все эти качества всегда делали Багрицкого истинным поэтом, отличным от сотен других людей, пишущих стихи.

Истинный поэт «называется поэтом не потому, что он пишет стихами; но он пишет стихами... потому что он... поэт» (А. Б л о к).

VIII

Поэма «Последняя ночь» — одно из самых значительных произведений Багрицкого. Здесь раскрывается сложная эволюция его сознания. Его поэзия поднимается здесь до высот подлинно философской лирики, выражает необычайную глубину человеческой мысли. В маленькой поэме отразилась целая эпоха, в изображении которой личные раздумья и переживания неразрывны с величайшими событиями в жизни всей страны. Широкий исторический охват сопряжен здесь с личными чувствами поэта. Это произведение дает возможность уяснить становление его мира — мира мыслей и чувств, его прощание с иллюзиями и сомнениями молодости и наступление поры полной возмужалости,

поворот к пониманию действительной связи вещей и явлений. Сквозь изображение глубоко индивидуальных ощущений в поэме проступает огромный исторический фон: от сараевского убийства до наших дней, от ощущений юношеского простора до полной творческой зрелости, о которой поэт говорит:

И слово, с которым мы
Боролись всю жизнь, — оно теперь
Подвластно нашей руке.

Поэт нашел это полновесное слово, предельно выразительное и запоминающееся. В нескольких образах он рисует картины солдатской жизни, любовь к погибшим товарищам, вместе с которыми он прошел суровую школу, выработавшую в нем навык воина. За отдельным образом, за конкретной деталью, выхваченной из огромного запаса впечатлений, пронесенных сквозь годы, раскрываются большие дороги земли, судьбы людей и государств. Слово, которое обрел здесь поэт, оказалось необычайно вместительным, оно конденсирует в себе яркую образительность — широкую панораму мира и передает глубокий внутренний смысл.

Дни былых сражений сменились днями труда.

Старый мир осыпался, как скарилатиновая шелуха, уступив место трудолюбивым дням. Спокойная уверенность и мужественная простота — таков итог пройденного поэтом жизненного пути.

Великие социально-исторические события придали людям его возраста «терпенье и меткость глаз», научили различать своих друзей — таких, как пионерка Валя, и своих врагов — таких, как человек предместья.

Вторая часть стихотворной трилогии — «Человек предместья» — посвящена этому врагу. Это старый противник поэта, но здесь он выступает в своем ином существе. Если раньше образ такого человека казался поэту командиром с'едобных батальонов, то теперь это прежде всего с о щ и а л ь н ы й в р а г. Уже в «ТВС» Багрицкий пришел к сознанию, что этот «матерый желудочный быт земли» нужно травить трактором, взнуздывать лопатой, бить песней. Подмосков-

ный собственник, спокойный ко всему, что выходит за пределы его стяжательских интересов, ко всему, что расположено за частоколом, которым он отгородился от жизни, — этот хозяйчик вызывает у поэта чувство социальной ненависти, страшной и беспощадной.

Вот так бы нацелиться — и с налета
Прихлопнуть рукой, коленом прижать...
До скрежета, до ледяного пота,
Стараться схватить, обломать, сдержать!

Этот кунцевский спекулянт, равнодушно взирающий на пронсящиеся мимо поезда, слишком хорошо знаком поэту по его собственному детству, когда основной мудростью, которой его учили, было — копить и прятать. В борьбе с собственническими инстинктами хозяйчика и кулака поэт находит поддержку у новых героев своих стихов. Люди, подставившие свое лицо всем ливням, «прошедшие с боем леса и воды», — они отзываются на призыв поэта. Они оглашают неподвижное бытие просторной солдатской песней, веселым пиром поседевших воинов.

Время врывается неумолимо в душевную горницу. С ним вровень растет новое поколение людей. Стриженная девочка в красном галстуке, пионерка Валя, дочь этого человека предместья, становится на пути своего отца.

IX

Сейчас, когда живого Багрицкого уже нет среди нас, с острой тоской вспоминается день его похорон, траурные марши оркестров, кавалерия, шедшая за гробом поэта, и последние минуты горестного, тяжелого расставания.

Пять лет прошло с того дня, когда умер Эдуард Георгиевич Багрицкий.

Последние годы он жил в писательском доме, в проезде Художественного театра. В маленькой его комнатке, заставленной аквариумами, каждый день толпился народ. Приходили литкружковцы, начинающие писатели, журналисты, друзья. Эдуард Георгиевич принимал всех, кто хотел притти к нему. Говорил, что занят, а принимал. Здесь проявлялась не только глубокая человече-

ность и нежная забота о людях, но и желание постоянно самому быть в кругу друзей: спорить, мечтать, слушать стихи...

Болезнь не выпускала его из комнаты, но он не хотел и не мог оставаться один.

Он любил народ, любил прислушиваться к чужим голосам, любил движение, жизнь. В его комнату доходили все самые последние новости. Часто Багрицкий знал их раньше, чем его друзья.

Когда вскрыли труп Багрицкого, оказалось, что у него вовсе не было легких: было непонятно, как он дышал. Жизнь Багрицкого оборвалась в тот момент, когда он особенно хотел жить, когда наступал период полной поэтической зрелости, твердого, установившегося мировоззрения.

Он был поэтом по самому своему существу.

Никогда он не следовал за модой, не делал никаких попыток согреть себя лучом легкого, минутного успеха. Он был непревзойденным виртуозом стиха, мог буквально в течение нескольких минут сочинить стихи на любые заданные ему рифмы, но в однотомик, изданный через несколько месяцев после его смерти, он включил лишь ничтожную часть того, что было им написано. Это было самое зрелое, самое совершенное. Такие стихи, в живучести которых он сам был убежден.

Как истинный художник, он неукоснительно соблюдал железную дисциплину искусства.

Созданное Багрицким входит в советскую поэзию, как одно из самых блестящих ее достижений. Глубокая творческая честность Багрицкого, неиссякаемая страстность, огромный, могучий талант сделали Багрицкого поэтом, имя которого навсегда останется в истории русской литературы, стихи которого будут жить всегда.

Все его творчество напоено огромной радостью существования. Все оно — утверждение жизни, неувыдаемой молодости, буйных порывов юного, неостывающего энтузиазма. С годами его страсть приобретает целеустремленность и партийность, становится мужественной и решительной. Та несгибаемая неприми-

римость к врагу, которая в «ТВС» приняла очень осязаемые и конкретные формы, воспитана годами творческой работы, поисков настоящей человеческой правды.

Багрицкий пришел к правде социализма, к правде партии большевиков, Ленина, Сталина. Эта единственная правда вошла в кровь и плоть поэта, стала для него неиссякаемым источником веры, вдохновения и творческой радости.

Он был великим патриотом своей земли, своего народа, своей родины.

Уверенность в себе, в силе и могуществе того поколения борцов за социа-

лизм, в кругу которых он жил, зиждется на глубокой вере в мужественную силу нового молодого поколения, которое придет на смену:

Но если, строчки не дописав,
Бессильно падет рука,
Взгляд остановится, и губа
Отвалится к бороде,
И наши товарищи, поплевав
На руки, стащут нас
В клуб, чтоб мы прокисали там
Средь лампочек и цветов,
Пусть юноша (вузовец иль поэт,
Иль слесарь — мне все равно)
Придет и встанет на караул,
Не вытирая слезы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ.** — Работа актера над собой в творческом процессе переживания. *Дневник ученика*. Гослитиздат, Москва, 1938 г. Стр. 576.
- СЕРИЯ «ТВОРЧЕСКИЕ БЕСЕДЫ МАСТЕРОВ ТЕАТРА».** Издание ВТО. Выпуск 11 бесед **И. М. МОСКВИНА, Л. М. ЛЕОНИДОВА, И. Н. БЕРСЕНЕВА.** 1938 г.

★

1

М. Горький называл воспитание актеров труднейшей работой.

Реалистическое направление в русском театре со времени великого актера-демократа М. Щепкина выдвинуло за три четверти века много крупнейших актеров. Но у них не было глубоко осознанной реалистической школы. Каждый, обращаясь к своему художественному наследнику и ученику, не мог бы, в конце концов, сказать почти ничего больше того, что писал М. Щепкин С. Шумскому:

«Старайся быть в обществе — сколько позволит время, изучай человека в массе, и всегда найдешь предшествующую причину, почему случилось так, а не иначе: эта живая книга заменит тебе все теории, которых, к несчастью, в нашем искусстве до сих пор нет».

Когда-нибудь, и, вероятно, скоро, на основе суждения об опыте будет создана строго научная теория творчества актера. Можно думать, что она раньше всего появится и разовьется в нашей стране, где научное знание берется в основу всех областей деятельности и где десятки тысяч людей стремятся играть на сцене еще правдивее и ярче, еще богаче мыслями и чувствами, еще ближе к жизни — к новой жизни! — чем актеры старшего поколения.

Но научной теории еще нет, и единственное, что заменяет ее на практике, это громадная педагогическая работа с актерами, проделанная в первую очередь К. Станиславским.

А. М. Горький, в связи с 70-летием К. С. Станиславского, в письме к нему писал:

«... есть в деятельности Вашей скрытая где-то за кулисами еще работа, особенно глубоко ценимая мною и восхищающая меня; какой вы чуткий и великий мастер в деле открытия талантов, какой искуснейший ювелир в деле воспитания и обработки их!»

Вы создали солидную армию удивительно талантливых работников сцены, многие из них, идя вашим путем, тоже стали учителями

сценического искусства, воспитали и непрерывно воспитывают новые группы отличных деятелей сцены.

... Работой этой Вы, прекрасный и тонкий артист, доказали еще раз, как богата и неистожима творческая энергия нашей страны.

... Вы, дорогой Константин Сергеевич, удивительно много сделали и еще немало сделаете в своей области для счастья нашего народа, для роста его духовной красоты и силы. Почтительно кланяюсь Вам, красавец-человек, великий артист и могучий работник, воспитатель артистов».

В 1928 году вышла книга К. Станиславского «Моя жизнь в искусстве», — она являлась как бы вступлением к изложению всей «системы» Константина Сергеевича.

В год смерти Станиславского появилась его вторая книга «Работа актера над собой в творческом процессе переживания». Об этой книге мы и будем говорить в настоящей статье. Но надо помнить, что за этим томом должны были последовать: «Работа актера над собой в творческом процессе воплощения» и «Работа над ролью». Кроме того, К. Станиславский готовил сборник рекомендуемых упражнений актера («Тренинг и муштра»).

Делясь планом всего своего литературного труда, автор тем самым предупреждал, что от лежащего перед нами тома нельзя требовать исчерпывающего ответа на все вопросы о «системе». Это, однако, ни в какой мере не снижает исключительного интереса, который вызывает этот том благодаря его огромной познавательной ценности (несмотря на имеющиеся в идеях Станиславского противоречия).

Читатель будет, конечно, все время помнить, что эту книгу написал создатель и учитель (вместе с В. И. Немировичем-Данченко) Московского Художественного театра.

За сорок лет в МХАТ многое менялось, театр пережил разные увлечения, рос и развивался, пробуя себя и в «натуралистических» и в «условных» постановках, погружаясь в быт, переживал сумерки дореволюционных

будней, делал взлеты, воодушевлялся прогрессивными демократическими общечеловеческими идеями, искал героику и иногда находил ее, иногда нет, одно время отдавал дань мучениям душевного разлада и реакционным настроениям Достоевского, а в иных постановках сверкал огромной жизнерадостностью и цельностью мироощущения. Наконец, он глубоко воспринял новую действительность и стремится быть в авангарде социалистического искусства, неся высокоправдивое, реалистическое, народное, партийное искусство.

Этот театр — художественная история значительной части русской интеллигенции за четыре бурных, сложных десятилетия.

И было бы грубейшей ошибкой проводить полную аналогию между всей законченной «системой» К. С. Станиславского и каким-нибудь одним спектаклем, отдельным днем жизни этого театра.

Тем более неправомерно было бы связывать идеи К. С. Станиславского целиком со всеми элементами стиля в игре художественников. Этот стиль — результат не одной воли К. Станиславского. Кроме того, стиль всегда больше отражает быт и мироощущение, сложившиеся годами, если не десятилетиями, а идеи, исходя из того же опыта, держась за него корнями, могут вырываться вперед, опережать настоящее, предвосхищать будущее. Это и произошло, нам думается, с некоторыми идеями К. Станиславского.

К. Станиславский смело и правильно пишет, что то, о чем он говорит в своей книге, «относится не к отдельной эпохе и ее людям, а к органической природе всех людей артистического склада, всех национальностей и всех эпох». Но и сам автор прекрасно понимал, как трудно «сочетать примеры, отдельные выражения, взятые из прошлого (приводимые автором из «жизни театра довоенной эпохи 1907—1914 гг.» — Х. Х.), с бытом и характерами новых советских людей».

Система К. Станиславского зародилась в эпоху империализма, в буржуазно-помещичьей России, она была выражением главным образом демократических, прогрессивных тенденций в жизни русской интеллигенции. Свое завершение «система» получает в эпоху социализма, — несомненно, что жизнь многое качественно изменила и разовьет в этой «системе» и не только в области отдельных «примеров» и «выражений», но даже и в содержании и многих элементов «системы». Новая действительность, новое искусство внесут свои дополнения.

Только как система творческая, действительная, развивающаяся, как понимал ее сам автор, — она относится к людям артистического склада всех национальностей и эпох.

К. Станиславский знал назойливую склонность некоторых околотеатральных людей поспешно укладывать живое искусство театра в предвзятую схему. Он ненавидел такой разговор об искусстве, который «возбуждает только мозг и оставляет холодным сердце». И поэтому свою книгу написал в своеобразной, очень живой педагогической форме.

Это дневник ученика. Молодой актер получает воспитание у вымышленного режиссера Торцова, в котором мы узнаем прообраз автора. Ученик последовательно описывает все свои переживания, заносит в дневник свои раздумья и мысли учителя.

К. Станиславский проводит читателя за руку по извилистым путям воспитания типичной актерской индивидуальности. Глубоко заглядывает ученику в душу. Все идеи воплощены в характеры, поступки, образы. Когда тесен личный опыт одного ученика, автор привлекает в свидетели его товарищей по урокам.

Для иллюстрации мыслей К. Станиславского в этой статье взяты и дополнительные примеры из серии брошюр: «Творческие беседы мастеров театра с молодежью» (издание Всесоюз. театрального общества, 1938 г.).

«Беседы» вначале не имели литературной формы. Это стенограммы встреч, организованных ВТО. В них многое импровизационно. Законченности требовать от них нельзя. В печатном виде они к тому же потеряли долю той особенной живости, какую приобретает мысль, высказанная в непосредственном общении, со всеми интонациями речи, с мимикой и жестами, — в эмоциональной атмосфере беседы.

Но и в печатном, невольном «осушенном» виде они представляют для людей, интересующихся искусством, большой интерес, — таково богатство освещенного в беседах личного опыта.

2

Кто из «любителей», выступавших на сцене, не узнает себя, кто из мастеров-артистов театра не вспомнит свои первые шаги, читая в книге К. Станиславского описание самочувствия актера-новичка!

Страшная черточка зрительного зала, тяга в публику. Тысячи глаз словно насквозь пронизывают свою жертву. Новичок чувствует себя рабом этой тысячной толпы и делается подобострастным, беспринципным, готовым на всякий компромисс. Но внутри у него, как никогда, пусто. От чрезмерного старания выжать из себя чувство, от бессилия выполнить невозможное во всем теле появляется напряжение, доходящее до судорог, которые сковывают лицо, руки, все тело, парализуют движения, походку. Все силы уходят на это бессмысленное, бесплодное напряжение.

Как часто талантливый юноша или девушка, очутившись в таком положении, думают в отчаянии: я бездарен! я бездарна! И либо бросают попытки и потом, может быть, всю жизнь мучаются неутоленным желанием и горьким разочарованием в своих силах... Либо, как утопающий за соломинку, хватаются за актерские штампы и, кое-как барахтаясь, «плывут» на сцене, обманывая зрителя и себя.

Молодым людям, выбирающим профессию, книга К. Станиславского показывает с поразительной ясностью два пути в театре: один — к серьезному искусству, другой — ведущий к душевным вывихам, к самообману и кривлянию. Сотни тысяч начинающих актеров и участников

самодетельных спектаклей в нашей стране впервые получают книгу — заботливого друга, который начинает с того, что пронизательно, просто и понятно говорит им прямо в глаза необходимую резкую правду. А насколько это нужно в самом начале актерской жизни, — помнит по себе каждый артист!

И. М. Москвин откровенно признается:

«По части ложного пафоса в молодости был грешен и я. Помню случай. Моим преподавателем был Федотов, сын знаменитой актрисы. Я показывал ему сцену из «Русалки» Пушкина — «Все вы, девки молодые, все глупы вы». Прозвнес этот монолог страшно фальшиво — по-оперному, на ложном пафосе. Федотов разрешил мне безобразничать в течение пяти минут, а потом сказал: «Я вам сейчас покажу, как Москвин играет...». И скопировал меня перед всеми присутствующими. Да так, что все стали хохотать. Я был очень застенчив, и на меня это произвело большое впечатление, мне было страшно стыдно. Но я не растерялся. Я сказал самому себе: «Нет, так я больше говорить не буду».

Чем же И. М. Москвин уже в начале учебы резко отмежевался от диетантизма? Прежде всего — решительным стремлением к правде. Честностью. Тем, что Москвин твердо сказал себе: нет, я лгать не буду. И сумел свое решение выполнить. Нельзя преуменьшать значение для артиста этического отношения к своему делу. И здесь этика гораздо больше, чем только этика! Она тесно связана с и идейной направленностью и с эстетикой. Лгать в искусстве это действительно значит во всех отношениях «безобразничать».

Прежний театр очень мало воспитывал в актере чувство правды, вернее, театр даже прививал сплошь и рядом обратное, потворствовал всем отвратительным качествам большой и опустошенной богемы. Но мы не знаем ни одного великого артиста, который не стремился бы прежде всего к истине, не служил бы правде.

Нельзя ни на минуту отнять правдоискательство у Щепкина, Ермоловой, Комиссаржевской, Стrepстовой, Давыдова, М. Блюменталя-Тамариной и многих, многих других, чей славный список и составляет действительную историю русского театра!

Страстное правдолюбие и воспитание характера, поднимавшееся к учению жизни, нельзя отнять у русского театра так же, как у русской литературы.

Чтобы участвовать в создании прогрессивного театра, актеру самому надо любить и искать жизненную правду, — сейчас это стало триумфом. Но раньше таких актеров были единицы. Искание жизненной правды, как основной закон творчества, впервые ввел в сознание всей массы своих актеров, учеников и последователей МХАТ'a.

Во имя жизненной правды книга «Работа актера над собой» в творческом процессе переживания призывает актера к сознательному целенаправленному труду.

Это поэма мастера-художника о труде, гимн труду. Здесь снова наносится решительный удар богеме и утверждается необходимое осно-

вание не только реалистического, но и социалистического театра.

К. Станиславский обещает, что воспитание по «системе» сделает из актера удивительно тонкий и богатый «внутренней техникой» инструмент для художественного творчества.

Автор системы непоколебимо оптимистически как истинный гуманист и великий прогрессивный деятель верит в силы человека.

Но где гарантии, что система К. Станиславского даст актеру то, что обещает? Перед нами доказательство — чудесный, лучший в мире Московский Художественный театр. Перед нами книга, и каждая мысль в ней обоснована чрезвычайно убедительно примерами, опытом, практикой... Но в этом заключается самое сложное, о чем не утихают споры.

Может ли МХАТ быть образцом для создания синтезирующего, активного, действительно искусства, которое необходимо новой эпохе? Не слишком ли он созерцателен? Нет ли в этом известной пассивности? Ведь и для МХАТ и для «системы» было далеко не случайно, что они тяготели больше всего к психологическому реализму, аналитическому, погружающему зрителя в созерцание сложной душевной жизни человека, с ее настроениями, подтекстами, переплетающимися полужанрами ходами. Но то, что было характерно в прошлом для исторически обусловленных настроений русской интеллигенции, выражает ли ее настоящее? Это ли нужно для искусства социалистической эпохи?

Вопрос осложняется тем, что книга К. Станиславского («Работа актера над собой» в большей степени, чем «Моя жизнь в искусстве») написана языком, заставляющим чувствовать влияние на автора если не всегда первоисточников идеалистической философии, то ее отражений в житейских разговорах об искусстве. Так, читатель натолкнется в книге на непривычное для нашего уха определение «жизнь человеческого духа». Трудно сразу освоиться и с тем особым значением, какое автор придает термину «подсознание».

Основываясь на этом, вульгаризаторы, вероятно, попытаются наклеить на всю «систему» ярлычки «идеализма» и «реакционности».

Надо разобраться в противоречиях и МХАТ, и «системы». Прежде всего нет никаких оснований ограничивать в прошлом увлечения и достижения МХАТ только «аналитическими» и «созерцательными» намерениями и результатами. Не говоря уже о постановке «На дне» М. Горького, было и в прошлом много спектаклей в этом театре, сознательно и активно отзывавшихся на действительность и имевших чрезвычайно большое прогрессивное общественное звучание. И тем более нет оснований подводить какую-либо итоговую черту новым, сегодняшним стремлениям МХАТ, когда они становятся все более современными, партийными!

И никак нельзя суживать значение системы К. Станиславского, относя ее только к практике МХАТ. Творческая плодотворная сила многих, лучших идей Константина Сергеевича использована еще не в полной мере.

Что касается терминологии в книге, то часто она просто старомодна и не соответствует действительному смыслу того, о чем, говорит автор. Сам К. Станиславский неоднократно предупреждал, что она никак не претендует на научность. «Не пытайтесь искать в ней научных корней, — пишет он. — У нас свой театральный лексикон, свой актерский жаргон»... «Не наша вина, что область сценического творчества в пренебрежении у науки, что она осталась неисследованной и что нам не дали необходимых слов для практического дела. Пришлось выходить из положения своими, так сказать, домашними средствами». Надо отличать неточные выражения этого жаргона от действительных ошибок К. Станиславского.

3

Что лежит в основе всей системы? Каково ее существо?

К. Станиславский раскладывает на составные элементы «жизнь человеческого духа» актера и поведение актера для того, чтобы затем естественно, правильно воспроизвести на сцене жизнь и поведение героя пьесы.

Станиславский призывает совершенствовать природу актера и его искусство с единственной целью: чтобы как можно более правдиво и действительно отразить в искусстве природу же: человеческую, общественную действительность.

Что же подразумевает К. Станиславский под «жизнью человеческого духа»? Высшую нервную деятельность человека, высшую форму развития этой деятельности.

Он неоднократно подчеркивает, что «духовную» деятельность никоим образом нельзя отрывать от «физического» поведения человека.

Книга в целом отнюдь не дает основания предполагать, что К. Станиславский представлял себе «душу» особой «духовной субстанцией», как это утверждают идеалисты. Напротив, конкретное содержание приемов и примеров, приводимых в книге, вошло бы в непримиримое противоречие с догмой идеализма.

Автор рассматривает познание актером самого себя и своего творчества как отражение в сознании многообразных проявлений природы и как противоречивый диалектический процесс.

К системе К. Станиславского применимы слова Ленина: «Отражение природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», не без движения, не без противоречий, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их» (Ленинский сборник IX, стр. 227) и «Познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формулирования, образования психических понятий, законов etc...» (Там же, стр. 203).

Почему же и какому «подсознанию» автор системы придает в творчестве очень большое значение?.. Тут дело в итоге оказывается совсем простым и ясным.

То, что К. Станиславский называет «подсознательным» творчеством, можно было также

назвать творчеством «цельным», «вдохновенным», «органическим», «естественным», когда все существо актера целиком захвачено действием, игрой, когда в минуту исполнения нет явного преобладания логического расчета или непосредственного чувства над другими сторонами и силами действующего актера. Иными словами, — когда в творческом акте сознательно слитно объединены все природные силы человека.

Это не имеет, как видим, ничего общего с чем-то темным, раз навсегда непознаваемым, неподдающимся ни контролю, ни воспитанию.

Напротив, вся система К. Станиславского строится на том, чтобы последовательно, сознательно, разумно подготовить и привести актера к естественному могучему состоянию, когда творческий акт достигает огромной силы, свежести, яркости, потрясает своей ясной жизненной правдой, богатством содержания и цельностью.

Не от какого-то бесконтрольного «подсознания» к творчеству, а «через сознательную психотехнику артиста — подсознательное творчество органической природы!» — так в несколько тяжелых фразе формулирует по-своему К. Станиславский путь к этому состоянию, путь, по которому он ведет ученика через необычайно важные, необходимые сознательные задачи.

В основе этих задач лежит поразительно конкретное изучение и забота о совершенствовании природы человека-актера. Из нее и только из нее осторожно и внимательно, как ученый и воспитатель, выводит автор приемы, необходимые для актерского творчества.

И все же достаточно перечитать первую книгу К. Станиславского «Моя жизнь в искусстве», чтобы понять, что в его фразеологии, в «жаргоне» не могли не сказаться остатки противоречий в его мировоззрении, — сложные противоречия, последовательно преодолеваемые реалистическим изучением природы. Но какой-нибудь вульгаризатор, а тем более противник материализма, или просто шарлатан легко может эту слабую сторону книги использовать в своих целях.

Вот еще пример. Неужда может истолковать по-своему выражения Константина Сергеевича «лучеиспускание» и «лучевосприятие» в главе о сценичном общении актеров между собой.

Но сам Станиславский повторяет, что это только слова, порожденные ощущением, и не больше. Они ждут замены. Только тогда, когда все явления психики будут изучены современной наукой, будут для них найдены верные, точные слова! Несомненно, что многие явления окажутся гораздо более простыми.

4

В чем же создатель «театра переживаний» видит настоящее искусство?

Книга К. Станиславского кладет конец вреднейшей легенде о пассивном «переживальчестве», как основе его учения. Он начинает изложение своей системы с утверждения, что

«На сцене нужно действовать. Действие, активность — вот на чем зиждется драматическое искусство актера».

Но как действовать? Какое место занимают все-таки в действии «переживания»? К. Станиславский отвечает:

— Бессмысленная беготня не нужна на сцене. Там нельзя ни бегать ради бегания, ни страдать ради страдания. На подмостках не надо действовать «вообще», ради с.мого действия, а надо действовать обоснованно, целесообразно и продуктивно. Нельзя выжимать из себя чувства, нельзя ревновать, любить, страдать ради самой ревности, любви, страдания. Нельзя насиловать чувства, так как это кончается самым отвратительным актерским наигрыванием. Поэтому при выборе действия оставьте чувство в покое. Оно явится само собой от чего-то предыдущего, что вызвало ревность, любовь, страдание. Артист должен подлинно, по-человечески действовать. Нельзя играть страсти и образы, а надо действовать под влиянием страстей и в образе.

Что же для актера значит—подлинно, по-человечески действовать?

Может ли, скажем, актер «перевоплощаться» в образ того, кого он играет? До какой степени, до каких пределов Иван Михайлович Москвин становится на сцене то царем Федором, то Фомой Опискиным, то странником Лукой, то купцом Хлыновым и т. д.? И кем он чувствует себя на сцене—Иваном Михайловичем, или Фомой, Федором, Лукой?

К. Станиславский последовательно с разных сторон освещает этот вопрос. В итоге он определяет диалектическое единство противоречий творчества актера в новой формуле: «я есмь». Эта формула означает такое сценическое самочувствие и поведение актера, когда в актере или, верней, в его творческом акте выражаются, как сказали бы мы, «в снятом виде» и Фома, и Иван Михайлович.

Создается новый образ, художественно воссозданный характер, одновременно сложный и единый, индивидуальный и типичный, «частный» и обобщенный, — познанный и оцененный актером.

К этому ведет актера весь его творческий путь. В этом творческом акте прекрасное своеобразие актерского искусства. Но как к этому подступить?

Великое просто. Для начала К. Станиславский предлагает ученику чаще повторять себе «вещное слово» «если бы».

Я не царь Федор. Но если бы я им был... Если бы действие происходило в такую-то эпоху, в таком-то государстве, в таком-то месте или в доме; если бы там жили такие-то люди, с таким-то складом души, с такими-то мыслями и чувствами; если бы они сталкивались между собой при таких-то обстоятельствах и т. д. Учитель на многочисленных опытах показывает ученику, как это «если бы» замечательно тем, что с него начинается сценическое творчество. Через «если бы» естественно, органически, сами собой создаются внутренние и внешние действия.

«Если бы»... это слово ставит вопрос на разрешение. На него актер и старается активно ответить действием.

«О том, как этот процесс разбивается, — пишет К. Станиславский, — пусть за меня вам скажет Александр Сергеевич Пушкин! В своей заметке «О народной драме и о «Марфе Посаднице» М. П. Погодина» Александр Сергеевич говорит:

«Истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах — вот чего требует наш ум от драматического писателя».

Характерно, что К. Станиславский не пользуется неверным, вульгарным словечком «перевоплощение».

Нельзя, однако, забывать, что особенность актерского творчества заключается не только в том, что образы у актера носят по преимуществу конкретно-чувственный характер (в отличие от чисто научного познания), но и в том, что эти образы актер передает, пользуясь, как материялом, своей собственной человеческой природой.

Но откуда актер черпает краски для создания образов?

На вопрос, может ли актер играть роли, противоположные его индивидуальности, И. М. Москвин в беседе ответил:

«Я лично считаю, что актер может играть всякие роли и даже как будто бы противоположные его индивидуальности, и ему не приходится при этом наигрывать, врать, так как природа наделила человека всеми разнообразными и противоположными чувствами. В нем есть и доброе, и злое, но у разных людей эти свойства выявлены в различной степени — у одного больше, у другого меньше. И потому каждый новый человек, с которым мы сталкиваемся, каждое новое положение, в которое мы попадаем, вызывают в нас самые разнообразные отклики, потому что в каждом из нас заключена вся гамма человеческих чувств».

Тут надо уточнить. И. М. Москвин отнюдь не думает и не хочет сказать, что актеру надо выводить создаваемые им образы только из самого себя, из своей наследственности и своих интимно-личных переживаний!

Нет, конечно, ибо никогда одних природных задатков актеру нехватит!

Здесь актеру приходит на помощь способность познавать, т. е. отражать в своем сознании в образах и уметь показывать в своей игре различные противоположные человеческие характеры, не навязывая им свою индивидуальность, но и не теряя ее.

Конечно, И. М. Москвин творит и думает только так! Не любую возможность всяких чувств он сам несет в себе, а способность понять, показать и оценить всякое чувство!

Там же Иван Михайлович говорит:

«И удивительно, как он все знал и обо всем мог писать! Ведь вот писал же он про лошадей, и так писал, что лошадь сама о себе так не напишет. А описание родов? Для него не было тайн. Мне кажется, он слышал, как

травы растут и как земля дышит». (О Льве Толстом).

И далее: «Если актер—человек наблюдательный, он всегда может вспомнить людей, охваченных теми или другими чувствами, и подумать: «Да, родина этого чувства сидит вот в таком-то человеке». При многочисленных встречах с людьми многих из них берешь на прищел, иногда совершенно бессознательно. Начинаешь думать: «Откуда это у тебя?», а потом вспоминаешь: «Ах, вот откуда! Это было десять лет тому назад, когда я это подглядел. Я видел, слышал, ощущал этот образ, запомнил его и вот теперь воспроизвожу». И, играя, всегда находишь в себе миллионы красок».

Золотые слова! Откуда же берутся эти миллионы красок? Это те краски, которые И. М. Москвин видел, слышал, ощущал в жизни вокруг себя, в других людях.

Вернемся к книге К. С. Станиславского. В главе «Эмоциональная память» Торцов впадает в противоречия в связи с только что затронутым нами вопросом.

Он говорит: «Артист может переживать только свои собственные эмоции. Или вы хотите, чтоб актер брал откуда-то все новые и новые чужие чувствования и самую душу для каждой исполняемой им роли?...» «Можно взять на подержание платье, часы, но нельзя взять у другого человека или у роли чувства».

Разговор о «душе» в таком контексте, как и примеры того, что можно и чего нельзя брать «напрокат», не разъясняют, а запутывают читателя. Здесь К. Станиславский как бы забывает на минуту о способности человека (особенно актера) воспринимать, отражать окружающее.

Нельзя утверждать так, как это делает К. Станиславский в этом месте книги, что «искусство и душевная техника актера должны быть направлены на то, чтобы уметь естественным путем находить в себе зерна природных человеческих качеств и пороков (II — X.), а затем выращивать и развивать их для той или другой исполняемой роли» (в той же главе).

Также нельзя способность актера играть разные по характеру роли объяснять по аналогии с музыкой, как это мимоходом тут же делает Станиславский: если, мол, даже из семи нот можно получить множество комбинаций, стало быть, из основных «душевных элементов» можно извлечь еще больше. Как будто сами по себе «душевные элементы» неизменны, — как звуки условно принятой темперированной гаммы, а не являются производным и бесконечно развивающимся комплексом отражений изменяющегося мира, движущегося в нас и с нами!

И, конечно, сейчас же в той же главе К. Станиславский энергично себя опровергает! Последовательный реалист неизменно берет в нем верх:

«Где искать необходимый творческий материал? Как вам известно, таковыми в первую очередь являются наши собственные впечатле-

ния, чувствования, переживания. Их мы почерпаем как из действительности, так и из воображаемой жизни, из воспоминаний, из книг, из искусства, из науки и знаний, из путешествий, из музеев и, главным образом — из общения с людьми». (Подчеркнуто мною. — X.).

И дальше он рассказывает, что, когда Чехов написал «Чайку», проникнутую влиянием новой эпохи, прежний опыт актеров оказался недостаточным, потребовалось выныкнуть глубже в жизнь общества, в котором нарождались веяния более сложные и тонкие.

И вслед за тем К. Станиславский пишет: «Чем дальше развивалась и усложнялась жизнь отдельных лиц и всего человечества, тем глубже должен был выныкать артист в сложные явления этой жизни. Для этого пришлось расширять жизненный кругозор. Он увеличивается еще больше, до беспредельности, во времена мировых событий».

Однако мало расширить круг внимания, включив в него самые разнообразные области жизни, мало наблюдать, — нужно еще понимать смысл наблюдаемых явлений, надо поработать в себе воспринятые чувствования, запечатлевшиеся в эмоциональной памяти, надо проникать в истинный смысл совершающегося вокруг нас. Чтобы создать искусство и изображать на сцене «жизнь человеческого духа», необходимо не только изучать эту жизнь, но и непосредственно соприкоснуться с ней во всех ее проявлениях, когда, где и как только возможно». Артист «не вникающий в сложные причины их (непосредственно окружающих его явлений. — X. X.) и не видящий за ними грандиозных событий жизни, проникнутых величайшим драматизмом, величайшей героикой, такой артист умирает для истинного творчества».

Вот откуда миллионы красок! Вот откуда возможность познать и показать в образах множество различных человеческих характеров, как умел Шекспир, как умел Горький.

В жизнь! В русло горячей общественной народной жизни, на ее высоты, раствориться в ней, все взять от нее, чтобы вернуть ей сторицей через реалистическое искусство, — к этому, по существу, зовет еще много раз К. Станиславский со страниц своей книги.

5

Умеют ли актеры (кроме выдающихся мастеров) действовать на сцене?

И. Берснев в своей беседе говорит:

«Основная ошибка актерского исполнения заключается в том, что актер играет результат, — не стремление к достижению чего-то, а чувства, возникшие в результате этого стремления. Это очень распространенная актерская болезнь».

При такой игре актер обычно показывает, что герою «вообще» грустно, «вообще» весело, что на сцене «вообще» трагично или радостно. Но это «вообще» ничего не стоит, не выражает мысли и чувств пьесы, оно не пережито, оно не понято, оно пусто, оно все начи-

нает и ничего не кончает, оно поверхностно и легкомысленно, оно — болтовня. Оно уничтожает искусство.

К. Станиславский пишет:

«Почему я так жесток к «вообще»? Вот почему. Много ли спектаклей во всем мире играется по линии внутренней сущности, как того требует подлинное искусство? Десятки. Много ли спектаклей играется ежедневно во всем мире не по существу, а по принципу «вообще»? Десятки тысяч. Поэтому не удивляйтесь, если я скажу, что ежедневно во всем мире сотни актеров внутренне вывихиваются, систематически вырабатывая в себе «неправильные, вредные сценические навыки...» «Как видите, нам предстоит бороться со всем миром, с условиями публичного выступления, с методами подготовки актера и в частности с установившимися ложными понятиями о сценическом действии».

К. Станиславский подчеркивает, что в процессе превращения вымысла пьесы в сценическую быль громадную роль играет воображение.

Не насилуйте, а увлекайте его!.. И нельзя мечтать без руля и без ветрил — куда толкнет случай!.. Мечтать без определенной и твердо поставленной темы бесплодно!.. Мечтанья должны быть действительны, активны!.. Нужна непрерывная линия предполагаемых обстоятельств!.. Работа воображения подготавливается и направляется сознательной, умственной деятельностью!.. «Каждое движение на сцене, каждое слово должно быть результатом верной жизни воображения!.. Наиргыш «правды» ради самой правды — это худшая из всех неправд!.. Что же касается чрезмерной боязни лжи, то она создает неестественную осторожность, тоже одну из самых больших сценических «неправд»!.. Правда нужна в театре постольку, поскольку ей можно искренне верить, поскольку она помогает уверенно выполнять творческие задачи!.. Нужен ясный план и линия внутреннего действия!.. Надо хорошо знать природу, логику и последовательность чувствований!.. Работа артиста протекает не в действительной, «всамделишной», а в воображаемой, не существующей, но могущей существовать жизни, она-то и является для артистов на сцене подлинной действительностью.

Несмотря на ряд противоречий в книге, каждый читатель, следя за ходом этих и других мыслей К. Станиславского, подкрепленных множеством конкретных примеров, пройдет вместе с учениками мастера удивительный путь «маленьких» и больших открытий.

Читать эту книгу — творческая радость. То, что открываешь с ее помощью, — обогащает жизненный опыт и учит искусству, любому искусству, не только театру, но и литературе, музыке, живописи. Книга учит творчеству. Это книга о воспитании характера артиста.

В свете этой книги по-новому раскрывается смысл режиссерских исканий К. Станиславского — от колокольчиков и пенья птиц за сценой (казавшиеся «натуралистическими» детали) до его работы над созданием реалистического стиля игры актера в опере!.. Это искание поэ-

тического жизненного образа спектакля, — такого, как пушкинский стих, как проза Чехова, Горького.

«Сценическая правда должна быть... очищенной от лишних житейских подробностей. Она должна быть по-реальному правдива, но опозитивирована творческим вымыслом. Пусть правда на сцене будет реалистична, но пусть она будет художественна и пусть она возвышает нас».

В основе этого должна лежать большая идея, — глубокая, серьезная и страстная мысль.

Актеру нужна «сверхзадача», т.е. генеральная философская идея образа, идущая от замысла драматурга. Эта идея, эта мысль должна возбуждать все эмоции, быть волевой, пробуждать воображение, удовлетворять чувство правды и возбуждать на активное действие, на борьбу.

К. Станиславский рассказывает об одной знаменитой актрисе, которая досконально изучила и усвоила всю его систему, но забыла о «сквозном действии», о «сверхзадаче», и у нее пропал успех, казалось бы, иссяк талант, так как исчезли вдохновение, непосредственность, эмоциональная яркость, сверкание, заражающая зрителя радость творчества.

Но когда он напомнил актрисе о «сквозном действии» и «сверхзадаче», актриса вернула себе всю прежнюю силу и приобрела новую.

Без такой задачи искусство мертво. Это как в сказке о живой и мертвой воде. Все кусочки могут быть сложены вместе, а герой не оживает. К. Станиславский это прекрасно понимает и призывает актеров к волевому театру больших интеллектуальных идей, крупных страстей и борьбы.

Поясним из бесед мастеров.

И. М. Москвин рассказывает:

— Я помню, как было у меня с Фомой Опискиным в пьесе: «Село Степанчиково» по повести Достоевского. Я в этой роли внул себя такую мысль: «Хочу быть королем. Хочу быть первым, хочу, чтобы королевское кресло было у меня. Буду делать все безобразия, только бы быть первым». И у меня получился жуткий образ: Фома никого и ничего не признает и идет по своей линии. Его выгнали вон, он вылетел с балкона, попал в овраг, он унижен. А через три секунды, как ни в чем не бывало, он опять хочет быть королем, опять карабкается на трон.

— С кем бы я ни встречался, я всегда думал о том, что я должен быть выше его и ни за что не снижаться. Я думал о том, на чем я должен ловить каждого, кто говорит со мной, чтобы показать, «насколько ты низок» и «насколько я велик», я всегда стремился когнибудь оскорбить и показать этим, что я всемогущий человек. Фома Опискин — человек, который закусил удила и несется без удержу. Такое зерно породило сквозное действие и очень помогло сформироваться всей роли.

И. Берсенева рассказывает:

— Я играл роль Бориса Годунова. Надо было показать скрытую громадную силу Бори-

са, которая потом разворачивается, донести до зрителя его большой ум, хитрость, алчность, сдержанность, самообладание, его татарскую кровь, заставить зрителя поверить в Бориса, как в будущего царя. Этот человек, обладая огромной силой, огненным темпераментом, все время сдерживает себя, владеет собой. Зритель должен чувствовать, что, если Борис взорвется, это будет страшно. Я искал жизненных ассоциаций. Борис стал ясен мне как хищник, который мягко, нежно и вкрадчиво ведет себя, но в минуту ярости может сделать прыжок, вцепиться в горло и уничтожить жертву.

— Смерть царя. Борис издали следит за тем, как умирает Грозный, и по окончании агонии осторожно подходит к нему. В этом подходе я суммировал весь образ Бориса. Приложив ухо к сердцу Грозного и обнаружив, что тот мертв, Борис бросается к окну, широким жестом распахивает его и кричит: «Москва-а-а...». Я поставил себе задачу дать в этом последнем «а» — не одно «а», а восемь «а»... В этом крике Годунов, наконец, прорвался.

А как быть, когда в роли нет такой активности? Когда герой кажется пассивным, мягким, безвольным?

И. Москвин рассказывает:

— Например, в пьесе «Царь Федор Иоаннович» А. К. Толстого у Федора зерно роли — его необычайная сверхестественная доброта. Но как ее играть? Как ее найти и выразить? У Федора есть такая фраза: «Моей виной случилось все, а я хотел добра, Арина; я хотел всех согласить, все сгладить». И для Федора это будет совершенно правильное сквозное действие. Это значит, что у меня — Федора — в пьесе будет миллион дел. Получится действенная роль. В какие бы обстоятельства меня эта роль ни поставила, — все время буду думать о том, чтобы «все сгладить и всех согласить». Я буду думать о моей главной задаче, — чтобы все было мирно и спокойно, чтобы все было тихо. И вот это «сглаживание» и «соглашение» людей и обстоятельств несогласимых приводит Федора к трагедии.

Л. Леонидов говорит:

— Я всегда иду сквозное действие через мысль, постепенно, долго копясь и не останавливаясь на полпути. У большинства актеров, к сожалению, нет чувства хотения действий, а есть только чувство хотения скорее войти на сцену. Мысль необходима всегда. Мысль вызывает чувство. Чувство вызывает выражение этого чувства — слова, через которые актер передает зрителю свои мысли и чувства. Выражение: «Я сегодня играю Гамлета» мне ничего не говорит, но если сказать: «Я сегодня на сцене действую в роли Гамлета», то это может мне подойти к самой сущности того, что у нас в театре называется сквозным действием... Для того, чтобы воздействовать, надо действовать.

— Работая над ролью Мити Карамазова, я переживал такое состояние: с одной стороны, — Достоевский, писатель очень возбуждающий, благодаря которому делаешься в конце-концов одержимым ролью: бежишь от образа, а он преследует тебя: с другой стороны — размыш-

ления над тем, что является сущностью этого образа, поиски того, без чего не может быть Дмитрия Карамазова. Наконец, я нашел то, что было нужно. В пьесе есть сцена со следователем, Дмитрия Карамазова, кутящего с Грушенькой, накрывают в Мокром. Следовательно, обращаясь к нему, говорит: «Отставной поручик Карамазов, вы обвиняетесь в убийстве отца вашего, произошедшем в эту ночь». На что Дмитрий Карамазов отвечает: «Не повинен, в этой крови не повинен, в крови отца моего не повинен. Хотел убить, но не виновен». Без этих слов нет Дмитрия Карамазова. И когда я нашел возбудитель этой роли, когда я нашел эту мысль, без которой не может существовать образ, я как-то сразу ощутил его место в пьесе.

Система плодотворна потому, что во главу искусства ставит сознательное страстное целеустремление человека.

Целеустремление человека определяет все его поступки и чувствования. Характер начинается существовать тогда, когда ясно, к чему человек стремится, каково содержание и качество его волевой идеи, его мечты и каковы у него индивидуальные средства выражения и осуществления (при всех драматических и трагических противоречиях) этой мечты. Это — единственно правильный путь к созданию глубоких, величественных, цельных образов.

Только таким путем можно прийти к театру, о котором мы мечтаем вместе с Л. Леонидовым. Свою беседу он начал так:

«Без потрясений, без волнений, без смеха, без слез, без страданий у зрителя — театра вообще не существует. Только тот театр, который потрясает, который оставляет настолько сильное впечатление, что тебя что-то заставляет второй раз итти смотреть пьесу или актера, — только такой театр я признаю, чувствую и понимаю».

Л. Леонидов вспоминает стихотворения Аполлона Григорьева о Мочалове.

«... — театра зала
То замирала, то стонала,
И незнакомый мне сосед
Сжимал мне судорожно руку,
И сам я жал ему в ответ,
В душе испытывая муку,
Которой и названья нет.
Толпа, как зверь голодный, выла,
То проклинала, то любила.
Всесильно властвовал над ней
Могучий, грозный кародей».

Сущность гения Мочалова была в необычайной заразительности, в необычайной фантазии, в необычайной вере в то, что он делал.

Выросла «толпа». Выросло искусство. Несоединимые, как многим в прошлом казалось, качества Мочалова и Щепкина приходят к синтезу через критическое освоение сознательной «психической» техники К. Станиславского. Используя и развивая реалистические основы его «системы» и показывая страстно направленные, сложные, могучие характеры лучших классических пьес и новые такие же и еще более цель-

ные и сильные характеры нашего времени, наше искусство будет вместе с тем искать и ярких форм выражения.

Книга Константина Сергеевича, гениального садовника русского театра, несмотря на ее

противоречия, — щедрый посев. Ее плоды соберет не одно поколение, и не только русский, но и мировой театр.

Х. Херсонский

★

ИЛЬЯ ГРУЗДЕВ. ГОРЬКИЙ И ЕГО ВРЕМЯ.

Т. I, Гослитиздат. Л. 1938 г. Стр. 510. Тираж 10.000 экз. Ц. 6 р. 50 к.

★

Поистине грандиозную задачу поставил себе автор работы, первый том которой лежит перед нами. Горький и его время! И какое время! Время трех революций, в которых Горький принимал деятельное участие! Время великого строительства социализма, на которое Горький отдал много своих сил! Горький не стоял в стороне безучастным свидетелем тех мировых по своему значению событий, пережить которые ему довелось.

Однажды он писал о себе: «Лично я — никогда не чувствовал и не чувствую себя «исключительно литератором», всю жизнь занимаясь в той или иной области — общественной деятельностью и до сего дня не утратил тяготения к ней» (М. Горький. О литературе. Л. 1933 г., стр. 213).

Жизнь Горького была исключительно богата событиями. Жизненный путь его — путь от бездомного скитальца по необъятным просторам его родины до великого пролетарского писателя, пользующегося мировой известностью, — увлекательная тема для биографа. Но в то же время — тема громадной трудности.

Жизнь и деятельность Горького настолько тесно связаны с «его временем», что биограф великого писателя должен, не ограничиваясь изучением соответствующих биографических материалов, в деталях звать историю тех десятилетий, на которые падают жизнь и деятельность Горького.

Первый том работы И. Груздева охватывает первую четверть века жизни Горького. Рассказ о жизни великого пролетарского писателя доведен в этом томе до 1892 г., т. е. до того важного момента в жизни Горького, когда на страницах кавказской газеты появилось его первое литературное произведение. Таким образом читатель первого тома работы И. Груздева имеет общение не с Горьким-писателем, пользующимся мировой известностью, а с Горьким — «парнем странной биографии» (по его собственному выражению), никому неизвестному, кроме тех людей, с которыми ему приходилось непосредственно соприкасаться на своем извилистом жизненном пути. Не о литературном творчестве Горького приходится говорить в этой книге ее автору, а лишь о том, как выработывался из молодого Горького будущий писатель.

Детство Горького, его жизнь в Нижнем-Новгороде в семье деда Каширина, пребывание в начальном училище, служба «мальчиком» у обувного торговца, у чертежника, на пароходе, в иконописной мастерской, переезд в Казань,

работа в крендельной мастерской Семенова а затем в булочной, открытой интеллигентом Деренковым и являвшейся не только булочной, но и центром, вокруг которого группировалась казанская радикальная молодежь того времени, и, наконец, неудавшееся покушение Горького на самоубийство — обо всем этом рассказывает в первой части рецензируемой книги И. Груздев. Однако содержание этой части не ограничивается только-что перечисленным. Автор книги не довольствуется изложением лишь биографии своего героя. Не меньше внимания уделяет он и «его времени». И. Груздев подробно рассказывает о разложении в 60-х и 70-х годах прошлого века русской ремесленной промышленности и в частности ремесленного красивого производства, которым занимался дед Горького Каширин. Все это нужно автору рецензируемой книги для того, чтобы показать, как зажиточная ранее семья Кашириных постепенно разорялась и на глазах у Горького пошла почти до нищеты.

Рассказывает Груздев и о пережитом русской промышленностью в конце 70-х и в начале 80-х годов затишье кризисе, вызвавшем огромный рост безработицы и небывалое до тех пор развитие «босячества». Типичного представителя этого босячества Горький встретил в лице своего двоюродного брата Александра Каширина, разорением семьи доведенного до полного морального разложения и опустившегося «на дно».

Немало говорит Груздев и о жизни тогдашнего мешанства, проводившего все свое существование «в тумане отупляющей тоски», — о той жизни, о которой Горький впоследствии писал: «Горшки, самовары, курицы, блины, обеды, именины, похороны, сытость до ушей и выпивка до свинства, до рвоты, — вот что было содержанием жизни людей, среди которых я начал жить». «Застывшее однообразие речей, понятий, событий вызывало только тяжелую злую тоску», — писал Горький, вспоминая свое детство. В условиях этой отупляющей своей обыденностью и однообразием жизни особое значение в истории умственного развития Горького принадлежало той оригинальной и особенно переводной литературе, которая пользовалась успехом в среде тогдашнего мешанства. Груздев подробно характеризует эту мешанскую литературу и рассказывает о впечатлении, производимом ею на молодого Горького, бывшего усердным читателем ее. «Рокамболь», — писал впоследствии Горький, — учил меня быть стойким, не под-

даваться силе обстоятельств; герои Дюма внушали желание отдать себя какому-то важному, великому делу». При страстном увлечении Горького чтением нет ничего удивительного в том, что в массе мещанской литературы ему случайно попадались и произведения иного рода. В их числе были «Евгения Гранде» Бальзака и «Простое сердце» Флобера. Эти два романа ошеломили молодого Горького своей естественностью, правдивостью и простотой.

Немало места Груздев отводит и рассказу о том воздействии, которое было оказано на молодого Горького со стороны интеллигенции, с которой ему пришлось встретиться в казанские годы его жизни.

В Казани, как и в других городах тогдашней России, существовали кружки интеллигентной молодежи, ставившие своей задачей отчасти самообразование, отчасти подготовку к революционной деятельности. Подавляющее большинство членов этих кружков придерживалось народнических взглядов. В один из таких кружков попал Горький. Не без иронии отзывался он позднее о членах этого кружка как о «народопоклонниках» и как о людях, которые сами не сознавали вполне отчетливо, что у них — вера и что — знание. В 80-х годах народничество переживало глубокий идейный кризис. Действительность, свидетелевавшая о широком развитии в России капиталистических отношений, шла вразрез с народническими представлениями о будущем, предстоящей России. С другой стороны, неудачный исход революционной борьбы, которую вели народники семидесятых годов и периода расцвета «Народной Воли», вызвал в кругах народнической интеллигенции глубокое разочарование в революционных методах борьбы. Под влиянием всего этого среди народников распространялись оппортунистические настроения. Не стало дело и за мерзевщиками на сторону реакции и мракобесия. Этот процесс перерождения народничества в кулацкую идеологию, так ярко обрисованный в работах Ленина, Горькому пришлось наблюдать на примере трех представителей народнической интеллигенции, которых он встретил в Казани. Слиться с этой средой Горький, конечно, не мог. Он не чувствовал себя в ней равноправным членом. Восторженную слепую веру в «народ» интеллигентно-народников Горький, гораздо более их знакомый с народом, разделять не мог. Конечно, в это время он не был еще марксистом, но вся его жизнь подготавливала его к усвоению марксизма. Говоря его собственными словами, он уже тогда был «марксист не по Марксу», а потому, что так выдублена кожа». «Меня, — писал он, — марксизму обучал лучше и больше книг казанский булочник Семенов». Естественно, что и казанские народники относились к Горькому не так, как к другим членам своего кружка, выходям из среды интеллигенции, а как к самородку, «сыну народа», долженствующему, с их точки зрения, служить живой иллюстрацией правильности их теоретических взглядов. Это порождало в их отношениях к Горькому ряд взаимных недоразумений, приводивших к тому, что Горький чувствовал себя в

этой среде одиноким и отчужденным. Такие ненормальные взаимоотношения едва не привели к катастрофе: в 1887 г. Горький совершил покушение на самоубийство, которое, к счастью для русской литературы, оказалось неудачным.

Вторая и третья части рецензируемой книги посвящены годам скитаний Горького. Вскоре после покушения Горького на самоубийство его посетил участник революционного движения 70-х годов М. А. Ромась, с которым Горький изредка встречался в интеллигентских кружках Казани. Ромась в это время жил в селе Красновидово. Он содержал там мелочную лавку, служившую прикрытием для пропаганды, которую Ромась вел среди местных крестьян. «Из всех моих знакомых той поры, — вспоминал впоследствии Горький о Ромасе, — он один отнесся ко мне внимательно и серьезно». Ромась предложил Горькому поселиться с ним в Красновидове. Горький согласился. Однако пребывание его в Красновидове не было продолжительным. Местные кулаки, давно уже точившие на Ромаса зубы, подожгли его лавку, и она сгорела со всем находившимся в ней товаром. Ромасю пришлось покинуть Красновидово. Вскоре и Горький уехал оттуда, отправившись на Каспийское море, где он некоторое время работал в артели рыбаков. Затем, после продолжительных скитаний по Моздокской степи, Горький устроился на службу на Грязе-Царицынскую железную дорогу, сперва ночным сторожем, потом весовщиком. Здесь он занимался революционной пропагандой среди служащих, и это привело к тому, что и отсюда ему пришлось скоро уйти. Пешком Горький отправился в Москву, а затем в Нижний-Новгород, завернув по дороге в Ясную Поляну, чтобы повидаться там с Львом Толстым и посоветоваться относительно организации сельскохозяйственной коммуны, мыслью которой увлекла в то время Горького. Однако Толстого в то время в Ясной Поляне не оказалось. В Нижнем Горький познакомился со старым революционером С. Г. Сомовым и в октябре 1889 г. был арестован по его делу. Это был первый, к счастью, непродолжительный, арест Горького. Жизнь в Нижнем оказалась кратковременным этапом на жизненном пути Горького. Весной 1891 г. он покинул Нижний и вновь пустился в странствования. Почти два года он, по его собственному выражению, «шатался по дорогам России, как перекасти-поле». За эти два года он побывал в Поволжье, на Дону, на Кубани, на Северном Кавказе и по Военно-Грузинской дороге пришел в Тифлис, принеся с собою богатый запас наблюдений за различными сторонами жизни народов, населяющих юго-восточную часть Российской империи.

В Тифлисе Горький встретился с революционером-семидесятиником А. М. Каложным. Эта встреча имела большое значение в жизни Горького. Каложный с исключительным вниманием отнесся к молодому человеку, угадав в нем большой художественный талант. На всю жизнь Горький сохранил чувство глубокой благодарности к Каложному за ту товарищескую поддержку, которую тогда получил от него.

Еще в 1925 г. Горький писал Калюжному: «Вы первый заставили меня взглянуть на себя серьезно. Вашему толчку я обязан тем, что вот уже слишком тридцать лет честно служу русскому искусству». Калюжный не только поддерживал в Горьком стремление посвятить себя литературной деятельности, но и добился того, что один из рассказов Горького («Макар Чудра») в 1892 г. был напечатан в тифлисской газете «Кавказ». Так началась литературная деятельность великого пролетарского писателя.

Как в первой, так и во второй и третьей частях автор рецензируемой книги уделяет много внимания характеристике того времени, к которому относится его повествование. Он дает яркую картину идейного разброда, пережитого русской интеллигенцией в восьмидесятых годах. Он показывает, как окончательно разлагалось народничество, которому социально-политическое развитие России на каждом шагу наносило тяжелые удары, круша остатки народнической веры в самобытность русской жизни. Он рассказывает о том, как бессильные понять ошибочность своих взглядов и верований народники упорно цеплялись за жалкие клочки своего мирозерцания и с какой глубокой враждой относились они к критике своих взглядов, которую им приходилось слышать со стороны немногочисленных еще в то время русских марксистов.

Значительное место в третьей части И. Груздев отводит русской литературе 80-х годов. Страницы, посвященные этой теме, безусловно должны быть отнесены к числу самых интересных и значительных страниц рецензируемой книги. И. Груздев хорошо знаком с литературой того времени, и это дало ему возможность ярко охарактеризовать рост оппортунизма и приспособленчества к торжествующему капитализму, который наблюдался тогда в русской литературе. Один из поэтов того времени с грустью признавался относительно своих современников:

И вот — былого лучшие стремленья
Разбит небрежною рукой,
Как душную, томительную клетку,
Мы с панихиды в оперетку
Ушли разгульною толпой...

Те призывы к борьбе, которые громко раздавались в боевой литературе 60-х и 70-х годов, сменились у лучшей части тогдашней литературы горестным признанием собственного бессилия и приниженности, а у худшей — прямым ренегатством. Отказ от героизма стал открыто прокламироваться в качестве лозунга дня. Те, кто ранее звали к борьбе, теперь стали призывать к смирению, к покорности судьбе и к приятию действительности. «Много ли человеку надо, чтобы быть счастливым?! Смириться только — вот и все!» — заявлял герой одного из тогдашних романов. Уйти в «скромную раковину обыкновенного смертного» — звал другой. Третий провозглашал высшей целью, стоящей перед человеком, завоевание «кусочка человеческого счастья». Газета «Неделя» с ее проповедью «малых

дел» выражала думы и чувства широких кругов тогдашней интеллигенции, чем и объясняется успех, которым она в то время пользовалась. Поэт Н. Минский, в 70-х годах сотрудничавший в нелегальной прессе, теперь круто повернул со старого пути, признав «эстетическое наслаждение» — самым возвышенным и чистым чувством в душе человека.

Лишь немногие сохраняли верность своим прежним демократическим идеалам. В числе этих немногих самое видное место принадлежало старику Н. В. Шелгунову, резко критиковавшему «наклонность ума стлаться по земле и уходить в мелкие личные интересы», которую он справедливо считал характернейшей чертой «восьмидесятников». Эта неустанная война против ренегатства и оппортунизма составляет виднейшую заслугу Шелгунова перед русской литературой и обществом, заслугу тем более значительную, что ему приходилось бороться со своими идейными (если только можно этих людей называть «идейными») противниками почти в одиночку, редко встречая сочувственные отклики в окружающей среде.

Человеку, обладающему таким ярким боевым темпераментом, как Горький, нечего было взять в идейном отношении от литературы того времени—80-х годов. С первых же своих шагов на литературном поприще он выступил в качестве глашатая борьбы, а не примирения с действительностью. Объяснение этому надо искать не только в фактах личной биографии Горького, но и в русской социально-политической действительности того времени.

Ко времени выступления Горького в литературе ясно обозначились первые признаки приближающегося общественного подема. Развивалось рабочее движение; вспомним хотя бы знаменитую морозовскую стачку 1885 г. и впечатление, произведенное ею на русское общество. Недовольство существующими порядками нарастало и в среде крестьянства. «Века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости», — писал В. И. Ленин (Сочинения, т. XII, стр. 333). Если со стороны казалось, что крестьянство продолжает соблюдать полное спокойствие, то более внимательные наблюдатели жизни русской деревни уже тогда могли заметить признаки приближающегося взрыва. Автор рецензируемой книги приводит очень яркое свидетельство В. Г. Короленко, подтверждающее, что уже в 1891—1892 гг. в настроении русского крестьянства происходил резкий перелом. Работая в эти годы «на голоде», Короленко не мог не отметить, что «в народе кипит уже пламенная ненависть... ненависть, не находящая пока исхода, и тем более опасная, что законного исхода ей нет».

Только на фоне начинающегося общественного подема могут быть вполне поняты и объяснены первые шаги Горького на литературном поприще. «Выразителем в литературе тех поднимавшихся масс, которые не только уже ненавидели «хозяев жизни», но и доходили до сознания необходимости непримиримой борьбы с ними, стал Горький», — пишет

И. Груздев,—и вся его работа служит блестящим доказательством правильности этого положения. Прав Груздев и тогда, когда он утверждает, что не гуманные чувства стремились вызвать в читателях Горький, изображая «униженных и оскорбленных», а сознание неизбежности того, что эти униженные и угнетенные выйдут на борьбу за свое право на жизнь.

В конце I тома рецензируемой работы стоит дата: «1933—37 гг.». Таким образом, И. Груздев работал пять лет над первым томом своей книги. Изложенное выше содержание этого тома вполне объясняет, почему автору понадобился такой сравнительно большой срок на написание книги в 26 авторских листов. Богатое содержание этой книги, основанное на тщательном изучении не только соответствующей литературы (до газет той эпохи включительно), но и многих неопубликованных материалов (писем Горького и к Горькому, мемуаров), придает особую ценность этой книге

и объясняет те трудности, которые стояли перед автором ее. Книга Груздева — ценнейший вклад не только в биографию Горького, но и в историю русского общества 70-х — 90-х годов прошлого столетия.

Кое-что в книге Груздева представится, может быть, и излишним (например, рассказ о проекте К. П. Победоносцева об организации в 1881 г. Общества улучшения народного труда или подробный пересказ воспоминаний одного мистификатора, развязно повествующего о пребывании Горького в Средней Азии, куда в действительности Горький никогда не ездил). Кое-что, наоборот, хотелось бы видеть в более развернутом виде (например, характеристику людей, сыгравших значительную роль в жизни Горького, как-то: Ромаса, Сомова, Каложного). Но все это мелочи, о которых и говорить не хочется и которые ни в малейшей мере не могут отразиться на оценке рецензируемой книги.

Б. Козьмин

★

К. ПАУСТОВСКИЙ. «ТАРАС ШЕВЧЕНКО».

Гослитиздат 1939. Стр. 64. Тираж 250.000 экз.

★

Юбилей великого украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко в этом году явится всенародным праздником. После Октябрьской социалистической революции поэзия Шевченко в новых переводах и во всей своей силе встает перед нами. За последние двадцать лет наше шевченковедение обогатилось многими новыми материалами о жизни и творчестве поэта, и естественно, что издательства, выпускающие к юбилею литературу о Шевченко, должны не ограничиваться пересказом общезвестных и во многом ограниченных сведений из книжек Конисского и других старых биографов. Разрешение таких вопросов, как: Шевченко и Чернышевский, Шевченко и поэзия кобзарей, достаточно полный показ расхождений Шевченко с националистами вполне по силам нашей литературе.

Назрела потребность в массовом популярном биографическом очерке о Шевченко, в художественном портрете поэта.

Изданная Гослитиздатом в 250-тысячном тираже маленькая книжка Паустовского как-раз ставит своей задачей дать такой художественный портрет на материалах биографии. Паустовский рассказывает о детстве поэта, о его службе в казачках у самодура-крепостника Энгельгардта, о петербургском периоде, о сылке, возвращении и, наконец, смерти поэта. Перед читателем проходят яркие сцены из жизни поэта.

«Однажды Энгельгардт уехал на бал... Челябин Энгельгардта могла, наконец, отдохнуть,— бал должен был затянуться до утра.

Когда в большом гулком доме все успокоилось, Шевченко зажег свечу, прокрался в барские комнаты и начал срисовывать портрет генерала Платова.

Платов ехал по зимним полям. По обочинам дороги валялись чахлаые замерзшие французы... Шевченко увлекся. Свеча оплывала. Ночь медленно приближалась к рассвету. Очнулся он от того, что крепкая рука барина схватила его за ухо и сбросила со стула...

— На конюшню! — кричал Энгельгардт. — Не твое холопское дело производить копии с этих портретов!».

Паустовский показывает обреченность Шевченко в условиях помещичьей диктатуры, в условиях царизма — тюрьмы народов, его отход от «братиков» — «апостолов христианского социализма», его кровную неразрывную связь с народом.

Начинается книжка с отступления: дед автора — чумак — старый николаевский солдат, служивший в Оренбургском крае, видел, как прогоняли в то время через Гурьев бывшего крипака Шевченко. «Забрил его царь в солдаты за мужицкие песни».

Автор пишет: «По прошествии многих времен летом 1931 года я, внук этого болтливое безответного деда, сошел со старого каспийского парохода на берег в Александровском форте (бывшем Новопетровском укреплении) на полуострове Мангышлак, в месте ссылки Тараса Шевченко. Я вспомнил рассказы деда и разыскал в пустынном, пришибленном поселке несколько жалких деревьев. Тусклый свет поблескивал на их выгорающих листьях. Пыль лежала над горизонтом—пыль ссыльных пустынь, мертвых солончаковых пространств».

В некоторых случаях внук повторяет «дедовскую безответность». В действительности не жалкие деревья, не пустыня, а сад им. Т. Г. Шевченко и городок на помнятом месте. «Вольности» в обращении с фактами и

дальше встречаются у автора. В шестидесятых годах не был, например, характерен уже чумацкий промысел.

Однако большим недостатком книжки Паустовского являются не эти мелочи, а крайняя бедность использованных им для художественного портрета материалов и почти полное отсутствие характеристики эпохи, в которую жил Шевченко. Нет в книге и характеристик современников великого поэта.

Не сказал автор об ошибке Белинского в оценке творчества Шевченко и о великой роли журнала «Современник», Чернышевского и Добролюбова в формировании мировоззрения поэта.

Не привел автор и высказывания В. И. Ленина по поводу запрещения царизмом чествования пятидесятилетия со дня смерти Шевченко.

Ленин писал: «Запрещение чествования Шевченко было такой превосходной, великолепной, на редкость счастливой и удачной мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации и представить себе нельзя... После этой меры миллионы и миллионы «обывателей» стали превращаться в сознательных граждан и убеждаться в правильности того изречения, что Россия есть «тюрьма народов»¹.

Все это Паустовский пропустил. Не следует думать, что рамки художественного портрета, тем более в массовой книжке, могут разрешить или узаконить такие «пропуски». Познавательная политическая и художественная ценность работы Паустовского во много возросла бы, если бы не было этих недостатков.

Паустовский не упоминает о царской и поповской цензуре, жестоко ограничившей доступ поэзии Шевченко в массы, а также интереснейшей переписки о Шевченко между царскими охранниками, найденной уже в последние годы.

И в плане показа личности Шевченко, его исключительной мужественности, нравственной чистоты, благородства, юмора и других присущих ему черт, Паустовский не сумел создать тот образ поэта, который рисуется со страниц его дневника и автобиографических повестей на русском языке. «Принцип поведения», который определял для себя Шевченко, его требования в этом отношении к себе выражены в стихотворении «Тризна»:

... Пройти мытарства трудной жизни,
Измерить пропасти страстей,
Понять на деле жизнь людей,
Прочсть все черные страницы,
Все беззаконные дела
И сохранить полет орла
И сердце чистой голубицы.

Трудно говорить о том новом, своем художественном показе и понимании образа Шев-

ченко, который должен был дать К. Паустовский. Кроме перечня фактов, в некоторых главах совершенно нет авторских ремарок.

Автор мелко рассказывает о Шевченко в быту, только упоминает о его неудачной любви. Между тем шевченковский идеал женщины, требования его к быту в высшей степени характерны для образа поэта. Не случайны и его грустные слова в повести «Художник»: «О если бы могли светочи мира обойтись без домашнего очага. Сколько великих произведений не потонуло бы в этом домашнем омуте».

Не касается К. Паустовский и высоко прогрессивных, новаторских в европейском смысле в то время высказываний Шевченко о науке и искусстве. Между тем эстетические воззрения Шевченко, рисующие его реалистические принципы в поэзии и живописи, истоки его величайшей народности были бы интересны массовому читателю. Известно, что Шевченко называли «русским Рембрандтом», что о работах Гольбайна и Корнелиуса он говорил: «До какой степени утратили жизнь эти немецкие и прочие идеалисты живописи».

Не коснувшись споров о творчестве Шевченко между современниками и статьи Добролюбова, Паустовский не рассказал об особенностях поэтического творчества Шевченко, некогда прозванного «гениальным горемыкой», о народности и объективности его лирики. Народность творчества Шевченко можно характеризовать словами Белинского о том, что ни один поэт «не может быть велик от самого себя, ни чрез свои собственные страдания, ни чрез свое собственное блаженство; всякий великий поэт потому велик, что корни его страдания и блаженства глубоко вросли в почву общественности и истории, что он, следовательно, есть орган и представитель общества, времени, человечества. Только маленькие поэты и счастливы и несчастливы от себя и через себя»...

Было бы неверным, однако, требовать от К. Паустовского полноты описания жизни поэта, речь идет только о тех исключительно характерных явлениях, которые необходимо было бы затронуть каждому новому биографу.

Паустовский мастерски рисует отдельные эпизоды из жизни поэта, умея опосредствовать материал и достигая местами скульптурной осязаемости своих образов. Не забывается сцена прихода Ширяева к Шевченко:

«Пришел тихий, смущенный, совсем не похожий на прежнего матерого хозяина.

— Ну, Тарас, не взъеживай с меня за обиду. Выкупили тебя господа-художники. Теперь ты человек вольный».

Опыт художественной биографии очень незначителен в нашей литературе. К. Паустовский первый увлекательно и сжато написал такого рода книжку о Шевченко. Но ценность ее могла быть несравненно выше, если бы автор неторопливо и более полно «освоил» материал.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. XVII, стр. 324—325.

М. СЕРГЕЕНКО. «ДОРОГОЙ ЩОРСА». Рассказы.

Воронежское областное книгоиздательство. 1938. Стр. 143. Тпр. 7.200. Ц. 3 р.

Имя Щорса еще при жизни его стало легендарным. Преданность революции, высокая личная отвага создали ему широкую популярность в народе. Со всей Украины в штаб «дядьки Миколы» стекались повстанческие массы. Прекрасный организатор, он сумел в короткое время создать из партизанских отрядов грозную для врага силу — регулярные части Красной Армии, сплоченные дисциплиной, политически сознательные, преданные революции и потому непобедимые.

Щорс сочетал в себе лучшие качества революционера — непримиримую классовую ненависть к врагу, волю к борьбе, талант полководца и организатора. При всем том «в красноармейской среде он был простым рабочим, добрым товарищем и искренним скромным другом». Так характеризовал Щорса богунец, проложая в могилу своего любимого командира.

Любовь и доверие к нему бойцов были безграничны. Бывшие его соратники вспоминают, что в самые критические минуты в бою достаточно было сказать: «Щорс в цепи», чтобы прекратилась паника. Даже обоз с появлением Щорса начинал подтягиваться, переставал обращать внимание на рвущиеся поблизости снаряды. Когда враги подходили вплотную, в решающую минуту появлялся с ручным пулеметом Щорс — и бой кончался победой богунцев.

Щорс умел наполнять сердца людей верой в победу, оптимизмом, готовностью самопожертвования.

— «Раз Щорс с нами — немцам капут», — говорили красноармейцы.

Этот полководец-большевик, выдвинутый революцией, был в полном значении этого слова народным героем.

Рассказ М. Сергеевко «Дорогой Щорса» вводит читателя в мир Щорса — в окружавшую его атмосферу освободительной народной борьбы, героических походов и героических поступков.

В центре рассказа стоит молодой комвзвода Яковенко — один из тех влюбленных в Щорса бойцов, которые равняли свое поведение по любимому командиру.

Выполняя указание Щорса, Яковенко с небольшим отрядом отправляется в разведку. В селе Мостище отряд наткнулся на петлюровцев, устроившихся на отдых в волостном правлении. Не сдобровать бы командиру и его пятнадцати бойцам перед петлюровским отрядом в 185 человек, если бы не прошли они школу Щорса, воспитавшую в них отвагу и находчивость. Без всякого потерь со своей стороны Яковенко разоружил петлюровцев и отвел их в штаб своего полка. Загипнотизированные смелостью богунцев, петлюровцы были уверены, что их конвоирует целый батальон.

В рассказе слабее всего фигура самого Щорса, показанная прямолинейно, лишенная внут-

реннего развития. Но несмотря на это, образ Щорса живет в рассказе, раскрытый в движении других героев — комбата Зубова, Яковенко, рядовых богунцев.

Когда Зубов посылает Яковенко в разведку, он обстоятельно описывает местность, лежащую на пути отряда, отмечает каждый кустик, каждый хутор. Видна в этом школа Щорса, его строгий глаз, привыкший отмечать все, что помогает ориентироваться в боевой обстановке.

Когда затем Яковенко, молодой еще командир, находит правильный выход из тяжелого, казалось, катастрофического положения, — видна в этом сила влияния Щорса, незримо руководившая Яковенкой в походе.

Один эпизод особенно ярко рисует бойцов щорсовской выучки. Когда Яковенко, усаживаясь на сотникову лошадь, окинул взглядом пленных, он впервые отдал себе отчет в том, насколько превосходит его численностью вражеский отряд. Ему и пятнадцати бойцам предстояло конвоировать 185 человек пленных. Яковенко не растерялся и отдал приказ:

«— Передать пятой и шестой роте, чтоб снялись с оцепления!».

И пятнадцать веселых голосов протяжно повторили один за другим:

— Передать пятой и шестой роте!.. Передать пятой и шестой!..

Когда же дошла очередь до Кононенко, которому с его гранатометчиками предстояло замыкать шествие, он немного подумал и от себя уже грозно крикнул в пустоту посеревшей ночи, дудкой сложив у рта кулаки:

— Ну, вы там, живые, что ли!.. Поворачивайся веселей!..»

Находчивость, достойная воспитанников Щорса, подсказала богунцам правильное поведение.

Невидимой нитью связан с «Дорогой Щорса» другой рассказ в книге Сергеевко — «Прогулка на хутор». Хотя нет здесь Щорса и даже не упоминается его имя.

Четырнадцатилетний мальчик Стах вместе со своим приятелем отправляется на хутор к дядьке Герасиму, брату отца. Там он находит то, чего лишен дома, — материнскую ласку, дружбу, а также пищу своему живому уму. Дядька Герасим — кузнец. Он тайно помогает партизанам, чинит для них оружие. Стах тоже помогает партизанам, собирает для них патроны. Чувство ответственности за тайну наполняет его гордостью и радостью, которой лишено его печальное детство. «Байстрюк», незаконный сын, он ненавидит свою мачеху, живет одиноко. Его спутник по прогулке на хутор — единственный его товарищ. В гости к дядьке Герасиму мальчики идут, как на праздник — все там кажется им необыкновенным. По дороге они делают остановку у реки, ловят раков для дядьки Герасима. Но радость их грубо обрывается. На хуторе они застают Герасима лежащим у порога кузницы в крови.

Его убили оккупанты, найдя в кузнице винтовки.

Стах не пошел в хату, откуда слышался плач. В ту минуту, когда он увидел своего единственного друга мертвым, его судьба определилась. Стах пошел в кузню, взял из потайного места мешок с патронами и молча отправился к лесу. Друзья простились. Путь Стаха лежал к партизанам.

У Стаха «трудная домашняя жизнь», это обусловило его борьбу за свое место в жизни. Но и при других условиях он вероятно пошел бы той же дорогой — с людьми, борющимися за освобождение родной земли. Детство его поколения прошло в грохоте пулеметов. Игрушками его сверстников были патроны, их детские тайны рано стали серьезными — тайны партизанских отрядов, защищавших родные села от чужеземных захватчиков. Все воспитывало в них мужество, патриотизм.

В дальнейшем поколение Стаха пошло к социализму широким шляхом мирного труда, социалистического строительства, но это была дорога, проложенная героями, — дорога Щорса.

«Прогулка на хутор» подкупает своей эмоциональной ясностью.

Чувственное восприятие жизни, свойственное детству, передано так, что видимый глазами детей мир обступает читателя во всей своей предметной осязательности.

«Утренний воздух, напоенный ароматом любистка, охватил меня сразу, как речная вода. От локтей по замлевшей коже побежали пупырышки. Влажный озноб свел плечи. Я сжелился и почувствовал себя совсем, совсем беспомощным.

Мне было весело и досадно, что я не могу совладать с собой.

— У-у-у-у — тихонько затынул я и заколотил зубами.

Стах плеснул мне в лицо холодной водой из стоявшей под трубой кадки».

Природа как бы растворяет в себе мироощущение детей и в то же время, как некий реактив, «проявляет» образы их, делает красочными, живыми.

«Стах хлопнул меня ладонью по спине и пустился бежать».

Глубокая, еще хранившая теплоту вчерашнего дня, пыль взрывалась и медленно оседала за нами.

Потом мы стояли, запыхавшиеся, беспричинно улыбались и, стараясь отдышаться, слушали, как наши сердца гулками толчками гонят по телу разогревшуюся кровь...».

У оврага расположившиеся на отдых ребята заводят разговор о жабах. Стах ненавидит жаб.

— «Бывают же люди, поганые, как жабы», — говорит он, имея в виду свою мачеху.

Его жизненный опыт сделал его философом. Автору удалось передать непосредственность детских чувств; образы мальчиков — живые, волнующие.

В рассказе «Квитанция» мирная картина трудовой жизни украинского села нарушается

вторжением немецких оккупантов, реквизирующихся у селян пшеницу.

Иван Коломыйченко, получив квитанции с непонятными немецкими буквами, собрался в город за обещанной платой — по пяти пфеннигов за пуд... В городе, у двери комендатуры, Коломыйченко протянул квитанцию часовому. Солдат мельком взглянул на измятую бумажку и коротко сказал:

— Форт!

Когда непонимающий Коломыйченко попытался продвинуться вперед, чтобы объяснить свое право, часовой ударил его прикладом в грудь.

Дальше следует картина казни «господина Коломыйченко», приговоренного к расстрелу по подозрению в большевизме.

В рассказе «Фуражка» жертва оккупантов — крестьянский мальчик, пойманный в кукурузе и подозреваемый в шпионаже.

Чувство стыда за свое палачество, закрывшееся в сердце немецкого солдата — невольного убийцы мальчика, — звучит в рассказе как мотив пробуждающейся интернациональной солидарности. Это чувство здесь еще только в зачатке, впоследствии оно приведет немецких солдат к братанию с красноармейцами, завершившему поражение германской интервенции на Украине.

Рассказы М. Сергеенко, посвященные борьбе украинских рабочих и крестьян за родную, как бы иллюстрируют слова товарища Сталина, относящиеся к тому периоду гражданской войны:

«Бездна унижений и испытаний, пережитых Украиной за время австро-германской оккупации, разрушение рабочих и крестьянских организаций, полное расстройство промышленного и железнодорожного дела, виселицы и расстрелы — кому неизвестны эти обычные картины «самостоятельности» Украины под эгидой империалистов Запада?»¹.

Из двух рассказов, посвященных современной нам действительности, рассказ «Автобус» интересен своей темой столкновения старого и нового в сознании советского человека.

Автобус «Союзтранса», на одной из дорог юга, переполнен пассажирами — санаторными больными, местными пригородными жителями. Все торопятся, поэтому все взволнованы, когда происходит вынужденная задержка: на дороге лежит разбившийся о камни ремонтный рабочий. Требуется скорая помощь. Едущий в автобусе врач просит освободить для больного место. Добровольцам придется дожидаться следующего автобуса. И тут обнажаются человеческие характеры. Почти у всех находится уважительная причина, мешающая выполнить человеческий долг.

Эгоисту противостоит человек социалистического сознания. Командир, едущий в санаторий, больной рабочий-механик, инженер, располагающий всего двумя днями для свидания с новорожденным сыном, уступают свои места раненому.

¹ И. Сталин. Статьи и речи об Украине. Партиздат ЦК КП(б)У. 1936. стр. 67—68.

Автор выбрал интересную ситуацию, столкнувшую контрастные характеры. Однако не все фигуры здесь разработаны. Положительные — слащавы и схематичны. Гораздо живее отрицательные.

Наряду с «Дорогой Щорса» и «Прогулкой на хутор» лучшим среди других является рассказ «Нищий». И здесь, как в первых двух рассказах, повествование крепко держит внимание читателя.

Пограничник Корягин — это прямой потомок щорсовских героев. Как и они, Корягин идет до конца в борьбе за победу над врагом, — и добивается победы.

В рассказе хорошо звучит мотив природы — в нем читателю передается образ родной земли, которую охраняет пограничник. Природа в «Нищем» — как бы действующее лицо. Она то усиливает в пограничнике чувство одиночества, подавляя пустынною снежных просторов, то подбадривает его. Идя многие километры по безлюдной снежной равнине, один-один с преследуемым врагом, пограничник чувствует рядом с собою родную землю, она вызывает в нем ощущение близости товарищей, заставы.

Надо отметить, что природа в рассказах М. Сергееко выполняет определенную идейно-художественную функцию. В повествовании она не статичное украшение, во взаимодействии с человеком она раскрывает тему. Можно сказать, что в рассказах Сергееко люди тогда живые, когда они действуют на природе. Даже в самом слабом рассказе — «В старой усадьбе» (стоящем в книге особняком и по теме) хороши те отдельные места, где участвует природа.

Тем досаднее, где встречаются иногда в рассказах трафаретные образы, неудачные сравнения, вроде:

«Отягченная восковой зрелостью, клонилась навстречу нам пшеница» («Прогулка на хутор»); «холодный воздух будет настоен крепкими осенними запахами увядания» («Дорогой Щорса»).

В рассказах есть и другие погрешности языка и стиля, говорящие о том, что автору следует тщательнее работать над словом.

У М. Сергееко внимательное зрение, свой, иногда очень полно звучащий, голос. Это — прочная основа для дальнейшего роста писателя.

В. Раковская

★

Б. НЬЮМЕН. «АНГЛИЙСКИЙ ШПИОН В ГЕРМАНИИ».

Воениздат, 1938 г. Стр. 176. Ц. 2 руб.

РИНТЕЛЬН. «СЕКРЕТНАЯ ВОЙНА». Записки немецкого шпиона.

Союзгиз. 1938. Стр. 120. Ц. 85 к.

★

СССР вступил в полосу постепенного перехода от построенного уже социализма к высшей фазе — к коммунизму. И это в то время, когда капиталистический мир, обреченный на неизбежную гибель, судорожно ищет выхода, спасенья в каннибальском, зверском наступлении на рабочий класс, в подготовке войны против СССР, в развязывании новой мировой войны.

Вторая империалистическая война уже началась, втянув в свою орбиту более полумиллиарда человек.

В борьбе против первого в мире государства рабочих и крестьян буржуазия мобилизовала весь свой вековой опыт подлейших преступлений, гнусных злодеяний. Здесь — и открытая интервенция, как это было в годы гражданской войны, здесь и всяческая поддержка российской оголтелой контрреволюции, здесь и засылка целых полчищ агентов, шпионов, диверсантов.

Для капиталистических разведок находкой были все эти гнусные трюки, зинovieвы, бухарины — эта шайка наемных убийц, диверсантов и политических проституток.

Нет нужды доказывать огромный вред, всю опасность от «деятельности» скрытых врагов, замаскированных шпионов. Один шпион может подстроить взрыв завода, на создание которо-

го нужны самоотверженные усилия иногда десятка тысяч рабочих и инженеров.

Еще в далекие годы гражданской войны, когда белогвардейщина по указке своих капиталистических хозяев задумала наступление на вернейший оплот большевизма — на Петроград, — Ленин и Дзержинский опубликовали к сведению народа следующий яркий документ:

«БЕРЕГИСЬ ШПИОНОВ!

Смерть шпионам!

Наступление белогвардейцев на Петроград с очевидностью доказало, что во всей прифронтовой полосе, в каждом крупном городе у белых есть широкая организация шпионажа, предательства, взрыва мостов, устройства восстаний в тылу, убийства коммунистов и выдающихся членов рабочих организаций.

Все должны быть на посту.

Вседе удвоить бдительность, обдумать и провести самым строгим образом ряд мер по выслеживанию шпионов и белых заговорщиков и по поимке их.

Железнодорожные работники и политические работники во всех без изъятия воинских частях в особенности обязаны удвоить предосторожности.

Все сознательные рабочие и крестьяне должны встать грудью на защиту Совет-

ской власти, должны подняться на борьбу с шпионами и белогвардейскими предателями. Каждый пусть будет на сторожевом посту — в непрерывной, по-военному организованной связи с комитетами партии, с Ч. К., с надежнейшими с опытнейшими товарищами из Советских работников.

Председатель Совета Рабоче-крестьянской обороны **В. Ульянов-Ленин.**

Наркомвнудсл **Ф. Дзержинский.**

Ясно, что в данное время, когда СССР стал могущественнейшей социалистической державой, наши враги, все капиталистическое окружение удесятерят свои усилия, чтобы подорвать, ослабить мощь нашей великой родины с тем, чтобы при случае произвести на СССР военное нападение.

На февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 году товарищ Сталин с изумительной силой и ясностью вскрыл всю суть шпионско-диверсантской «деятельности» в капиталистическом мире.

«...Буржуазные государства засылают друг к другу в тыл своих шпионов, вредителей, диверсантов, а иногда и убийц, дают им задание внедриться в учреждения и предприятия этих государств, создать там свою сеть и «в случае необходимости» — взорвать их тылы, чтобы ослабить их и подорвать их мощь. Так обстоит дело в настоящее время. Так обстояло дело и в прошлом».

Обе рецензируемые книжки написаны шпионами — английским и немецким.

Бернгард Ньюмен — английский шпион-разведчик. Сын богатого английского фермера, он окончил Кембриджский университет и пошел на сцену драматического театра. От матери эльзаски он перенял безукоризненное произношение немецкого и французского языков. Вскоре после начала империалистической войны Ньюмен идет добровольцем на фронт, чтобы стать героем. «... В этом сказались моя актерская натура, требовавшая некоторой доли лести». Вскоре он дослужился до офицерского чина, был вызван в штаб дивизии и здесь получил предложение стать шпионом-разведчиком, на что дал «радостное согласие».

Так началась карьера шпиона. Далее идет развязное, порою хвастливое, повествование о похождениях и подвигах Ньюмена — офицера английской разведки.

Вначале он допрашивал военно-пленных немцев. «Одного пленного я запугивал, с другим разыгрывал друга... У меня не было излишней щепитильности в моей работе. Например, я неоднократно напаивал пьяными германских военно-пленных офицеров... Переодетый германцем, я подсаживался к пленным...».

Потом он несколько раз пробирается в тыл к немцам. Первый раз его перебросили на самолете.

В дальнейшем — под личиной попавшего к англичанам в плен своего двоюродного брата (по матери эльзаске) немецкого офицера Адольфа Неймана—Ньюмен «бежит» из Англии.

В Германию его перевозит немецкая подводная лодка. Храброго беглеца из английского плена захотел увидеть сам Вильгельм. Шпион с веселым цинизмом говорит: «Мне трудно было сдерживать охватившее меня чувство юмора. Всего лишь несколько недель до этого английский король вручил мне медаль «За боевые заслуги», а теперь германский император приказывал мне на то же самое место орден Железного креста германской империи».

Обманув всех, даже своих немецких родственников, английский шпион пролез в генеральный штаб верховного командования германскими вооруженными силами и работал с 1915 по 1918 год—сначала в разведывательном, а потом в оперативном отделе. Таким образом, он был в курсе всех замыслов германского командования и информировал о них свое начальство. Этим его деятельность не ограничивалась. Он стремился изобличить, узнать методы немецкого шпионажа и шпионов и выдать их своей английской разведке. И в этом он также преуспевал. Ньюмен рассказывает о многих, порой остроумных, ухищрениях, к которым он прибегал.

Так, в условиях позиционной войны, когда линии окопов тянутся во всю длину границ воюющих сторон, вопрос о своевременной доставке шпионских донесений, о связи весьма важен.

Ньюмену надо было в начале 1918 года послать предупреждение о том, что генерал Гутьер и его армия переброшены с русского фронта на Западный и концентрируются около Сен-Кантена. И Ньюмен посылает по условленному адресу в Швейцарию номер маленькой газетки. В нем было напечатано соболезнующее письмо за подписью генерала Гутьера родителям убитого германского летчика. Летчик был убит в ближнем тылу англичан. Естественно, что по этим данным разведка сообразила о дислокации армии Гутьера.

В другом случае Ньюмен устраивается так, что его немецкое начальство посылает его в разведку в Англию...

Надо, разумеется, весьма критически отнестись ко многим высказываниям шпиона Ньюмена, в частности, к смехотворному бахвальству его о том, что он своей систематической информацией «разбил мозг неприятельского главнокомандующего» и что его «влияние на Людендорфа стоило сотен сброшенных под откос поездов».

Но вред от этого шпиона, совершенно очевидно, был громадный.

Книга Ринтельна «Секретная война» серьезнее книги Ньюмена.

В марте 1915 года офицер германского флота Ринтельн был командирован в Америку. Вскоре он уже подвизается в качестве коммерсанта в Нью-Йорке. Это — одна его сторона. А другая: с помощью чинового немецкого посольства, с участием пресловутого фон-Папена Ринтельн формирует банду диверсантов. Эта банда взрывает американские пристани, обслуживающие пароходы противников Германии, производит адские зажигательные аппараты—«сига-

ры», подбрасывает их на уходящие из портов корабли. Корабли взрываются и тонут в океане — в пути. Так, по словам Ринтельна, погибло много крупных пароходов с военными грузами для «союзников», в том числе и пароход «Лузитания» с громадным количеством человеческих жертв.

В попытках сорвать транспортировку вооружения и снаряжения «союзников» Ринтельн через свою банду организует в Нью-Йоркском порту специальный шпионский «пресфсоюз», куда попадали и становились оружием шпионов некоторые честные несознательные рабочие.

Трудно сказать, до каких размеров удалось бы Ринтельну развить свою «деятельность», если бы он не был вызван из Америки... английской контрразведкой, завладевшей немецким секретным шифром.

Далее повествуется о том, как Ринтельн содержался под арестом, как в 1917 году он был отправлен в Америку, был там судим и приговорен... к четырем годам каторжных работ.

Попутно рассказывается о том, как немецкие дипломаты пытались втянуть Мексику в войну против США.

Небольшая книга Ринтельна дает достаточно широкое описание методов немецких шпионов и дипломатов. (Впрочем сплошь да рядом разница между теми и другими совершенно стирается).

Здесь и изготовление адских машин, и организация пожаров и взрывов, и подделка документов, и организация собственных «проф-

союзов», и уловление в сети шпионажа встретившихся на пути людей.

Понятно, и в книге Ринтельна есть самолюбование и самовосхваление, и читателю это надо иметь в виду.

Обе книги — и английского и немецкого шпионов—относятся к прошлой империалистической войне. С тех пор «размер» деятельности разведок, особенно фашистских стран, возрос необычайно.

Напомним, что было вскрыто на судебных процессах над троцкистско-бухаринскими шпионами, диверсантами и наемными убийцами, грязными руками которых совершались неопикуемые злодеяния против трудящихся страны Советов и всего человечества.

Напомним, что руками заклятых врагов народа, кровавых троцкистов создан троцкистско-шпионский интернационал.

★

Каждый гражданин Советского Союза должен помнить о капиталистическом окружении, о том, что, подготавливая войну против СССР, наши враги засылают и еще будут засылать к нам своих шпионов и диверсантов.

Каждый гражданин Советского Союза должен знать о «методах», об ухищрениях, к каким прибегают шпионы и диверсанты. И в этом отношении ознакомление с книгами матери шпионов — англичанина Ньюмена и немца Ринтельна—принесет несомненную пользу.

С. В.

Редколлегия: Ф. В. Gladков

Л. М. Леонов

А. Г. Малышкин

В. П. Ставский

Ответственный редактор В. П. Ставский

Редакция: Москва, 6. Пушкинская площадь, 5.

Издательство: «Известия Советов депутатов трудящихся СССР»

СОДЕРЖАНИЕ

ВКЛАДКИ:

Портреты И. В. Сталина, В. М. Молотова,
К. Е. Ворошилова, А. А. Жданова, Серго Орджоникидзе.
Портреты вновь избранных академиков — писателей
Ал. Н. Толстого, М. А. Шолохова и И. К. Луцпола.

	Стр.
К СВЕДЕНИЮ ВСЕХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВКП(б).	3
ТРЕТИЙ ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР (1938—1942 гг.). Тезисы доклада тов. В. Молотова на XVIII съезде ВКП(б), одобренные в основ- ном Политбюро ЦК ВКП(б).	4
ИЗМЕНЕНИЯ В УСТАВЕ ВКП(б). Тезисы доклада тов. А. Жда- нова на XVIII съезде ВКП(б), одобренные в основном Полит- бюро ЦК ВКП(б).	23
УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О НА- ГРАЖДЕНИИ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.	32
ВОСЕМНАДЦАТЫЙ СЪЕЗД ВКП(б).	35
КОМАНДИР-БОЛЬШЕВИК.	39
САВВА ГОЛОВАНОВСКИЙ. — Доля поэта, трагедия, перевод с украинского Н. Брауна.	41
ТАРАС ШЕВЧЕНКО. — Стихотворения, переводы с украинского Л. Длигача и В. Звягинцевой.	77
А. ДРОЗДОВ. — Утро, роман, продолжение.	79
АРОН КОПШТЕЙН. — Тысяча девятьсот восемнадцатый год, стихотворение	109
МАРГАРИГА АЛИГЕР. — Прощание, стихотворение.	111
Ф. ФЕДОРОВ. — Дальний Восток, стихотворение.	112
Капитан ВАН СИ. — Крылья Китая. (Записки военного летчика).	113
НИКОЛАЙ НЕЗЛОБИН. — Баргузинский соболь, стихотворение.	133
СТЕПАН ЦИПАЧЕВ. — В Ливадию, стихотворение	134

ЛЮДИ И ФАКТЫ

В. КОККИНАКИ. — Курс на Восток.	135
ЛЕВ ШАПИРО. — Горный поход.	182
АЛЕКСАНДР КУЗНЕЦОВ. — Ювелиры.	202

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

АЛ. ТОЛСТОЙ. — К молодым писателям.	243
Ш. Н. ДАДИАНИ.	248
А. ГЕРАСИМОВ. — Красная Армия и художники.	249
А. ЕВГЕНЬЕВ и Б. РУНИН. — Эдуард Багрицкий. К пятилетию со дня смерти.	253

БИБЛИОГРАФИЯ

Х. ХЕРСОНСКИЙ. — К. С. Станиславский. «Работа актера над собой в творческом процессе переживания. Дневник учени- ка». — Серия «Творческие беседы мастеров театра».	268
Б. КОЗЬМИН. — Илья Груздев. «Горький и его время».	276
Б. В—КИЙ. — К. Паустовский. «Тарас Шевченко».	279
В. РАКОВСКАЯ. — М. Сергеев. «Дорогой Щорса».	281
С. В. — Б. Ньюмен. «Английский шпион в Германии». — Рингельн «Секретная война». Записки немецкого шпиона.	283

ГОССТРАХ СССР

**ДОБРОВОЛЬНЫМ КОЛЛЕКТИВНЫМ
СТРАХОВАНИЕМ ЖИЗНИ ОХВАТИМ
ШИРОКИЕ МАССЫ ТРУДЯЩИХСЯ.**

☆

**НА КОЛЛЕКТИВНОЕ СТРАХОВАНИЕ
ЖИЗНИ ПРИНИМАЮТСЯ ТРУДЯЩИЕСЯ ПО
МЕСТУ СВОЕЙ РАБОТЫ.**

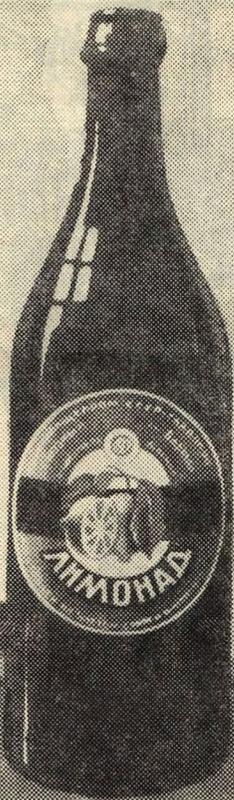
Страхование заключается в сумме: 500, 1.000, 2.000, 3.000, 4.000 и 5.000 рублей с уплатой 12 рублей в год с каждой тысячи рублей страховой суммы

При НЕПРЕРЫВНОМ СТРАХОВАНИИ свыше одного года за постоянную утрату трудоспособности от несчастного случая к выплачиваемой за инвалидность сумме устанавливается надбавка в размере 25%, а при непрерывном страховании свыше 2-х лет — в размере 50%.

ЗА СПРАВКАМИ ОБРАЩАЙТЕСЬ В РАЙОННЫЕ И ГОРОДСКИЕ ИНСПЕКЦИИ ГОССТРАХА, А ТАКЖЕ В КОМСОДЫ ПО МЕСТУ РАБОТЫ.

Гаркәллнәлленралл СССР
Травниво

ТРЕБУЙТЕ
ВСЮДУ
ЛИМОНАД